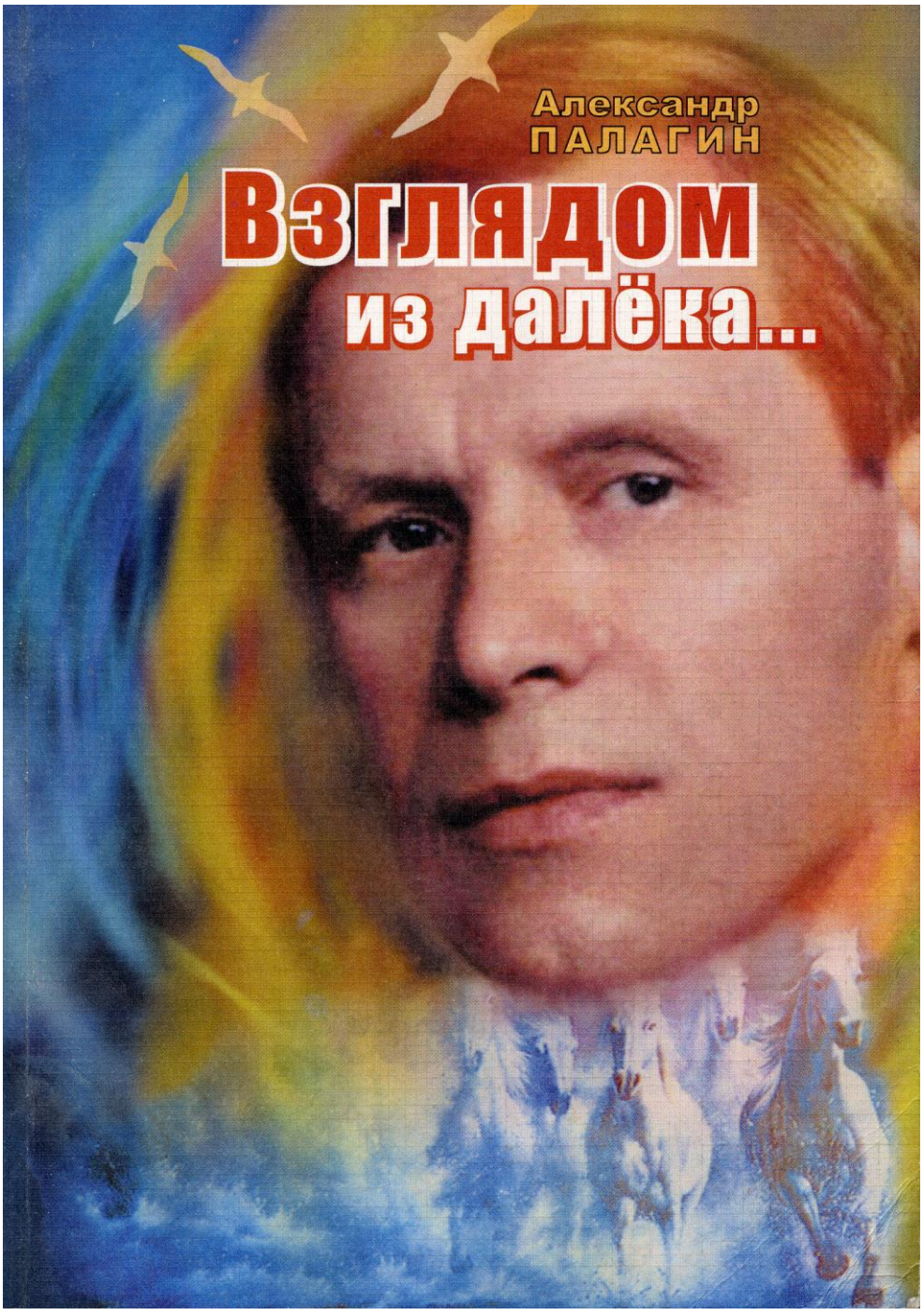
Оригинал на http://www.icfcst.kiev.ua/MUSEUM/TXT/PalaginAV_VzglyadomIzdaleyka2004.pdf

Взглядом из далека…

А.В.Палагин



Киев, 2004

Содержание

КРЕДО....2
ДО....4
"Подлипки"....10
"Светлана"....16
ШВЕЦИЯ....22
АМЕРИКА....31
Америка-98....42
ВЛАДИМИР ХИЖНЯК....46
ИТАЛИЯ....52
ПАРИЖ....67
ОТЧЕТ....72
НИДЕРЛАНДЫ....77
ВЕНГРИЯ....90
"Моя кибернетика"....101
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ, ИЛИ МЫСЛИ ВСЛУХ....124
НА ПУТИ В ЗАВТРА....142
ЦИКЛ "ИЗ ДАЛЕКА"....148
ДОРОГА ЖИЗНИ....149
ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ....150
БЛИЗНЕЦЫ....151
МОНМАРТР....151
КОД ДУШИ....153
МОЛОДОЙ СОВРЕМЕННИК....153
МИНУЛО ЛЕТО....154
АВТОРУ....154
КАК ЖИЗНЬ?....155
ЧТО НАША ЖИЗНЬ?....156
ОСЕННИЕ СЛОВА....156
А ПОКА....157
НЕПОВТОРИМЫЙ ДЕНЬ....157
СЧАСТЛИВАЯ....158
ДРУГУ В ВЕЧНОСТЬ....159
НОЧЬ ТЕМНА....160
ДЕКАДЕНТСКОЕ....160
НЕВПОПАД....161
В ПОИСКЕ ИСТИНЫ....162
СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ....163
ГИМН ПЯТИДЕСЯТНИКА....163
ТИШИНА....163
ГДЕ-ТО....164
ДЕНЬ....164
ИСТОРИЯ....166
ЛИРА....167
ПО ЖИЗНИ....167
СЛОВА....168
ЕСЛИ....169
СТАРЫЙ ЭПИЗОД....170
О ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ....170

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ 171
МИГ 172
1996-й 172
РОДНЫМ 174
ВОСПОМИНАНЬЯ МИГ 176
ОБМАН 177
ЮБИЛЯРУ 177
В ВАШИНГТОН И ОБРАТНО 178
МОЛОДОЖЕНАМ 180
У ЧЕРНОГО МОРЯ 180
ИНФОРМАЦИЯ 181
БУДАПЕШТ 181
СУДЬБА 184
"20" 185
ДОРОГА 187
КОНЦЕРТ 187
"22" 188
С НОВЫМ ГОДОМ! 189
ЦИКЛ ПОСВЯЩЕНИЙ 199
КТО Я И ОТКУДА ПОШЕЛ? 206

КРЕДО

Во всем мне хочется дойти
до самой сути,
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте

До сущности протекших дней
До их причины,
До основанья, до корней,
До сердцевины

Б. Пастернак

Одна моя знакомая, с божьей помощью профессор, занимается проблемой естественной классификации (ЕК). Очень полезное, скажу вам, дело. Естественной - значит идущей от природы, от ее сущности, ее законов. Обладатель методов естественной классификации становится как бы ключником, нет, скорее толкователем (по-украински красиво звучит - "тлумачем") самих Законов Природы. Завидую серой завистью - до черной не опустился (за что себя и уважаю). Просто, чтобы не забыть, в основе этих методов лежит методология, которую авторы и среди них моя знакомая, назвали системологией. Термин явно претендует стать главным научно-методическим инструментом всех времен, народов и ученых, так как (без предубеждения) наталкивает на сногсшибательные словосочетания - системная методология (СМ). Что там системный анализ или системный подход, уже набившие оскомину современному работнику от науки.

А к чему это я? Ах, да, я интуитивно в плену у этих терминов, ведь обе аббревиатуры отмечают очень близкие и милые моему сердцу слова: первое - начало прекрасного женского имени, второе - название нашей группы в Институте (Киевском политехе). Здесь появился повод заявить о себе: я не профессиональный литератор. В моем литературном багаже две с половиной сотни научных статей, изобретений, наконец, несколько среднего качества монографий, но ни одного романа, повести или даже рассказа, хотя, если честно, приличный "доробок" (тянет на украинский) лирических стихов отлеживается в "загашнике" и ждет своего часа.

Из жизненных наблюдений: большинство особенно ранних (не по возрасту) литераторов так или иначе описывают жизненные события, черпая материал из собственной биографии. Хотя может ли быть иначе, ведь придуманные герои - это тоже не что иное, как частичка собственного авторского "я".

Все же, при чем тут проблема естественной классификации? Ах, уж эта мне интеллигенция в первом колене (это я о себе), всегда начинает издалека...

Из каких компонентов складывается интересное произведение? Так вот, свободно владея методами ЕК, чего проще: выделить эти компоненты, нанизать как кусочки шашлыка на шампуры, выстроить из последних какую-нибудь необычную конструкцию - и вот вам готовый шедевр. Не забыть подобрать и ярко нарисовать портреты главных и характерных героев. При этом важно не только правильное соотношение положительных и отрицательных черт их характера.... Раньше что? - Читательницы и юные читатели любили сильных, мужественных и удачливых героев. Сегодня, думаю, нравы сильно изменились и нужно искать новые стандарты читательских интересов и требований к литературным героям. Может быть, это сочетание вялого интеллекта с сильной, но небрежной хваткой предпринимателя - самоучки, не сильно утруждающего себя размышлениями об изрядно надоевшей всем большой политике, вспоминающего о ней так, для приличия и осознания своего национального достоинства на отдыхе где-то на Багамах либо в коридорах Кабмина при "проталкивании" собственного бизнеса. Важно, конечно, добавить на соответствующие шампуры и так называемые "отрицательные" черты героев, но так, чтобы они не очень мешали общесюжетному успеху главных героев и не очень отвлекали на себя наше и так

утомленное жизненными буднями внимание и, если хотите, были бы даже слегка привлекательными на фоне стереотипных позитивов.

А, может, совсем наоборот, борьба страстей, а значит, пороков, следовательно, больше черного (не дай бог серого). Прости меня, Господи, я совсем запутался.

Как-то раньше я совсем не замечал того очевидного факта, что и плохие и хорошие книги пишутся почти одними и теми же словами одного и того же языка, но у одного автора получается шедевр, а у другого - макулатура. Ну, понятно, что литературное дело - штука весьма сложно устроенная и даже изысканная. Но станем на точку зрения профессионального лингвиста. Уж кто как не он свободно владеет словом на всем лексическом континууме языка, со всеми оттенками его значений и словосочетаний.

Вот вы можете указать разницу между семой, семемой и семантемой? Скорее всего - нет. А он даже знает теорию семантических полей, образуемых значениями слов и их связь с соответствующими полями других слов (следует говорить лексем), в результате чего получается эдакая безразмерная авоська с миллионами узелков. Вот тут бы и взять эту самую методологию ЕК и вытянуть полученную авоську, придав ей форму наподобие Эйфелевой башни, где на каждом этаже можно выйти из лифта и попасть в определенный слой общего семантического поля, где фразы, предложения и целые описания строго соответствуют именно данному уровню - этажу. Захотел подняться повыше, полюбоваться, так сказать, прекрасной панорамой с высоты птичьего полета, пожалуйста, - достаточно нажать кнопку лифта.... Уже много лет до нас умные люди узнали, а в Библии при описании процесса сотворения мира, просто и ясно написано о связи сотворенного Господом мира со Словом, которое точно определяет окружающий нас мир и вместе с ним нас самих. Однако, никто до сих пор, т.е. до самого XXI столетия, никто, не считая, пожалуй, Аристотеля г его знаменитой энциклопедией сущностей, не сподобился построить такую словесную Эйфелеву башню - языковую картину мира (ЯКМ). А она уж очень сегодня нужна многим специалистам, не только лингвистам, но и кибернетикам для создания как системной теории языка, так и механизма междисциплинарного взаимодействия наук и, наконец, полной картины мира.

На самом деле всё гораздо серьёзнее. Любое литературное произведение, будь-то научный труд или художественная проза (оставим в стороне поэзию) - это результат той или иной интерпретации базовых знаний, которые накопило человечество в ранние периоды своего интеллектуального развития, т.е. той самой картины мира (ЯКМ), которую мы с успехом склоняем в разных главах. В научном трактате на первом месте стоит мысль, в художественном произведении - слово - это если так вот грубо, по-крестьянски. Профессионалы слова обладают несомненным искусством конструировать из них изящные кружева, тем более привлекательные и тонкие, чем более образных метафор органично вплетено в канву описываемых сцен и событий. В сочетании с точной мыслью, отражающей глубинные траектории движения нашего языкового сознания - это гарантия неизбежного успеха. Талантливый писатель - это всегда в той или иной степени психолингвист. Психолингвистика - наука сама по себе сравнительно молодая, но отсюда не следует, что она не существовала в определённом виде (пусть в эвристическом варианте) задолго до того, как приобрела официальные статус и сам термин. Вообще-то пора уже расширить рамочные технологии литературных произведений и форм их представления. Современная компьютерная техника позволяет гармонизовать средства представления информации, предназначенной для человеческого восприятия. Электронная книга - это не просто текст, преобразованный в традиционные компьютерные коды, составленные из бесконечного числа нулей и единиц. Это, на самом деле, - новая мультимедийная технология представления информации в виде анимационных сценариев, где языковая составляющая присутствует в виде живого слова и традиционного текста, дополненных статическими и динамическими иллюстрациями, увлекательными и гармоничными. И всё это в режиме интерактивного взаимодействия с читателем, который становится полноправным участником событий.

Подобный подход и аналогичные средства представления информационного материала в не меньшей степени становятся востребованными и полезными и в научно-технических произведениях, где средства виртуальной реальности формально воспроизводят точные аналитические модели объектов, процессов и явлений видимого и невидимого мира, который в той или иной форме является центральным предметом исследований учёного.

Профессионалы, работающие в области компьютерных технологий и так называемого искусственного интеллекта, стараются всеми силами продвинуться прежде всего в направлениях естественного человеко-машинного интеллекта, knowl-edge engineering и когнитивной семантики. В основе последней как раз и лежат процессы понимания, а точнее, исследования всех звеньев общего когнитивного цикла, начиная от ощущения и восприятия через осознание, рефлексию и к непосредственной реакции. Компьютерное воспроизведение сенсорно-персептивного механизма при этом действительно является весьма сложной проблемой, в которой в последние годы идёт заметное продвижение, чего нельзя сказать о моделировании языкового сознания и воспроизведении механизма понимания.

Грамматический (морфологический и синтаксический) и семантический анализ не исчерпывают всех происходящих в человеческом сознании процессов при восприятии даже одной только языковой (текстовой либо речевой) информации. Необходимо овладеть как бы основным переходом; от результатов упомянутого анализа к фиксации и представлению смысла, воспринятого, причём не только в отношении содержания избегаемого блока информации, а в контексте происходящих событий, общих знаний об окружающем мире (на уровне здравого смысла или, профессионально выражаясь, - на языково-онтологическом уровне) и, наконец, субъективных факторов.

Наиболее сложным при этом представляется овладеть существом процедуры обобщения. Не всякий естественный интеллект выполняет её эффективно и качественно, где уж, казалось бы, справиться с этой задачей тупому компьютеру.

Но ещё большей премудростью, думается, является овладение секретами человеческой способности использовать воспринятое в реальных жизненных ситуациях.

Именно поэтому центральной задачей ЯКМ является фиксация на ней полученной в процессе анализа информационного сообщения (в простейшем случае текста) смысловой конструкции, увязывание её с априорной информацией, содержащейся в ЯКМ, и построение релевантного ассоциативно-семантического поля. Всё вместе позволяет корректно решить задачи фиксации смысла и обобщения воспринимаемой информации и наметить адекватную реакцию компьютерной системы.

Таким образом, центральной задачей современной интеллектуальной компьютерной системы в режиме человеко-машинного взаимодействия является реализация триады, "входная информация - смысл - реакция". В этом плане, можно выделить три основных типа, а точнее, составляющих входной информации по признаку её функционального использования:

- повествовательную (имеется в виду прежде всего художественные произведения, стало быть, корректнее называть её повествовательно-эмоциональной);
- коммуникативную (в узком смысле) и
- знание-ориентированную. Им соответствуют три вида реакции системы:

1) принять к сведению;

2) подготовить решение и выполнить соответствующий акт: синтезировать ответ на вопрос, спланировать и реализовать конкретное действие (если входной информацией была команда);

3) пополнить базу знаний системы порцией новой информации (знаний), т.е. расширить как языковую, так и научную картины мира.

Что же касается построения и использования в основном когнитивном цикле картины мира, то здесь были намечены пути и в определённой степени реализованы определённые предложения ещё великим Аристотелем, который утверждал, что знание (или наука) может быть двух видов - демонстративным или интуитивным. Демонстративное знание - это

прежде всего знание причин. Оно складывается из утверждений, которые можно доказывать (выводить) логическими методами на основе определённой системы выводов. Каждое доказательство выходит из определённых предпосылок. Конечное же следствие (конечная истина) зависит как от этих предпосылок, так и правильности вывода. Выяснение последней - дело формальной логики. Что же касается первых, то утверждается, что существует определённое множество безусловно правильных предпосылок, и главная задача науки - получить энциклопедический перечень "основных" предпосылок, которые, в свою очередь, приобретаются путём интуитивного осознания сущностной природы вещей (Аристотель вслед за Платоном развил основы теории интеллектуальной интуиции). Это и есть знаменитая Аристотелева энциклопедия сущностей.

Вы заметили, что люди часто не понимают друг друга и от этого - множество трагедий? Из-за элементарного непонимания друг друга возникают войны, конфликты, политические и семейные драмы и трагедии: скандалы, разводы, мордобои и пр. Что же касается ученых, то каждый так далеко закопался в проблемы своей узкой науки, что не в состоянии уразуметь соседа по профессиональному общежитию.

Отсюда, цивилизация - это условно-онтологическое понятие, подразумевающее некую форму бытия, замешанную на так называемом научно-техническом прогрессе в отдельных направлениях науки-техники-технологии, которая умничающими оптимистами, слегка пользующимися его результатами, сегодня воспринимается как совершенство, вершиной (этой самой цивилизации), - другие, большинство, - это обыкновенные скучающие обыватели - повернуты к ней спиной до тех пор, пока она не начнет сильно мешать их будничной жизни, третьи же, наоборот, остановились на перекрестке и, выпучив глаза, вопят благим матом: "Спасайтесь, конец света!". Добро бы уж эти третьи - изучившие суть своего дела свидетели Иеговы, а то и кое-кто из ученых. Вот так просто стоят и орут, вместо того, чтобы помочь построить ту самую картину мира - "Эйфелеву башню", забраться повыше на неё и поразмышлять о житье-бытье, о путях господних, да и о грехах своих. Хотя бы таким образом попытаться помочь человечеству в решении проблем глобальной экологии, выживания.

Недаром же в Рио-де-Жанейро по призыву ООН в 1992 году собралось много весьма неглупых людей и выработало концепцию устойчивого развития планеты. Во куда меня занесло! Правда, я совсем выпустил из виду, что это и есть моя главная задача: на базе методологии ЕК, найти одну-две категории читателей, для которых немногие высказанные автором парадигмы представляют какой-либо интерес. Так сказать, наступил момент заключения трудового соглашения или контракта: две стороны берут взаимные обязательства, ну знаете как там по всем юридическим канонам....

Итак... Сначала хочу посоветоваться в части жанра. Во-первых, большая категория, в которую частично входит и сам автор, - это любители детективов. Что до меня, то я заметил за собой одно противное, и к тому же дорого обходящееся мне самому свойство, - если я начал читать самый даже наислабейший и без проблесков интеллекта детектив, я обязательно его закончу.

- Зачем, спросите?

- Не знаю.

Детективом в данном случае не пахнет, так что даже начинать читать или продолжать, если уж начали, при отсутствии времени и терпения, думаю, не стоит.

Хочу поделиться одним наблюдением, согласитесь ли?

Сейчас хитрецы - детективные сочинители, до чего додумались: они, пренебрегая чистотой жанра, добавляют в свои сюжеты приличное количество элементарного секса - бытового ли, профессионального ль, парочку интригующих исторических фактов, чуточку литературно-романтического марафета, тем самым вовлекая в круг своих поклонников простых любителей обыкновенных сексуальных анекдотов и водевилей, сентиментальных историй и романов. Правда, в этом направлении "грешат" не только детективные сочинители. Возьмите такую уважаемую и читаемую газету как "Факты". Что скажете? Вы

правы, - солидная часть читателей начинает, а иногда и заканчивает читать её с последней страницы.

Хотя это нечестно! Все-таки законы истинно художественного жанра надо охранять от контрабанды.

Ну, хорошо, с остальными "чистыми" жанрами проще: литературный роман, романтическая история, исторический роман, обыкновенная история, повесть, рассказ.... Забыл добавить туда научно-философские трактаты и футуро-приключенческие шедевры. Еще желательно структурировать написанное по эмоционально-бытовому и психологическому факторам: трагедия - драма - комедия и все возможные их сочетания.

Я долго думал, к какому из этих жанров мне проще пристроиться. Проанализировав свои профессионально-биографические данные и черты характера, которые с детства почти не претерпели существенных изменений, я, думаю, у меня могут получиться научно-сентиментальные очерки с прологом, - вы его уже прочли, и эпилогом, - если надумаю написать. А, если честно, не так давно возникла мысль: откровенно и тепло, не стесняясь слов простой человеческой признательности и благодарности, побеседовать со своими близкими, поведав им, как я счастлив тем, что могу с ними общаться, ссориться, мириться, восхищаться их делами, совершать вместе с ними наши общие малые и большие "подвиги", а главное, получать настоящий "кайф" от казалось бы банального человеческого контакта с ними, соприкосновения судьбами и биографиями в реальном пространстве и времени. И все это, самое главное, в режиме on line, т.е. сегодня. Христос учит: "даждь нам днесь", но часто ли мы успеваем толком пообщаться, сказать добрые слова даже тем, которых любим, уважаем, обожаем и восхищаемся? Запоздалые красивые мемуары о жизни замечательных людей - это в лучшем случае. Меня же волнует и притягивает живое слово, я желаю его сказать прямо и без конфиденций. Да услышат и поймут его правильно те, к кому я обращаюсь. Все люди замечательны, и о каждом из них можно написать прекрасный роман. Надо только постараться сделать это искренне и честно. Я уже предупредил, что никакого романа и даже повести у меня не получится, точно знаю. Эдакое поступательно-повествовательное развитие событий и отношений героев требует терпения и особого писательского таланта. Буду счастлив, если выйдет по форме нечто в виде "Карнавала" Щумана (нахал!), т.е. связанный идейной канвой парад этюдов - зарисовок, помните: Арлекин, Коломбина, Шопен, Лист. Как прекрасен музыкальный аромат этого букета и как долго от него остается на душе этот светлый праздник. Честно, в данную секунду не знаю, что же войдет в качестве этюдов в данный букет, но некоторые сюжеты уже выстраиваются там на абсолютно законных основаниях, потому, что они близки мне, т.е. моей душе и сердцу.

Меня всегда занимал творческий процесс, так сказать изнутри, неуловимые особенности того самого, знаменитого инсайта, с другой стороны, и не в меньшей степени - некие присущие ему законы и формализмы, независимо от предмета творчества и творца. Если Господь нам даровал какие-то способности, уж надо постараться воспользоваться ими вполне.

Думаю, все, в большей же мере те, кто каждодневно зарабатывает свой хлеб насущный, используя в качестве главного инструмента собственный или чужой интеллект, заинтересованы в повышении, так сказать, эффективности интеллекту - асьной деятельности. Только что, прямо 15 минут назад, мне почти случайно попала в руки книга Хосе Сильва и Берта Голдмана "Управление интеллектом по методу Сильва", Минск, 1999 г. Не успел прочитать полностью, - проштудирую непременно. Но заглянул в оглавление: колоссально! Все, что меня интересует в данную минуту: от первого уровня медитации, пяти правил счастья и программирования целей, до понятия отношений, разрешения семейных конфликтов и общения с пессимистами. Наконец, под занавес - общение, достижение целей и мини-курс по достижению успеха в бизнесе. Вы найдете человека, которого это не интересует? Остается загадкой: откуда берется такое большое количество нищих

соотечественников и умничающих пессимистов, готовых ко всему на свете ради несчастной копейки. Эх, не любят у нас читать?!

По-моему, независимо от объема выпавшего на их долю успеха и счастья, все люди на земле делятся на три основные категории: первая - никогда не задумывается на тему: "А зачем я пришел в этот мир?" Другими словами: "Какая же цель моей лично жизни?"

Вторая категория отвечает на этот вопрос приблизительно так: "Зачем, зачем?... Чтобы жить", или по другому: "Чтобы получше прожить отведенный мне жизненный срок".

Наконец, третья - это христиане или просто верующие, для которых смысл жизни состоит в служении Господу со всеми вытекающими из этой позиции правилами и установками. Для атеиста последнее - пустой звук. Он в лучшем случае признает ценность, а может и величие христианской морали. С ним вообще невозможно спокойно говорить о Боге. Именно для них я попытался выполнить эдакое квазиматериальное описание структуры понятия "Господь". Мои размышления привели меня к его Представлению следующей аддитивной схемой, состоящей из пяти ипостасей.

Первая ипостась - это безусловно, и прежде всего для нас, христиан - Христос. Кто-то не верит в его воскрешение, но уж фигуру Христа во всем его величии принимают все нормальные люди. Л.Н.Толстой в своей "Исповеди" акцентировал внимание не столько на метаморфозах жизненного пути Христа, сколько на сущности его учения, формула которого в самом примитивном виде представляет триаду "Вера - Надежда - Любовь". Не раскрывая её глубинные связи, напомню лишь известное высказывание Э.Канта: "Вера - это Надежда на собственные нравственные силы". Учитывая замкнутое единство формулы, весьма уместным представляется такое добавление: "основой которых является Любовь". И как теперь не сопоставить эту триаду с формулой знаменитой философской системы того же Канта: "Истина - Добро - Красота".

В основе истинно христианского учения лежит понятие триединства: Бог - отец, Бог - сын, Бог - Святой Дух, с которого следовало бы и начать, хотя Л.Толстой в своей "Исповеди" доказывает, что в Библии нигде о Троице в явном виде не говорится. Для большинства же верующих - это аксиома (in adjecto).

Вторая ипостась. Господь - это Творец. Тема сложная. Рассуждение на данную тему напоминают нам о величии гармонии, интеллектуальной и биотехнологической сложности всей природно-генетической конструкции, как в статическом, так и в динамическом аспектах понятий Начала и Развития.

Третья ипостась. Господь - это Слово. Не надо далеко ходить, в Евангелии от Иоанна об этом сказано точно: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.... Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть. И без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков". Как образно подметил эту сущность слова Н.Гумилёв ("Слово"):

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово, это - Бог

В свете современных научных теорий вырисовывается еще одна замечательная функция слова - это генетический код - основа всего живого. Это кодовое слово есть план развития и одновременно исходный материал жизни любого живого существа.

Четвертая ипостась. Господь - это Я. Иначе, - храм в собственной душе - основа твоего мироощущения, а точнее своего Я, со всеми принципами морали, жизненного опыта и характера.

Пятая ипостась. Господь - это Мы. Это, если хотите, то само биоэнергетическое поле (БЭП) - результат постоянного взаимодействия единичных БЭП ныне живущих на этой земле и, возможно, уже ушедших в мир иной. Теория слабых магнитных полей - плод

творческого энтузиазма ряда Нобелевских лауреатов (Фейнман, Ли, ...боюсь переврать фамилии) допускает это, да и без всякой теории ощущаем на своей шкуре каждый час, каждое мгновение то, что великий Юнг назвал коллективным подсознательным влиянием на нас общества, толпы. Так сказать, незримое присутствие человечества.

Интегрированное восприятие всех пяти ипостасей создает достаточно понятный материалистический каркас для осознания того, что вообще можно, должно и предпочтительнее постичь через веру, которая представляет собой своеобразную разновидность знаний. По крайней мере, сегодня, когда мы так мало знаем о мире, в котором живем, по сравнению с тем огромным, чего мы о нем не знаем, любые рассуждения на тему: "А есть ли на свете Бог?" кажутся банальными и не интересными. Как альтернатива им и возникла эта, пусть скромная, но честная попытка ответить на другой, более закономерный, вопрос: "А какой Он?". Удачна ли попытка? - не знаю: "Sunt superis sua jura", что значит: "На небесах - свои законы". Именно об этих законах великий Эйнштейн заявил: "Я хочу понять, как Бог создал мир. Я хочу узнать его мысли. Остальное - детали".

"Подлипки"

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
А.Пушкин ("К Чаадаеву"

Это было давным-давно, "когда мы были молодыми". Кто мы? Я, мои друзья, коллеги и близкие, мой институт (наш институт?), нет, все-таки мой - я ему ни разу не изменил, уж видно, и не изменю.

Начало 60-х. Уже стоит на "пару" первая УМШН - управляющая машина широкого назначения, или "Днепр" - детище моего учителя и коллеги Бориса Малиновского (недавно был на его 80-летнем юбилее, сто лет ему здравствовать!), тогда заведующего самым большим отделом в институте - отделом управляющих машин, существующим под тем же названием и поныне. Одна из групп этого же отдела, только что занятая вместе с другими окончанием работ и сдачей Государственной комиссии первых образцов УМШН "Днепр", спустя совсем небольшое время, отправила в Королёвскую фирму - п/я 989, в Подмосковье, в маленький городок, что по Ярославской железной дороге в 40-50-минутах от Ярославского вокзала на электричке, с летним душистым названием Подлипки.

А начиналось все, по крайней мере, для меня и моих однокашников - выпускников КПИ, еще раньше, когда чуть ли не половина выпуска двух первых по вычислительной технике групп - оказалась всякими судьбами, большинство по распределению, в тогда ещё не ордена Ленина имени академика В.М. Глушкова Институте кибернетики Академии наук Украины, а в Вычислительном центре АН УССР, возглавляемом молодым, блестящим директором В.М. Глушковым, совсем еще и не академиком, не Героем Соцтруда и не лауреатом Ленинской и других премий. Слава Богу, о нем написано уже много книг, дающих представление об этой гениальной фигуре, может быть, меньше чем хотелось бы в плане природы гения и обаяния его человеческой личности.

Мне не дадут соврать, группа наша была очень сильная. Сегодня, спустя сорок с лишком лет, я могу это с удовольствием подтвердить.

Тогда же в 60-е кроме неподдельного энтузиазма и близкого к нулю жизненного и профессионального опыта у нас было разве что неистребимое желание работать и совершать подвиги, к чему нас и призывала наша Родина в лице воплощающей её интеллектуально-энергетический потенциал Компартия. Посмотрел при этих словах в зеркало и уловил на лице едва заметную иронию. У других она, думаю, пошире и позубастей. Уверен также, что есть и такие, у которых она (ирония) отсутствует вообще. Всех, и тех и других, заранее

предупредим, я уважаю, а многих продолжаю любить своей тихой, не докучающей никому, любовью; поверьте, чем дольше, тем сильнее. Парочку этюдов, посвященных нашим "подвигам" и... некоторым однокашникам, подтверждающих эти слова, я постараюсь набросать.

Итак, группа, возглавляемая Владимиром Египко, ведущим (или старшим) инженером отдела (тогда эти должности для меня были соизмеримы по сегодняшним меркам со званиями академика или Президента страны) готовилась к отправке на объект, по-моему для каких-то аэродинамических экспериментов, связанных с разработкой корпусов ракет. Могу ошибиться в составе группы и функций каждого: но за "арифметику" отвечал Валера Александров (уж нет его сегодня среди нас). Кроме блоков управления и памяти в состав комплекса входил еще блок устройства связи с объектом ("УСО", по-моему, первенство аббревиатуры принадлежит Владимиру),

Где-то в "УСО" размещался блок, за который я нес персональную ответственность, а к нему добавка в виде устройства для вычерчивания графиков по командам от "Днепра" - мое детище. Система управления шаговыми двигателями, в нем была покупным компонентом (не помню уж какого завода). Полупроводниковая техника была в 1960-е не столь совершенной, и некоторые узлы выходили из строя довольно часто. Работа в Подлипках продолжалась, мне помнится, не один год, и хлопот с этой горе-техникой было предостаточно. Однажды неисправный узел необходимо было отремонтировать, а я как раз отбывал в этот вечер домой, в Киев к любимой жене (счастливые молодожены) и для ускорения дел решил взять его с собой, благо это была парочка небольшого размера печатных плат, каждая легко размещалась в кармане моего нового серого модно сшитого пальто, в котором хорошо были подчеркнуты грудь и плечи. Вот эти модные детали и стали причиной целой истории, о которой еще долго вспоминали и наша команда и заводчане... Так как неисправных плат было две, одну я положил к себе в карман, другую взял Володя. Идем через проходную. Он спокойно себе так проходит, а меня вахтерша - цап:

- А что это у тебя в кармане?

- Да ничего, это так, ячейка (тогда печатные платы в устройствах "Днепра" назывались ячейками).

- Что еще за ячейка? А ну, покажь.

Такая себе зоркая тетя в кабинке по долгу службы берет винтовку наперерез и конвоирует меня к начальнику охраны. Я долго не мог ему объяснить, что это не приёмничек (там, действительно, торчали транзисторы, если правильно помню П25). В общем, акт, протокол, но домой отпустили. Скорее бы домой. Молодость горит огнем прощаний, ожиданий и, конечно, дальних дорог. Я не так давно женился и когда же уезжал в командировку, всегда с женой что-то случалось; видимо, эдакий синдром срабатывал. В общем, моя жизнь вне дома похожа на сидение на вершине вулкана в ожидании: вот-вот сейчас тряхнет. Из этой поры у меня в качестве воспоминаний осталось несколько стихотворений, вот одно:

Я сижу у темного окна
В необжитом сумрачном отеле.
За окном - холодная весна,
Чьи-то тени, судьбы и... метели,

Вдалеке манящий огонек:
Там квартира чья-то, ходит кто-то,
Вышел за газетой на порог,
Выпил чашку терпкого компота,

Вот жену обнял, поцеловал,
Волосы ее любя, погладил...

Огонек мне этот нашептал
То, о чем грустить я день и ночь заладил.

В этой грусти вся моя печаль,
Радость встреч и горечь расставанья,
Все, что дорого и все, чего так жаль,
В ней есть ты - основа мирозданья...

А пока со мной лишь грусть одна.
За неделей катятся недели...
Я сижу у темного окна
В необжитом сумрачном отеле.

Может, в какой из приездов нам с гостиницей и не везло, но, как правило, магическая телеграмма в Управление делами АН СССР: "Москва. Наука. Беляеву" сказочным образом гарантировала нам неизменную и родную гостиницу "Якорь", что на улице Горького, если не забыл, где-то между Большой Грузинской и площадью Маяковского. В одноименном ресторане не первом этаже мы частенько коротали время и скромные командировочные, проедая их не без приятных и торжественных случаев.

Старое здание "Якоря" москвичи - старожилы знают давно. Интерьер с ковром, рубеновского стиля полотнами, скрипучими половицами, хрустальными люстрами в номерах и каким-то едва уловимым духом пошлого прошлого не оставляли никаких сомнений в том, что мы проживаем в бывшем публичном доме. Много анекдотов по этому поводу говорено. Одна из бывших традиций этого дома - ночные бдения, оставалась незыблемой, правда, в ином жанре амплуа и событий.

Лучшие из наших преферансистов Игорь К. (о нем расскажу позже) и Вадим С. частенько не давали нам спать своими затяжными преферансными сессиями. Когда наше терпение обрывалось, мы их выдворяли, и они где-то находили себе другое пристанище и компанию. В основном, им попадались командировочные майоры и капитаны, редко полковники. Учить играть их на одну руку было излишним, так что утром иногда они нам объявляли, что сегодня, вместо традиционных пирожков с томатным соком, нам предстоит приличный ужин на наших, почти закрепленных за нами, местах в уютном зале ресторана "Якорь", благо, солянку там подавали шикарную, а аппетит у нас был отменно-показательный.

Кстати, вся описанная картина сразу обретает правдоподобие, если скажу, что чаще всего мы останавливались на 3-м этаже в номере 86, где весьма плотными рядами помещалось шесть кроватей и посередине каким-то чудом приличных размеров стол, один из основных инструментов наших преферансистов. Над этим-то столом висела одна из тех самых шикарных хрустальных люстр, с которой связана небольшая история, подтверждающая молодость и веселые нравы жильцов номера 86. Однажды вечером шел разбор очередной ночной партии. Группа внимательно включилась в процесс анализа и комментариев, ну, знаете, "про канделябры" и "пиковых покойничков". Без дела оказался только я или просто не смог протиснуться к центру событий. В общем, высокая сутуловатая фигура Игоря оказалась подходящей, и я без предупреждения вздумал вдруг завершить групповой портрет у стола фигурой сверху, запрыгнув ему на плечи и проделав стойку на руках...

Расчет был, мягко говоря, неточным и своим ботинком я сорвал с петли эту злополучную хрустальную махину, которая через мгновенье оказалась на столе и на полу в виде множества отдельных конструктивных элементов, а весь пол был буквально усеян хрусталиками, напоминавшими льдинки после шальной грозы с градом. Как вся честная компания сумела среагировать и увернуться от этой стремительно опускающейся хрустальной громадины, не берусь объяснить. Все произошло так неожиданно и

молниеносно, что после естественной паузы, последовавшей за грохотом, выражение лиц у всех было как во время детской игры "замри". После чего последовали истерический смех и море комментариев, многие из которых почему-то ассоциировались с картиной Шишкина про "Трех медведей", которая безмятежно висела на стене. Длинная зимняя ночь была посвящена приданию несущей конструкции формы круга, а затем прореживанию хрустальных гирлянд и сборке новых из образовавшихся одиночных остатков. Работа закончилась под утро. Рано утром мне предстояло купить в электромагазине четыре плафона, и на этом инцидент был исчерпан. Пару дежурных визитов уборщиц и персонала подтвердили высокое качество нашего коллективного труда - никто ничего не заметил. Самое удивительное, что много лет спустя я заглянул в "наш" номер и изумился: та же люстра с моими плафонами в нетронутом виде украшала тот же номер.

Лирические отступления, подобные описанному, со счастливыми, иногда с сомнительными финалами, слегка разнообразили наши трудовые будни: ранний подъем, по дороге пирожки с кофе или бульоном, где-то возле Белорусского вокзала, метро, пересадка, загрузка в электричку на Ярославском и сорок минут безмятежного кемаря по дороге к месту назначения, под стук колес и зычный голос: "Перловская, Лосиноостровская...". После того случая с "ячейкой" меня в бюро пропусков в очередной командировочный визит встретили любезно, но... не пропустили. Были хлопоты, придание поступку героического подтекста - переживал за дело! (а на кой фиг, действительно, мне было спешить забирать эту злополучную "ячейку", спеша к вечернему поезду?).

Самое смешное, что история на этом не закончилась. Пустить-то меня пустили, но ячейки на месте не оказалось, она пребывала в сейфе начальника I отдела, который отрежессировал развязку на свой манер.

Заведующий отделом, в котором мы совершали ежедневные подвиги, боялся идти к этому самому начальнику, чтобы не схлопотать лишнего взыскания. А нам надо же было продолжать работу. И тут в дело вступил ничем не приметный коллега из того же отдела, кстати, я был руководителем его дипломного проекта. Слава Г. Он взял на себя роль моего защитника и мы вместе пошли к начальнику, который ячейку все-таки отдал, пригрозив, если что-либо такое случится, в следующий раз, "испортить мою биографию".

Слава Г. давно приехал в Москву, развелся, женился и опять развелся, оставаясь по-прежнему моим лучшим московским другом, с которым мы, к сожалению, так редко в последние годы встречаемся. Когда же встречаемся, никогда не обминем знакомых фамилий, как с той, так и с другой стороны. Последняя наша общая потеря – Валера А. О нем отдельный небольшой сюжет.

По банальной случайности с Валерием мы познакомились на каких-то земляных работах по укладке телефонного кабеля на территории, прилегающей к КПИ. С нами оказалась с подобной задачей симпатичная девочка Аня, ставшая впоследствии его женой, но ненадолго. Мы втроем тихо так про себя радовались, что уже являемся полноправными студентами КПИ: другие еще сдавали экзамены, а мы, золотые медалисты, удостоились чести пройти обыкновенное собеседование и вот теперь приходится упираться со злополучным кабелем.

По нашей специальности в КПИ было образовано две группы: СМ1 и СМ2. Аббревиатура СМ - означала счетные машины, название более ассоциировалось у нас с арифмометрами класса "Феликс", (молодые могут разве что просклонять его вместе с фамилией Дзержинского), чем с современным компьютером или ЭВМ.

В Институте кибернетики мы также оказались в одном отделе, в одной группе и той самой команде, которая устанавливала вычислительный комплекс на базе ЭВМ "Днепр" в Подлипках. Я лишь однажды тогда бывал в его малюсенькой однокомнатной квартире, где он жил с "матушкой". Хорошего дерева и звука пианино меня покорило; я уже в ту пору изредка встречался со своей будущей женой - пианисткой, которая закладывала тогда первые кирпичики в фундамент моей музыкальной культуры.

Он один из первых вошел в эпоху 1-го кибернетического ренессанса. Не помню, выступал ли тот ансамбль на сцене (рояль - саксофон, контрабас), но на паре репетиций мне довелось поприсутствовать. 2-й ренессанс связан со знаменитой кибертонией. Это действительно была целая эпоха, когда научная общественность института, молодая и задорная (да и некоторые "старички"), помнится, лихо окунулась в капустно-водевильный концернто-музыкальный водоворот. Нас снимали, о нас говорили, как в городе, так и за его пределами. В центре событий были два Юры - старожилы могут вспомнить. У нас была и мисс Кибертония, местная красавица, избранная общим голосованием.

У Валерки были покладистый, но твердый характер и только ему присущее обращение: "У, породливый...". Это произносилось, как правило, в хорошем расположении духа. Несколько штрихов относительно его духа... Те, кто помнят - подтвердят. Ну, в общем, работали мы часто до поздней ночи, точнее, до последней электрички и частенько возвращались в гостиницу к полуночи. Было событием на грани большой удачи или счастья, когда на перроне уже ставшая знакомой тётя ещё продавала четырехкопеечные пирожки с мясом. Иногда они облагораживались десертом в виде фруктового мороженого в типичных картонных стаканчиках с содержимым розового цвета - клюквенно-морсовое, - это уже у другой тети и по 6 копеек. Все это могло быть или не быть на перроне. А перед уходом с фирмы после усталых бдений появлялось, не скрою, честное желание слегка "тяпнуть для расслабухи". Это был натуральный спирт для протирки контактов. И каждый в меру возможностей и желания причащался. Валеркина формула нормы была точна и безукоризненна: до проходной идти приблизительно метров 800. Принять на грудь можно (нужно) ровно столько, чтобы дойти до этой заветной проходной так, чтобы тебя не развезло. Как вы понимаете, формула нуждалась во множестве корректирующих коэффициентов (погода, самочувствие и др.) и, конечно, экспериментальных уточнений. А в науке, как известно, и отрицательный результат также важен. В общем, бывали "варианты", как гласит установившаяся сегодня новая обменно-квартирная лексическая конструкция. Зато долгожданный закус в виде перронных пирожков был настоящей наградой за смелость и твердость духа. Господи, неужели все это когда-то проделывалось нами с удовольствием и так запросто? Да, но нужно уточнить понятие "Мы". Счет уходящих давно открыт. Валера А. попал не первым в этот черный счет.

Первым оказался Игорь К. Общительный, высокий, интересной внешности, по общепринятому женскому определению "красавец-мужчина". Он действительно пользовался успехом у женщин, был всегда в центре внимания и в мужской среде служил неиссякаемым источником анекдотов и всевозможных приколов. Так, однажды студентка-практикантка, которой он приглянулся или в экстазе творческого энтузиазма, требовала работы. Старшего не было на месте и Игорь взял на себя его функции. Чтобы она подольше от него отстала, он поручил практикантке мотать на тороидальные ферритовые сердечники проволочные обмотки для трансформатора. Это ручной труд и достаточно нелегкий. Однако девушка показывала прямо-таки чудеса героизма и скорости. Вскоре на столе у руководителя оказалась гора намотанных трансформаторов. Она требовала еще работы, а сердечники уже иссякли. Игорь сообразил, и выход из ситуации был найден: пока она в соседней комнате мотала новую партию трансформаторов, он срезал ножом обмотку с готовых, только что принесенных... Смеялись дружно все вместе, правда практикантка перед этим немного надулась. Несмотря на простоту и веселый нрав общения он остался в памяти с загадочным прямо-таки мистическим шлейфом. Незадолго до знакомства (он пришел в Институт чуть раньше меня) Игорь женился. Его женой оказалась актриса, которая приобрела свою трагическую популярность после съемок фильма "Иванна". Это она заживо сгорела во время съемок, когда прыгала через ров с огнем и на нее обрушились декорации. На кладбище совсем молодой парень Игорь оставил в оградке место и для себя. К несчастью, оно ему вскоре "пригодилось". Возвращаясь вечером на мотоцикле из какой-то поездки (Одессы или Конче-Заспы, не помню) он разбился. Опыт иногда бывает жестоким: через полгода разбился

на мотоцикле еще один наш товарищ, Жора - красавец-парень, атлетического сложения и большая умница.

У третьего владельца мотоцикла Володи Ф. (жив-здоров) нервы не выдержали - он тут же распрощался со своей "Явой"!

Для нас Игорь был неоценимой фигурой. Дело в том, что у него в Москве жил брат, который работал в советском посольстве в Германии и его квартира была частенько в нашем распоряжении. С этим фактом у Игоря было связано множество романтических приключений, а главные наши интересы сосредотачивались вокруг первых чемпионатов по хоккею, которые мы наблюдали, дружно усевшись перед экраном телевизора в этой самой квартире. Наше национальное чувство гордости всегда было вознаграждено множеством лет чемпионства советской хоккейной сборной. При всей безалаберности своего житья Игорь обладал каким-то удивительным чувством благодарности и человечности. Частенько он задерживался в "Якоре" и ему негде было спать. Пару раз я его выручал, и мы спали "валетиком" на узкой с авоськовым матрацем кровати, умудряясь во сне синхронно переворачиваться с боку на бок - трюк, почти акробатический.

Помню, у меня дома случилось несчастье: упала жена и оказалась в больнице, предстояла срочная операция. Я был в полном ауте и не знал что делать: ехать - не ехать?..

Игорь взял ситуацию под свой контроль, выяснил положение дел: ехать немедленно как раз было бесполезно - телеграмма пришла с опозданием, и к тому времени операция уже успешно прошла, а вот в чем действительно нуждалась пациентка - это в хорошем питании и витаминах. Все наличные деньги команды были мобилизованы. Выполненные закупки свидетельствовали о системном подходе к проблеме, и, наконец, я успокоенный и полностью затоваренный ехал в московском купе на родину. "Павагин", - так у него получалось с моей фамилией, он слегка с польским акцентом произносил букву "л".

Воскресные дни в командировке в особенности сложны, когда деньги утекают, и ты на мели. По тем порядкам максимальный срок командировки (на ответственных объектах) был около месяца и разрешалось продлевать его по заявлению на имя того же Беляева из управления делами АН СССР еще на 10 дней. Самое смешное, что система (та система!) функционировала как часы, и командировочные на дополнительный срок выплачивали как часы. Походы на Центральный телеграф были вдвойне приятны: весточка в окошке "До востребования" и возможный перевод. По этому поводу с давних времен ходил анекдот об отчаявшемся командировочном, который долбил телеграммами свою бухгалтерию с просьбой выслать деньги. Последняя была такого содержания: "Вашу мать выселяют из гостиницы".

Оцените силу телеграфного стиля.

Побродив по московским улицам, возвращались в "Якорь"... Это уж потом появились два высотных корпуса возле площади, что на метро "Октябрьская". Это было уже другое время.

Мы живем тысячу лет, порой же кажется, что прошло мгновение. Из юных, беззаботных и перспективных мы превращаемся в запрограммированных измученных жизнью старперов, которые в день рождения желают уже не успехов, а здоровья. Как уловить меняющее нас мгновение, выделить его как в дифференциальном исчислении и вычислить, какое количество энергии мы должны вложить в это мгновение, чтобы воспрепятствовать процессу деградации. Загадка занимает и тщетно цепляющихся за жизнь, и мудрых геронтологов, и праздно размышляющих на данную тему мирных обывателей. Старайтесь сохранить, как священную константу, огонь своей души и сердца - вот вам и рецепт вечной молодости.

"Светлана"

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой
Ф. Тютчев

Не книга, а учебник по географии (а может психологии). Вы в этом еще убедитесь... А сейчас я открою вам самый большой секрет в моей жизни. До войны мои родители жили в Ленинграде, на Голодае, теперь этот район, кажется, называется Гражданка. Честно сознаюсь, позже я там ни разу не был, а в 39-м была война с "белофиннами", в которой принимал участие мой отец, и, как я понимаю, чтобы не оказаться в одиночестве в самый ответственный момент, моя мать поехала рожать меня к себе на родину, в Кировоградскую область. С тех пор в графе "место рождения" в паспорте у меня значится: Кировоградская область, село Ново-Архангельск и никакого района. Мать утверждала, что название района было такое же - Ново-Архангельский. Но это слова. На родине я только и того, что родился, после чего добросовестно переместился в город на Неве (вернее, был перемещен).

Всё, поведанное в начале этой главы, более уместно было бы расположить в следующей. Это вроде бы так по логике вещей. Но, с другой стороны, имеет автор полное право на свое произведение? Так вот, объясняю для непонятливых: во-первых, он имеет вышеупомянутое право; во-вторых, - это обыкновенное вступление к дальнейшему изложению.

Не думаю, что за короткое предвоенное время я успел влюбиться в город на Неве, это случилось гораздо позже. Но любовь осталась в сердце моем на всю жизнь, и я считаю какой-то жизненной несправедливостью, что не могу называть себя ленинградцем на законных основаниях. Но я ленинградец в душе и она, как стрелка компаса, всегда обращена к Северной Пальмире с магнетической силой, восхищением и любовью. Вот почему я безумно счастлив, что судьба нашла возможность связать меня профессиональными интересами с моим Ленинградом. С ним меня многое роднит, ему я многим обязан.

70-е, НПО "Светлана", более точно Ленинградское конструкторско-технологическое бюро названного объединения (ЛКТБ). Первые шаги в области отечественной микропроцессорной техники. Я уже достаточно опытный ученый, кандидат наук. Вместе со мной оказался талантливый парень Володя Иванов, который, еще будучи студентом-практикантом, показал себя в деле. У нас даже опубликовано в каком-то сборнике пару небезынтересных работ по структурному синтезу автоматов. Вот наш главный личный состав, а точнее группа или лаборатория из отдела управляющих машин Бориса Малиновского. Фактически мы, - Володя и я, - высадились подобно космонавтам на поверхности иной планеты, которая называлась ЛКТБ "Светлана". Для тех, кто не знает, сообщаю, что название прекрасного объединения произошло не от имени жены или родственницы первого директора, а самым прозаичным образом: сокращенное название от словосочетания: "Световые лампы накаливания" - в свое время основной продукт объединения. Истоки же объединения лежат в конце XIX столетия в табачной мануфактуре. На 100-й юбилей "Светланы" в 1989, куда я был приглашен в качестве почетного гостя, можно было много узнать об истории этого уникального объединения, что расположено на проспекте его же имени. Например, то что предприниматель Яков Айзваз где-то в начале века приобрел патент Александра Лодыгина на производство изобретенных последним ламп накаливания с металлической нитью, которые впервые были продемонстрированы миру на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Американцы сработали свой первый 4-х разрядный микропроцессор Intel-4004, где-то в 1974 г. Первые наши микропроцессоры в опытных образцах работали уже в 1975 г. Но с запоздалой гордостью, несмотря на американский приоритет, замечу, что это были сразу же

8-разрядные микропроцессоры, да еще с возможностью конфигурироваться в многопроцессорные комплексы (системы), что намного опередило представителей направления традиционных систем с массовым параллелизмом. Но это так, чтобы чуть прихвастнуть, хотя наши авторские свидетельства на изобретения того времени, а также отзывы американских профессионалов в одном из секретных источников того времени высоко оценили "русский вызов".

Я просто был шокирован простотой и доброжелательностью ленинградцев, начиная с директора Виктора Ц., начальника отделения Марка Г., заведующего отделом Владимира К., моего любимца и приятеля на долгие годы Анатолия Д., да еще многих и многих коллег и будущих друзей. Там же, нет, на "Красной Заре" свела меня судьба с ЛЭТИшным профессором Геннадием Н. и его очаровательным семейством.

В отличие от современных разработок чипов, главной задачей тогда, в 1970-е, было постараться так структурировать общую схему, чтобы она естественно "накладывалась" на разрядную сетку, имела максимум функций, а главное, выдерживала ограничения по степени интеграции на кристалле. Среди многих задач синтеза устройства управления (управляющего автомата), выделялась по интеллектуальной трудоемкости задача кодирования слова микрокоманды, которая определяет множество функций (микроопераций), выполняемых одновременно в i-й момент времени в операционном устройстве, а в конечном счете - вычислительную мощность процессора. Первая микро-ЭВМ, построенная на этом семействе чипов, была "Электроника С5-01". Далее последовали другие модели и их разновидности.

Конструирование чипа, как известно, включает в себя ряд итеративных процессов, начиная с этапа логического синтеза и заканчивая топологическим проектированием. Топологическая схема, если смотреть на нее под микроскопом, представляет нечто вроде замысловатой картины Пикассо, где в отличие от последней нельзя поменять ни одного штриха, не затронув механизм ее электронного эквивалента. Меня всегда восхищало умение высококлассного инженера сопоставлять сложную электрическую схему с еще более сложной по восприятию топологической схемой. Толя Д. был в этом деле не просто асом, он был гением. При этом он мог тебе с величайшей точностью подсчитать быстродействие разработанной схемы и к тому же выжать из неё максимум возможного. К чести ленинградцев, у них на ЭВМ БЭСМ-6 (гордость тогдашнего отечественного компьютеростроения) были разработаны и буквально "вылизаны" прекрасные моделирующие программы, без которых поднять такой сложности разработку, а потом увязать и согласовать ее с другими компонентами комплекса было бы не под силу самому гениальному конструктору. А теперь о центральной фигуре всей ленинградской эпохи. Перед этим для точности истории замечу, что первым моим коллегой по первой модели "Электроники С5" со стороны нашего института был, как я уже заметил, Володя И.. В свое время я, если можно так выразиться, буквально отвоевал его для науки и сегодня вижу, что не напрасно. Лидер от природы, он во многом вырос и превратился в прекрасного руководителя одной из научно-производственных организаций Киева.

А дело было так… На одной из молодежных (комсомольских) конференций с заключительным словом выступил сам Президент Академии наук Украины. В контексте его выступления тезис "Молодежь - в науку" прозвучал особенно рельефно, что и придало мне мужества, если не сказать нахальства, буквально поймать его за рукав сразу же, когда он спускался с трибуны. Я выпалил суть моей проблемы:

- Способный, талантливый, уже работаем...

Несмотря на сумбур и эмоции, я был понят, и мне назначили встречу прямо в Президиуме АНУ. Без пяти минут 9:00 я был в приемной. Могу перекреститься, не ради подхалимажа, утверждаю со 100%-й достоверностью, начиная с этой просьбы, по всем последующим на протяжении 40 с лишним лет, он ни разу мне не отказал. Первый раз было до смешного просто. Снимается трубка, звонок начальнику управления по кадрам:

- Так что, ты был в Москве? И я... Скверная (не точные слова) погода.

На том конце провода этот факт, видимо, находит подтверждение.

- Сейчас зайдет к тебе молодой человек. Он тебе все объяснит. Сделай, пожалуйста.

Молодой человек - это я, объяснил управляющему, что Володю И. направили после окончания ХИРЭ на завод ВУМ ("Электронмаш"), а я думаю, что его место в Институте кибернетики, потому что... Далее было письмо-ходатайство в Министерство образования, откреплeние и т.д.

Работать с ним было интересно, решения на грани эвристики и "интуитивных формализмов", некий критерий глобальных гармоний, постоянный поиск новых вариантов решений. Сегодняшние сверхгениальные решения - завтра уже пустяшные поделки. И все-таки, независимо от обстоятельств - быстрые и устойчивые решения - стиль работы, навязанный, пожалуй, самими обстоятельствами. Наши командировки были кратковременными - не более двух недель. Подготовительный этап - дома, в Киеве, - это постоянная и непрерывная работа мозга, нацеленная на поиск более архитектурно-структурных, нежели инженерно-технических решений. Последние можно было уточнить и проверить на месте, в диалоге со схемотехниками, топологами, математиками, программистами. Ведь основная группа разработчиков находилась в Ленинграде. В результате возник весьма своеобразный, но работоспособный тандем. Иногда приезжая очередной раз в командировку, мы сталкивались с ситуацией, когда местные коллеги, весьма толковые и опытные, хотя порой просто амбициозные, предлагали свои варианты. Начиналась дискуссия, иногда доходящая до выяснения отношений, но чаще всего полезная "в интересах дела", говоря языком газетных отчетов. Особенно отличался Илья Е. – главная математическая фигура ленинградских разработчиков. Все же в области архитектурно-структурной организации микропроцессоров и систем микропрограммного управления глушковская школа была на неоспоримо большей высоте. Местное начальство (Марк Г. и Владимир К.) внимательно выслушивали наши разборки, в обиду нас не давали и чаще отдавали предпочтение нашим предложениям. Хотя с нашей стороны хватало больших и малых грешков - все же сказывалась разница режимов работы наших организаций: они работали под достаточно жестким планом министерских тем и "рубежей", мы частенько выглядели эдакими вальяжными корифеями большой науки. Все уравновешивал и ставил на свои места человек, который пользовался у нас неограниченной репутацией - разработчик от бога - Толя Д., удивительно гармоничная личность. Кроме чисто профессиональных качеств, он оказался обладателем еще массы ярких талантов, достоинств и человеческих качеств. Самое главное из них было целостное восприятие жизни, как гармоничной и совершенной системы, которую нельзя портить мелочами. Если в пятницу на работе что-либо не клеилось и если оно так и не склеивалось до самой ночи, это совсем не означало, что мы (а это Толя, Володя, я и иногда Ира - будущая жена Толи) с субботнею раннею утреннею зарею не отправлялись в заветные места на Карельский перешеек, в страну бесконечных озер с чистейшей прозрачной водой и не проводили там в палатке двое суток.

Сборы и снаряженье - это Толина стихия, нам перепадало на уровне "принеси - подай". Здесь мы ничего не обсуждали, а только наблюдали и слушались.

- "Что такое чага и как из неё сделать шикарную сладкую настойку?"
- "Сколько килограммов рыбы может съесть нормальный человек за двое суток?"
- "Как охотиться на щук под водой при помощи пики?"
- "Как задраить палатку, чтобы комар носа не подточил (буквально)?"
- "Как утолить жажду морошкой при отсутствии и капли воды?"

Это и многое другое мы узнавали в таких поездках. А главное, это ощущение свободы, безмятежного и полного слияния с природой, эдакая ни с чем не сравнимая радость общения у вечернего костра.

У Толи было два излюбленных места: 19-й и 42-й километры на Карельском направлении. Может быть, самая примечательная часть путешествия - путь к месту назначения. Наш транспорт - горбатый "Запорожец", тот самый, из старенькых, оказался самым подходящим транспортным средством во время этих путешествий. Неизгладимое

впечатление одно из таких путешествий произвело на Шуру (это моя жена, повторяю для надежности). Дорога к месту назначения изобиловала рытвинами, болотцами, непроходимыми дорогами, так что иногда вопрос о том, может ли проехать здесь этот горбатенький фургончик, просто не стоял - любому нормальному человеку было понятно - нет. В такие минуты стоило понаблюдать за выражением лица нашего капитана, его действиями и указаниями. Приемы оказывались самыми разными: иногда необходимо было навести мосты из бревнышек, которые "кстати" всегда оказывались в кустах (ясно, не первая переправа у товарища Толи), иногда надо было выползать из удобного теплого салона под дождь, толкать и чуть ли не на руках тянуть этот, напоминающий грязный мусорник, драндулет. Иногда же к нашей тихой радости следовало веское замечание:

- "Если вода поднимется выше наших колен, тогда придется выйти, а пока сидите и не хлопочите".

Но какие это оказывались места! До вечера важно было выбрать место для палатки, обосноваться, поужинать наскоро и, конечно, искупаться. Указания учителя:

- "Вот здесь купаемся, а здесь - рука отмечает несколько метров вправо или влево - будем пить воду".

Чище воду (на Байкале я так и не побывал) в своей жизни я не видывал. Я бы сейчас это назвал показательным уроком Природоведения. Тогда мы просто ловили кайф.

Остатки карельских усадеб с фундаментами из цельных гранитных глыб, заброшенные плодовые деревья, море ягод и грибов: буквально на четвереньках губами объедали колонии земляники, черники, и других ягод.

Гвоздь программы - рыбные яства. С вечера Толя облачался в резиновый костюм с маской и пикой, исчезал под водой на час - полтора и возвращался с куканом, увешенным пятью - шестью метровыми щуками. Мы высказывали скорее слабый вопрос, чем слабое восхищение: "Что с этим добром должны делать?" И вот тут начиналась главная часть спектакля.

Ну, во-первых, вы не угадаете сколько блюд можно приготовить из шести щук. Во-вторых, вы не знаете, сколько вы, вот вы, лично, можете ее съесть, а, главное, не знаете, как это сделать. Единственное, что вам точно объясняют:

- "Все это мы съедим здесь, в Ленинград ничего везти не придется, вот посмотрите".

Как хорошо, когда не надо думать, т.е. когда ты уверен, что другие за тебя это сделают лучше. Как хорошо, когда уже все приготовлено (и ты участвовал в этой подготовке, с твоей колокольни, почти на равных).

Как прекрасно небо над головой, темные кусты, зеркальная вода озера, довольные физиономии братьев по оружию. Наконец, взяв первый кусок ароматной рыбной снеди, ты соображаешь также, что "чага" - это не какая-то коричневая бурда, приправленная сахаром, а напиток богов. Последнее - стопроцентная правда и по-настоящему ты оцениваешь это на следующее утро, когда встаешь с ясной и светлой головой без намека на какую-либо головную боль или дурь. Слегка опьянев от свежего воздуха, счастливые ложимся спать. Утром нас ждет то самое количество рыбных блюд, которые я сейчас воспроизвести не смогу! Ну, понятно, уха, ну жареная, ну под майонезом, ну фаршированная всякими чудесами... Вот здесь и начинается процесс обучения. После легкого завтрака и легкого купания наступает второе дыхание. Для особо непонятливых инструкция выглядит совсем просто, как закон всемирного тяготения: "После каждого захода в воду нормальный человек съедает минимум 1,5 кг рыбы". Прибавить сюда пару пробежек вдоль озер, гряда из которых протянулась на десятки километров, можете представить, как могуч был наш аппетит. В качестве десерта к вашим услугам море ароматных ягод. Их здесь, по выражению Толи "до дуры", значит (перевожу приблизительно) очень много. Это все совершалось, понятно, в летний сезон, а зимой к нашим услугам была слаломная горка, которую облагородили стационарным подъемником самостоятельно любители лыжных развлечений - Толина команда. Откуда брались лыжи для нас - осталось секретом; все помнят, что они тогда были в глубоком дефиците.

В понедельник снова включались в гонку за лидером. Надо было успеть по максимуму до следующего командировочного цикла. Уставали зверски, зато результаты воодушевляли. Это потом Зеленоград стал кремниевой долиной страны. В нашу бытность "Светлана" переживала не самый худший период своей биографии, а может быть и лучший. Приезжали Госкомиссии, проходили приемо-сдаточные испытания "красивых" работ.

Помню приезд В.М.Глушкова. Для меня это было особым событием, как отчетный концерт у музыкантов перед профессионалами. Была попытка получить Госпремию СССР за семейство "Электроника С5", неудачная. Но это никого не смутило. Были новые планы и новые разработки. Моя гордость - разработка микропроцессора для модели микроЭВМ "Электроника С5-21". Это однокристальный 16-разрядный эмулирующий микропроцессор. В нем была реализована идея ЭВМ с гибкой архитектурой - это моя слабость до сегодняшних дней. Изюминка состояла в создании двух взаимодействующих систем микропрограммного управления, одна из которых была ядром общей системы, а вторая использовала это ядро как библиотеку микрокоманд, а сама эксплуатировала общее поле памяти. Потом эта идея была повторена американцами в модели NCR-32. А пока что, помню, мы сидим в Толином "Запорожце" где-то на далекой дорожной ленинградской магистрали, спрятавшись от дождя, и честно несем службу добровольной гражданской автоинспекции. Зачем это необходимо было Анатолию, сказать сейчас не решаюсь, тогда он мне пытался объяснить какую-то явную для него, как для автомобилиста пользу. Этот вечер запомнился не только необычностью ситуации, но и тем, что был найден механизм взаимодействия этих двух злополучных систем управления. И он оказался таким простым и изящным, что на следующее утро специально проверяли решение "на вшивость", - не ошиблись ли мы в состоянии эйфории. Слава Богу, все оказалось ОК.

"Электроника С5-21" - один из лейтмотивов моей докторской симфонии. Толя свой талмуд успел написать, но так и не защитил: перестройки, переоценки, время и т.д. Она, его диссертация, тяжким грузом легла на мою совесть - ведь мог же посильнее толкнуть нечестолюбивого Толю в одно место.

На последние работы взамен Володи пришел на подмогу Саша К., который оказался мастером заявок на изобретения. И позже всю автоматную тематику подчинил своей разработке знаниеориентированного процессора. Как у него это получилось - скоро узнаем на защите.

Ленинград - это мой родной до последней березки город. Не только потому, что жил там когда-то не в лучшие времена, потерял в блокаду родственников и пр. Немало родственников отца и матери живет там до сих пор, поэтому любая поездка туда сопряжена со встречами, воспоминаниями, слезами радости и прощания. Наше послевоенное жилище располагалось в типичном мрачном и сыром ленинградском дворе на 6-й линии Васильевского острова; любимая двоюродная сестренка живет недалеко от Казанского собора на Плеханова, еще одна родная семья - между Большим и Средним проспектами, кто-то обитал на Лесном, в общем, весь город наш.

В рабочие, напряженные авралами поездки, останавливаться у родственников не любил - для этого требовалось много времени и энергии для общения, а их не хватало. В качестве альтернативы с удовольствием освоил так называемое общежитие для приезжих ученых Академии наук. Эдакое строение с коммунальной планировкой и жалкими условиями обитания, но зато в центре города на улице Халтурина, прямо возле Зимнего дворца. Вот уж я отвел душу в Эрмитаже. С таким азартом, блаженством и скрупулезностью, я впитывал в себя дух эпохальных шедевров. Позже, уже насытившись, для экономии времени сразу начинал с 3-го этажа - зала импрессионистов: Сезанн, Ренуар, Моне, Мане, Сёра, Писсаро, - это "мои" художники. А вот главная моя слабость (или сила), а точнее, любовь и смысл посещения – Ван Гог. Сколько времени я стоял переполненный эмоциями, вдыхая свежесть, излучаемую знаменитым "Кустом сирени". С оригиналами "Подснежника" и других шедевров мне удалось познакомиться значительно позже в поездке по Голландии, где я посетил не только музеи, но и родину художника. С одним из таких посещений связан

весьма эксцентрический случай. Происходила выставка привозных работ Ван Гога, где я приобрел несколько прекрасных его репродукций. В эдаком романтическом состоянии духа, я сидел на скамеечке возле Эрмитажа, любуясь ими. Была поздняя весна либо начало лета, на травяной лужайке резвилось множество ребятишек. Присмотревшись, я обнаружил, что это не только ребятишки, а и взрослые - целый цыганский табор. Молодая цыганка с младенцем подсаживается ко мне на скамейку и, видимо, четко вычислившее настроение, сумела повергнуть меня в транс и я отдал ей все до копейки деньги, какие были у меня в кармане. Еще несколько раз видел в разных местах города этот табор, цыганка же ни разу не попалась мне на глаза. Хорошо иметь родственников, у которых можно занять деньги.

Павловск, Пушкин, Петергоф (последний не помню) помогал мне "осваивать" все тот же Толя Д., у которого в Павловске стоял еще не совсем обветшалый дом матери. Ленинград строили поколения, но задумал один человек - Петр. А чего это ему стоило, Пастернак четко заметил:

Но лишь сейчас сказать пора
Величьем дня сравненье разня,
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни

Может, стоит упомянуть и последнюю строфу:

Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью,
Пока ты жив, и не моща,
И о тебе не пожалели.

Я еще вспомню о Ленинграде моих детства и юности, а также несколько штрихов из описываемого периода.

Что-то я разболтался. Ну, все равно, если позволите, три маленьких эпизода, которые легли на душу.

Володя К. - один из начальников, так сказать, среднего звена. Ну, встречались, ну работали, все, как говорят, по делу. В памяти же остались вечера, когда посещал его со вкусом устроенное жилище на далекой улице Мориса Тореза (надо же было отыскать подходящего героя!). Совсем не заранее приготовленная мастерской рукой жены вечерняя трапеза и почти ставший традиционным сольный концерт на не очень расстроенном пианино. Благодарные слушатели прощали мне все погрешности исполнения, естественного после пары рюмок коньяка, искренность исполнителя и кураж заслужили самой высокой оценки и неизменное приглашение на аналогичную встречу в следующий Бог знает когда, раз. Их (разов), к слову сказать, было много, и я почти уверен, что мы не успели надоесть друг другу ни физически, ни духовно (я имею ввиду и свой богатый репертуар, - шутка).

Другая, не менее трогательная сцена, которая засела в моей памяти, связана с посещением горячо любимого мною великого профессора-трезвенника Геннадия Н. и его милого семейства. Пианино не было, вместо него была гитара, на которой учился сынок Гены. Были даже танцы и декламация выдающегося, на мой вкус, стихотворения Р.Киплинга "If". Благо сынок, действительно весьма продвинутый в английском, сделал несомненно удачную попытку перевести его для присутствующих на русский, почти в синхронном режиме. Соскучился по вас, мои ленинградцы, мечтаю встретиться. Не знаю только, смогу ли вот так запросто, как тогда после банкета, посвященного сдаче на "Светлане" какой-то очередной модели "Электроника С5...", просидеть с коллегой, живущим неподалеку от места событий, за ночным чтением Марины Цветаевой и Пастернака, только что появившихся в Самиздате и отпечатанных на плохонькой пишущей машинке, на затертой, уже ходившей по рукам, низкого качества, чуть ли не оберточной, бумаге. Наверное, именно тогда родилась слегка запоздалая к ним любовь

Голова до прелести пуста,
Потому что сердце очень полно.
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста...

К этому городу моя привязанность с годами становится все сильнее, может, потому, что бываю там все реже и реже, а живых связей становится все меньше... Я не могу себе представить, как можно заснуть в белую ночь, как можно пройти, не взглянув на набережную Невы возле Зимнего или не бросить взгляд на стрелку Васильевского острова и Растрельные колонны, спокойно с авоськой в руке идти за хлебом по площади мимо Исакиевского собора, не заглянуть хотя бы разок в выпадавшие тебе короткие дни командировки в Летний сад, не пройти по Невскому от самого Московского вокзала до Адмиралтейства. Побывав несколько раз в Париже, после Праги, Будапешта и Амстердама, я отдаю свою любовь моему Ленинграду. Да простят меня читатели, не привык пока называть его торжественно Санкт-Петербургом. Постараюсь чуть позже исправиться. Я вернусь к нему в другой главе, где буду называть его уже не мой, а наш Ленинград.

ШВЕЦИЯ

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?
Н.Н.Гумилев "Швеция"

Вряд ли это кому-то интересно, но Швеция для меня - первая страна, где я почувствовал сполна все "прелести" длительного, автономного пребывания за рубежом. До этого были лишь краткосрочные командировки, да и то, в основном, в социалистические страны.

Ехать я не хотел, хотя все меня уговаривали. Прочитавший это мое "не хотел" сходу подумает, что я решил слегка покрасоваться на публике. Честно говоря, иногда у меня такое желание появляется, - видимо это признаки некоторого артистического куража, состояния весьма порою полезного, когда работа связана с постоянным общением с людьми. В данном случае - никакого куража, просто в то время жена была беременна нашим единственным в жизни "сокровищем" и я заколебался. Уговорили. Последнюю точку поставила Шура.

Вы знаете, что все командировки раньше оформляли через Большую Академию, МИДовские структуры, собеседования и пр. и пр. Все это было позади...

Самолет Москва - Стокгольм. Аэропорт в Стокгольме. Посадка. Зал прибытия. Иностранная речь. Еще ошарашенный незнакомой обстановкой, почти интуитивно "врубаюсь": радиообъявление, где я на подсознании улавливаю подобие своей фамилии и предложение подойти к службе информационного бюро. На самом деле, я не ошибся, мне вручают послание (message), которое я пытаюсь расшифровать - почерк, первое волнение, в общем, понимаете...

Все-таки не без помощи профессионально улыбающейся девушки из службы, понимаю, что по каким-то причинам меня не могут встретить и предлагают добраться по указанному адресу самостоятельно. Ничего себе! К тому же в кассе МИДа мне выдали жалкие копейки - даже не сообразить сразу, на что их могло хватить. Поэтому, отыскав стоянку такси, которым мне предлагали воспользоваться, я, с трудом объяснившись с шофером, все-таки постарался выяснить главное: хватит ли моей наличности, чтобы добраться до места, указанного в послании. Я долго хранил это послание как символ проблемы коммуникабельности.

Шофер высадил меня на улице, название которой было указано в послании, в результате я со своими чемоданами (поездка все-таки не на один день, да еще учтем осенне-зимний период) остался одиноко маячить на безлюдной улице, ища глазами здание с "центральными" ступенями Шведской Академии Наук, мысленно ориентируясь на ее московский аналог. Первая встреча и 1-я попытка оказались отрицательными. В послании был номер телефона, и я решил на манер нашего "дай закурить" попробовать зайти в ближайший офис и попроситься на такое одолжение, - монетки у меня естественно не было, искать телефонную будку бесполезно... Но не тут то было, - меня вежливо отшили: "У нас посторонним звонить не разрешается". Зато в одном месте мне все же повезло и меня наградили монеткой.

Наплевав на чемоданы, я двинулся вдоль квартала искать злополучную будку и после консультации с каким-то прохожим (это слишком красиво сказано: вы думаете, что все в Швеции так и болтают по-английски, да и я далеко не английского происхождения), я уже лепетал очень милому, судя по голоску, созданию, чего я от нее хочу. Оказывается, мне нужно было войти в находившееся совсем рядом парадное на третий этаж мрачноватого небольшого здания и нажать кнопку на обыкновенной входной двери. Вот эта-то девушка в этой коридорного типа квартирке и представляла Шведскую Технологическую Академию Наук. Это для меня было настоящим шоком.

Дальше пошло легче. Во-первых, мне выдали месячное пособие, направили в гостиницу, дали рекомендацию в Высшую Стокгольмскую Королевскую школу, где мне предстояло стажироваться несколько месяцев, заодно объяснили разницу между Шведской и Советской академическими системами.

Полуживой от усталости, я опять на такси добрался до маленького отеля, который оказался моей временной обителью, прошел формальности оформления и оказался в своем крошечном номере. Далее я закрылся на ключ, рухнул прямо на кровать и ... отключился.

Приоткрыв глаза, глянул в окно - было уже темно. Потянувшись рукой, задел за тумбочку, что стояла в изголовьи, не глядя, пошарил по ней и в руках у меня оказалась маленькая книжица "The Bible" - на трех языках. Нашел свой (английский) и, прочтя пару стихов, поднялся с видом человека, с большим жизненным опытом, объездившего полмира, и с удовлетворением отправился искать, где бы подкрепиться.

Недели за полторы я прилично "врубился" в язык - в Школе им пользовались широко, по крайней мере, семинары, на которые меня приглашали, проходили на английском. К слову сказать, в ней (Школе) работали, учились, стажировались, пребывали в докторантуре представители многих стран. Я был одним из многих, приехавших в эту страну искать своего счастья. Открытая и гостеприимная, она ласково всех принимала и устраивала. Меня поместили в комнату с докторантом из Египта по фамилии Митвалли. Звали его Эссам. Он заканчивал работу над диссертацией с симпатичным названием "Побитовая синхронизация в телекоммуникационных сетях", финансировала его пребывание в аспирантуре всемирно известная компания "Эриксон", куда он получил приглашение на работу после уже близкой защиты диссертации. Мы с ним поладили вполне, оба иностранцы, оба курили (я уже успел побывать в нашем торгпредстве) Мальборо. С небольшой разницей - рядом с ним была прелестная и очаровательная жена Олла, тоже египтянка; моя - на четвертом месяце беременности находилась далеко-далеко.

Я закопался в библиотеку - благо их в Королевской школе было великое множество - и, обсудив в общих чертах свои планы и пожелания с зав. кафедрой профессором Ларс-Эриком Торелли, окунулся в бурную деятельность в библиотеке, одновременно знакомясь с работами кафедры. В основном, эти работы были сориентированы на создание непроцедурных языков высокого уровня с развитыми родо - видовыми отношениями. Было также представлено направление эмуляции. Во всяком случае, приличный на то время компьютер PDP - II/34 использовался для решения задач эмуляции (в основном мягкими средствами). Наконец, несколько веточек объединялось под общим названием будущей версии языка LAX 2, LA - language - язык, X - неизвестный, надо понимать, пока

неизвестный. Мой творческий "подвиг" начался с того, что на ближайшем семинаре после небольшой вводной об Институте кибернетики и Киеве, я поведал собравшимся об идее многоуровневого микропрограммирования - благо первый опыт ее реализации на "Светлане" уже имелся. Идея понравилась, хотя инженерная красота замысла, по-моему, не была воспринята, так как на кафедре обитали профессиональные программисты и математики. Однако мое предложение - разработать проект LAX 2-компьютера, всем пришлось по душе, тем более, сам предложил - сам и исполняй. Я начал бурную деятельность: узнал о работах в Гётеборге, Линчёпинге, Упсале и решил, что после первых обнадёживающих результатов попрошусь туда в командировку. Ещё я заразился мыслью купить за их деньги несколько чипов из современного тогда "слайсового" семейства TMS - 320. Но это детали. Посетить несколько городов и научных центров внепланово представлялось интересным и престижным.

А тем временем из маленькой гостиницы меня, как я понимаю, из материальных соображений переместили в общежитие общего типа на другом конце города, точнее, на симпатичном острове под названием Лидинго. Добираться туда и обратно надо было через весь Стокгольм на трамвае и мне пришлось купить проездную карту. Копия фотографии, сделанной в автофотобудке, буквально повергла в ужас домочадцев. На ней было изображено лицо измученного жизнью человека - это и есть цена наших успехов?

Мой план сработал, и мне была предоставлена командировка, даны рекомендательные письма и адреса. Размеренный ритм работы, интересные обсуждения не только на семинарах, но и на кофе-брейках меня покорили своей непосредственностью, тактом общения, деловитостью и доброжелательностью.

Та же доброжелательность и неподдельное гостеприимство ощущались и в неформальных встречах. Запомнилось посещение типичного шведского кафе в старом городе, стилизованное под старое мачтовое судно. Много шуток, на столе среди разных блюд и пива в специальной подставке - большая запеченная картошка, - может, хотели поразить русского вариантом заправской русской кухни.

В гостях у Ларс-Эрика я чувствовал себя вообще весьма свободно и естественно, "как у себя дома". Двое детей, милая жена, по-моему, преподавательница. У обоих по машине, у ребят - мотоцикл. На цокольном этаже специальное помещение для занятий музыкой, там расположена целая классическая установка ударных инструментов. В гостиной стояло приличное пианино и я не удержался и спел им пару русских романсов, среди них "Очи чёрные", который пришелся по душе жене профессора. В ответ Ларс-Эрик добросовестно отмузицировал не помню уж какую классическую пьеску. На отдельном столе - начатая компоновка типично северного морского пейзажа из крошечных фрагментов, - такой себе вариант мозаичного конструктора.

Перебывал в гостях почти у всех сотрудников кафедры. Интересные интернациональные семьи: Анджей - поляк, его жена - шведка; дальше египтянин - финка и т.д. Запомнился вечер у Анджея: за столом оказалось шестнадцать человек из шестнадцати стран, включая Южно-Африканскую Республику, не говоря уж о представителях Европы и Америки. Было интересно. Возле меня сидел американец Чарли, который, как оказалось, часа через полтора, великолепно овладел русским, утверждая при этом, что он специализировался по русской литературе, и тема его диссертации (дипломной работы - не помню уж) звучала приблизительно так: "Маяковский и технологическая революция". Я был представителем коммунистической страны, поэтому дискуссии носили достаточно острый характер. Я естественно как истинный патриот пытался обосновать свои мнения и суждения, исходя из общей подготовки и здравого смысла. Достаточно туго пришлось, когда речь зашла о Солженицине, на которого уже начиналось тогда гонение. Позже работник нашего посольства, который меня опекал, сказал, что он хорошо знает этого самого Чарли, и что тот - профессиональный разведчик, каких в Швеции - пруд пруди. Больше мне с ним встречаться не довелось.

После долгих беспорядочных дискуссий, пустили по кругу гитару. Было забавно услышать этакое калейдоскопическое попурри "Вокруг света". Я попробовал показать им Высоцкого, однако, его там не знали и не слышали, зато Окуджаву "Бумажный солдатик", на шведском языке изобразил очень даже недурно один из соседей по столу - аборигенов.

Совсем другой характер носила встреча в египетском кругу. Это было на квартире у друга Эссама: две египетские пары и я до ночи играли "в слова", такая игра под названием "Scrables", где нужно составлять слова наибольшей длины на основе хода предыдущего игрока. Порже я где-то видел ее русский вариант. Сидели на ковре, пили вино, ели орешки. Я уже думал, что так на голодный желудок и придется закончить этот вечер, когда хозяйка пригласила нас на вкусную в египетском стиле пиццу, которую успела приготовить в режиме "on-line". Про хозяев квартиры и египетскую кухню я ещё вспомню.

Стокгольм меня очаровал, несмотря на осеннее время года и пасмурную, в основном, погоду. Климат морской, так что бывает разное, во всяком случае, меховая шапка, которую я прихватил с собой, оказалась кстати.

Острова, заливы, старый город, Королевский дворец, здание ратуши - уникальны. Походил я по соборам, на службах наслушался много церковной, а иногда и светской музыки. Публика на улицах попадалась разная (Швеция - страна эмигрантов, как и Америка). Не обошлось и без приключений. Однажды прямо на центральной улице оказался в кольце бравых мальчиков. Ребята просто решили подразвлечься, - это оказались солдаты, которых выпустили в увольнение в город. Сначала задиристо, а потом миролюбиво пообщались. Они в заключение рассказали, как служат в Швеции ребята - свободного времени и денег им, во всяком случае, хватает.

Режим работы в Королевской школе меня устраивал вполне. Мне был выдан мастер-ключ, который открывал входную дверь здания, крыло этажа, где располагалась кафедра, подсобные помещения, где располагался ксерокс, библиотеку кафедры (вообще же в школе библиотек много) и, наконец, комнату, в которой сидели я и Эссам.

Приходить можно в любое время, включая субботу и воскресенье, что я частенько и проделывал. В обед пользовался студенческой столовкой: гарнир, что называется, сколько осилишь - бесплатно, с собой брал бутерброды.

Жил в общежитии в отдельной комнате, во входном коридорчике располагалась электрическая плита, на которой я добросовестно варил приобретенную в торгпредстве курицу - мой постоянный ужин, а утром английский porridge - овсянку. Овощи и фрукты поглощал в большом количестве. Вообще магазин Торгпредства - это просто прелесть. Во-первых, никуда не надо далеко расхаживать, а купить можно все, что душе угодно: и подарки для домашних, и еду, о которой мы в Союзе иногда мечтали. Немаловажная деталь: чтобы чувствовать себя независимой личностью, можно было за цену на порядок меньше, чем в обычном стокгольмском магазине, купить блок тех самых "Мальборо" и четырехгранную литровую бутылку экспортного варианта "Столичной". Когда человек имеет возможность не жалея угостить ближнего, а таких поводов хватало, сразу повышалось уважение к себе как к солидному человеку, а не экономящему копейку "совку" (термин родился позже).

В нашем посольстве я бывал чуть ли не каждую неделю, там показывали кинофильмы. Была пара интересных встреч; помню одну из таких, весьма непринужденную и содержательную с драматургом Арбузовым. В особенности запомнились мне два широкомасштабных посольских мероприятия, которые я посетил за время стажировки. Первое - официальный прием по случаю юбилейной 60-й годовщины нашей Великой революции, вторая - встреча Нового года.

Приём был поставлен на широкую ногу, съехались главы посольств или официальные представители практически всех стран мира. В большом зале стоял пышно уставленный умопомрачительными яствами огромных размеров стол, в двух местах зала стояла хорошо вышколенная вспомогательная служба посольства, заведующая спиртным. После короткого слова нашего посла, вся многочисленная толпа пришла в движение и, акробатически удерживая яства и бокал в одной руке и активно жестикулируя другой, отменно

вышколенные, ухоженные и благоухающие профессионалы от политики начали зигзагообразное перемещение в этой огромной ароматной толпе, находя знакомых, очередные банальности и выражения лица в зависимости от обстоятельств. Было весьма интересно всё это наблюдать, ещё больше попробовать самому в том же духе. Оказывается совсем не обязательно для этого иметь конкретных знакомых, собеседник проявлял тут же доброжелательное внимание при первом намеке на обращение к нему.

Раут длился строго оговоренное время, порядка двух часов. После чего гости начинали раскланиваться и разъезжаться. Международная полиция имела небольшие хлопоты в этот вечер. Во-первых, возле ворот и ограды территории посольства какие-то митингующие выражали своё несогласие с политикой первой в мире социалистической державы, и за ними надо было строго присматривать, чтобы они не забросали двор чем-то взрывоопасным или обыкновенными камнями. Во-вторых, была и другая работа. Оказывается, Советское посольство в Стокгольме было известно своим гостеприимством и хлебосольством, а некоторые, хотя и весьма официальные представители ряда держав, недостаточно точно изучили свои потенциальные возможности в части количества которое они в состоянии "взять на грудь". В результате на моих глазах под занавес встречи у посольских работников оказалась дополнительная работа: за руки-ноги откантовывать не владеющих своим телом дипломатов за ворота, а там полицейские также были приобщены к похожей на описанную выше и не менее интеллектуальной работе, связанной с дальнейшей транспортировкой этого необычного и весьма ценного груза по месту назначения, адрес которого, как вы понимаете, нужно было еще каким-либо изощренным способом вычислить - вот где по-настоящему неоценима услуга и истинное назначение визитных карточек.

Когда "зачистка" территории была успешно завершена и остались только работники посольства и соотечественники, приглашенные на торжество, все облегченно вздохнули, расслабились и посол уже без пышных церемоний, а как-то проникновенно, эдак совсем по семейному, предложил тост за присутствующих и за Родину. Чувство, которым наполнились при этом наши души, трудно передать - ощущение общего братства, любви к этой самой родине, а точнее к родному дому, и какой-то ни с чем не сравнимой торжественности момента.

Трудно передать чувства людей, много лет работающих за границей, пусть это будет заезженное слово "ностальгия". Но вот её проявление в отношении новеньких, которые вот-вот оттуда, издалека, и вообще при обстоятельствах, напоминающих о доме, принимали самый разный и удивительный характер.

Встреча Нового года запомнилась совсем другой. Я уже чувствовал себя ветераном, завсегдатаем посольских мероприятий. Кое с кем я уже успел познакомиться. Готовилась нормальная складчина.

Новогодний вечер проходил в режиме "Голубого огонька": столики, сцена, выступающие - местная самодеятельность. Шофёр посольского автобуса трогательно и задорно исполнил появившуюся только-только песню "Вологда", ну помните "где резной палисад". Шквал оваций сорвали четыре дюжих молодца, не скажу точно в каком звании, которые в настоящих балетных пачках исполняли танец маленьких лебедей из "Лебединого озера".

Когда выступающие слегка подустали, под общее настроение далёкого дома и милого очага, и, добавив вдохновения парой рюмок родной "Столичной", взобрался к роялю на сцене и я. Не знаю почему, но захотелось спеть именно украинскую "Рідна мати моя". Не думаю, что всё дословно было понято, все-таки вряд ли кроме меня там кто-нибудь знал украинский, но реакция меня просто шокировала - у сидящих на глазах стояли слезы. Долго не отпускали, но уже ничто так не легло им на душу. Подвозил меня домой поздно ночью или рано утром военный атташе посольства, симпатичный и "стойкий" мужик. Стеклянная дверь моего общежития была разнесена вдребезги. Вероятно, сквозь неё попытался войти уже хорошо встретивший Новый год неизвестный жилец, возвратившийся домой раньше меня.

Подолгу пребывать в общежитии было тягостно, особенно тяжелыми были воскресные дни. Но иногда в гостиной, где стоял телевизор, собиралась дюжина жильцов. Иногда вечер проходил в молчании, чаще перебрасывались пустыми фразами. Мне было сложно в вечернем общении, так как все проживавшие ориентировались на ПМЖ, учили и использовали в разговоре в основном, шведский язык.

Из постоянных общений моими напарниками были бельгиец и ливанец. Первый оказался настоящим полиглотом. Знал шесть языков и даже начал изучать венгерский, так как недавно познакомился с мадьяркой. Ливанец - тихий парень, учился на продавца в универмаге, был моим консультантом в шопингах.

Частенько донимал меня дюжий финн, который с железной регулярностью возвращался вечерком под хорошим шафе и все приставал ко мне с предложением побороться. Мои уклонения его лишь раззадоривали, и он не на шутку распалялся уже самым серьезным образом. Иногда я ловко уворачивался и ретировался восвояси. Однажды мне на подмогу пришел немец из ГДР - считай собрат по соцлагерю. Он учился в Союзе, знал русский, был крупного сложения и пару раз прилично отшил домогания этого кретина.

Две поездки на международные конференции для сотрудников кафедры было почти стандартом. Каждый писал какие-то ходатайства на знакомые фирмы и те их запросто поддерживали. Такая поддержка являлась существенной подмогой бюджетному финансированию. Я с завистью провожал своих новоявленных коллег на очередную конференцию. На рождественских каникулах египтянин Сейф, женатый на финке, уезжал в Хельсинки к её родителям, приглашали и меня. На пароме - это путь в несколько часов безо всяких хлопот. Скрепя сердце я отказался, - посольские старожилы отсоветовали - без визы (хотя её никто не проверяет) - это считалось авантюрой. Ребята, у которых срок стажировки был побольше, имели возможность "смотаться" домой либо пригласить к себе кого-то из близких. Мне это было не положено, поэтому тосковал по-чёрному.

Эссам Митваили готовился к защите диссертации. Я старался как-то ему помочь. В день защиты он пришел в приподнятом настроении и, к моему удивлению весьма спокойный. В зал, где предполагалась защита, он принес сам прибор, и осциллограф, на экране которого было видно, как две системы, работающие на разных частотах, постепенно приходят в синхронизацию, что практически подтверждало работоспособность устройства и достоверность теоретической части работы.

Процедура защиты меня просто рассмешила своей простотой. Пара человек комиссии - из руководства Института и кафедры, немногие желающие поприсутствовать на защите и оппонент-профессор из Польши - какой-то знакомый профессора Экборга - руководителя диссертанта. После общего вступительного слова диссертанта, оппонент задает ему заранее приготовленные вопросы, по-моему, они были записаны прямо на доске. Диссертант ответил на них, показал, как работает прибор. Председатель на этом собирался закрыть заседание, когда из зала раздается:

- А вопросы можно?

- Ну, конечно, пожалуйста.

Единственный вопрос из зала был мой. Помня обычаи наших защит, накануне я спросил у Эссама:

- Слушай, а какой тебе задать вопрос?

Он сначала не понял и приготовился отвечать на мой еще не заданный вопрос. И тут я ему попытался объяснить, что моя цель задать этот вопрос именно во время защиты, чтобы сделать выпуклой какую-то из сильных сторон диссертации. Ну, в общем, он сообразил, что вреда от этого не будет, и наш маленький спектакль был разыгран как по нотам.

После защиты слегка уставший, но довольный диссертант мечтательно объяснял мне, каким он желает видеть свой диплом - с золотыми буквами и вензелями. Комедия!

Оказывается, сам диплом никакой формальной роли в вашей ситуации нигде не играет. Важен факт защиты, дальше все тебе верят на слово.

Дальнейший послезащитный ход событий проходит по нашему сценарию - кто как может устраивает званый ужин с официальными приглашениями, одно из которых получил и я. Мой египетский собрат затеял свое мероприятие в каком-то заведении на окраине Стокгольма, которое он снял на вечер. Закупки, спиртное готовили сами. Кухня была выдержана в ярком египетском стиле, так что ни одного из названий блюд воспроизвести не могу. Больше всего мне пришлись по вкусу сладкие блюда: пончикообразных сладких палочек - шедевр египетской кухни - я съел не меньше дюжины. Программа состояла из двух частей - фуршета, предполагавшего свободное общение гостей, и танцев. Присутствовали сотрудники кафедры с их половинами и знакомые египтяне. Танцы проходили по стандарту "кто во что гаразд". Я и сейчас люблю танцевать, правда, возможностей выпадает все меньше и меньше. Мое внимание привлекла хорошо сложенная египтянка, с современным (1978 г.) "держать ритм". Оказалось, что я её просто не узнал, мы уже были знакомы - это хозяйка той самой квартиры, где мы сражались в Scrables, жена друга Эссама. Я пригласил её на танец. Понравилось, хотел пригласить еще раз, но в этот момент ко мне подходит Эссам и просит приубавить интерес к партнерше, так как его приятель, муж египтянки, очень ревнив и недолго до скандала. Спасибо за предупреждение - я ничего дурного не имел в виду.

Закончилось торжество поздно, где-то к полуночи. Не успел я и сообразить, что к чему, гости на своих машинах разъехались, и я остался у входа в заведение с двумя сотрудниками кафедры - молодыми шведами, порядком выпившими, если не сказать больше. Такси мне не по карману, и я решил добираться вместе со своими шведскими коллегами пешком через весь город. Они шли медленно и мне пришлось тянуться хвостом за ними. По дороге они по пьянке стали выяснять, кто кого больше уважает, и дело дошло до размахивания кулаками. Ещё не хватало мне из-за них загреметь в полицию. Я оторвался от них и уже самостоятельно под утро добрался до общежития на своем прекрасном, но далеком острове Лидинго.

Иногда, непроизвольно перебирая в памяти события прошлых лет, вдруг всплывают картинки и подробности давно забытого и вместе с ними Швеция, Стокгольм, лица, сюжеты, в основном яркие фрагменты на фоне весьма размытого заднего плана.

В Гетеборге, в Чалмерской школе преподаватели и студенты гордились тем, что в ней когда-то учился нынешний король Карл Густав 16 и в качестве подтверждения сообщали, что он, как и все, вот на этих заборах писал с ошибками великие глупости. Если я чего-то и перепутал, из Гётеборгской поездки у меня засели в голове две детали: первая - во время моего пребывания там проходил футбольный матч с одной из наших команд, а второе - меня заинтересовало прагматичное решение в части городских туалетов: прямо рядом с тротуаром располагались небольшие изящной формы кабинки, выполненные в виде закрученной спирали.

Наш земной шарик - это большая и славная деревня - в Линчёпинском университете в беседе с одним из профессоров американского происхождения выясняется, что он хорошо знает чету Карташовых, когда-то работавших у нас в Институте и сбежавших с теплохода во время круиза. Как раз на днях он получил от них письмо с приглашением сотрудничать в журнале, который они организовали. Светлана Карташова была женщиной, выделяющейся из толпы, но с наглецой. Севку (Стива в нонешнем варианте) я недолюбливал - он был какой-то скользковатый. Тогда они бежали, оставив в Союзе ребенка. Потом его востребовали к себе через Красный Крест. Отдать должное - в Штатах оба, сначала она, потом он, как говорили, устроились весьма прилично, Правда, не сразу. Да шут с ними.

Завершая шведскую тему, скажу, что свой проект я закончил, появился труд "LAX-2 computer implementation" эдакая монография, изданная препринтом в Королевской школе, Стокгольм 1978 г.

После прощального вечера, который я устроил в общежитии для своих шведских коллег и друзей, благо "Столичной" хватило бы на две такие компании, меня провожали в аэропорт Эссам и Олла. На память подарили маленький ручной работы египетский сервизик

- графинчик и три фужерчика, абсолютно невесомые - из такого стекла они были сотворены. Один фужер разбился по дороге, остальные позже - на нашей дарницкой квартире.

Слишком малую часть событий далёких лет удается охватить воспоминаниями в один присест. Многое остается "за кадром" или не ложится на бумагу красивым слогом. Чтобы освежить увядающие картинки шведской одиссеи, забрался в старые письма, которые регулярно в виде коротких отчетов пообещал домашним писать, что честно и выполнял. Надеясь заранее на прощение за серость моего эпистолярного искусства, привожу некоторые выдержки практически без купюр.

4.12.1977. В Стокгольме потихоньку начинается зима. Чуть-чуть приморозило. Это приятнее, чем дождливая погода. Сижу сейчас у окна. Передо мной Larsberg Centrum - это торговый центр (микрорайона Лашберг) на острове, где я живу. Рядом впритык - трехэтажный гараж, за ним - красные кирпичные дома, между которыми в хорошую погоду проглядывает залив - порт. Вижу, как ребята катаются на санках с горы. Ландшафт живописный. Снегу еще, по сути, нет, но кругом все белым-бело.

На кухне, совмещенной с коридором, принимает казнь очередная жертва. Кажется, дело подходит к концу. Пользуюсь твоими рекомендациями: когда, в каком порядке и что забрасывать. Курица выйдет на славу, почему бы и нет?

Вчера был в гостях у парня из нашего отдела, Анджея из Польши. Были также два других сотрудника отдела. Собрались вместе с детьми: маленькая 1,5 года Ребекка, дочь Сейфа - египтянина и пацан Эмиль - 2,5 года, сын Анджея. Они там демонстрировали свои шалости, пока где-то в 10.30 их, наконец, благополучно не уложили спать. Ели вареники с мясом, почему-то запивая борщом-бульоном, а также с сыром, картошкой и чем-то еще вкусным. Вареники здесь называются, точнее не здесь, а в Польше, - русские пироги. Возвращался на машине, было уже довольно поздно.

Ребята на работе нашли случайно два словаря: русско-шведский и обратный, есть шанс познакомиться с языком.

Вчера, в субботу, бродил с парнем из Ливана по городу: сделал пару снимков. Не знаю, что получится.

В пятницу вечером играл в биллиард в торгпредстве, там большой и хороший стол.

Сегодня вечером пойду в посольство, там по воскресеньям - кино. На этой неделе, говорят, пускали вне плана несколько интересных фильмов.

Моя поездка в Линчёпинг откладывается на послерождественский период, т.е. январь, т.к. один из двух профессоров (оба американца), с которыми я договаривался о встрече, оказался занятым. Предстоят рождественские каникулы - не очень приятная для меня перспектива, т.к. придется сидеть в своей конуре, а она мне порядком осточертела... А что у вас нового? Как наши?

Отсчитал половину срока. Скоро Новый год, а там, глядишь, я и дома.

6.12.1977....Сижу на работе; один в комнате, читаю и тружусь. За окном валит густыми хлопьями снег: за ним ничего не видно: только смутные силуэты домов и отдельные фигурки прохожих. Приятно было взглянуть за окно - почувствовал в этом снегопаде что-то родное и поэтому написал эти строчки. Сейчас же возвращаюсь к работе, один лишь деловой момент - вчера зарезервировал билет на 24 января 78 г. Вышли мне деньги, 50 руб., адр.: г. Москва, Центральный телеграф, до востребования П.А.В. Ну, пока. Допишу позже.

11.12.1977. Воскресенье. Сегодня брошу это письмо. Во вторник оно пойдет к тебе.

Снега - как не бывало. Погода стоит ровная. На работе - без особых изменений. Вчера смотрел по телевидению церемонию вручения Нобелевских премий (билета достать не удалось). На сцене Концертного зала (есть такой, очень большое помещение) сидели лауреаты - напротив них король Густав Карл 16 и его жена - Элизабет (из Бразилии). Она эффектна и мила - все журналы полны их портретами с новорожденными малышами на руках. Каждого лауреата представлял официальный швед из какого-либо университета на шведском языке, затем - короткое объяснение на английском, после чего король вручал медаль и диплом. Среди награжденных - одна женщина, по медицине (первая в этой области

женщина). Процедура прерывалась исполнением музыкальных произведений (было среди них что-то Барбера).

Затем был грандиозный банкет (также показывали по телевидению) и концерт.

Первую часть церемонии смотрел в культурном центре, есть тут такой, где можно почитать газеты, книги, поиграть в шахматы, что я и сделал - оказался партнер, поляк - студент, учится в Технической школе, где и я пребываю. Кстати, мне об этом Calture Huset поведал немец - Фред, с которым я вчера шел от метро домой пешком (трамвай испортился). Перед этим я умудрился забыть в метро перчатки, завтра придется покупать новые.

Читаю всякие книжонки на английском на сон грядущий.

Сейчас варю очередную курицу. У меня это получается небрежно - стал специалистом, так что жаркое и суп меня ждут (забыл посолить - еще не поздно). Кажется, мы с этой курицей однолетки.

Вечером пойду в кино, посольское.

В следующую пятницу мой коллега, сосед по комнате, защищает диссертацию. Интересно посмотреть. Его оппонент - профессор из Польши, приедет на следующей неделе. Приглашен на disputations dinner, приглашение на симпатичной карточке, подписано Olla & Essam Mitwally (Olla - жена, привет Оле). На этом мои новости исчерпаны, начинаются вопросы.

8.01.1978. Считаю дни. Скорее домой, хотя не все еще сделал из того, что намечал. Погода меняется быстро, не уследишь. Сегодня был прекрасный солнечный день. Снег показался было, теперь его нет. Температура возле "0". Один из последних дней был довольно морозным. Хорошее начало письма - прогноз погоды.

Теперь про Новый год, хотя он давно уже не новый. Но праздник все-таки. Я встречал его в посольстве. Знакомых - раз - два и обчелся. Но получилось все славно. В зале (отрезок большого зала, отгороженный раздвижной стеной) столы уже стояли и все спешили накрывать на стол. Я пытался помогать. Поначалу вышел сбой - я то денег не сдавал, и никто обо мне, естественно не помышлял. Но у русских за столом место всегда найдется, а деньги я сдал через пару дней.

Успели едва проводить старый год по-советски, (собрались и сели в 10 по-шведски). Затем под бой кремлевских курантов наш, а затем - шведский Новый год. Была самодеятельность. Кто - что мог, тот то и пытался изобразить. Ты, конечно, понимаешь, что за мной дело также не стало. Все было очень мило. Могикане расходились на рассвете. Меня довезли прямо к дому на машине.

В понедельник был уже на работе и трудился полным ходом в гордом одиночестве всю неделю.

В пятницу собирался не ходить в институт - поработать дома, но потом вспомнил, что ты говорила, что Тамара должна звонить, и пошел. Тамара не звонила, но пришел не зря - Татьяна сделала мне сюрприз.

Вечером был в гостях у парня, где была пара человек из отдела (с женами), включая моего профессора. Было потихоньку скучновато, зато финско-египетская кухня это весьма неплохо компенсировала. Решали головоломки со спичками и картами - тоже ничего. В субботу не работали - отдыхал (утром делал покупки - как они тебе понравятся?). Вечером играл с Эссамом и его знакомыми в Scrable - я писал - так что развивал свой английский, которым я все больше не доволен.

На неделе вечером заходил в комнату к бельгийцу, поговорили пару часов, хороший и неглупый парнишка, рассказывал немного о Бельгии и своей профессии - экономике. В понедельник перед работой хочу заглянуть в Аэропорт.

P.S. Недавно один из сотрудников Кибцентра побывал там же в Королевской школе, встречался с L.E.Torelli. Я долго приставал к нему с вопросами, пытаясь узнать, как же тот выглядит сегодня и как у него дела. Где-то по моей вине прервалась связь (всё дела - дела, а на письмо из двух слов уж нет времени.) Очень жаль...

АМЕРИКА

Ты балда, Коломб, -
скажу по чести.
Что касается меня,
то я бы лично –
Я б Америку закрыл,
слегка почистил,
А потом
опять открыл –
вторично.

В.Маяковский.

У каждого своя Америка, и это факт, - я имею в виду не ее аборигенов, - у них свои критерии, а нас с вами, заезжих и залетных. У меня самого их, по крайней мере, две: Америка - 91 и Америка - 98. Если не претендовать на очередное открытие Америки, то ее образ - вещь во многом субъективная, представляющая, выражаясь математическими категориями, функцию многих переменных: цель поездки, время года, компания попутчиков, собственные возраст, темперамент, априорные знания, знание языка, наличие родных и знакомых на ее территории. И думаете это все? Честно говорю, могу продолжить сей список, но зачем? У читателя свой опыт может быть, в сто крат превышающий мой, весьма скромный, так что, стоит ли "открывать велосипеды и Америки?"

За год до первой поездки в Штаты, у меня уже "железно" намечалась одна, весьма серьезная, - на конференцию с заказным докладом, который я добросовестно подготовил и заранее отослал. Даже собственное изображение, которое требовалось по регламенту для представления информации об авторе при публикации, и то специально заказал по такому случаю. В кармане находился придававший спокойствия и уверенности присланный устроителями чек на предостаточную по нашим измерениям сумму, билеты были заказаны, ну что еще? Конечно же, виза. Что-то она задерживалась в Москве, и для ускорения событий, я послал туда сотрудницу. Счет шел уже на дни, потом на часы. Наконец, сотрудница возвратилась, но... без злополучной визы, - произошло какое-то недоразумение в коридорах американского посольства, но Бог с ними. Жизнь продолжалась по своему, известному только ей самой, сценарию.

91-й год, конец апреля, оживляющая от сонной спячки наши души красивая киевская весна и абсолютно несерьезные обстоятельства, в результате которых, я оказался ответственным за украинскую делегацию, отправляющуюся на Первую Всемирную Конференцию Руководства - весьма странное мероприятие, организованное, как оказалось, известным религиозно-общественным деятелем Сан - Мён Муном, кстати, американским миллиардером, выходцем из прокоммунистической Северной Кореи. Конференция собрала около сотни наших соотечественников в составе делегации от всех республик нашего полуразваленного, еще недавно великого и нерушимого союза, за каких-то пару месяцев до пресловутых ГКЧП ешных событий.

В 16:00 мы благополучно приземлились в знаменитом JFK - аэропорту или проще - имени Дж. Кеннеди, а около семи часов вечера были уже на пути в гостиницу с интригующим названием "Marriott's Hunt Valley Inn". Первое слово означает название широко распространенной компании, наподобие Шератон, которой принадлежит множество гостиниц в США и даже за их пределами. Два других - "Охотничья Долина" - это название местности неподалеку от Балтимора, как утром выяснилось, зеленой, тихой и вообще весьма привлекательной, как и гостиница, получившая её (местности) название по родо-видовому принципу. По пути в гостиницу нас накормили ужином и мы прибыли к месту назначения в хорошем расположении духа, хотя немного усталые. Оно и понятно - перелет, поездка, смена временного пояса, психологическая нагрузка.

Поднимаюсь в свой номер, открываю дверь и оказываюсь в полусонных объятиях своего давнего знакомого Льва Г., у которого за полчаса до моего приезда отмечалось весьма значительное и для домашних условий событие - его собственный день рождения. Случай весьма солидный для того, чтобы отложить на пару часов ещё недавно такой желанный сон, заполнив их тремя дюжинами существенных и банальных вопросов и ответов. Он приехал накануне, двумя днями раньше и уже включился в напряженный ритм командировочного в Америке. Когда заздравные тосты истощились, и все фонтаны были слегка заглушены, мы уже абсолютно никакие, хотя и весьма довольные, улеглись спать. Я еще долго традиционно ворочался на новой постели и, наконец, заснул.

Пока мы безмятежно спим, вполне уместно поведать о моём приятеле и коллеге Льве Г.. Директор огромного объединения Минэлектропрома в еще существовавшем тогда родном союзе, яркий ученый и практик, сделавший в радиосвязи больше, чем все мои знакомые в этой области вместе взятые, он отличался широким диапазоном научных, эстетических и вообще жизненных интересов, что делало его привлекательным, как в среде профессионалов, так и в хорошей компании. Наши интересы пересеклись много лет раньше, когда в условиях уже начавшегося развала страны, мы начали совместный, весьма перспективный и увлекательный проект по созданию многопроцессорной вычислительной системы с СВЧ-коммутатором. Проект по ряду причин остался не завершенным, хотя и не повторен до сих пор никем, даже маститыми американскими и японскими фирмами. Для хвастовства, в данной ситуации, конечно же, оснований маловато, но совсем малюсенькое, пусть и примитивное, чувство превосходства над нашими иностранными коллегами, мы все-таки честно заработали. Еще парочку проектов, но уже в далекой от компьютерного машиностроения области, нас еще ожидало впереди. Непосредственно за год до поездки произошло примечательное событие, очередной раз скрестившее наши биографии - выборы в нашей Украинской Академии. Мы оказались конкурентами, претендовавшими на одну вакансию члена-корреспондента по специальности "вычислительная и информационная техника". Судьба оказалась благосклонной к нам обоим, - мы набрали одинаковое количество баллов, по ходатайству Академии была "выбита" дополнительная вакансия и оба оказались избранными, - счастливчики, ничего другого не скажешь.

Утро было теплое и красивое: солнышко, зеленые лужайки возле отеля, голубая вода бассейна, такое же голубое небо, свежий воздух и приподнятое настроение, несмотря на короткую ночь, ранний подъем и такой же ранний завтрак. Это в первое утро пребывания нас слегка пощадили, в остальные же дни завтрак начинался с 6:45 и мы жили в темпе allegro. Первым мероприятием нашей обширной, обстоятельно подготовленной программы было ознакомление с ней во время завтрака. Среди бумаг в выданной каждому папке было и такое обращение:

Добро пожаловать в Соединенные Штаты Америки.

От имени Конференции Американского Руководства я рад приветствовать вас в Соединенных Штатах Америки. Нам выпала большая честь выступить спонсором вашей поездки и быть к вашим услугам во время вашего пребывания здесь.

Мы проделали большую подготовительную работу, чтобы ваш визит прошел на наиболее высоком уровне и оставил у вас наилучшие воспоминания. За исключением самой конференции, предлагаемая на ваше усмотрение программа мероприятий и поездок, конечно, не является обязательной, однако, я надеюсь, что вы найдете ее действительно увлекательной, с пользой проведенным временем, которое, к сожалению, ограничено. В прилагаемой программе перечислены запланированные мероприятия и уточнены те ее аспекты, за которые Конференция Американского Руководства несет финансовую ответственность.

Как вы знаете, основным мероприятием программы является Первая всемирная конференция руководства. Её заседания начнутся во вторник, 30 апреля в 11:30 и завершатся в четверг, 2 мая в 20:30.

Дополнительную информацию о конференции вы сможете получить во время регистрации. Достаточно сказать, что в работе этого форума будут участвовать действительно выдающиеся деятели со всего Советского Союза. После конференции, во время экскурсий по г. Вашингтону и по г. Нью-Йорку у нас будет возможность встретиться с выдающимися американскими общественными деятелями, включая представителей федеральных ведомств и ведомств штатов, официальных лиц из правительства и видных американских бизнесменов.

Я очень надеюсь, что ваше пребывание в Америке вам понравится и запомнится. Жду скорой встречи с вами.

Искренне ваш,
доктор Томас Дж. Уорд, исполнительный директор

В одно мгновение Программа была запущена, и мы уже оказались в столице США, где на нас обрушивается первый гигантский поток впечатлений. Поездка по городу, посещение Капитолия, памятника Дж. Вашингтону, Музеев: Космоса, Смитсониян, Американской истории; небольшое путешествие по улицам Вашингтона, перемещение к мемориальным памятникам Линкольну, Вьетнаму, Музею Джефферсона, (может быть оттуда, из мемориальной надписи, перекочевало на доллары известное всему миру изречение "We Trust in God").

Как все увиденное удержать в памяти? Невозможно. Правда, Лев подсказал один довольно-таки эффективный прием. Еще в здании Капитолия, отделившись от общей группы, он тихо предложил:

- "Давай присядем вон на ту скамейку".
- А зачем?
- Потом скажу.
- Потом, так потом.

Второй раз он так же ненавязчиво предложил отделиться от толпы и пройтись вдоль Потомака, протекавшего в тридцати метрах от музея. Вот тогда-то он и поведал весь "секрет":

- Понимаешь, ну вернешься ты домой и что?
- Ну вернусь я домой и что?
- В том то и дело, что ничего. В лучшем случае начнешь перечислять места, где побывал. А теперь, при любом удобном случае, ты можешь, не соврав, небрежно вставить: "Гулял я как-то по берегам Потомака" или: "Сиживал я как-то в Капитолии со своим приятелем и ...". Я по достоинству оценил юмор и мой звонкий смех не заставил себя ждать.

Отъезд в гостиницу, ужин и немного свободного времени. Вполне достаточно для первого дня. Спали, как убитые.

Следующий день был днем открытия конференции. По этому случаю устроители организовали грандиозный прием и торжественный банкет, которые были украшены выступлениями бывших и настоящих послов Филлипа В. Санчеса, Сэма Захрейна и главного распорядителя, являвшегося правой рукой Сан Мён Муна - доктора Бо Хи Пака. Это он в тяжелые 50-е годы войны в Корее однажды вынес бездыханного Муна с поля боя и тащил на себе чуть ли не 20 километров. Такое не забывается. Вступительная речь на открытии конференции Бо Хи Пака вводила собравшихся в суть проблем, которыми нам предстояло заняться в ближайшую неделю. Вот некоторые выдержки из этой речи:

Дамы и господа.

От лица Всемирной Конференции Руководства я рад приветствовать всех вас в Вашингтоне, столице Соединенных Штатов Америки, на Первой Всемирной Конференции Руководства. Это замечательно, что делегаты из всех пятнадцати республик Советского Союза собрались здесь, в Америке, на этой конференции. Я от всей души благодарю вас за

то, что вы отложили все свои важные дела, чтобы провести с нами эти насколько дней. Я надеюсь, что конференция оправдает ваши ожидания.

Хотя эта Всемирная Конференция Руководства является первой, но она основывается на Конференции Американского Руководства, которая была создана несколько лет назад для объединения американских лидеров и обсуждения основ американских ценностей и демократии.

Эта Всемирная Конференция Руководства гораздо шире, чем Американская Конференция Руководства. Многие участники предыдущих конференций были заинтересованы в более глубоком понимании взглядов Преподобного Сан Сён Муна, основателя КАУЗА Интернэшнл и Конференции Американского Руководства. Через молитву и исследование Преподобный Мун развил учение Объединения, или Божественного Принципа, последовательную систему мировоззрения, которая раскрывает значение смысла жизни для приведения в гармонию мировых религий и культур.

Соединенные Штаты и Советский Союз находятся по одну сторону линии фронта, действуют вместе в интересах прочного мира. Этот факт не только приносит чувство облегчения, но и является источником надежды. Если это сотрудничество расширить, то возникнет реальная надежда на прочный мир.

Цель данной конференции - усилить эту надежду и постараться сделать ее реальностью. Именно для этого мы и собрались здесь сегодня вечером.

Мы все ближе и ближе подходим к концу этого века. Давайте же зададим себе вопрос: Какова самая серьезная проблема, стоящая перед человечеством во второй половине двадцатого века? Многие ответят, что самая серьезная проблема - это угроза химической, биологической или ядерной войны. Другие скажут, что самой серьезной проблемой является преступность или кризис окружающей среды. Это действительно серьезные проблемы, стоящие как перед Востоком, так и перед Западом. Но давайте поищем ответ на эти вопросы глубже. Более глубокий ответ заключается не во внешней форме наших проблем, а в причинах, их порождающих.

Если посмотреть на проблему с этой точки зрения, я надеюсь, что вы все согласитесь, что самой крупной проблемой нашего времени является глубоко зашедшее "смещение ценностей". Результаты этого смещения ярко проявляются повсюду. Люди не могут разобраться, что правильно, а что неправильно, что добро, а что зло, что справедливо, а что несправедливо. Это смещение усилилось кризисом веры в Бога, и в некоторых случаях отрицанием существования Бога.

Америка и другие Западные нации основаны на утверждении Бога и прав человека, дарованных Богом. Однако, в течение нескольких последних десятилетий этот основной фундамент американской философии подвергался нападкам.

Здесь, однако, мы можем остановиться и спросить, что же такое демократия. Демократия есть не что иное, как система управления. Это метод выбора людей для управления. Демократия сама по себе не может автоматически гарантировать ни прогресс, ни процветание. Успех любой нации зависит от ценностей, которые выбирает народ. Демократия похожа на красивый сосуд. Пока он пуст, от него нет пользы. Для того, чтобы демократия заработала, сосуд должен быть заполнен соответствующей системой звуков и ценностей.

Я должен, однако, сказать, что не нужно вновь изобретать колесо. Основы этой системы ценностей всегда были с нами. Но эта традиционная система ценностей должна быть переосмыслена и четко выражена в контексте великих достижений человеческого разума на подступах к двадцать первому веку. Это новое выражение правды должно начинаться с утверждения о существовании Бога.

У меня в руках книга, которая называется "Бог и новая физика". Как вы понимаете, это очень интересная книга. Рассуждения о Боге обычно ограничиваются пределами религии, а физика обычно относится к области науки. Если бы эта книга была написана священником, она бы не имела большого значения. Но эта книга написана специалистом по

ядерной физике, доктором Полом Девисом. и он делает совершенно необычное заявление. Он пишет: "По моему мнению, наука прокладывает более верную дорогу к Богу, чем религия. Правда это или нет, но уже сам факт, что наука дошла до такого уровня, когда она со всей серьезностью может исследовать вопрос, считавшийся ранее религиозным, указывает на далеко идущие последствия новой физики". Это поразительное заявление.

Вселенная, в которой мы живем, является исключительно сложной и организованной. Наука исходит из того, что существует определенное соотношение между причиной и следствием. Наша Вселенная существует не без причины. Имеется первопричина для существования Вселенной. Эйнштейн заявил: "Я хочу понять, как Бог создал мир. Я хочу узнать Его мысли. Остальное - детали".

Леди и джентльмены, что я пытаюсь сказать, - это просто, что существование Бога больше не является чисто религиозной темой. Это, по существу, стало научным выводом двадцатого века, и этот вывод найдет еще большее подтверждение в двадцать первом веке, по мере того, как будет расширяться понимание человеком безграничности Вселенной.

В Декларации Независимости говорится: "Мы считаем самоочевидной истиной, что все люди создаются равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами и что в эти права входят жизнь, свобода и стремление к счастью. Успех Америки заключается в этих нескольких хорошо отобранных словах. Американская революция - это революция центром которой является Бог. Эта революция объявила миру священные человеческие права на жизнь, свободу и стремление к счастью, и все они идут от всемогущего Бога, а не от Правительства, не от Конституции и не от политических партий.

Александр Гамильтон заявил, что "наши священные права написаны рукой самого Бога и никогда не могут быть стерты или затушеваны земной властью". Уильям Пенн предупреждал: "Если нами не будет управлять Бог, нами будут править тираны". И Джордж Вашингтон заявлял: "Невозможно управлять миром без Бога и Библии".

Как это ни странно, современная Америка все больше отчуждается от своего собственного духовного наследия, и по мере того, как это происходит, ее моральные основы продолжают разрушаться. При рождении Америки ее отцы-основатели признали определенные самоочевидные истины, которые их объединили. Сегодня эти самоочевидные истины заменились уверенностью в том, что ничья точка зрения на жизнь не является уже более правильной, чем чья-то другая. То есть, что истины не существует.

Принимая Темплтоновскую Премию за прогресс в религии, лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын прямо заявил: "Если бы меня сегодня попросили наиболее кратко сформулировать главную причину того, что разрушительная Советская революция поглотила около 60 миллионов наших людей, я не мог бы сказать ничего более точного, чем повторить "люди забыли Бога. Поэтому все это случилось". Доктор Алан Блюм, профессор Чикагского Университета, написал прекрасную книгу "Закрытие американского ума". Это яркий обвинительный акт релятивизма. Книга пользуется таким большим успехом отчасти благодаря неожиданным и откровенным выводам. А. Блюм полагает, что Соединенные Штаты погружаются в своего рода моральную безграмотность.

Я бы хотел закончить мою речь известной цитатой Виктора Гюго: "Сильнее, чем наступающая армия является идея, чье время пришло".

Дамы и господа, эта Всемирная Конференция Руководства объединила людей со всех республик Советского Союза. Участники этой конференции фактически составляют микрокосмос мира. Мы находимся здесь для того, чтобы исследовать принципы, которые могут привести нас в следующее столетие. Я верю, что эта конференция является идеей, чье время пришло.

Да благословит вас Бог.

Большое вам спасибо.

Уже после обеда нам была прочитана 2,5 часовая лекция "Принцип и всеобщие ценности", которая была посвящена месту человека в существующем мире, роли духовного начала в его жизни, анализу общечеловеческих ценностей и выбору жизненной позиции, оправдывающей главное предназначение Человека, как высшего Творения на земле. Мы еще не были готовы к тематике и самому предмету излагаемого, но определенный настрой наших мыслей все-таки произошел, мы понемногу привыкли и освоились, хотя вопросительный знак в наших глазах оставался еще долго.

Характер материалов и их ориентация следуют из названий лекций, добросовестно прослушанных нами в следующие дни:

1. Причина человеческого страдания
2. Понимание истории
3. Иисус в историческом контексте
4. Свобода выбора и судьба
5. Аналогии в истории
6. Трактовка современной истории
7. Особое значение нашего времени

В составе делегаций (Украинская почему-то оказался наименьшей среди делегаций других республик, всего человек семь, Российская же насчитывала около полусотни) были государственные и политические деятели, представители науки, промышленности культуры, одним словом элита общества. Не думаю, что среди них нашелся хоть один верующий. Поэтому нам трудно было заметить черту, которая отделяла в материалах лекций сущность христианского учения от идей так называемого "движения единения" (unification movement), представляемого и руководимого Муном, человеком неординарным, большой воли и харизмы, претендующего на высшую роль не только в современной жизни, но и общей истории человечества, чуть ли не Мессии II. Случайно или целенаправленно идея единения, как высшая идея, в равной степени относящаяся к людям, нациям, странам, так и к религиям, которые определяют основные отношения в современном мире, оказалась актуальной для нас, представителей прежнего Союза. А где бы еще я узнал о разнице между гебраизмом и эллинизмом, об основах природы человеческого дуализма, ответственности человека как центрального принципа развития человечества. Чего стоит одна формула, обоснованная мистером Б.Леем, профессором института, созданного Муном для развития движения единения:

"Воля божья - это ответственность человека плюс замысел божий". При этом объясняется, что сердцем последнего является Любовь. Природа, сущность и структура Любви как высшего принципа человеческой жизни, была центральной темой и содержанием заключительной лекции, которую нам преподал сам Мун в своей резиденции, расположенной на окраине Нью-Йорка. Её посещение, сама церемония, включая смену обуви на тапочки перед входом в главную гостиную, где состоялась и лекция и последовавший через полтора часа торжественный обед, сияющая и привлекательная, несмотря на солидный возраст, супруга Муна, вручение им памятных подарков от каждой из делегаций. Кстати, наша украинская делегация подарила красивое ручной работы, красиво раскрашенное деревянное сувенирное пасхальное яйцо, оказавшееся у двух наших молодых политических деятелей, они его откопали в сумке с множеством сувениров, которые они приволокли с собой в Штаты, думаю с целью небольшого бизнеса. Ответные, весьма щедрые подарки Муна каждому делегату - вручили уже в автобусе перед самым отъездом из резиденции. Развернув яркий бумажный конвертик, каждый обнаружил в нем $500. Среди многочисленных участников нашей конференции оказалось несколько человек, которые по каким-то только им известным причинам с нами не поехали. Утром они узнали о наших приобретениях и попросили выдать и им их "долю", но не тут- то было...

Лекции проходили в просторном и удобном зале гостиницы Hunt Vallery Inn, где мы и жили. Теоретические занятия чередовались с обсуждениями отдельных тем по группам, а

также встречались с политическими и государственными деятелями, среди которых запомнились конгрессмен Ричард Айкорд, член Республиканской партии, штат Массачусетс и посол Хозе Мария Шавез. Как правило, они носили полуофициальный характер ужина или банкета.

Разнообразие в каноническую монотонность нашего пребывания внесла очередная поездка в Вашингтон, где мы посетили Бюро печати и гравюры, Национальную Художественную галерею, Атлантик Видео в Вашингтонском телевизионном центре, Всемирную Академию балета и редакцию газеты Washington Times. Два последних визита стоит описать подробнее.

Это сегодня у нас куда ни плюнь, попадешь в академию. Тогда же само сочетание "Универсальная Академия Балета" носило для нас скорее юмористический характер. Как и Washington Times, Академия была детищем Муна. Размещенная в не высоком, классической архитектуры здании с входными колоннами и резными окнами, она сразу вводила посетителя в необычный мир изящных искусств.

Само здание располагалось в живописном уголке Вашингтона в северо-восточном районе, поблизости от Католического и Хорвардского университетов и Тринити колледжа, в пяти минутах от Вашингтонского больничного центра и Национальной реабилитационной клиники.

Музыка встречала нас прямо в роскошном вестибюле, ею были пронизаны все уголки здания. Главной достопримечательностью Академии, из-за чего возможно и было запланировано наше посещение, оказался преподавательский состав и директор. Ими оказались известные артисты ленинградской балетной школы, Олег и Елена Виноградовы, выходцы из знаменитого Кировского театра оперы и балета. Олег Виноградов с 1977 г. художественный директор, выдающийся советский хореограф, вобравший в себя как традиции старой русской балетной школы, так и инновационные веяния, поставивший такие балетные спектакли, как "Спящая красавица", "Лебединое озеро", "Ромео и Джульетта", "Витязь в тигровой шкуре", "Ярославна", "Петрушка" и многие другие. Народный артист СССР с 1983 г., он оставил не так давно свою родину и ... оказался в Соединенных Штатах, где был встречен с распростертыми объятиями и получил редкую возможность создать балетную академию в главном городе Америки. Далеко остались любимый Ленинград, Вагановское балетное училище, взрастившее знаменитость, добрые друзья и злые враги, подтолкнувшие, не предполагая того, к решительным и отчаянным действиям. Начиналась новая жизнь, в которую нежданно и негаданно заглянули мы, официальные представители родины. Нас любезно встретила на правах хозяйки Елена Виноградова, уже порядком потерявшая былую стройность, но приветливая и обаятельная. Не забудем, что она племянница великого Мариуса Петипа, обладательница архивов последнего. С мужем она познакомилась в далекие 1960-е, будучи солисткой Новосибирского театра оперы и балета.

Нас познакомили с прекрасно оборудованными залами и классами, расположенными в пристроенном крыле здания, где даже пол был специальной конструкции, минимизирующий травмы. Для удобства, комфорта и релаксации студенческие dressing - rooms оборудованы прекрасными душевыми и ванными. Всего около 60 таких комнат, кроме того, столовая, комната отдыха, кухня, библиотека с видеотехническими кабинами.

Среди персонала оказались также известные представители ленинградского балета: Людмила Сахарова (в 1970-е была художественным руководителем Пермской школы, где воспитала знаменитую Надежду Павлову), Николай Морозов с женой Людмилой Морковиной, известные хореографы, лауреаты, народные и знаменитые. Ещё одна интересная личность - родной брат блестящей и немеркнущей русско-советской звезды, Майи Плисецкой, один из основателей новой национальной балетной школы на Кубе, бывший партнер известной кубинской балерины Алисии Алонсо.

В Академии имеется дневная детская школа для начинающих студентов (8-14), а также школа профессионального мастерства. Дважды в год Академия устраивает отчетные концерты для публики и приглашенных гостей.

Наряду с балетными тренировками студенты посещают семинарские занятия по кинескологии, русскому языку, истории танца, теории музыки, технике исполнения, истории искусств, диете и здоровью танцоров.

Обучение в Академии платное: стоимость семестра от 350 до 1420 долларов, не включая стоимости помещения и питания. Количество занятий в неделю колеблется от двух до двенадцати. Мы с большим интересом слушали и наблюдали во время визита все, что нам демонстрировали. Излишняя предупредительность и глубоко зарытая печаль во взгляде хозяйки во время нашей беседы не ускользнули от нашего внимания. Может быть, оно было чересчур пристальным. Расставались мы как добрые старые друзья. Сам по себе такой живой очаг русской культуры в столице великой американской державы был экстравагантно экзотичен и удивителен.

Посещение Washington Times было завершающим мероприятием в экскурсии по Вашингтону. В строгом современном закрытого стиля здании на окраине Вашингтона нас встретили, как везде, спокойно, но гостеприимно. Первая часть визита была посвящена знакомству с работой редакции, всеми особенностями и тонкостями этого сложного дела. С высоты второго этажа нам был виден огромных размеров зал, разделенный вертикальными перегородками и заставленный сотней компьютеров больших и малых, среди которых неспешно передвигались фигуры сотрудников, в то время как другие стучали клавишами компьютерных клавиатур, создавая постоянный монотонный рокот, подобный тому, что создает летящий самолет. Специалисты подробно объясняли нам секреты действительно сложного и интересного процесса, хотя мы уже порядком подустали за день сумасшедшего галопа по достопримечательным точкам столицы великого государства и мечтали об элементарном покое.

Для более близкого знакомства нам было вручено несколько последних выпусков газеты. Уже не слушая объяснения, я погрузился в просмотр свежих, еще пахнущих типографской краской страниц. Конечно же, я увез их с собой домой.

И вот сейчас, трудясь над этими строками, заглянул в свой архивный "загашник". Каково же было мое удивление, когда я вытащил оттуда слегка пожелтевшие страницы выпуска газет от 3 мая 1991 г., правда, только секции B, G. Секция G - это Autoweekend, для автолюбителей с десятками фотографий современных по тому сезону и подержанных автомобилей с их продажными ценами, возле некоторых примечания: no money down. Все это меня нисколько не заинтересовало. А в секции B с названием Metropolitan я узнал, что какой-то тинэйджер застрелил ни за что бравого солдата Вильяма Воуна, что средний возраст самоубийц в регионе Вашингтона 35 лет и в последнее время снижается, увидел карту человеческого тела с указанием органов, которые можно трансплантировать, узнал о разработке в Кливленде минимоторов, которые можно рассмотреть только под микроскопом, а также о том, что анализы крови на холестерол только в 10% оказываются точными, так как в венах реальное количество холестерола значительно ниже, наконец, проглянул статейку, которая рассказывала об опытах на крысах с инъекциями генов в мышцу сердца с целью улучшения его деятельности при различных пороках и пр.

После этого посмеялся над страничками B6 и B7 с изображениями комиксов, посвященных различным правдоподобным жизненным ситуациям, например, папа учит сына: "Видишь книжки на полке, вот читай побольше, если хочешь произвести хорошее впечатление на девочек".

Сын с недовольством в ответ: "Сам производи..."

Папа: "А на какую?"

В памяти освежились события посещения этой солидной редакции известной всему миру газеты (правда, мне кажется, Washington Post более знаменита), в частности, традиционный официальный ужин, названный в программе обедом, несмотря на позднее время (18:15 - 20:30). На "обеде" выступали господин Арно де Боршгрейв (не помню титулы), а также его честь Давид Драйер, член Республиканской партии из Калифорнии.

За полтора часа, приведя по дороге свои впечатления в порядок, мы добрались до ставшей родной гостиницы, чтобы на следующее утро отправиться чуть свет в Нью-Йорк.

Путь до Нью-Йорка оказался длинным, но увлекательным. По дороге мы "зацепили" Балтимор и через два часа прибыли в Филадельфию. Побродили по городу, осмотрели главные его достопримечательности: Колокол Свободы и зал, где была принята Конституция США, не путать с Декларацией Независимости и ее автором Томасом Джефферсоном. Вот если бы мы из своей гостиницы взяли курс не на север, а на юг, и проехали столько же, то оказались бы в Шарлоттсвиле, невдалеке от которого действительно жил упомянутый автор Декларации; он же третий президент Соединенных Штатов. Но мы все-таки в Филадельфии, ходим по ее улицам и делаем свои маленькие открытия. Например, из поверхностных наблюдений следует, что, как и Вашингтон, это город со значительным составом негритянского населения. В день нашего приезда был какой-то праздник, и по Центральной улице шествовала раскрашенная флажками, транспарантами и яркой одеждой колонна демонстрантов. Царил и общий подъем, и праздничное настроение, которые нам не успели передаться, так как в полдень мы отправились Дальше, а до Нью-Йорка предстояло трястись еще часа четыре. Закрыл глаза и провалился в приятную дрему. По настоящему спать в пути я за свою жизнь так и не научился.

Наконец, мы в Нью-Йорке и с корабля на бал, не распечатывая чемоданов, попадаем на торжественный банкет. Не берусь вспомнить, где он состоялся, но все было обставлено с грандиозной помпой и традиционными приветственными речами. А мы с нетерпением ждали его окончания и отправления в гостиницу, уж очень насыщенный событиями и впечатлениями оказался этот длинный день. В нашей программе гостиница была названа "Нью-Йоркер".

Соблюдая традиции, мы разместились в одном номере со Львом Г. Это оказалась крошечная мрачноватая комнатка на 32 этаже, выходящая единственным окном во двор. Построенная в 20-е годы, гостиница напоминала почему-то своим внешним обветренным обликом и потрепанным интерьером о периоде Великой депрессии. Выглянув в окно и бросив взгляд вниз, мы не сговариваясь одинаково отреагировали: так отчетливо представилась нам безвыходность ситуации, в которую попал стотысячепервый разорившийся предприниматель, снявший на последние копейки номер и так же, как мы, выглянувший в окно. Решение принято мгновенно, оно единственное по его представлениям конкретное и очевидное. А что, если во время этого последнего в его жизни полета он передумал? Уже поздно...

На самом деле уже поздно, пора укладываться спать: завтра традиционно ранний завтрак. Надо быть в форме.

Утром в холле представители нашей многочисленной делегации уже вполне перезнакомившиеся друг с другом дружно вполтона беседовали, разбившись на группки по темам и интересам, обмениваясь впечатлениями и общей информацией в ожидании стартового сигнала для очередного грандиозного мероприятия, намеченного хозяевами конференции.

После завтрака мы отправились на экскурсию в Северную часть Манхеттена. Первая остановка была у здания ООН. Экскурсовод обстоятельно показывала нам большой зал заседаний, зал Совета безопасности, помещение для работы, холлы и достопримечательности. Очевидно, время нашего посещения было выбрано так, что мы не могли помешать мероприятиям, проводимым в здании потому, что кроме экскурсоводов с группами, никаких официальных лиц в поле нашего зрения видно не было. По окончании экскурсии по зданию ООН, дружно заняв свои места в автобусе, мы одним движением пересекли Манхеттен с севера на юг и через полчаса уже сидели за столиками в стилизованном приморском кафе The Yankee Clipper, что в South Street Seaport.. Обед "обязан" был содержать рыбные блюда, смею заметить, весьма вкусные, а меню вин открывалось следующим высказыванием: "Choose the wine you like and remember, that… "de qustibus nun est disputandum"".

Прежде чем отправиться в экскурсию на катере к Либертиайленд, знаменитой "Мадам Америка", наша группа поджидала слабо владеющих вилками попутчиков в портовой зоне. Вдруг, откуда ни возьмись, возле нас оказался продавец сдобных булочек, предлагая нам свои изделия. Мы же были сыты до чрезвычайности и самые вкусные булочки, вы понимаете, нас совсем не могли интересовать, точно так же, как и их продавец, наш бывший соотечественник, который почему-то очень при этом разволновался и начал нервно выкрикивать, как он ненавидит свою прежнюю родину, какая она плохая и как он любит гостеприимно приютившую его Америку. Глядеть на него было и жалко и противно, к тому же никакого основания для истерики мы ему не давали. Видать, у него давно и много накипело, а встреча с нами оказалась лишь случайным поводом для всплеска эмоций. Настроение нам испортить он не успел, а экскурсия на катере заполнила наше сознание более существенными впечатлениями: величественный строй Манхеттена с юга, мосты через протоки Гудзона, монументальная осанка статуи Свободы, виды на Нью-Джерси, хорошая погода, отсутствие забот - о чем еще можно мечтать?

Ужин в гостинице и концерт в одном из шикарных залов отеля завершили первые сутки пребывания в Нью-Йорке. Вечером в гостиничном номере мы упорядочивали обрывки наших впечатлений в стройную картину, где знаменитые небоскребы Empire State Building и близнецы World Trade Center (исчезнувшие теперь с лица земли), незабываемые виды на Манхеттен со стороны Бруклинского и Манхэттенского мостов, зеленые аллеи Центрального парка и сияющий Бродвей превратились из названий и печатных картинок в живые и осязаемые предметы наших будней, наполнились их событиями и содержанием.

Следующий день согласно нашей программе был посвящен встрече с официальными лицами города: посещением мэрии Нью-Йорка и мэрий районов Квикс, Нью-Джерси, Ньюарк. Небольшая часть времени пришлась на последний.

Автобусы останавливаются возле ничем не примечательного двухэтажного здания мэрии Ньюарка. Уже привыкнув к рваному темпу времени, вызванному частыми перемещениями в пространстве и ожиданиями очередного события, мы не удивились, когда оказалось, что нам предстоит встреча с первым лицом мэрии, который к тому же задерживается в связи с каким-то важным делом, но вот-вот должен появиться. Минут через сорок он действительно прибыл и официальный раунд приема начался. С традиционными речами выступило несколько человек, затем рассказ хозяина о делах на вверенной ему территории, убедительно демонстрирующий его гостеприимство обед и знакомство с жизненно важными объектами района. Для нас со Львом профессионально интересным было посещение расположенного неподалеку от здания мерии телекоммуникационного Центра, обслуживающего спутниковой связью весь город. Десяток разного диаметра антенных тарелок, и современное телекоммуникационное оборудование Центра, а главное, информация специалистов о принципах построения и функционирования всей системы произвели на нас большое впечатление. Это, похоже, был типовой проект, где спутниковая часть системы была основой для дальнего взаимодействия, под нею располагалась оптоволоконная сеть-паутина, охватывающая территорию диаметром в несколько сот километров. О пропускной способности такой распределенной системы можно было только помечтать.

Толику свободного времени мы посвятили самостоятельному знакомству с городом. Непосредственное восприятие с чистого листа Wall Street, Grand Central, 5 Avenue, 42 Street, Broadway, Battery Part City, South Ferry, Columbia University Chinatown и других мест, переставших быть абстрактными книжными названиями, наполнили нас ощущением эффекта присутствия, превратив в действующих лиц загадочной истории, которую нам самим предстоит закончить по собственному вкусу. Мы окунулись в нее легко и свободно. Маленькие магазинчики, в которые мы ныряли по ходу этой пьесы, разговоры с продавцами - нашими соотечественниками, случайно подслушанная на ходу русская речь, возвращали нас иногда к исходным рубежам и стереотипам восприятия, однако не настолько, чтобы помешать почувствовать себя своими на этой незнакомой планете, куда забросило нас по

велению замысловатого сюжета. Двое выходцев из Украины, знакомых Льва (Богдан Винничук и Владимир Чижик), уже американские старожилы, разъясняли нам особенности, странности, плюсы и минусы американской жизни. Почти ничего нового мы не почерпнули из этих бесед, разве что сама информация была из первых рук и их собственного опыта.

Богдан был преуспевающим бизнесменом. Чижик, родом из киевского Подола, предприниматель, имел свой офис почти в центре Нью-Йорка, но эдакого "коммунального" типа: коридор, двери, за которыми комнаты, в каждой сидит фирмач, в коридоре - секретарь-машинистка, в соседней комнате - адвокат, оба обслуживают несколько таких фирмочек. В многоэтажном здании таких фирм немеряное количество, каждая арендует свою ячейку и платит за услуги обслуживающего персонала. Мы сделали попытку пристроить свои проекты и наработки, но Володя объяснил, что для этого нужна большая работа. Чтобы получить результат, нужно чаще бывать в Нью-Йорке и "контачить". А еще нужно уметь готовить убедительные бизнес-планы, хотя это мы и без него знали, хуже знали, как это делать. В общем, в конце пребывания мы стали заправскими деловыми людьми, правда, больше теоретиками, нежели практиками.

Пара "неорганизованных" вылазок на нью-йоркские стриты и авеню пополнила коллекцию наших и так уже объемистых впечатлений и даже слегка - жизненный опыт.

Возвращение домой происходило без эксклюзивных происшествий, опять же через Москву и гостиницу постпредства Украины, которое мы хорошо знали и уважали. Под конец путешествия - небольшое происшествие уже на родной земле, в метро по дороге на Киевский вокзал. На эскалаторе в щели между ступеньками застряла коляска с привязанным к нему чемоданом прямо внизу лестницы, и вся толпа чуть было не вскарабкалась на мою бедную голову. Дежурная оказалась на высоте, быстро отреагировала: лифт был остановлен, и я выбрался из под толпы целый и невредимый, правда, с поломанной коляской. Будем считать - это была плата за благополучный вояж. А вот и "рідна хата", которая, как известно, всегда лучше любых заморских хором.

Уже дома, перебирая и раскладывая по полочкам впечатления и воспоминания об Америке, я понял, что можно было никуда и не ездить для того, чтобы понять самое главное. Нужно было лишь раскрыть подаренный в далекой молодости приятелем Женей Д. томик Уитмена и прочесть знакомые строки стихотворения "Одному из президентов":

Все, что вы делаете и говорите,
- над Америкой зыбкое марево
Вы не учились у Природы политике Природы
- широте, прямоте, беспристрастью,
Не поняли вы, что только такое и подобает Штатам,
А все, что меньше, рано или поздно, развеется, как туман.

Через месяц с небольшим, уже порядком подзабыв о далеких странах и путешествиях, получаю вежливое напоминание.

"Уважаемый г-н Палагин,

В мае этого года я имел честь приветствовать Вас на первой Конференции Всемирного Руководства и до сих пор помню всех ее участников. Конференция предоставила мне прекрасную возможность лучше понять народы разных республик, представленные на этой исторической встрече. Я знал, что мы будем принимать пятнадцать представительных делегаций и искренне надеялся, что программа будет для вас интересной, но я не знал, каков будет итог конференции.

Разрешите мне искренне поблагодарить Вас за терпение и понимание. Многие из вас нашли время написать мне лично или побеседовать со мной во время конференции. Некоторые участники отметили, что они нашли новых друзей во многих республиках, к которым теперь могут обратиться в трудную минуту за поддержкой и помощью.

Преподобный Мун и г-жа Мун говорили мне, что были особенно тронуты теплотой и сердечностью, которые они почувствовали во время приема в их резиденции в Нью-Йорке.

Они хотели бы выразить свою благодарность за многочисленные подарки, врученные им. Однако, самым ценным для них является ваше желание понять устремления и инициативы, положенные в основу многих их начинаний.

Через несколько недель г-н Хесус Гонзалес вернется в Москву и, как мой личный представитель, посетит многих участников конференции.

Вы можете связаться с нашим представительством в Москве по вторникам, средам и четвергам по телефону 1256-41-44. Это представительство имеет регулярную связь с нашим офисом в Нью-Йорке.

Я планирую посетить Москву в ближайшем будущем и, надеюсь, что смогу побывать в некоторых республиках. Я надеюсь, что смогу встретиться с Вами во время этих поездок. Еще раз благодарю Вас за участие в первой Конференции Всемирного Руководства и с нетерпением жду встречи с Вами в ближайшем будущем.

Да благословит Господь Вас,
Вашу семью и ваш труд.
С уважением, Д-р Бо Хи Пак Президент
Конференции "Всемирного Руководства"

Америка-98

Второе посещение Америки носило менее политизированный характер и было официально связано с плановым традиционным вояжем в рамках гранта CRDF, финансируемого Национальным американским научным фондом NSF – National Scientific Foundation. Цель и адрес нашего посещения - Ватсоновский исследовательский центр всемирно известной компьютерной компании IBM, что мы и планировали проделать, пребывая в хорошей форме и с солидным творческим багажом. Мы - это я и двое моих коллег из института: Валерий К. и Зиновий Р., состоящих между собой в научном родстве по типу ученик - учитель, хотя между ними уже давно установились приятельские отношения и "обращения в единственном числе". Я же по-прежнему до этого не поднялся (или не опускался?), по крайней мере, с учителем. У меня уже есть один учитель, Борис М., о котором я упоминал ранее. Тем не менее, я отношусь к Зиновию Р. почтительно и одновременно по-дружески и запросто.

С Валерием К. меня связывают долгие годы общей работы, совместных дел, борений и преодолений, переросших в теплые приятельские, почти дружеские отношения, в которых я ценю, не в последнюю очередь, свободу и неназойливость общения и, конечно, взаимопонимание. И не мудрено, ведь столько фунтов лиха с солью съедено вместе.

Оба попутчика легко несли по жизни свои интеллект и чувство юмора, несмотря на обременительный жизненный опыт, так что лучшей компании трудно желать.

Утомительный перелет закончился благополучно в том же нью-йоркском JFK-аэропорту. На сей раз встречали нас близкие люди, о которых следовало бы написать отдельную повесть, но она очень уж тесно переплетется с моим жизнеописанием. Один из встречающих Саша С. - молодой человек, еще не успевший приобщиться к американскому образу жизни, тот самый у которого я предполагал остановиться, сам снимавший квартиру в Бруклине, два месяца назад переехавший на ПМЖ в Нью-Йорк и через две недели успешно нашедший себе работу программиста в одной из многочисленных фирмочек средней руки, - счастливчик с симпатичным открытым лицом, вполне подходящим, чтобы сойти за стандартного американского ковбоя. Саша мне близок лишь тем, что он - сын собственных родителей, вот-вот отбывающих туда же, в Штаты, а с его папой, моим коллегой, я проработал бок о бок более четверти века, как говорят, от звонка до звонка. Той самой четверти, что пришлась на лучшую часть моей биографии. Вот какая трогательная история...

Вторая, не менее трогательная история по поводу встречающих в аэропорту, посвящается семье Черняков. Папа, мама и дочка - одноклассница моего сына, который и явился главным звеном в цепи наших межсемейных отношений. А начались они задолго до

школьных дней Мити и Кати в те далекие времена, когда еще не было никакого Чернобыля, а наши трехлетние малыши уже маялись аллергией. Их родители нашли себе друзей, так сказать взаимообразно, в порядке обмена опытом по борьбе с этой скверной болезнью совсем случайно летом в пору отдыха на живописных берегах Десны в Летках. Это было наше постоянное семейное место отдыха в течение многих лет со времен далекой молодости, и оставило оно в нашей памяти множество событий и разнообразных, в основном, приятных воспоминаний.

С тех пор мы дружили, сначала очно, киевскими домами, потом заочно: Московский район - Бруклин. Пока дети росли, мы, родители, солиднели, затем вместе дружными рядами вступали в эпоху постсоциалистического Ренессанса, хорошенько "повозрождались" и в один прекрасный момент некоторые из нас сказали: - хватит! Немного помучившись в естественных для таких случаев колебаниях и все-таки уложив вещички, семья отправилась искать своего счастья за тридевять земель и океанов. Это была наша первая встреча с той поры. Прошло около трех лет, мы не успели еще забыть друг друга, и встреча действительно получилась теплой и живой. Выяснилось, что дом, в котором я остановился, расположен неподалеку от их жилища в том же скучном Бруклине, и я сходу пообещал провести у них weekend.

Все трое вновь прибывших располагались у своих знакомых в разных местах: мы с Зиновием - в Бруклине, Валерий - в Нью-Джерси. Связь держали по телефону. К официальным встречам в Центре IBM мы подготовились добросовестно, и нам не терпелось себя показать. Первая встреча пару раз переносилась, наконец, мы дождались понедельника: на 11:00 был назначен семинар и наши сообщения в кругу специалистов Центра. Поездка на электричке, творческое волнение и прочее и прочее, в результате чего мы оказываемся в нужном месте в нужное время перед "тремя калеками" слушателей, да и то рекрутированных не без помощи нашей кураторши, которую звали Сюзанна.

- А где народ? - естественный вопрос.

- Так сегодня понедельник, устали, проспали, в общем, понимаете.

Мы, конечно же, все поняли? Точно как у нас! Даже на душе стало тепло и весело. Отмучившись в официальных представлениях и беседах с представителями знаменитой американской компании, мы с удовольствием закрыли профессиональную тему без всякого, честно, удовлетворения и энтузиазма, хотя несомненная польза во всем этом присутствовала. Нехитрый обед, которым нас угостили в местной столовой, слегка скрасил наш визит. В расходную часть сметы поездки, в графе IBM у себя в голове, я маленькими буквами записал: "новый зонтик", который я забыл на вешалке во время целевого визита с Сюзанной в Технический Центр, расположенный в деловой части Нью-Йорка, тот самый зонтик, что был куплен двумя часами ранее в тот же день по случаю неожиданного дождя.

Неофициальная часть поездки оказалась более занимательной и продуктивной. Во-первых, это встреча с однокашницей по политеху – Ларисой Б. Место для встречи, Центральный парк, как никакое другое располагало для приятной, ненавязчивой, дружеской беседы во время прогулки по аллеям парка. Мимолетными наблюдениями за расслабившимися семейками, играющими детьми, бабушками и парочками, обитающими в различных его уголках. Нам было что вспомнить и поведать друг другу. Пара часов, проведенных вместе в Метрополитен музее, посвященных знакомству с американской живописью, оказалась симпатичной вводной главой в жизнеописание новых американцев, совсем недавно прибывших в Штаты и еще не вполне нашедших себя на американской земле, претендующей на тотальное гостеприимство. Как велика разница в восприятии жизненных обстоятельств между старым и новым поколениями. Дочь Ларисы вместе с мужем и 12-летней дочкой, приехавшая несколькими годами раньше, уже нашла себя на своей новой родине. Это было заметно по ее уверенности, манере держаться и разговаривать, по снисходительному тону беседы и мимолетных замечаниях по поводу приятелей и коллег. Очевидно, $150 тыс. годовых ее зарплаты способствовали такому тону, но все же не только это?! Приятно было услышать, что "наши" могут дать приличную Фору их американским

коллегам, что внучка Ларисы является первой ученицей в классе и пр. Большая пятикомнатная квартира на 18 этаже многоэтажного фешенебельного дома неподалеку от Бродвея с благоустроенным вестибюлем и консьержкой служили убедительным тому подтверждением Удобно расположившись в кресле и поглядывая в широкое окно, выходящее на больших размеров комфортный и озелененный балкон, я но ходу беседы потихоньку "въезжал" своими ощущениями в мир этой новой, не знакомой для меня жизни с ее проблемами и возможностями, радостями и страданиями. Главное, что меня устраивало во всем поведанном молодым поколением, - это то, что здесь во многих жизненных ситуациях справедлива формула: "благосостояние - есть функция интеллектуальных приложений".

Меня не надо долго уговаривать и, когда мой коллега Валерий К. предложил на пару дней посетить его приятеля, жившего в Хартфорде, я сразу согласился, хотя толком не знал, где находится этот самый Хартфорд, тем более того, что он не какой-нибудь пригород Нью-Йорка наподобие Бруклина, а столица штата Массачусетс.

Мы двинулись в путь ранним утром на шикарном кадиллаке (за рулем Роберт - приятель моего коллеги, профессиональный шофер). Его машина была оборудована по последнему слову, имелось все, начиная от средств автоматики до кондиционера и радиосвязи.

До Нью-Джерси мы добрались, как на ракете, и были доставлены в дом к одному из родственников того самого приятеля, к которому мы направлялись. Еще утром я почувствовал себя неважно, и это ощущение усилилось во время ланча, на который нас пригласили хозяева дома, - видать, подскочило давление. Померяли, оказалось, что подскочило прилично. Подождали, пока я оклемаюсь, и опять двинули в путь-дорогу. Живописные окрестности совсем привели меня в кондицию и спустя часа три мы прибыли в скромный неказистый городок с тихими приятными улочками и спокойными их обитателями.

Гостеприимная семейная пара, Алла и Гена Хазановы, приняли нас, как своих, у них с Валерием, действительно, были давние и весьма близкие дружеские отношения. Оба киевляне, с десяток лет осваивающие земли некогда далекой, а теперь родной Америки, живут тихой и скромной жизнью на пособие, Алла немного подрабатывает. Сначала застолье, вопросы, ответы, беседы, затем небольшая прогулка перед сном, обсуждение маленьких планов на завтрашний день и баиньки. Как профессионального изобретателя, меня заинтересовала форма простыни, которую Алла постелила на диван, на коем мне предстояло спать. Я никогда такой не видел. Маленькая деталь, а как оправдывает свое предназначение: простыня имела по углам вытачки и плотно надевалась, как бы натягивалась на сиденье, подобно чехлу и поэтому не сползала даже при самых беспокойных ворочаньях во сне. Оказывается, эта деталь представляет собой предмет изобретения, а его автор стал благодаря ему миллионером!.

Путешествие по городу было превосходным, как и сам город. Столица штата, центр страховых компаний самого различного калибра, он оказался уютным и живописным.

Здание мэрии, которое мы посетили, познакомившись с залом заседаний и другими функциональными помещениями, было образцом архитектуры 18-19 ст., очень ухоженное, красивое и расположенное на вершине небольшого холма, с которого был хорошо виден центр города. Огромный универсам на окраине города, совсем не соответствующий по масштабам городским размерам, был последним местом в программе нашей экскурсии. Главные подарки для родных и близких были куплены именно там.

Вечером в нашу честь была организована встреча у дальних родственников Геннадия (или его жены). Народу собралось достаточно много и разного. Все глядели на нас, как на источник собственных воспоминаний о далекой жизни. Загадочный ветерок ностальгии на фоне общего самоутверждающего оптимизма, конечно, присутствовал. Когда же дело дошло до старых песен и романсов, которые дружно подхватывались и исполнялись вне зависимости от знания слов, это ощущение еще более окрепло. Разъезжались по домам к

полуночи, все были возбуждены и довольны получившимся вечером, не считая одного из присутствовавших, - я таки умудрился оборвать от избытка чувств струну на его гитаре.

На следующий день караван машин отправился в казино, которое располагалось на территории, принадлежащей индейским аборигенам и доходами от которого они прилично кормились, как нам доходчиво объяснили попутчики. Казино представляло собой гигантских размеров куполообразное здание, которое было окружено множеством парковочных площадок. При входе в здание создавалось впечатление, что ты попал в огромный жужжащий улей, обойти который вокруг, по грубым оценкам, можно разве что за полчаса. На территории здания располагались сотни игровых автоматов и столов с рулетками, картами, игроками и крупье, которые жестикулировали, что-то выкрикивали. Главным консультантом нашей группы оказался Володя из Ленинграда, тот самый, чью гитару я повредил. Для начала он нам преподал урок "Блек-Джека", спокойно оставив у крупье $ около 1000. Оказывается, он профессионал, у него есть своя "система" и сегодня ему просто не повезло. Мы с Валерием решили приобрести опыт и вместе попытать своего счастья, купив фишек на сотню. Первую часть сеанса за столом сидел я. Мой итог - девяносто в проигрыше. Валерий оказался более удачливым: он все вернул и даже перевалил в плюс. Вот здесь мы дружно вышли из игры при своих интересах. Ура!

Закончился наш поход ужином по типу шведского стола: и мясные блюда и сладкие оказались очень вкусными. По дороге домой каждый докладывал о своих успехах. Веселый кортеж прибыл к дому, где мы расстались хорошими друзьями.

Рано утром Геннадий отвозил меня па автобусную станцию. Валерий оставался еще на денек. За ночь прошел неожиданный весенний снегопад с морозцем, в результате чего окна машины, стоявшей всю ночь возле дома, покрылись ледяной коркой, которую пришлось с остервенением соскабливать, - времени было в обрез. Подъехали за тридцать секунд до отправления автобуса. Он оказался полупустым... Прощай, Хартфорд!

Дорога выдалась тяжелой. Снегопад и сильное скольжение мешали движению. Шофер оказался политиком. Он обратился к пассажирам с альтернативой: либо мы дожидаемся потепления и размораживания дороги, либо он снимает с себя всякую ответственность за нашу безопасность. Такой мудрый подход к делу полностью решил наши проблемы.

Наш автобус в связи с упомянутыми дорожно-погодными происшествиями естественно опоздал, и встречающей на Grand Central чете Черняков пришлось дожидаться меня часа полтора. Это не испортило сильно нам всем настроения и мы двинулись в Бруклин.

По дороге я пытался представить себе их жилище и жизнь, рисуя это в воображении по мотивам писем. В памяти сохранились сюжеты их американской жизни от первых и до последних лет. Динамика незначительная. Судите сами.

Света (96 г.): "Мы уже немного привыкли к здешней жизни (или смирились). Все еще очень нестабильно, перспективы за далеким горизонтом. Для хорошей работы и хорошей зарплаты нужно обязательно иметь американскую бумажку об образовании. Иначе всю жизнь будешь работать для того, чтобы прокормиться и заплатить за плохую квартиру и менять одну поддержанную машину на другую... Илья начал переучиваться на программиста. Это 1,5-2 года…"

Илья (98 г.): "Погода стоит отвратительная, пасмурно. Даже с утра шел дождь, а вчера вечером - ледяной дождь. По-моему, в Киеве такого не бывает. Это не град, а дождь, замерзающий на лету. Вообще, конечно, многое тут very different. Но ко всему понемногу привыкаешь, в памяти стирается старое (с возрастом, что ли?) и окружающий мир не кажется настолько уж чужим. Начинаешь видеть свет в конце туннеля. Вот только вопрос, что закончится раньше туннель или жизнь?... Н-да! В эмиграции и пошутить беззаботно не получается. Все время где-то сидит собака и грызет сердце...

Наконец, великая Haring street, 8. Тьфу ты, они же переехали на 10 East 40 Str. Останавливаемся у двухэтажного барачного типа здания, поделенного на секции. С порога

(без всякого коридора - типично американский стиль) входим в кухню - столовую. Моем руки и садимся за стол. Вот уже где отпускаются души и... беспорядочно, но дружно плывем в потоке вопросов, попыток ответить, воспоминаний и неприличного рассматривания друг друга на предмет проверки "функции времени". Да, время идет. Ну и шут с ним. Даешь будущее!

Утром, по годами отработанной привычке, вышел на пробежку. Добежал до тупика последней улицы, выходящей прямо к океану. Прямо на берегу чья-то фешенебельная усадьба с шикарным домом, на веранде которого, несмотря на раннее время, уже снуют фигуры. Открывается входная дверь, доносится русская речь. В ста метрах от усадьбы - начало пляжа. Делаю зарядку и назад. Воскресный завтрак, где я формирую заказ-путешествие на знаменитый Brighten Beach, это недалеко. Прежде пара визитов в Брайтоновские магазины, чтобы почувствовать специфический аромат местной русской речи и подсмотреть для коллекции парочку колоритных достоверных сюжетов из жизни обитателей Брайтона, наших бывших соотечественников.

Конечно, пройти все два десятка километров знаменитого пляжа у нас не получилось, но этот весенний воздух, плеск океана, группки отдыхающих, сидящих за столиками и безмятежно беседующих (а может, наоборот, поверяющих друг дружке свои проблемы?), все обнаруживало некий тайный смысл и стимулировало подъем затаившихся глубоко эмоций.

Солнышко приятно пригревало, можно было бы и позагорать. Но мы решили этого не делать, а возвратиться восвояси и, подкрепившись, податься на свой Manhattan Beach , что совсем рядом с домом.

Ещё одна прогулка по Манхеттену: Battery Park City, South Ferry, Trinity Chinch, Finanial District и сборы в обратный путь, волнение прощания, последние слова. Заказанное такси приехало с небольшим опозданием, прощальный сюжет был слегка подпорчен, но ничего... Ах нет, еще не все: таксистом оказался какой-то эмигрант-пакистанец, который к тому же, как выяснилось, не знал не только английского языка, но и куда ехать. По дороге он мене пытался просветить, объясняя, что в Нью-Йорке не один аэропорт, а я ему втолковать, что я уже опаздываю. Все-таки добрались, куда требовалось. Аэропорт Кеннеди, встреча с коллегами и дружная троица уже летит домой. Пытаюсь заснуть в неудобном кресле, повисшего над Атлантикой Боинга. Черта-с-два... Устал ворочаться, в ногах зуд и в отместку за незаслуженные испытания в утомленном сознании рождаются звонкие строки пролетарского поэта:

Я в восторге
от Нью Йорка города,
Но кепчонку не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

ВЛАДИМИР ХИЖНЯК

If you keep your head
When all about you
Are loosing theirs
And blaming it on you
If you can trust your seep...
R. Kippling "If"

Мой жизненный опыт гласит: на земле большинство людей - хороших.... Не очень глубокомысленный вывод, но он помогает в жизни. Важно при этом помнить, что всякие отдельно взятые факт или событие, свидетельствующие об обратном, нельзя обобщать и

противопоставлять данному выводу. Из числа хороших есть совсем немного тех, за которых ты ежечасно благодаришь судьбу..., что они встретились на твоем пути, увлекли, подпитав своей интеллектуальной энергией и оказав колоссальное влияние на главные жизненные установки. Среди таких людей на значительном отрезке моей биографии проходит фигура Владимира Хижняка. Думаю, не только моей. Знаю представителей не одного поколения, моих хороших и не слишком близких знакомых, которые им восхищались и боготворили.

А начиналось наше знакомство в те далекие сравнительно молодые годы, когда мир пребывал в спокойном равновесии. Место и повод были банальными - курсы иностранного языка, которые в то время пользовались не меньшей популярностью, чем сегодня всевозможные центры обучения. Представьте себе обыкновенное классное помещение с традиционным учебной направленности интерьером, разновозрастный контингент слушателей, подуставших после рабочего дня, желающих продвинуться в своем английском, и потому честно преодолевающих трудности, начиная с платы за обучение (для некоторых это было главным фактором) и заканчивая не всегда успешной борьбой с усталостью и сном, а также множеством других всевозможных помех. И здесь-то следует сразу же подчеркнуть главное. В том и заключались великий секрет и слава маэстро, что мы не только не тяготились своими время препровождением и занятиями три раза в неделю по 4 часа, но и постоянно ощущали определенный творческий подъем от собственного участия в некоем сногсшибательном и заразительном шоу, автором сценария, режиссером и главным действующим лицом которого был, безусловно, Владимир Матвеевич (В.М.). Молодое лицо, седой ежик, хорошо поставленный, несмотря на легкое заикание, голос (с богатством всех оттенков и интонаций), он носился перед зрителями как профессиональный футболист, отражая удары, давая пасы и забивая голы попавшимся под удар вратарям на фоне дружного и заразительного смеха аудитории. Главное, что все это совершалось не на родном языке, которых, к слову сказать, было у него более одного, а на не совсем понятном для нас английском, благодаря чему этот язык проникал в нас не по обычным каналам, а, наверное, через желудок, который трясся от смеха каждые пять минут. Отсюда запомнившаяся на всю жизнь его реплика по поводу постоянного вопроса кого-нибудь из слушателей, связанного с задаваемым на дом материалом:

- To learn by heart?

- By liver.

На самом деле, учить наизусть приходилось много и запоминать крепко (печенкой). Стихотворение Р.Киплинга "Если", взятое эпиграфом этой главы, я несу по жизни через десятки лет и каждый раз оно оказывается к месту в самых разных жизненных ситуациях, напутствуя и подбадривая, воодушевляя и объясняя. Именно в те годы появилась самодельная проба перевода этого стиха, куда он подевался - не знаю. Подозреваю, что сила его воздействия на воображение и психику нормального индивида столь велика, что моя проба была не единственной.

Не в нашей, а в одной из групп, где училась моя жена, практиковались музыкальные занятия. Выяснив как-то, что она пианистка, а в аудитории было пианино, В.М. организовывал постоянные концерты, где дружно, без ссылки на вокальные данные, вся группа под фортепианный аккомпанемент с удовольствием проорала, точнее не скажешь, марш американских пехотинцев "There is a tavern in the town", "My fair lady", "Green fields" и чего еще там не было в репертуаре.

Отношения в группе и с ее руководителем перестали быть чисто формальными. Его дом был для нас открыт и не часто, но порою мы собирались в нем за нехитрым столом, но весьма насыщенным дискуссиями и, конечно, монологами. Фигура во многом знаковая и загадочная с блестящим интеллектом и обаянием, он покорил всех своими рассказами и репликами, искрометностью своего ума и гранями своего яркого таланта учителя, литератора, лингвиста, историка и человека с огромным чувством юмора, достоинства и аристократизма.

Мы еще застали его мать, столбовую дворянку, хлебнувшую лагерей и ссылок, всегда гостеприимную и доброжелательную. Упомянутый изысканный аристократизм ее сына был унаследован не только от нее: отец, расстрелянный в 1937-м, некогда чуть ли не народный комиссар, также вложил в него свою лепту. Кто из них больше, судить не нам.

Холостяцкая жизнь вначале с матерью, а затем в гордом одиночестве при столь энергичном и общительном характере всегда была предметом вопросительного внимания окружающих, особенно особ женского пола, что при столь экстравагантной и яркой внешности этой личности казалась неразрешимой загадкой, ключ которой надежно пребывал в крепких руках хозяина.

При всей многочисленности знакомств и постоянных контактов, бесед и всевозможных мероприятий, эксплуатировавших его интеллектуальные и энергетические ресурсы, он был человеком замкнутым и одиноким. Все составляющие видимого спектра его деятельности, кажется, служили банальным лекарством от одиночества. Этот вывод формировался постепенно, сквозь годы дружбы и близких, но ненавязчивых отношений, затрагивающих не только меня, но и членов моей семьи. В этих отношениях мы постигали его характер, поистине благородный и отзывчивый, умение поддержать и помочь конкретным делом в трудную и нужную минуту. Вспоминается случай, который по своей чрезвычайной важности и исключительности не имеет аналогов в нашей семейной хронике, когда нашему только что родившемуся, пяти дней от роду, сыну, награжденному в роддоме стафилококком, понадобился гамма-глобулин, редкий в то время препарат, от которого зависела жизнь ребенка, а его нигде не достать, хоть бейся головой об стенку. И в полночь откуда-то из Одессы самолетом прибывает драгоценное лекарство, всего каких-то пара ампул, но таких нужных, на вес золота, без всякого преувеличения, и приносит их, несмотря на столь поздний час прямо в ОхМатДет, Владимир Матвеевич.

Его благотворительностью и бескорыстной помощью пользовались многие. Целое поколение, уехавших в Америку на ПМЖ наших соотечественников-киевлян, разбросанных сегодня по всем маленьким и большим городам США, было подготовлено им. Среди них были родные и знакомые, близкие и далекие, учившие ранее язык и абсолютно не владевшие английским. Уровень подготовки был неизменно высоким. Он умел и знал свое дело, а главное умение состояло в том, чтобы полученные языковые навыки воспроизводились непринужденно, без кровавых мук и усилий. Среди прочих секретов два, которые я вынес со времен учебы на курсах - это необходимость учить наизусть максимально возможное количество разнообразных текстов и наличие "приличной" разговорной среды. Именно с тех пор у меня в голове намертво засели стихи Киплинга и Эдгара По, отрывки из Бернарда Шоу и Оскара Уайльда.

В последние годы он по нескольку месяцев пропадал, путешествуя по Америке, благо, остановиться ему было где, думаю, каждый из бывших поклонников и учеников считал за честь принять и подольше удержать его у себя. Был в числе принимающих и один американский ученый, бывший физик, по имени Леонард, в обиходе Лео, с которым его связывали теплые дружеские отношения. Лео переквалифицировался в бизнесмена с широким диапазоном интересов, в том числе гуманитарного свойства. Как-то он гостил со своей женой в Киеве, по случаю чего в квартире Хижняка был устроен раут, один из многих, которые учитель любил и к которым готовился с присущим только ему подъемом и тщательностью. Я еще не раз упомяну о его феноменальных кулинарных способностях. До сих пор вспоминаются экзотические импровизированные блюда: гигантских размеров многослойный торт, сладкое волнующееся разноцветное желе с мороженым, заливная рыба с разнообразными душистыми специями и пр. Даже выпивка своего приготовления: ореховая, полынная, зубровка. Все это в большом изобилии, а главное, до невозможности вкусное, так что никак нельзя было удержаться от перенасыщения.

Как у физика, у Лео был особый интерес к чернобыльской проблеме, он даже совершенно серьезно намеревался снять документальный фильм на эту тему. Не знаю, удалось ли.

Не считая Лео, заграничных коллег и приятелей было у В.М. предостаточно, несмотря на то, что он много лет не имел большой возможности, как выражаются англичане, to make friends, так как числился среди невыездных. Объяснить этот факт было не трудно: с одной стороны, у него были свои принципы и понятия о свободе личности, от которых он, несмотря на всевозможные жизненные коллизии, никогда не отступал, с другой - это могло, очевидно, кого-то не устраивать. Зато последние годы он напутешествовался от души. Если существует такое понятие, как "человек мира", так это по его поводу. В любой аудитории и на любую тему он мог включиться и генерировать, причем не на уровне абстрактных размышлений, а на основе собственного жизненного опыта и фундаментальных знаний. При этом он обладал тем шестым чувством, которое позволяло ему устанавливать моментально живую связь с аудиторией и удерживать ее на протяжении сколь угодно длительной беседы или лекции. Здесь включался весь арсенал стандартных и нестандартных приемов и средств: заготовок, экспромтов и т.п., выполненных с мастерством артиста и многократно проверенных на публике ранее. Мимика, жест, постановка корпуса, движение, даже заикание и, конечно же, вдохновение, - все работало на создаваемый образ. Я все это наблюдал не раз, пребывая сам во власти своеобразного творческого гипноза, именно творческого, потому что всякий раз это было приглашение к участию в совместном созидательном процессе. Как бы хотелось понаблюдать за этим процессом в аудиториях американских университетов, где его приглашали выступить с лекциями на всевозможные темы, начиная с жизни в Украине и заканчивая профессиональными лингвистическими проблемами.

Еще в далекие семидесятые В.Хижняк с головой окунулся в литературную деятельность. Сначала это были переводы с английского на украинский детективов Агаты Кристи, некоего нашего американского современника Билла, с которыми В.М. поддерживал постоянные контакты. Затем повести и рассказы на украинском языке, которым он владел блестяще, как письменно, так и устно. "Любар", "Дивовижне перо", журналы "Всесвіт" стоят на наших книжных полках и сейчас. О чем они? Как просматривается за ними фигура автора?

Запомнилась эпопея с комедийной пьесой под названием "Стол Наполеона", которую он проверял на нас. Там был такой нехитрый эпиграф, им же сочиненный, почему-то засевший у меня в памяти:

Имел он слабость малую –
Любил свой стол сверх сил
И в дальние компании
Его с собой возил.

А сюжет пьесы таков. Какая-то фифочка, у которой муж был весьма обеспеченный и крутой начальник, где-то в деревне у родственников увидела красивый резного дерева стол, который по чьим-то не совсем достоверным данным, когда-то принадлежал Наполеону, оставившему его во время бегства в военной кампании 1812 года. Увлеченная фикс-идеей, капризная дамочка правдами и неправдами пытается завладеть неслыханным богатством, и это, наконец, ей удается. Гордая и счастливая приобретением, она делится своей радостью с мужем, и здесь... наступает развязка: муж сообщает ей, что еще в детстве он видел этот стол в родительском доме, а сам стол был сработан давным-давно руками его деда.

Предпринимались попытки пристроить пьесу в одном из киевских театров, в Ленинграде, - какие-то шестеренки не пришли во взаимодействие, пьесу не поддержали и она не встретилась со зрителем, может быть, только пока? Хотелось бы верить в счастливый финал.

В течение многих лет В.М. был членом союза писателей, но никогда этим не кичился, многие даже об этом не подозревали.

По следам "американских" впечатлений шла работа над книгой. Помню даже разговор на эту тему возле старенького компьютера, который он освоил вполне прилично., Зная В.М., мне так ярко представлялась эта повесть во всей сюжетной завлекательности, остроте

авторских наблюдений, свежести впечатлений и достоверности материалов, что я просто не поверил, когда один из родственников на мой вопрос слегка растерянно ответил, что не обнаружил никаких намеков на материал, кроме разноцветных карт, билетиков, приглашений и других мелочей, оставленных для памяти о минувших событиях. Кто его знает, так ли это?

Совсем мальчишкой с первого или второго курса университета блестящим, по воспоминаниям однокашниц, студентом В.Хижняк отправился на фронт. Не так уж много, но ярко и остросюжетно рассказывал он о своем военном опыте: личный переводчик маршала Конева, десантник, не раз прыгавший с парашютом и прошедший кирзовыми сапогами по улицам Праги и Берлина, не единожды оказывавшийся на волосок от смерти, он как многие мои старшие товарищи, честно протопавшие по дорогам войны и хлебнувшие там лиха, никогда о ней не забывал. Стало традицией в день Победы встречаться у него за всегда богатым праздничным столом в тесной компании. Не помню деталей, но именно с 9-м Мая 1945 г. связана весьма драматическая история, которая могла окончиться трагически, и поэтому этот день он считал датой своего второго рождения.

За столом он всегда был солистом, и самое удивительное заключалось в том, что и молодые и старые находили интересным общение с ним: он всегда был человеком вне возраста. Ничего не стоило попасться ему на язык. Мастер экспромтов с удивительной реакцией и всегда свежей палитрой красок, он одним-двумя меткими замечаниями создавал в реальном времени наброски таких запоминающихся шаржей, от которых публика ржала весь вечер, тем самым еще больше распаляя творческое воображение их автора.

С годами все отчетливее становится очевидным тот факт, что личность В.М. навсегда прописана в нашей жизни и никем не может быть заменена. Так и слышится его телефонно-вопросительное "Саша?", обращенное ко мне или "Шурочка?" - к жене, за которым следует какая-нибудь вводная тирада, чью авторскую принадлежность спутать никак нельзя.

Я никогда ранее не встречал человека с такой развитой образной памятью. При этом наряду со зрительной и слуховой он был обладателем прямо-таки удивительной памяти обоняния. Запах какого-то одеколона мог у него спровоцировать тончайшие детали сюжета, по прямому либо ассоциативному признаку связанного с этим сюжетом, после чего следовало подробное описание обстановки, действующих лиц, их одежды, красок и пр., которые, казалось, он просто прочитывал как с экрана компьютерного дисплея.

В одном из рассказов он описывает восьмилетнего мальчугана, подразумевая под ним себя, которого родители отправили в Броварское (под Киевом, прим. автора) лесничество на парное молочко и свежий воздух к дальнему родственнику - к дядьке Омельке. В потоке детских вопросов, обращенных к нему, были и такие (укр. авт.):

- Яким кольором пахне шипшина? - На что получал неизменный ответ:

- Що? Кольором? Пахне? Ти що, дурний, хлопче? З глузду з'їхав? Хіба запахи мають колір?

И там же автор поясняет, что с раннего детства запахи у него ассоциировались с цветами. С Днепра всегда веял зелено-синий ветерок, вокруг каждого кусочка хлеба стояло розовое сияние аромата, а дождь создавал белый с сиреневатыми пятнышками запах. Он вспоминает, как часто спрашивал у взрослых, каким цветом пахнет автомобиль или яблоко, но всегда получал тот же ответ:

- Ти що, дурний, хлопче? Хіба запахи мають колір?

Однако эдакое единомыслие ни в чем его не убеждало, потому, что достаточно было вдохнуть воздух, и перед глазами возникал какой-нибудь цвет или рисунок, словно в детском калейдоскопе. Мать даже водила его к доктору.

- Детская фантазия. Пройдет, - успокаивал доктор. Фантазия не прошла, а так и осталась на всю жизнь, позволив ему, автору таких свежих и сочных рассказов заставить читателя почувствовать всю гамму ароматов природы и красок.

Много лет назад, еще задолго до Чернобыля мы всей семьей - сестры, дети, племянники - проводили лето на Десне в Летках, на базе отдыха "Югозаптрансстрой". До

того привыкли к тем местам, что даже не представляли, что где-то можно отдохнуть лучше. Кроме пляжа, традиционного биллиарда и свежего молока, нашими ежедневными занятиями были лодочные прогулки с катанием на водных лыжах и послеобеденный волейбол "команда на команду", в котором принимал участие весь молодежный состав базы, начиная от малышей и старше.

Однажды было договорено, что в нашу дружную компанию вольются свежие силы, - должен был приехать Владимир Матвеевич. Мы пошли его встречать к автобусной остановке. По дороге на базу проходили лугом, где живописно раскинулась небольшая рощица, всего несколько деревьев и кустарник. Проходя мимо рощицы, В.М. поднимает голову вверх, на мгновение замирает, снимает шляпу и низко кланяется, приговаривая:

- Здравствуйте, дорогие мои, вы ведь знаете, как я вас люблю.

Мы оглянулись, вокруг никого не было. Кому же адресовано приветствие? Поднимаем голову и видим на дереве журавлиное гнездо, а в нем все святое семейство. К ним-то он и обращался со своим высокопарным приветствием.

Этот случай совпадает с периодом написания рассказа "Чорногузи" (журавли - по-украински, авт.):

"Літо я провів у Дахнівці, під Черкасами.... Я прожив у Дахнівці до кінця серпня. І весь час спостерігав чорногузів. Це було неважко. У Дахнівці вони гніздились майже на кожній третій хаті. Вранці птахи будили мене лопотінням своїх крил - розминалися після сну, готуючись до польотів. На вечірній зорі їх курликання сповіщало, що день закінчився і час відпочивати.

Я бачив їх у лугах, у лісі, на торфовищі, біля напівпересохлого болота - там у заростях очерету водилися вужі, - у полі, біля скирт хліба, де вони полювали на мишей. Бувало разом з хлопцями і дівчатами я звечора йшов у сусіднє село Сведівок. Повертався додому на зорі луками. Ми йшли в село, а нам назустріч летіли чорногузи за сніданком для пташенят. Навіть вночі, коли було місячно, я бачив, як вони стояли на обох кінцях стріхи, вартуючи гніздо.

Чорногузи з самого дитинства викликали у мене симпатію і повагу".

Вот откуда секрет такого высокопарного приветствия, адресованного черногузам. Про эту большую и красивую птицу В.М вспоминает в своих рассказах не раз. Его волновали рассказы об их верности. Так живо и представляешь гордую и преданную птицу, которая после гибели суженого не летит на юг, а остается на зиму и гибнет от холода, либо, выпроводив свое племя вместе с птенцом, поднимается высоко в небо, складывает крылья и камнем падает на землю... Но не стану же я пересказывать весь рассказ, а так и хочется это сделать: таким чувством и знанием того, о чем пишет автор, пронизан весь рассказ. Прочтите его обязательно.

Рассказы из сборника "Дивовижне перо" адресованы детям, и здесь наряду с любовью к природе и мастерством описания ее и обитателей лесов, лугов, полей, просматривается ряд художественно-методических приемов, характерных для В.М., как педагога. Он точно знает своего маленького читателя и обращается к нему с уважением и вниманием, а главное, помня, что в этой аудитории важны динамика, точность и честность. А что еще восхищает в нем более всего, так это то, что его отношение к людям вообще, детям и животным мало чем отличаются - одинаковая степень любви, доброты и уважения. Показателен с этой точки зрения рассказ "Сергій". Не сразу понимаешь, что речь идет не о человеке, а о коне с красивой биографией и высоким чувством, почти человеческой доброты, вспомните его трогательно-покровительственную дружбу с малокровным Тарасиком, которого он личным примером воодушевлял съесть лишний кусочек хлеба. Представив всю картину, поневоле начинаешь сравнивать себя с этим животным, полным доброты к людям и трогательного, почти человеческого участия в решении их проблем

У него было множество хобби и увлечений, и среди прочих всем известная любовь к драгоценным камням, перешедшая к нему по наследству от матери, вместе с небольшим "богатством", которым он совсем по-детски гордился и хвастался. А еще в первой комнате

рядом с большим книжным Шкафом в порядке приложения пристроился небольшой стеклянный шкафчик, на полках которого было расставлено множество разноцветных стеклянных и керамических, привезенных специально по заказу друзьями и приятелями из заморских поездок лягушат.

Почему-то на память приходит картина летнего одинокого малолюдного послечернобыльского Киева 1986 года. Мы идем по улице в поисках кафе, в котором можно с удовольствием перекусить и заодно поговорить. Улицы пустынны. Звук шагов отдается в ушах лошадиным топотом. Настроение минорное, я только что отправил семью в российскую глубинку, подальше от радиации.

Ни с чем не сравнимое ощущение брезгливого прикосновения к любому предмету на улице и даже в кафе, в которое мы зашли, где-то на улице Кирова (теперь Грушевского). Разговор околачивается вокруг последних событий и всего, что с этим связано. К сожалению, это не жуткий фильм и не события на далеком конце земного шара, а событие нашей жизни, изменившее и перевернувшее все наши представления и жизненные ценности. Понятно, что тема бесконечная и животрепещущая. Вот вам цена человеческой цивилизации, вот вам планы на будущее.

- Никуда я не уеду, - таков был общий вывод В.М. - Мне проще, я свое пожил, да и не смогу я нигде жить, знаю это точно. Вам сложнее.

- Ну и какой, по-вашему, оптимальный выход?

- Не знаю, Саша. Давайте подождем немного, время, на самом деле, - великая вещь.

- Да, более великой не бывает, и доказательство тому - вечность.

Как уйти от этой темы, за что спрятаться, когда мысли вновь и вновь возвращаются к ней. Ностальгия по будущему, единственное желание прокрутить время, перепрыгнуть через месяцы и годы и, может быть, жизнь опять вернется в свое обычное русло?! А вместо утешения в голове колоколом трагический мотив из Цветаевой:

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все, как будто бы под небом
И не было меня...

Благо, у В.М. море интересных сюжетов и ему удается, наконец, сбить меня с ностальгической доминанты на один из них. Поездки знакомых, последние события культурной жизни, слово за слово, и мы уже где-то далеко. Глядишь, и время близится к вечеру.

Хорошо, что человек умеет не только помнить, но и забывать. Это - великое благо, данное нам Творцом.

ИТАЛИЯ

На башне, с песнею чугунной,
Гиганты бьют полночный час
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас
А. Блок

Почему-то из трех моих поездок в Италию две пришлись на Турин, город на севере Италии, сам по себе ничем не примечательный, разве что тем, что стоит на реке По, да еще тем, что в одном из соборов (почему-то оба раза в дни моего пребывания был под реставрационными работами) находится плащаница Христа, которую до сих пор упорно исследуют любознательные ученые в поисках ответов на многочисленные загадки истории.

Никаких впечатлений от первой поездки не вынес, кроме того, что итальянские архитектура и скульптура эпохи классицизма не менее впечатляющие, чем эпохи древнего

Рима, да еще приятное впечатление произвело гостеприимство хозяев и отменная организация мероприятия. Первый раз это было заседание международной рабочей группы по проблемам моделирования в образовании. Это не совсем моя область, поэтому я нашел в ней сектор, где чувствовал себя свободно и вне конкуренции. Речь идет о системах моделирования, ориентированных на задачи "внутрисхемной эмуляции", т.е. средств поддержки процессов отладки микропроцессорных систем, в 1980-е годы направления весьма актуального. В моем отделе эти работы велись уже давно и на достаточно высоком как теоретическом, так и практическом уровне. Так что короткий доклад был прослушан с интересом и вниманием, тем более в контексте профессионально-образовательных процессов. Если бы не сборник трудов, изданный в хорошем типографском стиле, я бы и не вспомнил об этой поездке как о серьезном событии в моей жизни.

Второй поездкой по стечению обстоятельств я опять был заброшен в Турин. В этот раз я вел себя осмысленнее и заинтересованнее, что превратило в моих глазах заурядный промышленный центр на севере Италии в колыбель ее истории и культуры. Выяснилось, что еще в III веке до нашей эры в месте слияния небезызвестной реки По и менее известной Доре Рипария располагалась деревенька, в которой жили люди, называющие себя "таурини". Разрушенный Ганнибалом в 218 г. - до н.э., переживший ряд других нашествий в I веке до н.э., во времена Юлия Августа, город становится владением Римской империи, обретая типичный "прямоугольный" план римских городов с двумя Т-образными дорогами, окруженный трехкилометровой крепостной стеной (остатки которой сохранились) с 30 сторожевыми башнями. После развала Римской империи город переходил из рук в руки захватчиков: остроготов, бургундцев, лонгбардов, франков, переживая явный упадок аж до XI столетия, когда он становится собственностью знатного семейства Савой, выходцев из предместий Женевы.

В 16 веке Турин приобретает облик и характеристики, выделяющие его среди городов Европы. Карл Эммануил I, названный Великим, начал кардинальные преобразования городской архитектуры, пригласив к своему двору многих известных на то время зодчих: Тассо, Гуарини, Марино, Асканио Витоцци и др. Последний становится городским архитектором. Это его гений запечатлен в аркадах Piazza Castello и Porta Nuova (центральные городские ворота, построенные при Карле Эммануиле в 1620 г., с 19 ст. - центральная городская станция) и других произведениях архитектуры.

Время между династией Савой и Витторио Амадео II, 18 ст. - период Пьемонтского барокко, расцвета Турина, своеобразного Туринского Ренессанса, когда он ненадолго (1848-1864) становится столицей Италии, мощным индустриальным центром с 200-тысячным населением, городом с многоликим образом и неповторимым смешением исторических культур, вместе с тем далеким от показной вульгарности и нарочитой Пьемонтской "барочной" фантастичности.

В центре Piazza Can Carlo (1640 г., по воле архитектора и скульптора Кастелломонти) возвышается конная скульптура Е. Филиберто с мечом после битвы святого Квинтино (Морочетти, 1838). Еще два примера творения Кастелломонти - дворец Solaro del Borgo - здание современной Академической Филармонии и Вист-клуба и церковь святой Кристины.

Здание современного Национального музея Возрождения - дворец типичной итальянской архитектуры 17 ст., выстроенный для Эммануила Филиберто известным архитектором Гуарини, - одно из "знаковых" исторических мест Италии. 18 февраля 1861 г. здесь был иногурирован первый итальянский парламент.

Маленькая гармоничной конструкции церквушка на вершине - это, кроме всего прочего, точка ландшафта, открывающая прекрасную панораму города, очень любимую посетителями.

Церковь и площадь Consolate (в честь Marie Consolatrice) - особо любимое и дорогое место туринцев. Piazza Savoia, Palazzo Madama и Military Quarters - прекрасные незабываемые образы итальянской архитектуры 18 века.

Старый город с узкими улочками и архитектурно-историческими деталями пикантных двориков и элегантных балконов, контрастируют с остальной частью города и являют место спокойных радостей и любознательного внимания.

В конце длинного авеню, начинающегося от Porto Nuova, можно достичь архитектурной жемчужины Турина, построенной для Витторио Амадео II (1729-1733). Это "палаццина", в которой сегодня размещается музей Искусства и Мебели.

Наконец, Pino Torinese - старая деревня, имевшая когда-то стратегическое значение для защиты города в 17 ст. На вершине одноименного холма (495 м.) сохранилась Парижская церковь.

В конце поездки я просто влюбился в этот город, завораживающий своим спокойным достоинством и скромными манерами, как в человека с широкой благородной душой и потомственным аристократизмом.

Из второй поездки я привез сборник трудов конференции, где мы с коллегой делали сообщение, пользуясь моим английским, а также приятные воспоминания о гостеприимстве хозяев, отмеченном, в частности, банкетом в загородном замке-крепости. Приведенный документ является ярким подтверждением достоверности упомянутых событий.

Третья поездка была самой насыщенной и яркой как по красоте мест, которые удалось посетить, так и по научным интересам. Мероприятие было организовано под патронатом европейской организации UNIDO Центром менеджмента в области научных исследований. Оно проходило в виде ежедневных занятий с лекциями, прочитанными специалистами, приглашенными из разных стран, а также практических семинаров с компьютерными приложениями и деловыми играми, на которых формулировались конкретные задания, слушатели разбивались на функционально ориентированные группы, фиксировалось время и оценивалась результативность действий, предпринятых в той или иной заданной ситуации. В конце занятий шел "разбор полетов" с анализом, общением и комментариями.

Слушателями были представители ряда развивающихся стран, включая СССР. Наша (советская) группа формировалась, как всегда водилось в то время, в Москве. Двух попутчиков я "вычислил" в ожидании рейса из Милана, куда прибыл мой самолет из Москвы, в Венецию, где нам предстояло пробыть первые две недели. Мои будущие одногруппники сидели в зале ожидания невдалеке от меня и весьма громко о чем-то беседовали. Рейс задерживался, делать было нечего, читать - глаза отказывались, и я усталым взором разглядывал пассажиров, ожидающих свои рейсы. Время шло, моим рейсом и не пахло, в зале осталось всего несколько пассажиров и среди них эта самая парочка. Приглядевшись к их манере поведения и артикуляции, я без сомнения убедился, что это - свои и двинулся к ним знакомиться. Моими попутчиками оказались двое молодых людей, Андрей из Москвы и Батадыр из Киргизии, как оказалось, из научной лаборатории, руководителем которой был поныне действующий президент этой некогда советской республики.

В Венецию мы прилетели уже в полночь, никакого транспорта от аэропорта не предвиделось, и мы рискнули взять такси. С горем пополам объяснили шоферу куда ехать, и в потемках двинулись в путь.

Венеция - город, со всех сторон окруженный морем, - сведения историко-географического характера, - а на практике это означает, что подъехать на машине в определенную точку города - вещь просто невозможная. Так как мы абсолютно не были сориентированы на местности, наши блуждания в полночи в поисках гостиницы надо было понаблюдать со стороны: и смех и грех, главное, спросить дорогу ли, совета ли - не у кого. Чувствовали, что где-то рядом эта злополучная гостиница. Как оказалось позже, мы проскочили мимо нее два раза. Наконец, ночное открытие состоялось: перед нами закрытый дворик с типичной чугунной скульптурой возле старого каменного колодца и мы входим в прохладный вестибюль четырехэтажного здания, на входе которого значится четыре звездочки. Очень уж подозрительно?!

Портье оказался весьма любезным и мы, отдав свои паспорта, отправились по комнатам досыпать остаток ночи. Я оказался в крошечной конурке с двумя кроватями, на одной из которых расположился безмятежно спящий сосед, москвич. Я все-таки умудрился его нечаянно разбудить. Жара была неимоверная, несмотря на осень на дворе, окна были распахнуты, и я улегся на кровати возле самого окошка, не соображая толком, укрыться ли одеялом или рискнуть, вдруг не протянет. Это "вдруг" утром вылезло боком, - таки протянуло, нос был забит.

Завтрак внизу в гостиной показался нам весьма аристократичным - кофе с молоком да крошечная булочка. Денег еще не получили, - пришлось затянуть пояс. Утром нас встречал распорядитель из Центра, который повел нас как курица цыплят, по узким незнакомым улочкам Венеции в здание Технического Университета, где предстояло пройти первую половину наших занятий.

Уже первое знакомство с крошечными площадями и величественными соборами с мраморными колоннами, ажурными мостиками и каналами, лижущими фундаменты домов с причудливыми окнами, свидетельствовали о том, что мы попали в какой-то иной мир, напоминающий летний сказочный сон.

Приветственная речь председателя несколько привела нас в чувство и работа завертелась. Наше искреннее желание второй половины первого дня занятий - поскорее бы она закончилась, мы с нетерпением ждали момента, когда можно было бы расслабиться и бросить первый, пусть утомленный взор на эти неземные красоты, тысячелетия назад сотворенные человеческим гением и сохранившие до наших дней аромат далеких эпох.

Наконец, долгожданная свобода - и мы, советская группа слушателей из пяти человек, с головой окунаемся в водоворот туристских толп. Правда, к вечеру основная волна уже схлынула, и мы без помех и затруднений наобум прокладывали свои первые маршруты. Конечно же, самой первой целью было взглянуть на площадь Святого Марка с величественно раскинувшимся на одной из сторон периметра знаменитым дворцом Дожей. Ее точное название Piazetta San Mareo (маленькая площадь) несколько умаляет реальные размеры. Площадь украшена двумя колоннами, выполненными в восточном стиле. На верхушке одной спокойно глядит сверху крылатый лев с хвостом, небрежно опущенным вниз; на другой высится фигура Святого Теодора. Симметрия площади подчеркнута великолепным зданием библиотеки Святого Марка, за которой выглядывают купола Острова Святого Георгия (почему острова?).

Вечерело, но небо еще не успело потемнеть, и вся площадь представляла собой голубятню, в которой порхали, взлетали и садились, мерно двигались сотни ручных голубей. Они садились на руки, плечи и даже головы туристов и прохожих, прежде всего, тех, которые скармливали им из специальных пакетиков кукурузу. Такие пакетики стоимостью 1000 лир были неплохим заработком для их продавцов. Вся эта картина производила, кроме всего прочего, такое впечатление, что мы имеем дело с бизнесом, хорошо продуманным и доходным, если учесть количество праздно шатающихся в течение светлого времени суток туристов и что в нем на равных участвуют дрессированные пернатые. Наступило время, официанты благоустраивали столики у ресторанов, расположенных по обеим сторонам площади, кое-где уже зазвучала музыка. Было забавно, передвигаясь по периметру площади, как бы принимать парад оркестров, иногда угадывая знакомые мелодии.

Наглядевшись вдоволь голубиных аттракционов, гурьбой направились на набережную. Уже порядком стемнело и набережная, на которую выходили фасады множества крошечных, но роскошных дворцов и отелей, запестрела парочками, выпущенными из центральных подъездов подобострастными швейцарами: такой вам парад-алле или демонстрация мод всемирно знаменитых кутюрье. В воздухе витал устойчивый аромат случайно скомбинированного коктейля шикарных французских духов, замешанных на свежем запахе моря.

По пути нашего первого маршрута мы делали свои первые открытия и освежали островки знаний об этом сказочном городе. Как раз в черте роскошных отелей и дворцов на

нашем пути оказался знаменитый Мост Вздохов. В отличие от всех иных, он располагался на уровне третьего этажа, соединяя два здания, разделенные каналом, одно из которых - уже знакомый нам дворец Дожей, а другое - тюрьма 16 века. Свое название он получил как раз потому, что по нему на суд вели задержанных перед заключением под стражу.

А вот и знаменитый Гранд-канал с не менее знаменитым, изображенным на многочисленных открытках по всему миру, Мостом, соединяющим его берега, построенным еще в 1592 году. По обеим сторонам моста в два ряда, как пчелиные ульи в воске, встроены крохотные магазинчики. Именно возле него в первое воскресенье сентября каждый год, начиная с 1315 г. по наши дни, открывается традиционная Историческая регата в память о Венецианской республике. Раскрашенные гондолы всех размеров с гондольерами в живописных костюмах под звуки музыки и песен, подбадриваемые тысячами празднично наряженных зрителей, удобно разместившихся на балконах дворцов, в окнах крохотных домиков по обеим сторонам Большого канала и просто на его набережной под лучами ласкового сентябрьского солнца отправляются в свой загадочный путь.

Всю эту красоту нам, к сожалению, не довелось понаблюдать, мы прибыли в сказочный город двумя неделями позже. Но и нам в одно из воскресений повезло стать свидетелями более мелких праздничных развлечений на Гранд-канале. Здесь, смешавшись с толпами местных жителей и иностранцев, мы наблюдали импровизированные представления и бродили вдоль и поперек каналов и улиц, взбегая по ступенькам на очередной, казалось 100-й по счету, но ничем не похожий на предыдущий, мостик с эдаким звонким итальянским названием, имеющим, безусловно, свою, совсем незнакомую нам, как и другим иностранцам, историю о счастливых или несчастных влюбленных, или что-нибудь еще более романтично-драматическое, и ... тщетно пытаясь остановить прекрасное мгновение.

Уже совсем стемнело, когда мы оказались у церкви Chiesa della Salute, огромного строения с несколькими разнокалиберными куполами, один из которых, центральный, чем-то напоминал купол Исаакиевского собора в любимом и далеком Санкт-Петербурге.

И здесь начинается почти мистическая история, которой суждено было произойти. Порядком устав и потеряв ощущение свежести восприятия, мы уже решили поставить точку на нашей первой экскурсии по Венеции и возвращаться в еще не обжитую гостиницу, когда в поле зрения метров в десяти я заметил на мостовой что-то блестящее, отражающее луч света от одинокого ночного фонаря, висевшего над входом в церковь. Кто-то из компании подошел к предмету, лежавшему на мостовой и возвратился с позолоченными женскими часами, которые мы, не зная куда девать, в шутку ли всерьез разыграли между собой. Счастливчик положил их в карман, и мы, уже с теплым чувством предвкушая желанный отдых, поплелись назад. В этот момент я изрек фразу, которой предстояло стать роковой:

- В жизни как в природе, всегда все сбалансировано: сегодня нашел, - завтра жди потери.

Сказал и забыл. ... Но забыл также и другой жизненный закон: кто шибко умничает, того жизнь и наказывает. Случай, произошедший со мной в конце нашего путешествия, подтвердил этот закон. Но об этом в свое время.

Следующее утро было таким же приятным и свежим. Я встал чуть раньше обычного и вышел подышать утренним воздухом и поупражняться в соседних лавочках в итальянском. По старому обычаю я брал в загранкомандировки разговорник, который выучивал почти наизусть и пытался применить свои скромные знания в случайном общении. Выходило как всегда: высказать соответствующую обстоятельствам мысль у меня получалось, а схватить ответ - зачастую нет. Зато в магазинах при простых покупках, при поиске данной точки на местности, а также в других случаях, система положительно срабатывала. Купив пару открыток с видами Венеции, я поспешил на завтрак, а десятью минутами позже мы уже были на пути в Технологический университет, спеша на занятия.

Там нам излагали основы составления бизнес-плана при постановке научно-исследовательских работ, из которых, в частности, следовало, что тщательно сработанный бизнес-план почти неизбежно гарантирует успех работы, а финансовая сторона, кредит и

прочие составляющие - это пустая формальность. Возвратившись домой, я долго с улыбкой вспоминал эти наставления. Никто не в состоянии понять наши совковые проблемы и славянский характер, к большому сожалению, и мы сами.

Финансовые премудрости обеспечения research and development-R&D (как принято кратко обозначать область научных исследований), гипотетическая загадочность ключевых разделов бизнес-плана, их место в постановке, продвижении и реализации научно-исследовательских проектов, роль менеджмента и самой фигуры менеджера в достижении конечной цели - вот главное, что мы должны были уразуметь, отучаясь от постсоциалистических стандартов плановой экономики, а главное, стереотипа ее мышления. На практических занятиях нужно было собственноручно заполнить кучу финансоориентированнных форм и формочек, суть которых ухватить сходу оказалось делом непростым.

Среди литературы, которой нас забросали, мое внимание привлекла статья, которая была посвящена выбору инновационной стратегии R&D. Учитывая высокий научно-технический потенциал нашей державы, мне показалось весьма уместным досконально разобраться в ней. Действительно, в этом плане стоило бы поломать голову как в смысле феномена инновационной стратегии на элементарном уровне единичного проекта, так и в части инновационной парадигмы развития целого государства.

Ведь вполне же очевидно, что фундаментальные, а затем прикладные научные исследования, изобретательное творчество, высокие технологии, инновационная деятельность, управление качеством, деловое совершенство, информационные системы, сети интеллектуального информационного сервиса, экономические и социальные последствия научно-технической эволюции, все это - звенья одной цепи, вполне определенные составляющие единого процесса (жизненного цикла), отдельные этапы которого относятся к науке, другие - к технике и производству, третьи - к социально-экономическим отношениям, рынку, и т.д., а в целом - процесса активной человеческой деятельности, в более общем случае, - процесса взаимодействия человека с окружающим миром, в том числе и с себе подобными.

Для частного случая - создания объектов новой техники и технологии (ОНТ) указанный процесс начинается с научно-технической либо простой инженерной идеи и напрямую заканчивается производством, а затем рынком.

И в прошлом плановом советско-социалистическом, и в нынешнем квазирыночном укладах государство и общество честно стремятся в своей деятельности, пусть разными методами и средствами, но к одной цели - максимальному производству жизненных благ для своих граждан. В Украине, как и в других постсоциалистических странах, прежде всего СНГ, эти методы и средства были и остались весьма похожими, в большей части, мало,- а точнее, неэффективными. При предыдущем строе не хватало сильных материальных (экономических) стимулов для подхватывания, развития и внедрения результатов интеллектуальной (научно-технической) творческой деятельности, - все хорошо помнят проблемы так называемого "внедрения" в производство и погоню за порою липовыми справками с расчетом не всегда осязаемого экономического эффекта. При нынешнем укладе и сегодняшнем состоянии экономики невостребованность результатов упомянутой деятельности превратилась в социальный недуг. Где же выход?

Вряд ли необходимо сильно обосновывать, что выбор правильной инновационной стратегии действительно является очень важным для современного состояния рынка прикладных научных исследований, объектов новой техники и наукоемких технологий в любой стране, а в Украине - в особенности.

Инновационные стратегии различаются моделями инновационного процесса, который разбивают на фазы (стадии). Как известно, существуют различные варианты таких разбиений, например:

- генерация идеи - решение проблемы - внедрение,
- открытие - решение - развитие и др.

В частности, семифазная модель Хамилтона (и аналогичные) ориентирована на параллельные технический и рыночный системный анализ. В ней присутствует фаза "стратегия нового продукта", размещенная в начале процесса, (что само по себе неординарно), которая учитывает в качестве цели не только интересы бизнеса и инновационную деятельность, но и аспект изобретательства. Инновационную деятельность можно рассматривать, как процесс уменьшения (снятия) неопределенности в системе координат "технические средства (Нт) - рынок (Нр)". Добавление координаты "срочность проекта" (Сп) позволяет построить инновационную модель в виде своеобразного "куба неопределенности".

Если ограничиться случаем, когда параметрам Нт, Нр, Сп приписаны двоичные значения {0,1}, то получим восемь двоичных кодов от 000 до 111, каждому из которых соответствует свой вполне определенный набор составляющих общей стратегии. Например:

000

Прозрачная стратегия, высокие мотивация и обеспечение ресурсами.

010

Систематический маркетинговый анализ, использование техники генерации идей, последовательное вхождение в рынок.

011

Быстрые приоретизация и старт, применение венчурного подхода и сосредоточение ресурсов.

100

Плановость и последовательное тестирование - поиск альтернатив, более глубокие исследования.

101

Организуют конкурентные проекты - быстрое принятие решений, доступ к ресурсам, приобретение "know-how", параллелизм (важно остановить в нужный момент неперспективные ветви).

111

Множественные усилия: упор как на фундаментальную, так и на прикладную сторону исследований, инновационный климат, сильное руководство, харизматический коллектив и т.п.

Из рассмотренного видно, что различные стратегии характеризуются различными подходами в выборе стиля управления, организационной структуры и других факторов. Необходимо заметить, что в процессе исследований ситуация может меняться и прорыв по технической координате может потребовать изменения, например, в характере поведения на рынке. Не следует также забывать принцип обратной связи и возможность организации циклов на каждой фазе процесса исследований. А главное, читатель заметит очевидную существенную роль при выборе эффективной стратегии организационного и психологического факторов, которые очень часто влияют на успех проекта.

Результаты разработки эффективной инновационной модели являются основой планирования НИР, которое включает в себя, по крайней мере, две наиболее существенные составляющие - организацию управления проектом (мониторинг) и планирование ресурсов. Но это отдельная тема, которую нам пришлось проходить в процессе освоения популярной уже тогда системы "Project Manager". Сегодня о ней слышал даже школьник.

Для направления R&D , связанного с исследовательским проектированием, наряду с рассмотренными, представляются весьма актуальными вопросы системной интеграции, которые уже позже попали в поле зрения автора. О ней стоит упомянуть.

Концепция системной интеграции исходит из основного диалектического принципа двуединства, представленного разными парами философских категорий противоположностей. Среди них имеет место двуединство "анализ-синтез". Развивающаяся до настоящего времени теория системного анализа предполагает в силу данного принципа

некую общую теорию системного синтеза, которая в строгом виде не сформирована вследствие больших различий прикладных областей. Однако обе составляющие так или иначе взаимодействуют в рамках так называемого системного подхода. В отсутствие строгой теории синтеза уместно сформулировать из самых общих положений хотя бы основные принципы системного синтеза.

Назовем, по крайней мере, два наиболее важные из них, которые на практике сознательно или интуитивно находят широкое применение:

1. Принцип системной (иерархической) интеграции.

2. Принцип полноты и гармонического взаимодействия.

Первый предполагает иерархическое построение технической либо организационной системы, так что компоненты верхнего уровня иерархии представляют композиции компонентов нижнего уровня, и так снизу доверху.

Второй принцип определяет достаточность набора компонентов для всех уровней иерархии, предпочтение в использовании при проектировании компонентов более высокого уровня при обеспеченной согласованности внутренних интерфейсов и удовлетворении заданным критериям оптимальности проектируемой системы и, наконец, открытость и эффективное взаимодействие с внешней средой.

Если применить эти принципы как к ОНТ, так и к организации инновационной деятельности по их созданию (начиная с инновационной стратегии), можно ожидать нетривиальных результатов.

Осмысление рассмотренных вопросов, их обобщение и реализация применительно к условиям информационного общества позволяют осознать в целом сущность информационных технологий и их роль в жизни современного общества и в научных исследованиях, в частности.

Стремительное развитие информационных технологий, их глубокая интеллектуализация позволяют сформулировать главную стратегию информатизации современного общества как знание-ориентированное его развитие. В соответствии с такой стратегией главными компонентами процесса информатизации являются интеллектуальные информационные технологии (ИТ), информационный ресурс (ИР), т.е. вся информация (знания), которыми обладает общество на современном этапе развития, и, наконец, технические средства, представленные двумя составляющими: средствами обработки информации - интеллектуальными информационными системами (ИИС) и средствами передачи информации - телекоммуникационными системами.

Результатом этого процесса в общем случае является либо а) увеличение ИР, путем производства новых знаний, либо б) актуализация ИР путем решения определенных задач управления всевозможными материальными процессами, прежде всего производственно-технологическими.

Случай (а) как раз и является целью научных исследований в широком плане, а разработка современных информационных технологий и систем поддержки научно-исследовательских работ превращается на наших глазах в самостоятельный, едва ли не самый актуальный раздел информатики, способный, быть может, активизировать все наиболее значимые заделы украинской школы информатики, для реализации инновационного алгоритма развития общества.

Знание-ориентированная концепция развития общества апеллирует к когнитивной парадигме информатики, в соответствии с которой любые процессы обработки и использования информации рассматриваются в терминах знаний, которыми оперирует ИИС, и основная задача информатики может быть представлена следующим образом: в процессе функционирования ИИС исходная структура знаний, содержащихся в ней, модифицируется по результатам обработки порции поступающей в нее входной информации, образуя новую структуру, а следовательно, создавая порцию новых знаний.

Оставим в покое общие проблемы информатизации и заметим, что в Украине возникла парадоксальная современная ситуация невостребованности результатов научных

исследований обществом, отечественной промышленностью и экономикой, что заставляет искать эффективные механизмы организации НИР и продвижения их результатов на современных внутреннем и международном рынках.

Данная ситуация порождает идею постановки НИР на четкую "индустриальную основу", регламентирующую их выполнение на всех этапах жизненного цикла с максимальной опорой на ИИТ, с приданием товарных свойств результатам НИР.

Анализируя этапы жизненного цикла ОНТ, можно выделить несколько критических точек, которые определяют траекторию и, в конечном счете, результат реализации любого проекта. Именно они требуют разработки эффективных подходов методов и технологии, поддерживающих выполнение данного этапа и переход к следующему. В частности, на стадии НИР это:

1. Анализ предметной области и выбор научной проблемы (эффективного направления) исследований.
2. Эффективное представление и коммерциализация результатов научных исследований.
3. Этап внедрения в производство.

Совсем не значит, что другие, в частности, содержательные этапы творческого процесса НИР менее существенны, просто они менее зависимы от рынка.

В работах автора по следам осмысления полученного опыта впоследствии были описаны методы и средства интеллектуальной информационной поддержки этапов НИР, разработан определенный регламент их выполнения, опирающийся на использование современных информационных технологий, начиная с контент-анализа входной информации информационной системы исследователя (исследовательской группы) и заканчивая средствами виртуальной реальности и бизнес-планом.

Развивая эти технологии и, в частности, виртуальную парадигму, сформулировано предложение по развитию этих технологий в Интернет-среде. Телекоммуникационные, сетевые и в целом современные информационные технологии предопределили такие ставшие сегодня привычными термины, как телеконференции, дистанционное обучение, виртуальные библиотеки, наконец, системы виртуальной реальности и др.

Наряду с другими примерами развития виртуальной парадигмы в R&D процессах можно привести еще один, относящийся к концепции виртуальных научных центров. ВНЦ представляет собой организационно-техническую систему, в максимальной степени использующую и развивающую Интернет-технологии и расширяющую Интернет-среду. Главной целью создания ВНЦ является повышение технологичности, координации взаимодействия исследовательских коллективов и их партнеров, снижении экономических затрат на НИР, повышение коммерческой привлекательности и в целом экономической эффективности реализуемых проектов.

Наглядным примером эффективного использования ВНЦ является выполнение совместных международных проектов с проведением в on-line режиме физических (химических) и других типов экспериментов на дорогостоящей аппаратуре одного из партнеров. В частности, в области компьютерной техники речь может идти о создании в реальном времени действующих лабораторных прототипов вычислительных систем в многомерных программируемых средах, построенных, например, на базе современных Virtex-чипов фирмы Xilinx и пр.

Важными функциями ВНЦ являются сбор и распространение текущей информации в данной научно-технической области, результатов маркетинговых исследований, подготовка рекламных видеоматериалов, в том числе с использованием методов и средств виртуальной реальности, проведение телеконференций и семинаров, телеобучение, публикация совместных научных трудов, электронная коммерциализация результатов НИР и пр. Эти предложения - результат тщательного заинтересованного анализа международного опыта, почерпнутого в Венеции и развитого применительно к современным условиям и современному состоянию информационных технологий.

Как велик временной отрезок, разделяющий первые осознанные впечатления в области R&D-менеджмента и сегодняшние достаточно полно проработанные предложения, касающиеся подъема общего уровня научных исследований нашей академии и в стране на основе достижений современных информационных технологий!

Это своеобразное "лирическое отступление" является прологом к описанию явления (по другому не сформулируешь), каким оказалась для меня фигура Харольда Лоусона, преподавшего для нас основной курс R&D-менеджмента, так сказать изнутри и в образах. Швед по национальности, физик по образованию, яркая нестандартная личность, которая произвела ошеломляющий эффект на аудиторию своими эрудицией и коммуникабельностью, раскрыл творческие возможности слушателей, начиная со своей первой лекции. Но это было уже далеко от Венеции, которую мы покинули, вполне насладившись неповторимым колоритом ее сказочных архитектурных памятников, каналов и атмосферы далеких эпох, когда человек, стремясь к совершенству жизни, искал новые яркие средства самовыражения в самых разных видах деятельности, прежде всего, архитектуре, культуре и любви к Господу.

Большинство храмов, которые нам удалось посетить, оставили неизгладимый след не в памяти, а в самой нашей душе. Маленькие эпизоды, например, посещения самодеятельных хоровых концертов, где традиционные итальянские канцоны уводили нас в далекие времена эпохи Возрождения, маски, напоминающие о знаменитых венецианских маскарадах, образцы венецианского стекла, сработанные в мастерских на крошечном острове Murano - Burano (памятная вещица в виде матово-стеклянной пепельницы с инкрустированным алмазом покоится на пыльных полках нашего скромного семейного серванта), серый песок Адриатического моря на центральном городском пляже с удобными кабинками и открытыми душевыми, а также множеством креветок и рапанов, оставленных прибоем, - источник жизни бедных рыбаков. Все это не могло не отразиться на нашем жизневосприятии и не влюбить нас в уже ставшие обиходными названия и имена древних шедевров, упакованных для нас в одно большое и благословенное имя - Венеция.

Мы покидали ее гостеприимные берега с легким чувством печали и ностальгии, и, конечно же, с надеждой на будущие встречи.

Вторая часть нашего общеобразовательного ликбеза в области R&D-менеджмента пришлась на Триест, портовый город, на улицах которого можно встретить представителей всех стран и народов, город невообразимой демократичности и беспрецедентной коммуникабельности, - это факт. Та злополучная история, которую я пообещал поведать, зацепила и Триест и его замечательное свойство: в каком-то заурядном магазинчике меня на моем родном языке просто-таки "уболтали" приобрести джинсово-вельветовую куртку, которая имела прямую связь с предстоящим памятным событием.

Гостиница, в которую нас определили, была расположена на горных кручах, куда по выдолбленным в них узким, но ровненьким дорогам от центра надо было добираться полчаса с ветерком на затаенном дыхании с мыслью, что каждая поездка - оследняя. Ассы-водители во время этих головокружительных поездок спокойно болтали, а встречные автомобили просвистывали мимо, "как пуля у виска". Сама гостиница, казалось, повисла на одном из горных выступов над морем, а где-то внизу плескалось море и виднелись мачты многочисленных яхт и прогулочных катеров. Гостиница всем пришлась по душе: уютным интерьером, доброжелательностью и малочисленностью персонала, и не в последнюю очередь, разнообразием шведского стола, который нас порой подкармливал и в обед. Наши занятия проходили в помещении какой-то морской лаборатории, расположенной в нескольких километрах от нашего отеля. Место также сказочное по красоте зеленого уголка, своеобразного крошечного парка, подвешенного на горной площадке невысоко над морем.

Утром нас ожидал Shatle, маленький уютный автомобильчик, который по строгому расписанию курсировал между отелем и лабораторией. Мы, народ пешеходный, не раз предпринимали попытки добираться куда-либо своим ходом - занятие, прямо скажем, не из приятных, в связи с отсутствием пешеходной дорожки и напряженным движением.

Прекрасная погода, перерывы между лекциями, в течение которых мы имели возможность размяться и пообщаться между собой - благо компания оказалась разношерстная и интересная: кроме представителей Союза, - китайцы, индусы и прочие "развивающиеся". Прогулки по побережью приурочивались, как правило, к скромному обеду. Мы в гостиницу не ездили, а питались чем Бог пошлет прямо на месте, сочетая этот процесс с купанием в море и обследованием побережья. Это оттуда у меня первый опыт нарушения статус-кво приватной собственности - неумышленное вторжение на территорию чьего-то приватного пляжа. Нудмен, загоравший возле причудливой формы прибрежного камня, бросил на меня такой неодобрительный взгляд, что я сразу же сообразил, что где-то принимает солнечные ванны его дражайшая половина. Keep privacy! - учил нас В.Хижняк, хотя с высоты небольшого дорожного мостика разнородная толпа прохожих и зевак любовалась морским пейзажем включительно private beach с его обитателями.

Однажды гостеприимные хозяева устроили где-то в ресторанчике неподалеку от лаборатории памятный обед с традиционными спагетти, устрицами и неплохим красным вином. Типичные итальянские спагетти мы уже в состоянии были оценить, вкус свежеприготовленных устриц - не все.

Видимо, вследствие своего шведского опыта, я как-то сперва заинтересовался, а после сблизился с Лоусоном, хотя он по общепринятому определению подходил больше к категории "человек мира". Жизненный опыт, обширные знакомства в среде ученых, бизнесменов и политиков, занятия в инновационной сфере собственной фирмы, умение общаться с любой аудиторией, живой язык, образная выразительность сходу поместили его в центр нашего внимания, а умение без напряжения с достаточно искренней заинтересованностью войти в суть многочисленных вопросов - нас просто покорили. Это от него я узнал две важные вещи, которые произвели на меня яркое впечатление: 1) какой должна быть фигура настоящего менеджера, и 2) каков вес вклада участников в общей пирамиде - от автора идеи до производителя товара, т.е. на всех этапах жизненного цикла ОНТ.

Если вы заглянете в англо-русский словарь, то обнаружите как минимум два значения слова guerilla - 1) горилла, 2) партизан. Лоусон нам пытался объяснить третье значение - это тот самый тип абсолютно совершенного менеджера, который определяет, в конце концов, судьбу проекта или, выражаясь романтическим стилем, - душа проекта. Если вы думаете, что главная фигура в процессе - носитель идеи (иногда это случается), вы глубоко ошибаетесь. Guerilla - это и есть инновационный менеджер, который, оценив исходную идею, шаг за шагом, точными движениями и приемами, раскручивает ее, проводя через все этапы жизненного цикла, точнее, обеспечивая их в соответствии с той самой инновационной стратегией и оберегая от множества ловушек и подвохов, которые стоят на нелегком пути продвижения ОНТ. Как он это делает? А в этом и заключается его главное know how, обладать которым дано не каждому. Именно поэтому настоящий менеджер проекта - в прошлом сам талантливый разработчик. Траектория его движения носит челночный характер. Его выход за пределы среды проектантов каждый раз имеет своей целью уточнение деталей и снятие вопросов, которые появляются по ходу проекта, как у разработчиков - исследователей, так и у него самого, прежде всего в части "прощупывания" рынка через коллег из других фирм, изучения мнения потенциального потребителя и пр. Опыт показывает, что лучшим вариантом сохранения хорошей профессиональной формы для менеджера высокого класса - периодический возврат в проектанты. Это не всегда удается, т.к. на западе фигура менеджера ценится выше фигуры разработчика - исследователя (у нас, к сожалению, многое происходит с точностью до "наоборот").

Теперь о пирамиде проекта. Гордый носитель идеи чисто психологически считает разработку своим детищем "по определению". Один мой коллега в течение многих лет самым серьезным образом использует выражение "моя машина", хотя машиной как материальным объектом пока "не пахнет", в то же время самоудовлетворение своего творческого "Я" - налицо. Но раннее самоудовлетворение как раз и является одним из

тормозов продвижения вперед. Отсюда аксиома - автор идеи во многих случаях - главный сдерживающий фактор. Ему по-человечески тяжело вовремя отторгнуть от себя свое детище, передав его в руки профессионалов другого толка, т.е. умеющих завершать, продвигать, внедрять, оформлять, рекламировать. Момент и процесс отторжения - едва ли не самые критические факторы успеха. Так вот, в 100%-й шкале пирамида проекта по оценкам степени достижимости результата выглядит приблизительно так:

идея	- 1-3%
исследовательский проект	- 15%,
производство	- 20%,
маркетинг	- 60%,
рынок	- 15%

Вот и объясни все это честолюбивому автору, да еще с претензиями на лидерство и срочное обогащение на творческой ниве. Хотя идеи бывают разные, как в плане своевременной реализации, так и в плане перспектив. Бывают также блестящие бизнес-идеи, которые коллега-ученый не всегда в состоянии заметить и оценить. Ну что ж, каждому свое!

Мы тогда только слухом слыхивали о венчурных предприятиях, а тут живьем и в on-line - возможность, обсудив при этом все тонкости, потрогать за рукав директора венчурной компании, ведущей одновременно несколько объемных наукоемких проектов этой деятельности. Сразу же море идей, замыслов и желаний побыстрее вернуться домой и раскрутить парочку таких же вот проектов.

Торжественное вручение сертификатов следующего содержания:

Подписи, печати, красивая рамка. Умеют, черти, обставлять торжественными деталями торжественные моменты.

К слову сказать, сам центр я по своему индивидуальному плану посетил. Он расположен невдалеке от места нашего обитания по дороге к Триесту. Случайная полуполезная встреча с парочкой спецов из дальних стран, которые стажируются в Центре по специальным грантам CFKU, ориентирован главным образом на исследования в области прикладной физики, но лаборатория микропроцессорной техники там все же оказалась.

Полные уже созревшего желания поскорее приникнуть к родному очагу - вся компания, не помню зачем, сделала возвратный виток в Венецию, бросив прощальный взгляд на ее красоты, - мы ночным поездом, приняв все меры предосторожности, связанные с нередкими дорожными ограблениями, двигались к Милану.

Внимание, начинается переход к детективной части повести.

Итак, пара остановок в живописных населенных пунктах в едва забрезжившем свете наступившего утра, скромный дорожный завтрак, и мы прибываем под крышу фешенебельного времен Муссолини роскошного вокзального дворца.

До нашего рейса из миланского аэропорта оставалось часа три, и наше единственное очевидное решение: бросить вещи в камеру хранения и пробежаться по утреннему Милану, ни у кого не вызвало раздражения. Группа наша разбилась к тому времени на две части, и я оказался в обществе тех самых двух парней, которых "вычислил" в зале ожидания миланского аэропорта на пути в Венецию, - Андрей из Москвы и Батадыр из Киргизии, такая себе симпатичная молодежная тройка.

Ну что там пара часов для серьезных впечатлений от Милана! Конечно же, огромный Миланский собор, могучая готика, как огромный орган звучал на всю грандиозных размеров площадь. Одинокие прохожие, уже оживающий после ночи город, первые признаки восходящего над ним солнца, в лучах которого так славно погреть отсыревшую за ночь куртку, вот именно, ту самую, которую я купил в упомянутом ранее триестском магазинчике. Курточка, к слову сказать, довольно уютненькая, на подкладке из шерстяной шотландки, впереди два глубоких фасонистых кармана, где удобно держать всякую всячину и заодно греть руки - весьма кстати.

По мраморному полу фешенебельного гранд-маркета, выбивая каблуками чеканящую дробь, оглушающую нас самих, мы проследовали в небольшой скверик, посреди которого совершенно неожиданно нас поприветствовала скульптура Леонардо да Винчи, а за ним скромно красовалось здание знаменитого оперного театра Ла Скала. О чем еще мечтать приезжему любознательному командировочному. Считая культурную часть экскурсии вполне исчерпанной, мы по инерции двигались вперед, убивая остаток времени, и уже намеревались сворачивать прогулку, направляя шаги в сторону вокзала, когда очутились на больших размеров площади, абсолютно пустой, если не считать две маячащие впереди хрупкие фигурки юношей или молодых людей, трудно сейчас утверждать точно. Они шли нам навстречу, в руках у них были свежие газеты, которые они попытались предложить нам, т.е. первым встречным. Жест одного из них, тычащего газету чуть ли не в физиономию, уж был более, чем настойчив. "На фига нам ваши газеты!" - мысль не высказанная, но очевидная, - и мы, разминувшись, пошли своей дорогой, оставив газетных продавцов заниматься своим делом без нашей помощи.

Спокойно прошествовав пару кварталов, вошли в здание вокзала, направившись прямо в багажное отделение. Времени было уже впритык. Вещи в руки и скорее на автобус!

Вот здесь-то и начинается отсчет кульминационного отрезка моей итальянской одиссеи. Лезу в карман за багажной квитанцией - вытаскиваю паспорт, лезу во второй - он пуст.

- Как же так? Здесь же должен быть бумажник, в котором, кроме квитанции, был мой скромный сэкономленный итальянский заработок и авиабилет. Повторив движения с тем же результатом, перехожу к сумке, которую нес на плече: полупустая сумка с одним лишь зонтиком, скучающим на дне, да парой мелких ничего не значащих вещей.

- С чего бы портмоне оказалось в сумке, если я специально переложил все ценное в карманы куртки, такие удобные и глубокие (правда без застежки! - запоздалый комментарий...), чтобы, не дай Бог, у меня ее не срезали или не выхватили (береженого Бог бережет)!

И только в этот момент, как в полуторасекундном клипе, рокручивается вся картина, и я понимаю, что два белозубых черноволосых газетчика совершили со мной мастерский профессиональный трюк: едва заметное касание локтя с оттяжкой руки - и фокус удался, что касается профессионализма, замечу следующее: за десяток - полтора секунд, когда мы находились визави, мы - это наша троица и их двое, они вычислили жертву. Двое моих попутчиков были в стандартных костюмах с внутренними карманами и покоящимися там документами и ценностями. Я - в этой злополучной джинсовой курточке, которую они оценили положительно вместе с ее содержимым.

- Ты спокойно проверь еще раз, - товарищи дурного не посоветуют.

- Да, да... А сам понимаю, что все уже в прошлом и ничего не вернуть. И вторая острая мысль:

- Время...

И тут начинается развитие событий, как в старом кино. В темпе стремительно выстраивается исходный план действий, как вы понимаете, в самом общем виде:

1. Сначала завладеть багажом,
2. Быстрее добраться в аэропорт,
3. Что-то предпринять с билетом, но это потом...

А сейчас, вперед.

Первая попытка контакта с чиновником багажного отделения. Вот где помогла привычка освоения "птичьего" языка. Конечно же, он ни бум-бум не понимал по-английски, и я на своем русско-англо-итальянском диалекте (скорее для самоутверждения), а более "международном" языком жестов и страданием в глазах пытался объяснить, что я от него хочу. Подействовали паспорт (Бог сжалился и его не умыкнули вместе с портмоне) и визитка со всеми регалиями, а главное - человек где-то слышал, что есть на земле такой город - Киев.

Показав пальцем на парочку похожих на мои чемодан и сумку, мы двинулись с ним на поиски вслепую. Было впечатление, что площадь багажного помещения никак не меньше нашего центрального стадиона, конечно же, с поправкой на расширенные от ужаса зрачки. Первый проход - нулевой результат. Поехали по второму кругу, изменив направление обхода. Парочка шагов и...

- О счастье! - вот они. Первая победа! Первая радость...

Следующий шаг - заполучить своё в свои руки. Задача непростая, состоящая в том, чтобы доказать, что это - мои вещи. Чего проще - назови содержимое - и все в порядке. Но ... все это надо сделать на каком-то "подходящем" языке, точнее любыми средствами, которые бы убедили чиновника в истинности событий и действующих лиц. Дело решили: сувенирная пепельница из венецианского стекла с искусственным бриллиантом в центре с острова Murano-Burano (помнится два последние слова я повторял ему 99 раз) и кроссовки, купленные где-то впопыхах, их я назвал "sport boots", по-английски.

Чиновник записал в какой-то "талмуд" все мои данные и вот - вещи в моих руках. Ура!

В этот момент у меня появилась уверенность, что теперь все закончится благополучно. Вперед в Аэропорт! Времени в обрез! Без копейки денег даже на автобусный билет, благо - товарищи рядом и в беде своих не бросают, мы на пути в аэропорт.

Посадка уже объявлена, полным ходом идет регистрация. Сгрузили вещи невдалеке от стойки регистрации. Один боец на стреме - охранник, другой разбирается с билетами возле стойки, я побежал, куда глаза глядят. Сначала подбежал к кассе, хотел получить данные относительно своего билета. Передо мной у окошка кассы - вальяжного вида, лощеный, немолодого возраста джентльмен на ломаном английском мерно рассказывает кассиру весь свой маршрут с подробностями, достойными пера Льва Толстого. Но у меня ведь ЧП, извинившись перед этим джентльменом и вкратце объяснив сложность своей ситуации, я пытаюсь задать кассиру свой маленький, но жизненно важный вопрос. Но не тут то было. Смерив меня презрительным взглядом, он отстоял свое право первенства, начал объяснять мне краткое содержание правил хорошего тона. И демонстративно повернув ко мне заднюю часть своего туловища, без изменения тона продолжил описание своего вояжа кассиру. Наверное, что-то весьма полезное и интересное в его словах присутствовало, но дослушать его я уже не мог, и бросился к стойке информационного бюро. Разговор приблизительно выглядел следующим образом:

- Понимаете, у меня украли здесь в Милане авиабилет. Я покупал его в вашем Московском авиаагентстве. Надеюсь, в информационной системе вашей компании остались какие-либо следы?

Ответ был профессионален и безупречен:

-Если вы хотите, чтобы я чем-то занялась, принесите заключение из полицейского участка, о том, что сказанное вами - не ваша выдумка, а имело место на самом деле.

Заканчивается посадка в самолет. Мои коллеги добросовестно поджидают своего товарища у контрольных ворот. Но он (товарищ) тоже имеет устойчивые представления о чести и достоинстве. И вот, единственно возможное решение:

- Братцы, бросайте шмотки вот здесь в уголке: два воровства подряд - вещь маловероятная. Если успею обернуться, встретимся, если нет - привет Москве, а здесь мне как-нибудь придется разбираться самому. Привет Москве!

С этими словами, я что есть мочи кинулся куда-то наверх по направлению информационных указателей с расспросами первых встречных: "Где тут полицейский участок?" Наконец, поиски были успешно закончены и я - один на один со спокойным, симпатичным в хорошем настроении и также хорошо сидящей форме, средних лет полицейским, который в неторопливой манере пытается выяснить, что от него требуется. Конечно же, я все путаю, пытаясь соединить ближние и дальние цели своего монолога:

- Понимаете, у меня заканчивается посадка на самолет... (и дальше вкратце вся история кражи).

- Садитесь, рассказывайте.

Благо, полицейский в отличие от багажного чиновника знал 1,5 слова по-английски, но это меня не спасало. Каждая минута разговора казалась вечностью, сердце стучало в висках барабанной дробью. Наконец, объявление по радио:

- Посадка на рейс №... закончена.

Полицейская "гаврилиада" становилась бессмысленностью, но по инерции диалог продолжается, и в результате я получаю в руки акт нижеследующего содержания.

Дата: 13/10/1991 г. 11-00 Полицейский участок центральной части штата, расположенный недалеко от аэропорта Линате-Милан	Полиция штата Полицейский участок центральной части Линате-Милан Содержание: заявление, составленное со слов пострадавшего

Нижеподвисавшийся Ламперти Джузеппе,
полицейский участка центральной части Линате-Милан,
представляет пострадавшего Палагина А.В.,
(дата рождения 17/07/1939, г. Кировоград (СССР), нынешнее место проживания - г. Киев (Россия), адрес: ул.Академика Глушкова, 40, 252650. Паспортные данные: российский паспорт, серия: СК-1 015302, выданный 28/10/86 российским правительством),
который сделал следующее заявление:

Сегодня, около девяти часов утра, когда я прогуливался по улице которая находится в Милане, несколько неизвестных вытащили из кармана моей спортивной куртки кошелек серого цвета. В нем содержалось: 200 долларов США,350000 итальянских лир и билет на авиарейс Милан - Москва. Авторами кражи были 2 молодых худощавых человека невысокого роста, на первый взгляд лет 30, с короткими черными волосами. Они меня якобы случайно толкнули, потом, извинились и предложили купить какую-то газету.

Написано, прочитано, закреплено датой и печатью.

Подпись заявителя	*Подпись полицейского участка*

...Вдогонку судьбе, с актом в руках бегу к администраторше, и в этот момент успеваю разобрать сообщение по радио, что наш рейс .... задерживается на 30 минут.

- Что? Такого не бывает! Разве что в плохих телесериалах.

Дальше было все как в сказке. Мне выдают новый авиабилет, я спокойно прохожу регистрацию, направляюсь в салон, попадаю в объятия своих, не менее меня переволновавшихся, друзей, сажусь на свое законное место, задержка рейса отменяется, (уж как это все связано со мной?...), самолет запускает свой предстартовый рев, ...легко закладывает уши, меня прижимает к спинке сидения, и я, отключившись от реальности, растворяюсь в космосе...

Легкий толчок, традиционные в загранрейсах аплодисменты благодарных пассажиров пилоту за мягкую посадку. Здравствуй, Москва!

ПАРИЖ

Лиловая туча,
скорей начнись,
меня
и Париж полей,
чтоб только
скорей
зацвели огни
длиной
Елисейских полей.

В. Маяковский

Трех недельных командировок в Париж слишком мало для того, чтобы иметь представление об этом сногсшибательном городе. Если оставить в стороне Санкт-Петербург, который для меня всегда есть и будет Ленинградом, и мой родной Киев, Париж - это город номер 1, думаю, не только по моим оценкам и привязанностям, а и для большей части человечества.

О, Париж! Вы скажите, ну кто-нибудь из хоть раз побывавших в этом городе мира и красоты, кто-нибудь остался равнодушным к нему? Другое дело, сколько времени ты дышал его воздухом и сколько раз терялся в неповторимых уголках его улочек, проспектов, парков, дворцов и уютных кафе! Память сознания постепенно переходит в память сердца, а невольное потрясение уступает место трепетному чувству благодарности судьбе за то, что она подарила тебе мгновение прекрасного ощущения "праздника, который (как давно и точно определил великий Хем) всегда со мной". О, Париж!

Все три напряженные по программе работ командировки, были связаны с ЮНЕСКО.

Первая, - посвященная участию в каком-то официальном мероприятии, в качестве представителя от Украины и установлению контактов с постоянными представителями и работниками этой организации, конечно же, через наше постоянное представительство от Украины, как раз припала на чернобыльское лето 1986 г., две другие - выполнению первых проектов нашего института по заказу ЮНЕСКО.

Все три раза проходили почти по одной схеме. Советское посольство в Париже работало всегда на высоте и мне ни разу не приходилось добираться до аэропорта и Парижа своим ходом. Все три раза моей обителью оказывалась скромная гостиница "Segur" (по-моему, в переводе на русский - это "чайка"), что расположена на улице Гарибальди, так что первый исторический опыт пребывания в Париже связан у меня как раз с этой гостиницей. Маленькая, уютная, расположенная неподалеку от штаб-квартиры ЮНЕСКО и его офисного здания, она устраивала меня по всем показателям, к тому же недорогая, хотя оплата номера и класс гостиниц соответственно определялись согласно рангу приехавшей особы. Очень приветливый портье, не особенно сопротивлявшийся моему английскому (слабый запас французского я в течение лета перед поездкой все-таки накопил), после всех формальностей вручил мне ключ от номера и вот я уже в своих апартаментах. Симпатичная чистенькая небольшая комнатка с двуспальной кроватью, занимавшей большую ее часть, сверкающие ручки душа, кранов и даже биде, белоснежные полотенца, окна, выходящие на улицу. Тишина. Подхожу к окну. Ничего интересного: прохожая часть, да эстакада наземного метро. Прошел состав, оставив слабый звук уходящего поезда. Интересно... Открываю окно и в комнату врывается грохот улицы и металлического скрежета, хотя состав метро уже находился метрах в ста от гостиницы. Это мой первый опыт с герметическими окнами. Оценены по достоинству, здорово!

Раскладываю вещи. По привычке делаю это быстро, без тени деловой мысли. Они где-то далеко, блуждают себе безмятежно, легко и свободно.

Чего-то бы подъесть? В чем же дело, по старому совковому стандарту в чемодане припрятано съестное - пару дней точно можно продержаться без копейки денег и со свежим украинским салом да с ранним отельным завтраком - как солдат на полном довольствии. Распаковывать чемодан нет ни малейшего желания, но что делать, голод - не тетка...

Мне вечно не хватает жизненного пространства, вот и сейчас все вещи расставил по местам, а рабочий портфель, взятый для каких-то особых целей уже некуда сунуть: тумбочки и шкаф заняты. Небрежно забрасываю его на шкаф, и в этот момент мне на голову вместе с портфелем посыпалась гора каких-то журналов. Взял парочку наугад - чистая порнуха. Пару любопытных взглядов - профессионально, красочно, сегодня они пошли бы под названием "эстетическая эротика". В общем, какая разница? Но ... представьте себе время - начало постсоветского сдвига, настороженное отношение к Советам со стороны Запада, какие-то террористические акции в Париже - на каждом шагу группы полицейских и спецотряды автоматчиков, (на улицах, в магазинах, в кафе - "шмоны" без предупреждения), в общем - напряженка. А вдруг это все - провокация. Мне человеку с приличным опытом загранкомандировок попасть в какой-нибудь компромат, по меньшей мере, глупо. С другой стороны, пойти и сказать, что там, на шкафу - порнографические журналы, а я - стеснительный, тоже как-то не по-мужски. Но рисковать неохота, и я спускаюсь к портье и говорю ему чистую правду:

- Мсьё, мой номер выходит на шумную улицу, а я страдаю бессонницей. Не могли бы вы поменять мой номер, на номер с окном во двор.

- Вам повезло, гостиница не заполнена. К вашим услугам №... Спокойной ночи, мсьё.

Запаковки, переносы, распаковки - все это мелочи, зато спать буду спокойно. Молодец! Принял душ, согрел чаю, расстелил постель. Кровать огромная, ложись хоть вдоль, хоть поперек, включил телевизор, не спеша прошелся по всем программам и попал на передачу, посвященную Майклу Джексону. До той поры не был знаком с этим феноменальным талантом и 2,5 - часовой концерт меня, конечно же некстати, увлек в первую парижскую ночь, тем более некстати, что завтра - воскресенье - день бесплатного посещения Лувра, и планировать что-либо другое, кроме похода в Лувр на весь день, - абсолютный абсурд. Только бы встать пораньше...

Раннее утро, слегка кумарное из-за недосыпа, но, в общем, прекрасное настроение, воздушный отельный завтрак и я на всех парах мчусь в Лувр.

Карта парижского метро, врученная вежливым портье, подсказывала простой маршрут: чтобы не запутаться в пересадках, можно на своих двоих пересечь бульвар Лекурб и, нырнув в метро на станции "Пастер", добраться до знаменитой площади Согласия (Concorde), от которой через парк (сад) Тюильри спокойно проследовать к Лувру.

Если не считать небольшой заминки в переходах площади Согласия, план был выполнен безукоризненно, и я гордый своей полной самостоятельностью и свободой уже нашел себя у входа в великий дворец-музей. Скорее туда внутрь, наружный обзор потерпит до вечера. И вот по Монументальной лестнице, не обращая никакого внимания на знаменитую статую Ники Самофракийской, украшающую верхнюю часть лестницы, бросаюсь в залы с первым естественным желанием найти любимых импрессионистов: слыхал ведь, что доктор Поль Гаше - покровитель и меценат Винсента Ван Гога, граф Исаак де Камендо - страстный любитель произведений Клода Моне, завещали свои коллекции Лувру. Конечно же, ничего подобного не нашел. Как всем, кроме меня, известно, большинство произведений второй половины XIX века попали в конце 80-х в музей Д'Орсэ, так что следующий пункт моей культурной программы определился точно и бесповоротно. А пока начнем с классики.

Правда, перед этим так и хочется представить себе Париж и парижскую жизнь конца 12 столетия. Так же бесшумно несет свои воды Сена, а на ее берегу высится замок, укрепленный по всем правилам военной науки легендарным французским королем Филиппом Августом, тем самым, что хаживал в кровавые крестовые походы, разоряя далекие страны и утверждая свою веру и власть. Сегодня трудно себе представить, чего

только не видывали эти стены и залы. Послужной список Лувра велик и разнообразен: королевский дворец, театр, тюрьма, арсенал, обитель художников. А во времена Людовика XIII, кои знакомы нашему сердцу, благодаря трем выдающимся мушкетерам во главе с благородным и честолюбивым гасконцем и их главным оппонентом - кардиналом Ришелье, именно последний сделал его местом постоянных заседаний Королевского совета и Парламента, оборудовав в нем, кроме того, Монетный двор, Королевскую типографию и Часовую мастерскую.

Людовик XIV пытался было воссоздать из Лувра роскошный королевский дворец, однако плюнул на эту затею и перебрался как и его предок, в Версальскую резиденцию. Единственный король, умерший в Лувре, Генрих IV и его жена Мария Медичи, пожалуй, больше всех предыдущих и последующих постояльцев опекали архитектурное и в целом художественное наследие Лувра, о чем свидетельствует строительство Большой галереи, расположенной вдоль Сены и соединившей его с дворцом Тюильри, а также Малой галереи (Аполлона), где оставил свой неповторимый след знаменитый Эжен Делакруа, предтеча будущих импрессионистов.

Современную Пирамиду "стекло-металл", напоминающую подсвеченную изнутри египетскую пирамиду, выполненную американским архитектором Минбеем, я еще не застал в первый приезд, вместо нее там только начали обозначаться земляные траншеи и облагороженный строительный беспорядок. Сегодня это сооружение во Дворце Наполеона удивляет (или возмущает) всех вновь прибывших, парижане же покорно привыкли к нему, как в свое время к Эйфелевой башне. Время покажет, стоит ли оно такого сравнения.

Многие поколения монархов, меценатов и профессиональных коллекционеров наполняли это едва ли не самое богатое собрание великих произведений живописи и скульптуры. Оставил среди них свой след и великий Наполеон, не только тем, что дал Лувру название "Музей Наполеона", но и личным участием в пополнении его сокровищниц.

Первым бесспорным моим желанием было, конечно, оценить непревзойденную улыбку Джоконды, так сказать, лично и непосредственно. Вглядываясь в знакомые черты портрета-оригинала, улавливаешь намеки вечно волнующей загадки Леонардо: возможно, это улыбка, в которой отражено равновесие между обаятельной простотой и спокойствием восприятия окружающего мира, с одной стороны, и самоуверенностью и насмешкой, - с другой. Холеные руки и поза женщины, подтверждают подобную трактовку знаменитого портрета, на самом-то деле оказавшимся по размерам (77 х 53) значительно меньше моих исходных представлений.

Ну, Рубенса я насмотрелся в Антверпене во время моей поездки в Голландию (подвернулась такая не вполне дозволенная по тем временам оказия). Поэтому следующими притягательными точками были для меня: знаменитая скульптура "безрукой" Венеры Милосской (до сих пор меня почему-то не оставляет сомнения относительно подлинности оригинала) и, конечно, Делакруа и Грез. Картина "Свобода, ведущая народ" с неповторимыми красками знамени в руках революционной парижанки с красивой упругой грудью еще во времена художника считалась политической. Мы же на ней взращивали свою соцкоммунистическую идейность, воссоздавая события, описанные Гюго, и не в последнюю очередь его бравого Гавроша.

Делакруа - не мой художник, равно как Гро и Давид. Но, согласитесь, стройная фигура молодого Наполеона в военном мундире с древком знамени в левой руке, мужественной поступью и горящим взглядом - зрелище великолепное. Недаром император приблизил Гро к себе, почуяв дар потенциально широкого и яркого отражения в его живописи насыщенности и динамики основных вех наполеоновской эпохи.

"Коронация Наполеона I" Жака Луи Давида для меня имела совсем не историческое значение: ни в одном из приездов мне не удавалось заглянуть в святыню Парижа - знаменитый Нотр-Дам. Торжественная церемония коронации, освященная папой Пием VII происходит именно в этом парижском соборе, запечатлевая с большой точностью, как богатый интерьер собора, так и лица более ста сановных гостей.

Веселый Энгр и предвестник импрессионизма Камиль Коро ничего нового не добавили в моих представлениях об их эпохе и творчестве, а вот картина Ипполита Фландрена "Сидящий молодой человек" своей простотой, непосредственностью и реализмом изображения человеческого тела на фоне традиционного морского пейзажа с рельефной скалой в правой нижней части, полностью пленила до неожиданности. Во-первых, я ранее с ней не был знаком, а во-вторых, оказалось, что это экзаменационная работа вновь испеченного стипендиата Французской академии.

У всех перед глазами стоит известная картина Тициана "Кающаяся Мария Магдалина" с полными скорби глазами, поднятыми вверх, свидетельствующими о безоговорочном раскаянии, женском и человеческом отчаянии героини. В отличие от нее, полотно Жоржо де Ла Тура "Кающаяся Магдалина" предлагает необычное решение темы: это полумрак медленно догорающей лампады, выхватывающей задумчивый взгляд и часть фигуры грешницы в одежде французской простолюдинки (белая кофта, красная короткая юбка), всем обликом передающей пронзительную мысль о сути бытия с попыткой заглянуть в вечность с ее необъятными измерениями. Томик Священного писания, приютившийся на кухонной доске и рука на черепе, покоящемся на коленях молодой женщины, усиливают минорный мотив картины и суровый вывод о тленности этого самого бытия.

Еще были Франгонар, Ватто, Буше... Но человек не в состоянии взять больше, чем может унести, а точнее вынести.

Покидая великолепные залы Лувра со всем их богатством, как бы присоединяешься к миллионам парижанок, которые считают Лувр символом французской (хоть я бы утверждал, мировой) культуры, сохраненной, несмотря на перевороты, капризы королей, пожары и галопом скачущие эпохи времени. Да здравствует Лувр! Хай живе Париж!

А теперь, выйду-ка на парижские просторы. Минуя парк Тюильри и передо мной во весь могучий размах - Площадь Согласия со шпилем посередине - как бы центр музея под открытым небом, каким на самом деле и является Париж, по крайней мере, для меня. Сзади остался Королевский Дворец, Лувр, впереди перспектива Елисейских Полей, справа - церковь Мадлен, за которой раскрываются площадь и здание знаменитой Парижской Оперы, такое притягательное и фешенебельное в вечернем освещении. Слева, через мост Pont de la Concorde - дворец Инвалидов. Фонтан с замысловатыми фигурками с подсветкой распыленных водяных струй превращал вечернюю площадь в декорацию какой-то прекрасной романтической пьесы, действующим лицом которой являлся я сам. Приникая возле каждого столба к карте Парижа для сверки своего маршрута, двинулся через необыкновенной изящности мост Александра III с ежеминутными остановками, чтобы полюбоваться его ажурными формами и крылатыми скульптурами.

Музей Д'Орсэ, сооружение, которое историческая судьба превратила в таковой из здания вокзала, что на берегу Сены появилось еще в 1900 году. Правда, на этом месте, носящем имя его владельца Шарля Буше Д'Орсэ когда-то во времена Наполеона уже красовался богатый замок-дворец. Однако время, пожары и беспорядки сделали свое дело и от замка остались руины, которые еще долго напоминали времена великого французского императора, столь же бесславно закончившего свою карьеру и жизнь. Вокзальная эпоха Д'Орсэ, по сути, иллюстрирует историю развития железной дороги. 16 двойных подземных путей, отходивших от вокзала, соединяли Париж с юго-западом Франции, а в городской черте - с известным вокзалом Аустерлиц.

Два события в биографии Д'Орсэ навсегда останутся в памяти парижан. Во время последней войны он служил местом, куда нацисты свозили заключенных, а в 1958 г. в зале вокзальной гостиницы Шарль де Голль созвал знаменитую конференцию, на которой объявил о своем возвращении в правительство.

Вокзальная эпоха Д'Орсэ закончилась, и вот сегодня мы любуемся одновременно и новым архитектурным обликом здания, специально переоборудованного под новое его предназначение, и, главное, - его коллекциями.

В свой первый приезд я не имел еще возможности побывать в Д'Орсэ: он был открыт спустя несколько месяцев после моего отъезда, где-то в декабре. Зато в 1987 г. моя очередная командировка в Париж, в штаб-квартиру ЮНЕСКО была отмечена замечательным событием - посещением этого самого знатного музея импрессионизма и возможностью полюбоваться творениями своих любимых художников. Слово "любовь" имеет разные оттенки, и я, большой поклонник этого и последующих за ним (постимпрессионизма) направлений живописи, с разной степени симпатией относясь к Гогену, Сезанну, Моне, Дега, Тулуз-Лотреку и Ренуару, привязан, а точнее взволнован более всех произведениями Ван-Гога, поэтому никак не могу простить французам, что знаменитые "Подсолнухи" украшают стену Амстердамского музея, а не Д'Орсэ. Но это частные подробности, главное же, что Д'Орсэ - сокровищница импрессионизма, хотя в нем представлены и другие направления искусства, в частности, художников "среднего" поколения, т.е. родившихся во второй половине столетия, но не позднее 70-го года - для "молодых" же художников служит Национальный музей современного искусства, что обитает в Центре Помпиду. Мне не чужды ни "средние", ни "молодые". Я вместе со всеми восхищаюсь невинной красотой героини "Источника" Энгра, картины, которую художник писал тридцать пять лет, начав в 1820-м, под сильным впечатлением "Весны" Боттичелли (все ее безусловно помнят и ценят), но если в картине последнего преобладает метафоричность, то образ девушки с кувшином, из которого вытекает вода, создает вполне реалистичную атмосферу, которую подчеркивает простой и трогательный взгляд целомудренной героини.

Курбе, Милле, Кабанель и Море - незаурядные художники, современники импрессионистов, работали в традиционном жанре, несмотря на разнообразие тематики, и даже "Рождение Венеры", ближе к античности, чем к новому, пробивающемуся в те же годы, течению, название которого происходит от слова "впечатление" и говорит само за себя. Ярким подтверждением сего является "Бал в "Мулен де ля Галетт"" Ренуара, сумевшего яркими необычайными красками передать само движение танцующих пар и настроение отдыхающих (на переднем плане друзья художника).

Воздушные балерины Дега, загадочные таитянки Гогена - это как бы изображение внешних эффектов. То ли дело картины Ван Гога, будь-то пейзаж, натюрморт или портрет. В них раскрывается мятущаяся душа художника, и это не может не волновать, создавая определенное настроение - возьмите хотя бы тот же "Портрет доктора Гаше", доверенного врача художника, его мецената и вообще очень близкого ему человека.

Времени всегда в обрез и декоративное искусство 3-й Республики осталось вне поля моего зрения, а вот мимо скульптур Огюста Родена и нашумевших в свое время полотен Малевича и Кандинского я пройти никак не мог, правда, в изящных модерных конструкциях лабиринта музея найти желаемое не так уж просто. Кстати, наш вклад в коллекции также значим. Наш - имеются ввиду Мая и Роман Кагановичи. Звонкая фамилия сталинской эпохи невольно натолкнула память на фигуру известного нашему поколению соратника великого кормчего, и я вдруг решил, что это его наследники или родственники. Быть может, это вовсе не так, но речь идет именно о коллекции наших славных соотечественников - абстракционистов. Секции фотографий и газетных иллюстраций я проскочил сквозняком.

По дороге в гостиницу (все три парижские командировки были связаны с проектом ЮНЕСКО и селили меня почему-то в одну и ту же гостиницу "Segur", мой ранг по меркам ЮНЕСКО соответствовал именно такому классу) я собирал воедино разрозненные впечатления, чтобы затем растереть их опять с великой надеждой на то, что какой-то след в памяти остался и все, что происходит с нами в жизни, - не зря.

Я такой опрометью ринулся в воспоминания о Париже и двух его священных драгоценностях - Лувре и Д'Орсэ, что забыл рассказать о том, какие профессиональные задачи я решал во всемирном центре науки и культуры. Но это длинный и не всем, наверное, интересный разговор. Скажу о результатах: три проекта, заказчиком в которых выступал руководитель межправительственной Программы по информатике доктор Менталешта.

Отчет по одному из проектов недавно попал мне в руки и я читаю его название (подготовлен на английском языке):

ОТЧЕТ

по контракту SC/RP №231055.6A между ЮНЕСКО и Институтом кибернетики Академии Наук Украинской ССР, 1987 г.

Тема: "Технический и экономический анализ потенциала определенных развивающихся стран на предмет создания малых промышленных модулей для производства средств информатики, в особенности сборки микрокомпьютеров на основе БИС и других компонентов, получаемых непосредственно от высокотехнологичных производителей".

Ни одного слова не пропустил и в своё время, помню, было не разрешено хоть как-то изменять название: табу есть табу. Согласитесь, что название темы актуально для Украины по сей день.

Более интересной была поездка, связанная непосредственно с моими узкими профессиональными интересами. Мне удалось поразить воображение видавших виды чиновников портативным компьютером (у нас в производстве он имел название "Юниор"), на котором была установлена программа, разработанная одним из сотрудников Института под названием ELCON, что сокращенно обозначает "Электронный конструктор". Программа рассчитана на детей школьного и дошкольного возраста. Смысл ее в том, что ребенок, садясь за такой компьютер, имеет возможность строить свой мир не базе компонентов и материалов, которые имеются у него, проще говоря, на складе: кирпичи, деревья, животные, элементы ландшафта и пр. Конструировать можно все, что душа пожелает. Развлекательная сторона ELCONa очевидна, а в образовательно-прикладном плане представьте себе малыша, который, сопя от усердия, конструирует заданные ему буквы алфавита на любом языке, учится складывать из них слово и пр. Главное же состояло в том, что для обучения ребенка не требовалось абсолютно никакой подготовки, как сейчас профессионально выражаются: технология "включил - и работай".

На глазах у высокопоставленных чиновников за компьютер был посажен парнишка из нашего постпредства и, как выразился наш первый в истории СССР президент, "процесс пошел". До сих пор хранится у меня красочно исполненный макет компьютера и масса трогательных воспоминаний о всяких проблемах и "нескладушках", которые предшествовали этой демонстрации, и в которых мне от души помогал болгарского происхождения сотрудник отдела, с которым я взаимодействовал, - Христо Буцев. Я с ним подружился по-настоящему и об этом стоит рассказать отдельно.

Точно не помню, по-моему, жил он с женой в Париже второй срок. Это стандартное исчисление времени загранкомандировок в социалистических странах, а может и не только. Сынок уже несколько лет учился в Швейцарском колледже. Болгарин, хорошо владевший русским, английским и французским, в коридорах ЮНЕСКО он чувствовал себя, как рыба в воде. Интеллигентность в сочетании с добротой и ненавязчивой манерой ее проявления - не самые последние качества у человека, как вы понимаете. Добавьте сюда профессионализм и общительность - получится портрет идеального героя. Небольшая квартирка в центре Парижа вполне их устраивала, пару раз я посетил ее, - расхваливать апартаменты не буду, они весьма скромные, а кулинарные способности жены (если не ошибусь, ее звали Виржинией) подтвержу с удовольствием. Имел честь быть приглашенным один раз в какой-то арабский ресторанчик, где была предоставлена возможность отведать понемногу сразу множество невообразимых по вкусовым характеристикам блюд. От некоторых я "балдел" и свои восторги через Христо передавал хозяину, он оказался его другом, отчего тот был безмерно счастлив и был еще более рад угодить иностранному гостю - предварительно меня складно представили.

В центре нашей беседы оказалась хорошая знакомая или подруга жены, которая произвела на меня сильное впечатление. Она - бизнесмен, работает в одиночку и занимается

организацией перевозок: корабль i-й компании перевозит j-му владельцу груз из точки A в точку B. Ну помните задачки по арифметике в 5-м классе.

- Вот это и все?

- Да, но для этого многое необходимо. Во-первых, необходимо, чтобы тебе доверяли, стало быть, нужно уже иметь имя. Во-вторых, нужно иметь собственный капитал, чтобы обеспечить гарантию перевозки. Наконец, надо знать, как она, пятнадцать языков. Самое удивительное, что вся ее работа выполняется по телефону, не отходя от письменного стола собственной квартиры. Иногда за день ей удавалось заработать около миллиона новых франков (если не ошибаюсь, он был в ту пору 1:6 в отношении к доллару). Я был восхищен....

Два эпизода по настоящему тронули меня, по-настоящему возвысив Христо в моих глазах. Первый был связан с посещением одной из парижских клиник. Случай был экстраординарный. Малыш лет семи, племянник Христо со стороны жены, страдал ужасным хроническим заболеванием легких, которое тяжело и редко излечимо: в легких постепенно скапливается мокрота и их периодически необходимо очищать специальными средствами. Эти процедуры, очень изматывающи и тяжелые даже для взрослого, не говоря уже о ребенке. Я, помня нашу героическую борьбу с аллергическим бронхитом в детские годы сына, попытался подключиться со своим пусть ничтожным, но весьма полезным опытом и показал несколько упражнений для очистки легких по системе Толкачева, был такой энтузиаст в Москве, который вытаскивал детей из хворей типа: аллергический бронхит, астма, хронические воспаления легких, ОРЗ и чего-то еще, я не знаю. Помню, был у него в Москве, по-моему, на стадионе "Трудовые резервы", наблюдал его занятия с ребятами, после чего беседовал у него дома, а жил он в небольшой "хрущевке", где иногда прямо там принимал больных. В общем, я поднабрался опыта и в ту пору применял его, пытаясь одолеть постоянные хвори сына.

Три вещи поразили меня при посещении этой клиники: во-первых, идеальная чистота при том, что посетители входили и бродили в коридорах без всяких халатов, во-вторых, наличие и оборудование просторной детской комнаты, специально предназначенной для игр и развлечений: можете представить себе это море "заморских" игрушек, домашний уют помещения и профессиональную няню, которая возится с детьми разного возраста.

А самое главное впечатление произвели на меня, Христо и его жену. Надо было видеть, с какими любовью, вниманием и заботой обращались они к мальчику, с какой неподдельной тревогой беспокоились по поводу больших и маленьких проблем его пребывания в клинике. Забыл сообщить, что находится она в центре Парижа и называется Centre Hospitalier Necker, отделение детских болезней, неподалеку от моей гостиницы, что на бульваре Гарибальди и идти от гостиницы надо в направлении к бульвару Пастера.

С таким же вниманием и участием с первых минут нашего знакомства он относился и ко мне. Видно, это качество души, а не случайные жизненные эпизоды.

А дело было так. Предстояла демонстрация того самого компьютера, который я приволок в дипломате, оформив провоз через границу по всем правилам таможенных законов, и не столько его, сколько ту самую программу ELCON, а точнее - и то и другое вместе. Они-то, согласно моим планам, и должны были сразить наповал чиновников ЮНЕСКО. Но, как всегда, determination to win (нацеленность на победу) встречает жестокое сопротивление.

Во-первых, мне нужно было найти подходящий магнитофон. Здесь следует пояснить, что мы в Институте разработали компьютер бытового применения, простой и доступный. Для работы с ним нужно было воспользоваться бытовым магнитофоном (хотя было одно требование, которому отвечали не все тогдашние магнитофоны) и обыкновенным телевизором. Ни того, ни другого я с собой естественно везти не мог по причинам здравого смысла и рассчитывал найти каким-то образом на месте. Решить первую проблему удалось достаточно просто: Христо принес из дому свой небольшой кассетничек. Телевизора найти не удалось, и было решено вместо него подключить компьютерный дисплей. Не знаю уж, как

и что, но при подсоединении вышли из строя формирователи синхросигналов. Это был удар, почти нокдаун. Звоню в Киев разработчикам:

- Что делать?

- Не знаем...

Ну и я пока не знал. Нужно было найти инструменты: элементарный паяльник, отвертку. В общем завал полный. И тут Христо мне помог по-настоящему. Где бы я в "захолустном Париже" нашел все это.... Кстати, наборчик с миниотвертками до сих пор лежит у меня дома в кухонном ящике, коробочка, к сожалению, треснула, но память, к счастью, - нет.

Христо подействовал на меня, как хороший психотерапевт:

- Подумай, что-то придумаешь. Выход всегда имеется.

Выход - не выход, а так себе лазеечка, действительно, нашлась. Для этого нужно было перетаскать с десяток дисплеев со всех этажей, где у Христо были знакомые, и отыскать такой, в котором, во-первых, имеется регулятор автосинхронизации и, во-вторых, развертка в этом режиме не плывет. Выбрали лучший и демонстрация прошла более или менее прилично, хотя уж очень на нервах. Что ж, за все надо расплачиваться. Зато нет худа без добра согласно пословице: "Друзья приобретаются в радости, а познаются в несчастии". У меня появился в Париже настоящий друг. Честно говоря, моя вторая (или третья) по счету командировка в "сердце Европы" состоялась благодаря ему же. Я прилетел в Париж без копейки денег, произошел какой-то сбой в наших мидовских инстанциях.

- Что делать?

- Ничего, найдем деньги, - таков был комментарий Христо.

Действительно, через какие-то два часа беготни по коридорам знаменитой штаб-квартиры он прямо-таки добыл деньги на ровном месте.

- Ура! Четыре тысячи франков?

- А что, ты разве не стоишь того?

Только достались они, к сожалению, не только и не столько мне. Родное посольство работает добросовестно. Я приглашен на территорию Советского Союза в Париже, где добровольно отдаю большую часть этих денег за вычетом оплаты гостиницы и суточных из расчета 100 франков в день, помножьте это число на шесть. Из четырех действий арифметики первая страна социализма учила двум: "отнять" и "разделить". Ну да ладно...

Разве можно рассказать о Париже? Отвечаю: "Нельзя!" Больше всего запомнился свободный день, который выпал мне уже после посещения Лувра, - иначе приоритеты сыграли бы свою роль, - который я провел под девизом: "Пешком по Парижу, покуда ноги идут".

Встал утром рано и вперед, а точнее вверх на штурм Монмартра. Уж как я туда попал, стартуя из своей, ставшей родной, гостиницы Segur, что на бульваре Гарибальди, точно не скажу, только не прошло и трех часов (а может больше?), а я уже у выхода в знаменитую La basilique du Sacre – Coeur de Monto martre. Собор, построенный в конце теперь уже позапрошлого столетия поражал воображение своей красотой и монументальностью. Художников на Монмартре оказалось не так уж много, как я представлял себе, но парочка из них ненадолго зацепила мое нетерпеливое внимание.

- Ха, я из последних сил взбирался на вершину по крутым улочкам, а фуникулер совсем рядом. Пора быть серьезнее и изучать предполагаемый маршрут. Ничего, зато я на нем "скатился" вниз. В моих скудных заметках в записной книжке, прочитываю ключевые вехи маршрута и несколько жалких пометок о впечатлениях: Place de la Opera с пересекающим ее бульваром Капуцинов, что так знакома нам под дождем с известной картины Писсаро, церковь Мадлен на одноименной площади, закрытая со всех сторон зданиями Вандомская площадь с колонной посередине, опять уже знакомый по посещению Лувра парк Тюильри, набережная Сены, любование неповторимыми мостами через неё, Люксембургский дворец, гравиевые дорожки Люксембургского сада. Начало бульвара Сан-Мишель с памятником Марко Поло, его пересечение с Монпарнасом, Сорбонна, красивый

дворик в Латинском квартале, крошечная площадь с загадочным монументом, стайка японских туристов, семья многократно запечатлевающая себя в разных вариантах на его фоне.

Не так уж важно, в тот ли день, но однажды, чисто случайно, но с большим желанием под впечатлением описаний И. Оренбурга, отыскал незабвенную "Ротонду", знаменитое кафе, в котором спорило до хрипоты целое поколение до - и послереволюционных представителей русской и интернациональной культуры.

Когда же в Café de paix набрел на известные всему миру в полный рост фигуры-макеты Горбачева и Рейгана, выставленные напоказ для привлечения внимания праздно шатающейся публики, рассмеялся, так демонстративно они себя здесь утверждали, - ценю французский юмор. И это в то время, когда в парижскую полицию поступали беспрерывные звонки о подложенных бомбах, на каждом углу торчал полицейский с автоматом, обертку от мороженного просто так нельзя было бросить в мусорный ящик, - а вдруг это взрывчатка, при входе в магазин нужно показывать содержимое своей сумки или портфеля. Все помнят конец 80-х и серию терактов в Париже (что-то знакомое то там, то здесь в мире периодически повторяется и сейчас), но тогда это было весьма звонкое начало тотального терроризма - потихонечку порадуемся за Украину, которой этот ужас пока (надеюсь долго еще) не коснулся.

Разок таки умудрился заблудиться, даже не раз, а два. Первый раз, когда возвращался поздно вечером в гостиницу, напропалую, без карты, по узким кривым улочкам, где-то неподалеку от Отеля Инвалидов. К счастью, навстречу мне вприпрыжку спешили две девчушки, совсем юные создания, даже при свете фонарей я смог это установить. За несколько шагов, чтобы их не испугать, я спросил, произнося заученную фразу из разговорника:

- Где тут метро?

И они, в основном, жестами и улыбками, уже не видя во мне ночного грабителя, растолковывали мне, как туда добраться.

Второй раз можно отнести к разряду анекдотов. Я вышел из гостиницы без карты. В моем маршруте были уже вполне знакомые комбинации наряду с неизвестными, среди них и достославная Сан-Дени. Дело было днем, и я не особенно смущаясь прелестями, выставляемыми на показ красотками, стоящими возле подворотен и парадных подъездов, шёл себе прямо по осевой (как бы чего не вышло). Улочка довольно узкая, по ходу движения число красоток, мне показалось, превысило среднестатистический уровень. Подозрительно, но не поворачивать же назад - и я шмыгнул в первую попавшуюся поперечную улицу, которая закрутила-завертела меня и вынесла неизвестно куда. Благо, до вечера было еще далеко, хотя темнело уже достаточно рано (это была уже середина ноября). Все закончилось спокойным ужином в гостинице с использованием, как водится, домашних заготовок и кипятильника. Самые славные минуты, - это когда ноги потихоньку перестают гудеть, никуда не надо спешить, телевизор убаюкивает вечерними новостями на непонятном языке и ты, сидя возле столика или на огромной двуспальной кровати, подводишь итоги дневных впечатлений, предвкушая спокойный отдых на ежедневно убранной свежей постели.

Нотр-Дам и Консьержери мне удалось увидеть в ночном освещении. Перебираю открытки и воспоминания обступают меня тесным кольцом, вырывая из памяти отрывки эпизодов и ощущения присутствия.

Скверик возле фасада знаменитого храма (давненько уж стоит, восемь с лишком веков), скамейка, на которой я сижу. Неподалеку такая же, на которой устроилась пара немолодых людей. Порыв ветра доносит русскую речь. Взволнованные голоса, видно, есть проблемы. Поборол желание подойти и спросить:

- Может, я могу чем-то помочь?

Господи, как много людей нуждается в помощи. Кого на свете больше - счастливых или несчастливых? Наверное, поровну.

Вспомнил еще один маленький сюжет совсем в другом месте и в другое время. Днем брожу по Марсовому полю, любуясь фонтанами и Эйфелевой башней снизу. Только сейчас спустился вниз после обзора панорамы Парижа. Набрел на скамейку, на которой отдыхала женщина. Наработалась... Рядом с ней мирно стоит и ждет дальнейших указаний совсем маленький пони. Походить рядом на этом пятачке за жалкие (точно не определю) гроши - занятие не из легких, тем более, если оно каждый день. На смуглом лице и в глазах печать тоски. У меня почему-то осталось ощущение, что она бездомная - по виду юго-восточного происхождения, родной дом где-то там далеко. Что-то настроило меня на минорный лад, нет, скорее задумчиво-сентиментальный.

Опять же обед у консула Владимира Федоровича С. Приятная жена, спокойный вкусный обед с бутылочкой красного бургундского вина, неторопливая беседа.

- А вы были там-то, там-то?

- Да, да ...

- А на Пер-Лашез?

Конечно, помню название этого знаменитого кладбища еще со школы.

- Вот вам его карта. Недавно водила туда нашу знакомую, получила огромное впечатление.

Moliere	28	Div
25	Div	Apollinaire
Div	Honore de Balzac	86
La Fontaine	48	Div
Alphonce Daudet	Div	Isidor Duncan
26	E.Delacroix	87
Div	49	Div
Gay Lussac	Div	Edith Piaf
Famille Hugo	Geores Bizet	97
27	68	Div
Div	Div	Henri Barbusse
Lefebre	Proust	Mourice Thorez
Beanmarchais	85	Jacques Duclos

Вечером строил планы на следующие дни. Взглянул на карту:

- Да, списочек... И это только так, с первой прикидки. Сколько гениев, ушедших навсегда, но оставивших после себя великую память потомков, видать, заслуженную.

К сожалению, моя экскурсия на Пер-Лашез не состоялась. Буду думать, что она еще впереди. Дай-то, Бог!

Стал невольным свидетелем приезда на работу в нашем постпредстве семьи Юдиных. Москвичи, молодые, "завзятые". Только начали обустраиваться. Квартира еще пустая, но зато получили на парижском почтамте мини-компьютер с дисплеем - прообраз Интернета под названием Минитель. Основные услуги - информационные, связанные с поиском информации в базах данных самого различного профиля, как образно заметил хозяин: "От прогноза погоды и товаров - до заказа сексуальных услуг". Бумажная копия информации, запрятанной в справочной системе "Минитель" занимает весьма толстый фолиант. Система устанавливается по заявлению жителя, для парижан бесплатно. По мнению специалистов, её стоимость окупается за счет информационных услуг за несколько месяцев. Финансовая схема, поддерживающая ценовую политику также небезынтересна, но это профессиональная тема. Во всяком случае, именно оттуда просматривается ведущий в 90-е годы мотив для разработки в Институте кибернетики так называемых Электронных, а точнее, Персональных Информационных Комбайнов.

В один из приездов, на мне лежала миссия представительствовать на заседании в центральном здании ЮНЕСКО на place Fontaney на совещании международного комитета по

информационному взаимодействию. Поручение я получил чуть ли не в день отъезда, так что полагался на импровизацию. От каждой страны поднимался представитель и говорил о видении проблемы и предложениях по ее решению. Пока дошла очередь до буквы U, я сориентировался и достаточно членораздельно, воспользовавшись случаем, продемонстрировал свой "незаржавевший" пока английский, и несколько здравых мыслей. Торжественный тон заседания, выдержанное в лучших дипломатических традициях вступительное слово председателя и уважительное отношение ко всем высказываемым мнениям (иногда не самым разумным) действовали на меня гипнотически, и лишь 15-минутный кофе-брейк и общения с коллегами возвратили к "нормальному" жизневосприятию.

После перерыва стало скучновато, и я потихоньку умудрился полистать еженедельник "Алло, Париж". Чего только там не предлагалось, начиная с "La Maisonnette Russe" с 55-летними традициями русской кухни, музыки и карт, Shehepazade с дневными спектаклями русских исполнителей и супертанцорами, Chez Rasputine с 50 русскими артистами et la plus grande formation Tzigane Dima Liakhoft et l'orchestre de Balalaikas. Ну, ничего себе! Тут что, кроме русских, никого не подают на десерт? Ах, вот Folies Bergere: La Somptuence revu de Helene Martini, и, наконец, ярчайший Moulin Rouge с грандиозной программой. С моими суточными и свободным временем, которым я располагал, мне оказалась доступна лишь прогулка вдоль последнего с целью внешнего осмотра, как выразился бы полицейский.

Нет, что ни говорите, а главное для путешественника - знать язык. Честно говоря, мне нравится французский и летом перед поездкой я самостоятельно подучил его, осенью успел все забыть и уже на ходу осваивал азы: "Je suis pour la premiere fois a Paris" или "Mi dica per favore..." Как там у Высоцкого: "Encore une fois" (Еще раз). Который уж раз начинал учить французский. Видать, семейная проблема: даже сын, уча в Университете (правда, в качестве второго) так его толком и не постиг. Правда, он помоложе и шансов у него побольше.

Air France - это конечно, компания! На борту не только можно от души освоить "Бургундское", но и узнать, что не только Chanel - классные женские духи, но и First - de Van Cleef & Arpels не хуже, а также, что Galeries Lafagette - Lc Grande Magasin, Capital de la model (а я покупал подарки близким в Matti). Самое же главное, выяснилось, что компания образована в 1933 г., отправляет 155 рейсов в 77 стран, и только в 1985 г. перевезла 12 500 000 пассажиров. Значит, можно спокойно подремать, пока колеса шасси нашего лайнера не коснутся бетонной дорожки Шереметьева и гостеприимный Алексей Петрович Тарушкин в Украинском постпредстве не подыщет подходящий номер в "своей" гостинице. Боже, как давно все это было...

НИДЕРЛАНДЫ

И под спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам.
И пахнет снастью и смолой.
А. Блок

Гаага или Den Haag 1985 г. Ранняя весна. Прибыл сюда из Москвы и попал, что называется, с корабля прямо на ... траурные мероприятия в нашем посольстве по случаю смерти очередного вождя (Черненко), если помните такого. Веселого мало, но и очень грустного - тоже немного. Стал свидетелем официальных церемоний, когда в посольство начались визиты с соболезнованием первых дипломатических представителей всевозможных держав, узнавших о печальной вести. Кроме "гласных", "согласных" и "несогласных" (извините за не совсем уместный каламбур), в нашем лексиконе родилось новое понятие "гласность", хотя перестроечные ветры еще не дули по бескрайним просторам нашей любимой Родины.

Первое яркое воспоминание, - когда сидя в одном из клубного типа заведений в Амстердаме с одним из своих новых приятелей, я нарвался на запретную тему об отсутствии демократии в России (так за границей в большинстве случаев величали Советский Союз), которую завел знакомый моего приятеля - неординарная личность, критикан по натуре, ярый антикоммунист. Я пытался держать удар. Не в моих привычках прятаться за чужие спины и, не скрывая своего членства в КПСС, я пробовал парировать нападки и, аналитически взвешивая все "за и "против", сравнивать две социальные системы. К тому моменту у меня уже поднакопился багаж образов, событий и опыта амстердамского жительства с зарисовками вроде бомжей, сидящих на тротуаре и исследующих содержимое мусорных ящиков на улице, либо молодчиков, справляющих средь бела дня малую нужду на афишу с изображением премьер-министра и еще что-то в этом роде. Сейчас подобные зарисовки благополучно вплелись в контекст нашей повседневной жизни и уже никого не удивляют, а тогда для меня картинки вроде описанных выше, равно как и не всегда понятные поводы для бесконечных уличных демонстраций (гордость демократического общества) вместе с назойливо-провокационным характером их проведения, просто шокировали. Так что пафос и искренность моих аргументов были оценены, в немалой степени и умение услышать противоположную точку зрения, а в конце концов, провести честный анализ всех "за" и "против". Например, тема: "социализм как система",

"За": формально одинаковые стартовые условия в части собственности для всех членов общества в связи с отсутствием большой наследственной собственности (за малыми исключениями).

"Против": оправдание революционного террора во имя коммунистических идеалов. В результате - сталинский геноцид: "не надо бояться жертв во имя прогресса и процветания".

"За": идеологизация общества способствует развитию патриотизма, интернационализма и высоких идеалов в целом.

"Против": та же идеологизация прививает догматический подход к оценке жизненных явлений, слепую веру в заданные установки. Это особенно опасно в силу генетической доверчивости нашего народа: он предрасположен к истинно-религиозной вере в Христа ли, в коммунизм ли. При этом его не устрашают, а наоборот, вопреки здравому смыслу, стимулируют учения, страдания, муки, унижения и даже насилие над собой. При этом социальная идеологизация, хотя и будит общественную мысль, в еще большей степени отвлекает от профессиональной деятельности, в особенности людей интеллектуального труда, и вообще уводит человека от истинно человеческих ценностей и идеалов в мир иллюзий и парадоксов, обедняет его духовный мир, размагничивает умение жить своим умом, опираясь на мудрость своих предков и здравый смысл.

Главное же, - идея заслонила собою реальную жизнь. Это естественно, когда человек думает о завтрашнем дне, о своих детях (мы всегда помнили и помним гуманное и если не достаточное, то по крайней мере, необходимое требование к любому поколению, как и к врачу - "не навреди", имеется ввиду, следующим поколениям). Но этот факт эксплуатируется творцами коммунистической идеи и их последователями антигуманным образом: "Все во имя будущего!"

- Что значит "всё"? Это почему же, тот факт, что мне сегодня хочется жить хорошо, должен обязательно обернуться вредной стороной моему сыну, внуку? Может, совсем наоборот, это увеличивает вероятность его благополучия. А получается, мы должны жить отрицанием настоящего дня во имя будущего! Или, что тоже самое, мы взамен "закона сохранения" умудрились воспроизвести "закон уничтожения", т.е. вместо закона сохранения преемственности (поколений) - закон самоуничтожения во имя процветания будущих поколений. Патология! Равно, как и отказ от христианского принципа суверенитета отдельно взятого человека, как наивысшего существа во Вселенной, во имя созидания "энтропийной личности" с равной средней вероятностью благоприятных событий.

Наша беда в том, что мы - народ великой, но парадоксальной по историческим итогам державы, задав 70 лет назад извечный вопрос человечества:

"В чем смысл (читай цель) человеческой жизни, для чего мы приходим в этот мир?", поспешили сразу же на него ответить, воспользовавшись случайно оказавшейся под рукой подсказкой, а главное, - быстренько претворить ее в жизнь, через борьбу, кровь и страдания.

А может быть, смысл жизни как раз и состоит в самом процессе поиска необходимого ответа на этот непростой вопрос, в передаче его по эстафете следующему поколению, но не в "голом виде", а вместе с собственным опытом, добытой информацией и анализом своих побед и поражений.

Идеологизация, по большому счету, - это обратная сторона фетишизации чувства долга, самоотрицания, жертвенности, всего того, что так характерно для русских в широком контексте. Вспомним, как еще дореволюционная русская интеллигенция видела свой гражданский долг в служении народу, бесправному, страдающему от тягот жизни, необразованному, но такому близкому по натуре, духу и принадлежности к великой нации. А вспомним о той же интеллигенции, сохранившейся в революцию и после нее, которая продолжала служить своему народу, теперь уже классу (не претендуя, да и не желая попасть в него) в силу жертвенности и интеллектуального превосходства. Она служит ему до сих пор, вообще ни на что не претендуя, а, может, скорее уже прислуживает, несмотря на бесспорную истину, - ведь именно она и только она является движителем прогресса.

Попробуем продолжить анализ "за" и "против" нашей прежней социальной системы?

"За": высоко поднятая цель творческого развития личности в масштабах всего общества. Основой такого развития, конечно же, является "облагороженный" труд. Помните, у Горького: "Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Его энергия переродилась в духовную и вся её мощь направлена к исследованию основных вопросов бытия над решением которых издревле безуспешно бьётся мысль". Трудно сказать, сколько в этом высказывании искренности великого Максима, а сколько желания поддержать "мудрую" политику, переигрывая откровенных хулителей Маркса во имя "дела чести, доблести и геройства".

"Против": отсутствуют сильные экономические стимулы инициативы, предприимчивости, личной экономической ответственности, конкуренции. Кроме того, интеллектуальный потенциал в обществе распределен неравномерно и от поколения к поколению эта неравномерность сохраняется, если только не осуществляется насильственный отбор (пример фашизма). И тем не менее, всегда ли гуманен и эффективен пресловутый "естественный отбор", за который ратуют противники социалистической идеи?

"За": всеобщее справедливое равенство!

"Против": прокламируемый выше тезис, являясь основой социализма, превратился в его основной принцип, доминируя над принципом созидания, при этом понятие социальной справедливости стало тождественным насилию и экспроприации. Это естественный результат чувства справедливости, воспитанного в бедности (не буду сравнивать его с аналогичным чувством, взращенном в достатке, - не имею опыта).

А в заключение всех зол наш отечественный пресловутый социализм спровоцировал другие народы на путь исканий и мучений, "открыв бутылку, где сидел джин".

Время растворилось за горизонтом наших будней и нас почти ничем не удивишь в этой жизни, робкие мысли и скромные рассуждения на тему социального устройства общества кажутся смешными и наивными. А почему, собственно?

- У нас появился жизненный опыт?

- Да. Но стала ли вместе с ним наша жизнь определенно лучше, интереснее и богаче?

Мы скорее потеряли романтический идеализм и социальную наивность (ничего не приобретя взамен), чем стали мудрыми и удовлетворенными, правда кое-кто - богатыми, но так ли уж много таких, да и счастливы ли они? Разве можно быть богатым и счастливым среди миллионов нищих и страждущих?

- А почему бы не построить коммунизм естественным путем? Ведь чем ограничиваются потребности человека сегодня? - его возможностями. А если это ограничение снять, введя понятие "разумные потребности", отрезав их от результатов

человеческой деятельности (занимайся чем и сколько хочешь) и обеспечив все блага, необходимые человеку и обществу в целом, высокотехничными автоматами, которые обслуживаются также автоматически, поддерживая весь жизненный цикл создания промышленных и продовольственных товаров, изделий новой техники и даже услуг. В общем, заехали в область технологических фантазий.

А пока что мы выглядим в мире подобно дикому медведю, который впросонье сосал лапу 70 лет, затем проснулся, вышел из лесу в Европу со словами:

"Мне надоело быть диким, хочу быть ручным, давайте дружить".

- Хотите узнать реакцию? Для этого не нужно ехать в Европу. Цивилизация развивается там, где ценится интеллект. Это простая формула. Иначе - сплошной мрак, а как сказано в не очень известном одностишии: "Что может быть крупнее неприятностей?" Чем мы и занимаемся уже добрый десяток лет.

Не думайте, что приведенный выше анализ всех "за" и "против" - это блестящий экспромт за клубным столом в беседе с амстердамским приятелем. Многое пришло позже, да и обстоятельнее, чем поведано в таком своеобразном "лирическом" отступлении, многое осталось непонятным по сей день.

Но вернемся в 1985 год. Амстердам - это город контрастов. Центральная часть - это уникальный музей 17 столетия, часто называемый северной Венецией. Ряд за рядом притертых друг к другу почти игрушечных, тощеньких домиков с замысловатыми контурами фасадов вдоль сети трехлинейных каналов. Видавшие историю церковные строения, склонившиеся над белыми деревянными разводными мостами, узенькие мощеные булыжником улочки и мириады барж. Нигде не видел, чтобы на баржах люди жили не только летом, но и зимой самой обычной будничной жизнью.

Воскресным утром - это не вульгарно цивилизованный город, а деревушка невинности, спокойная и почтительная как старый гобелен с религиозным сюжетом. В понедельник неуёмные горожане возвращаются к своим делам: огромные перегруженные машины, застрявшие в узких лабиринтах улиц, блокируя движение с насмешливым пренебрежением ко всем спешащим, ватаги изворотливых велосипедов, истеричных "подширяных" мопедов и мотоциклов. Движение потихоньку успокаивается и слышен звон колоколов самой высокой в Амстердаме церковной башни Вестеркера, выводящих мелодию "John Brown's Body" или что-то в этом роде. К ним подключается колокольный звон Монетного двора и Королевского дворца на Dam Square ДЭМ. Большинство политических демонстраций и сборищ начинаются и заканчиваются здесь. Голландцы (Dutch) любят от души поспорить, особенно если они могут шокировать другую, конформистскую часть своих собратьев. Громкие дискуссии в барах, парады со знаменами на улицах. Даже в официальном буклете муниципалитета подсчитано, что из 700 000 амстердамцев, 699 999 упрямы, как ослы. Зато они всегда радушны и приветливы в общении с иностранцами. Спросите у них дорогу, и они без тени неудовольствия от того, что вы не владеете Dutch, ответят вам на английском, немецком, французском, возможно испанском или итальянском. А если вы сразите их наповал никому не известным языком, они подключат первого встречного прохожего, чтобы все же помочь вам.

Наряду с Лондоном, Парижем и Римом, Амстердам - наиболее популярный туристский город Европы благодаря, пожалуй, двум факторам: безразмерному гостеприимству горожан и неповторимым сюжетам Золотого века в центральной части города с картинно-сказочными домиками вдоль каналов, плавно несущих свои журчащие воды. Здесь никогда не бывает пустынно: вечером после шести грузовики исчезают и улицы заполняют потоки машин с водителями, спешащими домой из современных офисов и загородных фабрик. По дороге они успевают сделать покупки, глотнуть пива в любимом баре, перебросится парой слов со знакомым бакалейщиком, - и все это расположено в уютных домиках, оставшихся от Золотого века. По крайней мере, 7000 из них представляют собой исторические памятники. Архитектурные планы никоим образом не заменяют их современными офисами и строениями. Иногда, наоборот, современные строения

стилизуются под старину модерными окнами и дверями, повторяющими причудливые формы архаичной архитектуры.

Амстердам - воистину город замечательных и неповторимых смешений: столица без правительства (оно расположено в 40 минутах езды - в Гааге), каналов и биржевых домов, где велосипед - король среди всех видов транспорта; Мекка искусства, где классики Рексмузея и коллекция Ван Гога соседствует с районами красных фонарей, таких притягательных для туристов; наполненные цветами, загородного типа дома соседствуют с секс-шопами и гей-барами, где есть все: от изысканных деликатесов и традиционной сельди до индонезийских закусок и пряностей. В этом цветущем портовом городе с 17 века живут представители более ста национальностей, живут дружно.

Негативная сторона упомянутых прелестей также налицо: нехватка жилья, отсюда уйма бомжей, число городских происшествий возросло. Проблема наркотиков достигла невероятных размеров, а граффити обезобразили каракулями некогда безукоризненно чистые стены домов. Проблемы, в общем-то, характерные для большинства крупных городов. Амстердам пытается найти им решения, разумные и справедливые.

Первые поселенцы появились на побережье, сплавляясь в выдолбленных из деревянных стволов лодках по Рейну. Среди первых появились представители Великой Римской империи, возможно и не для завоевания, а для установления торговых контактов. Позже, во времена нашей эры, тем же путем сюда добирались франкские, саксонские, германские племена. Последние здесь установили свое господство в V столетии, откуда берет отсчет период Темных веков. Христианские миссионеры пытались бороться с варварами. Борьба была нелегкой. Постепенно устанавливался европейский порядок пока в форме маленьких графств, земель и епископств, возглавляемых всевозможными графами, принцами, епископами.

Одна из таких групп двинулась к устью реки Амстел, где решила обосноваться всерьез и надолго. Первым необходимым "вызовом" с их стороны стало строительство дамбы для защиты от наводнений, которая одновременно обеспечила общину работой: появилась необходимость перегрузки товаров с борта морских кораблей для транспортировки к поселению, которое получило название Амстелредам. В 1275 г. граф Флорис V гарантировал местным жителям свободу пошлин. Именно с этого момента амстердамцы отсчитывают день рождения своего родного города. Дамба, построенная 700 лет назад располагалась в точности в том месте, где сегодня раскинулись Dam Square и королевский дворец.

Удивительно непредсказуемы повороты судьбы, как отдельных людей, так и целых народов.

Абсолютно банальное до нелепости событие 1345 г. явилось поворотной точкой в судьбе многих поколений амстердамцев: во время причастия больной прихожанин тщетно пытался проглотить просвирку, она выпала у него из рук в камин и сгорела. Событие объявили чудом, и Амстердам стал Местом паломничества христиан на все средние века.

Далее история распорядилась превратить его в центр мировой торговли. Корабли из Балтии, Франции, Англии подходили к северному острову Тексел, чтобы далее пришвартоваться или бросить якорь в безопасном мелководьи Зуйдер Зи у берегов Амстердама.

Город рос. Не обошлось и без трагических событий. Пожар 1452 г. унес все деревянные постройки, явившись импульсом перехода к каменным строениям. Красочные фронтоны заняли место деревянных гербов, цеховых и торговых знаков, дошедших до наших дней в своем неповторимом виде.

В 16 веке Амстердам превратился в город, насчитывающий 2000 домов и монастырей с 15-тысячным населением. За полстолетия город увеличился ровно в три раза. Существенным фактором для этого явился рост национального революционного духа сопротивления испанским колонизаторам. Здесь уместно заметить, что после столетий независимого процветания в 15 веке Нидерланды, как и соседняя Бельгия, подверглись

нашествию бургундских завоевателей, чьи принцы и наместники передавали их в разнообразные владения по наследству в виде подарков как французские духи, в результате всяких интриг, соглашений и смертей, пока , наконец, не установилась власть бургундского принца Карла V (Габсбургского), который родился во Фландрии. Испания в то время была центром его империи. Нидерланды привлекали Карла прежде всего как источник богатств. Другим объектом его внимания была борьба с реформаторством.

Борьба за независимость Нидерландов длилась около 80 лет. Знаменательными оказались события в период монархического правления принца Вильяма (по прозвищу Тихий), охватившие всю монархию и закончившиеся небезызвестной резней протестантских гугенотов во Франции. В 1579 году семь наибольших протестантских провинций Севера подписали Утрехтское соглашение, положив начало долгому противостоянию Севера и Юга, где проживало, в основном, франкоговорящее население, преимущественно католики.

Борьба с испанским игом, поддержанная английской королевой Елизаветой, привела к независимости Нидерландов. Соглашение между Гаагой и Вестфалией 1648 г. явилось одновременно окончанием небезызвестной 30-летней войны в Европе. Однако более глубокое, религиозное противостояние так и зафиксировало для всей последующей истории два отдельных государства: Нидерланды и Бельгию.

Но еще задолго до приобретения независимости было положено начало расцвета, Золотого Века Нидерландов. Особый климат и национальный подъем пассионарности собрал в этом столетии наибольшее число всемирно известных путешественников, кораблестроителей, художников, ученых, коммерсантов.

В немалой степени всестороннему развитию и процветанию страны способствовало создание супермонополии "Dutch East Indies Company" (в голландской аббревиатуре VOC), едва ли не самой могущественной в мире: 150 торговых и 40 военных кораблей, 10 тысяч солдат. Под флагами компании плавало множество других кораблей, которые платили 40% дивидендов только за право вешать на бушприте голландский роджер.

Именно в период великого процветания возникает и пиратский промысел. Зачем добывать добро трудом и лишениями, не лучше ли его отнять по праву сильного и ловкого. На устах тысяч рождалась легенда и "о летучем голландце". Сейчас уж трудно сказать, была ли это ватага голландских смельчаков-головорезов либо их английских коллег под началом великого английского пирата, а затем национального героя (и даже сэра) Френсиса Дрейка. А может это были вездесущие испанцы? Ведь им же, в конце концов, в результате морского подвижничества посчастливилось вместо того, чтобы по всем стечениям обстоятельств попасть на тот свет, открыть Новый Свет.

Но зато факт остается фактом: посланный пресловутой компанией на поиски нового пути в Китай, Генри Хадсон, вместо этого в 1609 г. открыл реку, носящую его имя и Новый Амстердам, - предшественник Нью-Йорка, который был основан как голландский город на неизвестном доселе острове ... Манхеттен.

Однако стоп, во куда добрались, - аж до Америки. Не пора ли возвращаться из далекой истории в год 85-й XX-го столетия? И все же не куда-либо, а опять-таки в замечательный и неповторимый современный Амстердам.

Постоянным местом моих основных профессиональных контактов был Амстердамский Математический центр. Не могу припомнить, как и кто направил меня именно туда, по-моему, еще в Гааге по приезде - принимающий меня чиновник секретариата по науке и образованию. Во всяком случае, у меня сохранилась карта города, на которой шариковой ручкой отмечен маршрут от гостиницы, что располагалась на берегу одного из главных четырех параллельных концентрических каналов - Heren Sracht, к Математическому центру. Крошечная гостиница в трех или четырехэтажном здании из обширной коллекции архитектурных памятников, которыми интереснее любоваться, чем использовать для повседневной жизни. По скрипучим лестницам на третий этаж я добросовестно в течение недели с небольшим курсировал to and fro, как говорят англичане, по несколько раз. Утренний кофе с булочкой и вперед на великие подвиги. Меня честно познакомили со

структурой Центра, его подразделениями и некоторыми из его обитателей. Компьютерное оснащение Центра оказалось на самом высоком уровне. Первое поколение персональных ЭВМ, сосредоточенных в отделах (сотрудники располагались в комнатах по 1 - 2 человека), были связаны локальной сетью, разделяя между собой общие ресурсы, главными из которых были скоростные устройства печати, работающие в непрерывном режиме. Сотрудники в течение дня "сбрасывали" туда порции информации, а в конце дня получали отпечатанный текст. Один из моих кураторов как раз готовил монографию на английском языке и предложил мне познакомиться с ней и попросил по возможности сделать замечания и отметить ошибки, которых в "сырых" вариантах бывает достаточно много.

В коридоре располагалось для общего пользования множительное устройство, и у меня была возможность сделать себе несколько копий заинтересовавших меня статей и целых разделов книг. Я придерживался в своих делах программы, которую наметили с руководителем Центра, и старался быть не особенно навязчивым в отношении сотрудников, у которых, скажем так, не было для меня времени. Зато с двумя из них возник неплохой человеческий контакт. Этого оказалось достаточно на неделю, как для полезного использования рабочего времени, так и для удовлетворения человеческого любопытства.

Первый, Dr. ir. Paul M.B. Vitanyi оказался венгром по происхождению. В 1957 году после известных венгерских событий его отец вынужден был эмигрировать, чтобы не попасть под андроповский кулак. Именно Юрий Владимирович в то время работал послом СССР в Венгрии и при его содействии было разгромлено венгерское сопротивление (позже, будучи главой отдела ЦК он ведал кадровыми вопросами всех дружественных коммунистических партий). Правдами - неправдами семья оказалась в Голландии. Перед этим была неудачная попытка приземлиться в Америке.

Женат, детей нет. Работает, в основном, дома. Математик по профессии, он оборудовал себе хорошее рабочее место с компьютером, подсоединенным с помощью телефонного модема к той же учрежденческой сети, получив таким образом полноценный постоянный контакт с работой, чтобы, как у нас говорят, не отрываться от коллектива. Кроме основного компьютера он продемонстрировал, вызвавший мою зависть, портативный компьютер жены с небольшим ЖКИ - экраном и встроенной клавиатурой, который она использует для набора текстов. Жена - журналист, в момент моего пребывания отсутствовала дома. Из намеков у меня сложилось впечатление, что они повздорили или разошлись (непонятно только, почему компьютер остался здесь). Разговор о житье-бытье, из которого я узнал много интересного о жизни в этом замечательном городе и в этой гостеприимной стране от человека "со стороны", хотя он чувствовал себя там комфортно, и никуда не собирался уезжать. В частности, он поведал, что квартира, в которой живет - его собственность, а не арендованная жилая площадь. Он объяснил, что среди амстердамцев есть две категории жителей: одни предпочитают приобрести квартиру в свою собственность, другие - арендовать. И в том и в другом случаях необходимо выплачивать деньги. Например, для покупки максимальный срок выплаты составляет около 30 лет. Общая сумма выплат за этот срок слегка превышает сумму аренды за тот же срок. Одинокие либо старые люди, у которых дети обеспечены квартирами или, в конце концов, те, которым жалко отдавать ежегодно лишние деньги, предпочитают аренду. Остальные хотят иметь собственную квартиру, хотя она не является их собственностью до тех пор, пока они полностью не рассчитаются за нее.

Я был ему благодарен за то, что он потратил на меня время, показывая Амстердам и его достопримечательности. От этих прогулок у меня сохранилось в памяти немногое, например, посещение филармонии, где выступал Amadeus Kwartet, исполнивший квартеты Бородина, Сметаны, Такача, Креуэберга - программка у меня сохранилась до сих пор. Другой визит, материальное доказательство которому также сохранилось в моем семейном альбоме - посещение музея Madam Tusso, филиал английского: с фотографии в направлении к вам идет похожий на меня, но несколько моложе, господин в фуражке, шествующий мимо отчетливо

вошедших в кадр фигур Индиры Ганди, Джавахарлала Неру и стоящего боком и слегка сзади - испанского короля Хуана Карлоса. Как и вы задам себе вопрос: - Почему в фуражке?

Приглядевшись к фотографии, сообразим, что дело происходит в фойе и названный господин либо зашел туда, либо уже выходит оттуда.

Мои собственные впечатления уже порядком поистерлись, оставив в закоулках памяти лишь отдельные фрагменты. Много пришельцев с юго-востока. Их, в основном, держат на черной работе, хотя демократия там существует для всех, не то что сейчас (2002), когда националисты обостряют эмиграционную политику. До безобразия много наркоманов, находящих себе ложе для отдыха в самых неподходящих местах. Мимо них проходят толпы народа, не обращая ни малейшего внимания. Запомнился эпизод на улице красных фонарей. Набросив на себя пальто, перебегало дорогу существо, которое я не мог идентифицировать точно: жестокий грим, женоподобное лицо, размашистый разбег, как у балерины на сцене, оно юркнуло из одной двери в другую на противоположной стороне улицы.

Очень известная скульптура Perky Lieverdje - фигура мальчика на небольшой площади в центре города, вызывающе держащего руки на поясе. На пьедестале небрежная надпись: "Mokum". Mokum scrawl (каракули) - прозвище Амстердама.

Путешествие по ночному Амстердаму - это истинное наслаждение, которое вошло, скорее, в память ощущений, нежели в память событий.

Еще один амстердамец из Математического центра, проявивший ко мне внимание, - это Андре. Он дал мне возможность приобрести массу впечатлений от общения с жителями города, представителями различных слоев и профессий. Именно он безо всяких задних мыслей организовал встречу в одном из типичных амстердамских кафе со своим приятелем. Мы оба, кажется, по достоинству оценили качество не только пива, но и беседы, больше походившей на словесный поединок с выяснением истин на социально-политическом поприще. Конечно, это не забывается.

Помню незатейливый, но очень теплый вечер, организованный в его просторной квартире в центре города: мы втроем, третий участник встречи - близкая подруга Андре. Было немного вкусного вина, много музыки и разговоров на тему под названием "жизнь". Было уже совсем поздно, когда у Андре возникла идея показать вечерне-ночные клубы Амстердама. За рулем была подруга, а мы переезжали от одного клуба к другому, отведывая характерные для каждого напитки и фиксируя внимание на некоторых не всегда для меня понятных нюансах. В отличие от банальных ресторанов, кафе, забегаловок и секс-заведений, публика здесь формировалась либо по интересам, в том числе профессиональным, либо по месту жительства (по микрорайонам), либо по каким-то еще признакам, благо, фантазии у людей хватает. В одном из них, помнится, было большое количество людей, стоящих и беседующих в одной части большого зала, танцующих - в другой его части, заказывающих выпивку - в третьей, возле стойки бара. Коктейль под названием "Бразильское танго", состав которого определить точно затрудняюсь, где-то напоминающий в основе своей Chinzano, подали в больших фужерах, на кромку которых нанесен слой мелких кристаллов соли и закреплена лимонная долька, надетая разрезом вниз. Вкус этого экстравагантного напитка оценить по достоинству мне оказалось не под силу.

В другом месте это была спокойная интеллигентная атмосфера, обычные столики, крошечное уютное помещение, спокойно беседующая публика. Почему-то все же, как на Востоке, а у нас в СССР на Кавказе и в Средней Азии, посетители этих клубов - преимущественно лица мужского пола, конечно же, с приятными исключениями.

Хотя не так давно в Амстердаме особы женского пола, точнее, амстердамские девчонки, запустили движение dolle mina. Dolle на Dutch означает сумасшедший, mina - апеллирует к первой голландской руководительнице движения за права женщин Вильгельмине Друккер. Dolle minas при виде мужчин освистывали его наподобие того, как принято у мужчин при виде проститутки. Более одаренные выбирали жертву и читали ему лекцию о равенстве полов. Отсюда можно сделать вывод, что девушки в Голландии наиболее естественные, открытые и незакомплексованные (наподобие деревенских мужчин, которые

обращаются с иностранными девушками так же, как со своими). Не вспомню, наверное, о Париже, но в Амстердаме существует кафе, в точности повторяющее по своему облику, картину Ван Гога "Арль" (1888). Музеи я люблю посещать в одиночку, так что я сам отправился в Rijksmuseum Kroller-Muller - по фамилии миссис Крёллер-Мюллер, собравшей удивительную коллекцию Сера, Редона, Легера, Пикассо и одну из самых представительных коллекций Винсента Ван Гога, скульптуры Родена, Марини, Бурделя, древнюю и современную, керамику. Сам музей расположен в живописном уголке Национального парка "De Hoge Velune", раскинувшегося на 5500 гектарах, в котором имеется ещё одна достопримечательность - охотничий домик Saint Hubert, построенный архитектором Берлажем.

К сожалению, увидеть самый большой в мире бриллиант в Бриллиантовом Доме Самюэля Гессена, ведущего производителя и экспортера полированных бриллиантов, мне не довелось, хотя такая попытка имела место. Кстати, все бриллианты, производимые там, обеспечены сертификатом с его личной подписью.

Город, который знали все, кто хоть сколько-нибудь интересуется футболом. - Эйндховен. Эйндховенский университет - место моего десятидневного пребывания, произвел на меня самое приятное впечатление и оставил воспоминания в виде маленьких вполне законченных сюжетов-клипов.

Во-первых, это традиционные, как и в стокгольмской королевской школе, чае-кофепитие всей кафедрой - время и место обмена мнениями, впечатлениями и проблемами, в том числе научного характера. Докторанты и студенты, сотрудничавшие по тематике кафедры, принимали участие на равных без смущения и напряжения. Переход от научных тем к последним событиям жизни легок и непринужденен.

Доступ к заведующему кафедрой (фамилии не помню) с вопросами и проблемами для участников кофе-брейк самый благоприятный и демократический. Бывали темы, которые интересовали всех, тогда дискуссии приобретали жаркий характер. Я уж не знаю, традиция это или нет, но пока я там был, все диалоги и монологи шли на английском. Думаю, что это традиция, т.к. таких, как я иностранных пришельцев там перебывало много. Да и другое: им вполне известно, что Dutch - это язык ограниченного использования даже для жителей этой маленькой страны, - вы помните исторические катаклизмы, приведшие к такому положению дел. Ну в общем, полный кайф от общения с представителями всех возрастов, обитающими на кафедре. Да, а самое главное, забыл об этом сказать, ведь я попал на ту самую кафедру, которой в течение многих лет руководил знаменитый специалист в области программирования Дж. Мартин, автор всемирно известной и популярной у специалистов книги "Структурное программирование", о котором постоянно вспоминают все сотрудники кафедры, бережно сохраняя его традиции и научные работы.

Не думаю, что это настолько интересно, но моё внимание привлек один парнишка, аспирант, который занимался теоретическими аспектами формализованного конструирования больших интегральных схем. Его работу я сохранил и недавно перечитывал в связи с нашими поисками в отделе по тематике программируемых интегральных схем или ПЛИС, как их сокращенно называют.

К слову сказать, университет в то время обладал небольшим, но современным технологическим производством микроэлектронных изделий, в основном полузаказных (матричных) интегральных схем, и многие студенты были озадачены проектами, связанными с реальными техническими разработчиками и проектированием реальных матричных БИС. Многие из проектов были связаны с прикладной тематикой кафедры и заказами различных фирм, поэтому счастливчикам удавалось подержать в руках и что называется "пощупать горяченькими" плоды своих денных и нощных бдений. Меня удивила краткость полного цикла "проектирование - изготовление": в наших отечественных предприятиях этот цикл был тогда никак не меньше полугода. Там же рекордсмены умудрялись получить результат за месяц с "гаком".

Однажды утром, направляясь на свою кафедру, проходил мимо толпы, в которой царило оживление. Подошел поближе. Наблюдаю картину: в свободном месте вестибюля - стол, за которым сидит бородатый мужик средних лет, чем-то похожий на портрет Менделеева из школьного учебника по химии. Напротив него - молодой человек. Возле стола и на столе какие-то планшеты и схемы. Идет диалог, вернее сказать, дискуссия на непонятном мне Dutch. Все вокруг внимательно наблюдают и слушают. Потом раздается взрыв хохота, пауза и за стол напротив бородача, выходя из толпы, садится очередной юноша и все начинается сначала: дискуссия при всеобщем внимании, убедительный монолог бородача и очередной взрыв хохота. Пригляделся к схемам и рисункам, изображенным на планшетах и начал немного догадываться, о чем идет речь. Но времени для удовлетворения любопытства полной мерой не было, спешил на кафедру, пришлось оставить спектакль в вестибюле и мчаться через две ступеньки на четвертый (третий - по-ихнему, т.к. первый - ground floor) этаж. В подходящий момент, во время кофе-брейка поинтересовался у аборигенов кафедры, что это за спектакль. Оказывается, бородач - это какой-то местный, уже известный в студенческой среде, умелец, который изобрел несколько моделей чего бы вы думали? - регретum mobile. Все умные люди знают, что вечного двигателя не существует. Студенты - просвещенный народ - знают об этом лучше других. Самый умный из них выходит из толпы, садится за стол напротив бородача - изобретателя и пытается ему доказать, где и почему он неправ. Тот спокойно парирует все нападки и под одобрительный смех толпы картина повторяется со следующим смельчаком и т.д. Это зрелище я наблюдал на том же месте несколько дней, после чего бородач исчез. Кстати, в один из дней рядом со столом кроме традиционных планшетов стояли действующие макеты того, что теоретически существовать не должно...

В последующие дни пребывания на кафедре мой куратор познакомил меня с одним из преподавателей университета, который, прослышав о моем присутствии в университете, изъявил желание встретиться. Им оказался симпатичный, средних лет, стройный, с легкой сединой на висках, человек, который питал симпатию к СССР. Факт не совсем обычный, но объясняется весьма просто. Он - член компартии, когда-то учился в Московском университете им. Патриса Лумумбы и женился на русской.

В один из ближайших дней я получил приглашение на ужин. Прямо после занятий он повез меня прямо к себе домой. Небольшой двухэтажный особнячок, ухоженные комнаты, кругом чистота и порядок. Навстречу выходит миловидная женщина, с широкой улыбкой независимости мне навстречу. Знакомимся:

- Раиса Петровна.

- Очень приятно. - представился я. Посмотрел хозяйке в глаза и понял, что она безмерно рада видеть меня у себя дома.

Спокойный ужин, непринужденный разговор. Много вопросов и рассказ о ее одиссее. Выясняется, что Раиса Петровна 17 лет как уехала из Москвы и живет в Голландии. Живет хорошо. Имеет прекрасную семью во главе с любимым мужем. В семье двое ребят. Все, одни более, другие менее, владеют русским языком. Я почувствовал себя, как у себя дома. Спели вместе (кто знал слова, а мелодии знали все) пару наших песен, прошлись по последним новостям, представляющим интерес, и выяснили, что, несмотря на все благополучие, душа ее томится по родному краю.

- Вы понимаете, здесь все так прекрасно устроено, удобно, продумано, уютно и безукоризненно, но ... не такое, как дома, в Москве. Будете смеяться, но, когда я езжу к маме, я украдкой через санитарные кордоны умудряюсь провезти с собой курицу. Правда, скажите, разве эта курица (показывает на куриное жаркое, стоящее на столе) пахнет так ароматно, как наша? Вы там не цените того, что имеете.

Позже я убедился в ее правоте. Старший сын еще отсутствовал, а младший сыграл на электромеханическом синтезаторе (помните "Пьесу с механическим пианино" в постановке Никиты Михалкова?) пьеску под нехитрый его аккомпанемент. Традиционный кофе, и я решил откланяться, так как завтра, в субботу, мы договорились поехать в Нюэнен, на родину

Ван Гога, которого я от души насмотрелся в Амстердамском музее, и лелеял навязчивую мечту побывать в тех местах и отдать дань любви и восхищения великому импрессионисту, художнику, которого я выделял из плеяды его талантливых коллег. "Куст сирени" и "Подсолнухи" у меня перед глазами и сейчас, а репродукция с картины, где изображен поезд, оставляющий за собой клубы белого дыма на фоне летнего ландшафта, такого яркого и живого, вырванная из журнала "Огонек", хороший десяток лет висела у нас дома в железной рамке на стене возле окна, играя удивительной гаммой красок (можно было представить, какие сочные они должны быть в оригинале), пока не поблекла от света и времени.

На следующее утро рано-рано мы уже мчались в машине навстречу моей мечте. Яркая зелень, придорожные пейзажи, приподнятое настроение. Дорога безукоризненно ровная, машина несется, как птица, скорость - ну уж никак не меньше 120 км/час.

Слава Богу, на разговоры отвлекаться нет необходимости, - мой спутник не так уж свободно владеет русским языком, несмотря на супружеские связи с русской. Наблюдаю в окошко смену картин природы: поля засажены овощами и всевозможными злаковыми, ухоженные сады, луга, стада коров, домики и фермы. Через какое-то время я уже устал глядеть в окошко, потом незаметно настроение стало портиться и я все никак не соображу, отчего же? Какой-то не очень приятный запах... Нет, я бы сказал, неприятный. Фу, да это настоящая вонь. Она не проходит, а наоборот, становится острее и невыносимее. Интересуюсь, в чем же дело. Оказывается, все очень просто - это результат внедрения интенсивных технологий. Общеизвестны продукты, поставляемые Голландией на мировой рынок, кроме масла, сыра и прочего, это - мясо и ветчина. Свинина, как мы знаем, на деревьях не растет, а чтобы ее было много, нужно соответствующим образом откармливать свиней. Выяснилось, что они хорошо прибавляют в весе, если их кормовой рацион приправлять специальными добавками, на основе каких-то медных окислов (за точность рецептов не ручаюсь, но идея ясна).

На качество мяса они, якобы, влияния не оказывают - тезис весьма сомнительный - и оно безвредно для потребителей, однако возникает одна проблема. Продукты отходов "свинского" пищеварения (неуместный юмор), весьма небезопасны и поэтому их нельзя использовать в качестве удобрения и закапывать в землю: растения к ним весьма восприимчивы и становятся ядовитыми. Выход один - их необходимо консервировать. Лучше никто ничего пока не придумал. В результате на огромных территориях, где занимаются свиноводством, стоит стойкое "амбре" и нормальный человек без привычки и противогаза не обойдется, он затыкает нос платком, будучи не в состоянии его вынести за несколько километров от хранилища. Говорят, тому, кто придумает эффективное технологическое средство для решения проблемы, поставят золотой памятник. Не берусь защищать каждое из сказанных слов, но из песни их не выбросишь - так гласит известная поговорка.

Короче, не доехав до места назначения, мы повернули назад: я поднял руки, и сдался. Решили дружно назвать наше путешествие обыкновенной прогулкой для моциона и безо всякой цели!

Прощались мы как добрые старые друзья: я обшарил закрома своих специально заготовленных для поездки сувениров, получив взамен типично голландский сувенир: четверть литровую бутылку голландского пива и два бокала с одинаковыми рисунками на всех трех предметах. Бутылка долго стояла в нашем домашнем буфете не раскупоренной, пока желание отведать пиво не победило. Оно оказалось превосходным, несмотря на значительный срок давности, бокалы по сей день украшают наш скромный сервант.

Коллеги по кафедре устроили мне еще один приятный сюрприз - поездку в Антверпен. Мой шведский опыт воздержания на сей раз уступил место горячему желанию путешественника увидеть незнакомые места, предметы и людей. Рубенсовский дом-музей, место его постоянного пребывания, сохранившееся, по мнению знатоков, в своем нетронутом неповторимом виде, был одной из главных притягательных целей поездки! Реальность превзошла ожидания. Поездка оказалась приятной и не утомительной. Дорога

была в великолепном состоянии, машина шла как воздушный лайнер, без толчков и тряски. Да и путь-то совсем невелик - по карте около сотни километров, не более. Я, конечно, слегка переживал, когда подъезжали к границе с Бельгией, но сам себя успокаивал, объясняя: "Зачем виза, если существует Бенилюкс". Бесспорно, вся история Нидерландов была также на моей стороне. Пограничный пост промелькнул в одно мгновение, никто нашу машину и не пытался остановить. Да здравствует Европейский союз!

Вот и Антверпен, а впереди целый день необыкновенных впечатлений и приключений. Мы присоединились к какой-то группе туристов, которым гид на хорошем английском объяснял все повороты истории города, его улиц и площадей. Началом экскурсии был порт, что обосновался на реке Шельда в месте соединения двух заливов - Восточная и Западная Шельда, выходящих в Северное море. Это один из крупнейших портов мира, мы это почувствовали сразу.

Крошечная Рыночная площадь рядом с собором, памятником архитектуры более позднего периода - известная тем, что на ней в каком-то, известном всем жителям города, году собрались горожане, подняв восстание против завоевателей и утвердив на этой земле свободу. Немного напоминающая амстердамскую, но совсем другая по стилю старая часть города; новая - полумодерная, без небоскребов, огромных площадей и архитектурных излишеств, с не очень широкими улицами. Весьма схожий по колориту со скандинавским стиль городов и горожан: небольшие магазины и питейные заведения, приветливые лица прохожих, много полицейских женского пола.

В Королевский музей изящных искусств нас не повели, - времени оказалось для его посещения совсем недостаточно, а в дом-музей Рубенса мы все-таки попали и дружно восхищались террасой, на которой любил сиживать великий художник, и так же дружно удивлялись размерам деревянной кровати, в которой он почивал, как выяснилось, в полусидячем положении. Картин оказалось значительно меньше, чем мы ожидали, хотя ощущение присутствия и соприкосновения с великим все-таки поймали.

Вечером застали театрализованно-маскарадное шествие по одной из центральных улиц. Выяснить, чему оно было посвящено (какие-то городские традиционные события), не удалось, так как с гидом мы уже распрощались.

Поздним вечером мы возвратились к месту парковки автомобиля и довольные, чуточку усталые (второе - точно, первое - возможно лишь относительно моих ощущений) двинулись в обратный путь.

Амстердам встретил нас своими приветливыми огнями и пустынными улицами - завтра был рабочий день для всех горожан, а для меня еще и день сборов: предстояла поездка в Твентский университет, что расположен в окрестностях самого юго-западного голландского города средних размеров - Энсхеде, последнего пункта моего путешествия. А пока нужно выспаться, чтобы в хорошей форме прибыть на кафедру и попрощаться с ее славными обитателями.

Гостиница "Эйкенберг", в которой меня поселили, была расположена не в самом лучшем месте, на улице с весьма интенсивным движением. К слову сказать, автомобилисты в Голландии - народ послушный и вежливый. Примерами тому являются не только деликатность в отношении к пешеходам, но и культура вождения: я ни разу не слышал из окон своего номера скрипа тормозов в момент остановки или визга шин об асфальт при гусарском троганьи машины с места. Это, очевидно, - элементарное соблюдение экологических норм, не говоря уже о сравнительной чистоте выхлопных газов. Поэтому, несмотря на свою традиционную бессонницу, спал я там вполне прилично и на обслуживание в отеле и кафе-ресторане пожаловаться не мог. Эта последняя ночь пребывания в Эйндховене оказалась не исключением, так что я, выспавшийся и бодрый, предстал перед своими новыми друзьями-коллегами, чтобы поблагодарить их за гостеприимство.

Человек - до удивления домашнее существо, быстро привыкает к хорошему окружению и быту, привязывается к людям и устанавливает с ними явные или незримые

связи, которые, увы, часто приходится рвать по живому, оставляя в душе рубцы. Зато из них там вырастают замечательные воспоминания, иногда на всю оставшуюся жизнь, яркие картины прошлого, к которым мы порой возвращаемся не раз, переживая заново события и встречи, впечатления и ощущения, монтируя из них кинематографическое полотно собственной биографии, иногда отличное от реального сюжета, но близкое нашей душе и текущим жизненным обстоятельствам.

Скоро научусь спать в поезде даже в сидячем положении. Мелькают пейзажи с зелеными полями и красивыми усадьбами, старыми домами и широкими современными автострадами. Поезд мчит меня на запад, ближе к родине. Незнакомая речь, вежливый контролер, молодая парочка, взявшаяся за руки, и вечерние огни, трассирующие по широким окнам поезда, потом перед глазами появляется что-то убаюкивающее знакомое, ах это родной дом, мои близкие. Не может быть!..

Утром на вокзале меня встретили и поместили в общежитие: скромное жилье, достаточно обветшавшая мебель, но ничего, не годы же здесь провести, всего неделю. Первое знакомство с Твентским университетом и его обитателями. Ничего особенного, что оставило бы яркий отпечаток в памяти: встречи, семинары, пара визитов вежливости.

Стоит все же два слова упомянуть о системе научных исследований в университете. По всем факультетам (механической инженерии, электрической, химической инженерии, прикладной физики и математики, теории информации, промышленного менеджмента, социального администрирования, прикладной образовательной науки, философии и социальных наук, биомедицинской инженерии) университетский отдел информации ежегодно публикует информацию о текущих научных исследованиях и, в частности, о разработках на контрактной основе с точностью до названий и кратких описаний отдельных проектов. По близкому мне направлению я обнаружил несколько разделов, в частности: компьютерная архитектура и методы программирования, компьютерные информационные системы, интерфейс-протокол-сервисные системы; системные теоретические методы для информационных технологий. Уже тогда, надо отметить, там выполнялись разработки микрополупроводниковых сенсоров (факультет биоинженерии). Это, так сказать, слабые штрихи к профессионально-содержательному портрету Твентского университета. Но что действительно меня потрясло в первый же день - это территория университета: значительных размеров зеленая зона, на которой разбросаны учебные корпуса и жилой массив для преподавателей и студентов, а главное, прекрасный полноценный и полномасштабный стадион и множество футбольных и других спортивных площадок. Я насчитал их девять или десять. Ничего себе! Самое смешное, что по первому впечатлению они во все время моего пребывания положительно пустовали. Пару раз на одном из них заметил небольшие стайки играющих в футбол студентов, не более того.

В ближайший выходной день побывал в Хенгело - типичный небольшой провинциальный западный центр, расположенный неподалеку от университетского городка, со всеми атрибутами и элементами жизнеобеспечивающей инфраструктуры и современной цивилизации, переполненные товарами магазины и магазинчики, рынок, отели, бары, рестораны и кафе, кинотеатры, арт-галлереи, концертный зал. Внутри и вокруг базара все кипит безудержной активностью, в особенности по средам и субботам. Его называют городом сюрпризов. Это культурный центр преимущественно сельской местности с вариациями лесных угодий, пастбищ, вереска и кукурузных полей. Жизнь в нем кипит днем и ночью, притягивая к себе приезжих и туристов: двадцать четыре ресторана, пятнадцать бар-дансингов, сорок один ночной клуб. По этому поводу родилась шутка "Хегело - это все: от ночных секс-клубов до дневных секс-шопов". Последние особенно характерны для Голландии, равно как и официальная поддержка представителей аномальных сексуальных ориентации, а также такой весьма распространенной там группы населения, как наркоманы. Многие знают, что Голландия - единственная страна, которая снабжает их наркотиками открыто и на постоянно законной основе, мотивируя свою политику защитой от угрозы роста преступности.

Я уже порядком подустал от своего путешествия и ждал с нетерпением его завершения. В мыслях уже был дома вместе с моими дорогими женой и сыном, совсем уже расслабился, отпустил организм из-под контроля и в наказание сразу же получил, если переходить на терминологию бокса, хук справа - выпала пломба из нижнего правого зуба, обнажив острый, как иголка, его остаток. Кошмарное состояние. Сделал попытку найти медпункт в университете: не тут-то было, никто и не слыхал про такое. Только платный дантист, к которому "соваться" при моем финансовом состоянии просто неразумно. На три копейки, (никак не более) выручило собственное know-how: пилочкой для ногтей я попытался слегка сточить острый выступ, создав слабое подобие комфорта для собственного языка. В общем, нельзя расслабляться, когда ты далеко, да еще один. Следует быть предельно собранным. Это одна из составляющих моего жизненного опыта. Дай-то Бог его добросовестно воплощать в жизнь.

Обратный путь домой опять пролегал через Амстердам, где я коротал последний денек в ожидании запланированного месяц назад рейса "Амстердам - Москва". Подтвердив ОК, и заказав такси в аэропорт, в последний час пребывания сижу в кафе, чтобы сбыть последние гульдены. Заказал апельсиновый сок. Жду. Прошло не менее пятнадцати минут. Наконец, несут. Я поинтересовался:

- Почему так долго?

- Но мы же готовили вам сок!

Действительно, сидя спиной, я не заметил, что у бармена за стойкой с его стороны была включена соковыжималка: был выжат сок, затем его слегка охладили, и только потом он оказался на моем столе. Как известно, всякий труд надо оплачивать. Я никак не мог себе представить, что "паршивый" (полная клевета - прекрасный) апельсиновый сок может "потянуть" на такую сумму. Хорошо еще, что осталось достаточно на такси.

Смешнее всего, когда я взглянул на торжественно врученный мне чек, оказалось, что в общей сумме содержится одна пятая часть, представляющая стоимость апельсина, остальное - стоимость работы и обслуживания. Итак, цените, дорогие сограждане, свой труд, не скромничайте (очень актуальный на сегодняшний момент тезис)!

Описанный выше маленький эпизод - это тоже пример из жизненного опыта: "не знаешь - не экспериментируй". Но ничего. Как выразился один специалист по индуктивной математике:

- Только дураки учатся на чужих ошибках?!

Амстердам - Москва - Киев. Простой маршрут - и впечатления месяца заморских путешествий отправились в архивы памяти - дожидаться, когда их оттуда востребует автор. Вот и настал сей час...

ВЕНГРИЯ

Рабочая группа РГ-24 "Архитектура микро-ЭВМ и микропрограммирование" в рамках СЭВ, многолетняя программа совместных работ с постоянными рабочими встречами представителей сотрудничающих стран в Киеве, Москве, а также в столицах и живописных уголках Польши, Германии, Венгрии, Чехословакии, - все это стало событиями далекой истории доперестроечного периода, воспоминаниями их участников всегда с добрыми чувствами, думаю, прежде всего, потому, что там было много интересного и полезного, а, может быть, еще и оттого, что мы были помоложе и светились творческим энтузиазмом и энергией.

Именно тогда я и попал впервые в Будапешт, а точнее - приехал в командировку в Институт компьютерной техники и автоматики Венгерской Академии наук (MTA SZTAKI).

Будапешт произвел на меня в эту первую поездку неизгладимое впечатление. Город-сказка, с величественной архитектурой зданий парламента и королевского дворца, воздушными мостами через Дунай и живописными окрестностями.

Полюбил же я его позже. В немалой степени эта любовь связана с родной кровью: племянница вышла замуж за венгерского парня, с которым вместе закончили Киевский

институт гражданской авиации, раньше - ГВФ, и каждая очередная поездка - это встречи и объятия после разлуки, обстоятельные беседы и застолья, где собиралось несколько семей с такими же смешанными браками, в основном, закончивших ГВФ или сегодня - Международный университет гражданской авиации.

Свежие сведения о родном доме, письма, посылки от родных и, конечно же, русские и украинские песни - как это все ценится вдалеке от Родины!

Лена и Ласло с двумя сыновьями давно уже стали членами нашей большой семьи.

Несмотря на близкие родственные отношения, я редко останавливался у них дома (хотя однажды ночевал - помню двухэтажную кровать младшего Ласло), всегда предпочитал "свободу и независимость". Любимое место, где раньше была приятная возможность останавливаться, - гостиница "Геллерт", расположенная прямо возле моста Эржбет со стороны Буды у подножия горы с одноименным названием, с шикарным вестибюлем, великолепным обслуживанием, да в придачу - с бассейном с термальной лечебной водой.

Я как-то с разбегу направил весь свой пыл и жар на прекрасный отель "Геллерт", а следовало бы начать с того, что сама Венгрия - это живописный неповторимый уголок земного шара, а Будапешт - второй по красоте после Парижа город Европы. Вы не согласны? Впрочем, как говорят, о вкусах не спорят. Я в восторге от Праги, Варшавы и Берлина, но...

Какое самое живописное место на территории Венгрии? Базальтовые скалы Бадачони, Кишбалатон, леса Гелленца или Бакони, а, может, излучина Дуная? Там, где сохранена романтика прошлого. Например, в национальном парке Кишкуншага или в Хортобади сегодня можно встретить пастухов и табунщиков, которые живут так, как жили когда-то их отцы и деды. В пещере на самой высокой вершине горного массива Бюкк найдены предметы древних времен. По соседству с живописной долиной Салайка, протянувшейся в центральной части массива, расположился единственный в стране лесной музей под открытым небом, где можно познакомиться с орудиями труда мастеров, занимавшихся обжигом угля.

В стране, площадь которой всего 93 тысячи кв.км (население порядка 11 млн. чел.), насчитывается почти 2 тысячи памятников старины и около 5 тысяч зданий, объявленных архитектурными памятниками. В Венгрии есть целый ряд городов-памятников - Шопрон, Эгер, Сентендре. Западная часть сегодняшней Венгрии некогда была провинцией Римской империи и называлась Паннония. Большинство задунайских городов построено на развалинах римских поселений. В Сомбатхейе (в прошлом Саврия) при раскопках открыты руины огромного императорского дворца времен Римской империи. В окрестностях Таца обнаружены остатки древних храмов, вилл и улиц римского города Горсиума. Руины римского солдатского городища Аквинкума обнаружены на территории Старой Буды. Два последних визита в Венгрию были непосредственно связаны с этим памятником - мы с коллегой просто-напросто жили на берегу Дуная в расположенной невдалеке зоне отдыха. Каждый день, проезжая или проходя мимо слегка приведенных в порядок каменных сооружений Аквинкума, задавался мыслью о том, как же все-таки просто великая история непосредственно соприкасается с нашей реальной жизнью и какова лично твоя участь в этой самой истории:

- Как оставить след в истории, не наследив?

Достойна внимания туристов нижняя церковь в селе Фелдебре, построенная в XI веке и сохранившая элементы романского стиля. Ярким примером зодчества в готическом стиле служит упомянутая уже Буда. Самым выдающимся памятником этой эпохи является церковь Матьяша, возраст которой 700 лет.

Будайская крепость и развалины королевского дворца в Вышеграде - шедевры эпохи Возрождения. Бывший замок князей Эстерхази в селе Фертед с его 126 залами, построенный в стиле барокко, известен на всю Европу. В период расцвета барокко были перестроены целые города: Этер, Вац, Печ и другие. Памятники мусульманской архитектуры - свидетельство 150-летнего турецкого ига: купальня "Рац", капелла Гюль-бабы, мечеть города Печ, минарет в Эгере.

Приятно отметить, что истинные венгры, с которыми мне довелось общаться на протяжении почти четверти века (ого!), очень даже неплохо знают историю своей Родины, а главное - стремятся узнать еще больше.

История Венгрии тесно связана с историей ее столицы. Будапешт лежит в центре Европы, в предгорьях Карпат, на обоих берегах Дуная. Правобережная часть города, Буда, расположена на лесистых холмах и горах, а левобережная, Пешт, - на равнине. Ранее это были два самостоятельных города. А вообще-то из умных книжек можно узнать, что история города начинается в далеком прошлом. Уже две тысячи лет назад на его территории было человеческое поселение. Большая река, холмы, покрытые лесами, богатые источники создавали прекрасные условия для поселения. Здесь жили кельты, иллирийцы, а с конца 1 века до н.э. - римляне.

Римский город погиб во время Великого переселения народов.

В VI веке территорию сегодняшней Венгрии начинают заселять славянские племена, а в конце IX века - пришедшие с востока племена венгров, которые в течение одного столетия образуют здесь венгерское государство. Во времена потомков занявшего территорию родины вождя Арпада - первых венгерских королей Буда и Пешт становятся цветущими торгово-ремесленными поселениями, но татаро-монгольское нашествие в 1241 году уничтожает их вместе с другими городами страны.

Для защиты от новых татаро-монгольских набегов Бела IV строит по всей стране крепости. При нем на крепостной горе был построен королевский замок, а вокруг него вырос город - Буда. В окрестностях Пешта и Буды строятся монастыри. Развалины одного из них находятся на острове Маргит.

Буда переживает свой расцвет в XIV - XV веках, став во времена Анжуйской династии постоянной резиденцией королей. Расширяется королевский замок и начинается строительство дворцов аристократии.

Жигмонд - король Чехии и Венгрии, император Священной Римской империи - строит на Крепостной горе блестящий готический дворец. Во второй половине XV века король Матьяш создает пышный королевский двор. Для внутренней отделки дворца он собирает лучших иностранных мастеров, его знаменитое собрание книг и рукописей Корвина - славится далеко за пределами Венгрии. Продолжает развиваться и город. В окрестных горах создаются охотничьи заповедники, вода источников направляется в водопровод.

В XVI веке войска Османской империи занимают большую часть страны. Королевский двор оставляет столицу. Полуторавековое турецкое владычество задерживает развитие городов, постройки приходят в негодность, население беднеет, многих жителей угоняют в турецкое рабство, церкви превращаются в мечети. Большое количество источников на территории Буды и Пешта способствует, однако, строительству купален и турецких бань.

После изгнания турок в 1686 году Буда и Пешт попадают в руки австрийского военного наместника. В Венгрии начинается период господства Габсбургов. Австрийское правительство приглашает в обезлюдевшие города новых поселенцев и монахов. Начинается строительство в стиле барокко. Мария Терезия вновь отстраивает королевский дворец. К концу XVIII века Пешт обгоняет в развитии Буду.

В начале XIX века в Пеште и Буде сосредоточивается экономическая, политическая и культурная жизнь страны. Возникают первые фабричные районы, строится много общественных зданий, в том числе здания Национального музея, Национального театра и Венгеркой Академии наук. В 1838 году большое наводнение уничтожило много старых зданий. В 1849 году по инициативе выдающегося политического деятеля периода реформ графа Иштвана Сечени строится первый постоянный мост через Дунай - Цепной мост (Ланцхид).

Борьба за национальную независимость приводит к революционному взрыву 15 марта 1848 года. Пешт-Буда на несколько месяцев делается столицей независимой Венгрии, резиденцией венгерского правительства. Вслед за поражением революции в 1849 году в этих

двух городах снова устанавливается австрийское военное правление. После образования в 1867 году на основе соглашения между Габсбургской династией и венгерскими магнатами Австро-Венгерской монархии, Пешт-Буда развивается как столица Венгрии - место работы Государственного собрания и административных учреждений.

Три отдельно развивавшихся города: Буда, Обуда и Пешт в 1872 году объединяются в один - Будапешт. Промышленное развитие города приобретает новый размах. Будапешт превращается в центр железнодорожной сети страны. К тысячелетию со дня основания венгерского государства, отмечавшемуся в 1896 году, строится много общественных зданий; в их числе - здания нового королевского дворца, парламента, оперы и музеев. Строится также первая на континенте подземная железная дорога (Фелдалатти).

Улица по-венгерски будет utca. Мой первый опыт общения с будапештским населением на их родном языке выглядел приблизительно так.

Во-первых, я уже упоминал о сформировавшейся традиции выучивать из разговорника пару десятков слов и фраз, которые могут оказаться полезными в обиходе. Обычный разговорник всегда может помочь в сложной ситуации. В данном случае разговорником я не запасся, зато оказался ценным живой опыт близких: жена и теща жили когда-то в Закарпатье, в маленьком венгерском городке, которому советские товарищи дали скромное название Берегово, отдаленно созвучное с исходным - Beregszaczz, и не только прежде свободно владели разговорным венгерским, но и до сих пор знают, а в заветную минуту еще недавно в два голоса воспроизводили старые венгерские песни. Запасы, как словарные, так и песенные, со временем поиссякли, дошел до наших дней, что называется, "сухой остаток", т.е. то, что уже неистребимо временем. Так что готовясь к первой поездке, мною был пройден курс "молодого бойца" и в мою память со слуха попали:

эдь - один, кетту - два, гарум - три, нёдь - четыре, эт - пять, сервус - здравствуй, ёв регелт киванок - доброе утро, ёв напот киванок - добрый день, ёв иштейт киванок - добрый вечер, кезы чоколом - целую руки (конечно, же даме), висант клатошра - до свидания и всякое другое полезное в обиходе.

И вот - Будапешт. Снабженный картой города, иду по его улицам с гордым и независимым видом. Естественно, походы в магазины для покупки подарков родным и близким - дело полезное, хотя весьма утомительное и противное. По предварительно собранной информации, много магазинов разбросано именно на улице Ракоци.

Кручусь где-то, по-моему, рядом, карта в кармане, никак не попаду в нужную точку. Тогда подхожу к первому попавшемуся прохожему и запускаю свою "заготовку": Тешек, хово медь Ракоци utca. С грамматическими ошибками это должно было означать:

- Простите, как пройти на улицу Ракоци?

Прохожий посмотрел на меня с презрительным снисхождением и на чистом русском ответил: "Пройдете вон до того угла, повернете направо и перейдете на параллельную улицу". В то время наших в Венгрии, как и в других соцстранах, было в избытке. Этот оказался одним из моих соотечественников, живших в Будапеште.

А теперь пора сообщить, что Институт компьютерной техники и автоматики SZTAKI располагается на тихой небольшой улочке - Kende utca. Большинство первых командировок было связано с программой сотрудничества с этим институтом. Честно говоря, тесной связи в работе у нас не получилось, хотя свои планы мы старались выполнять исправно: речь идет о разработке отладочных систем, поддерживающих проектирование, создание и технологические циклы серийного производства средств и систем микропроцессорной техники.

Первые микропроцессоры, появившиеся на зарубежном и отечественном рынках, родили эйфорию компьютеризации всех мыслимых и немыслимых областей человеческой деятельности. В силу миниатюрных размеров они проникали в системы, приборы и устройства, где раньше спокойно обходились без них, совершая в полном смысле революцию не только в технике, но и в сознании инженеров, ученых и даже лиц, далеких от вычислительной техники и кибернетики.

В проекте об институте черным по белому так и записано, что его основной деятельностью является выполнение фундаментальных исследований в области автоматизации и computer science и применение результатов этих исследований в различных областях национальной экономики при создании уникальных (специальных) и массовых информационных систем автоматизации. SZTAKI ориентируется в своих работах на научные исследования в области компьютерных сетей, компьютерной графики, компьютерных систем автоматизации проектирования и производства, известных под аббревиатурами CAD - CAM, процессов управления, информатизации и баз знаний. Прикладные разработки, выполненные институтом, претендовали на высокий уровень интеллектуальности, кооперативности современного человеко-машинного интерфейса и применения средств искусственного интеллекта.

Вычислительный центр Венгерской Академии наук также находился в ведении MTA SZTAKI. Его международные контакты не исчерпывались СССР. Он имел совместные проекты с институтами, университетами и компаниями большинства европейских стран, а также США и Японии. SZTAKI представлен был в 14 международных научных организациях мира и наиболее значительной среди них - Международной Федерации "Автоматического" Контроля (IFAC).

Сотрудничая в директорате международного симпозиума Euromicro, мне довелось побывать на нескольких конференциях с участием SZTAKI. Одна из наиболее запоминающихся проходила в фешенебельном отеле "Duna", расположенном на набережной Дуная.

Прекрасная организация, интересные доклады и непосредственные контакты со многими известными учеными надолго запомнились, оставив в памяти живые и яркие воспоминания.

Не меньшее впечатление на меня произвел отель "Геллерт", где нас тогда поселили. Позже он стал моим любимым, еще позже - любимым, но уже на расстоянии, по вполне понятным банальным причинам.

Не обошлось там и без курьеза. Понятно, что в гостинице высшего класса, какой была "Геллерт", обслуживание находится на удивительно высоком уровне: начиная от изобилия шведского стола и заканчивая бассейном с термальными лечебными водами. Всеми благами, перечисленными в карте гостя, воспользоваться, естественно, не удалось, но некоторыми - безусловно "да". Среди них был весьма объемистый холодильник, стоящий в номере возле окошка, набитый прохладительными напитками, винами и другими спиртными напитками. У меня, естественно, возникла мысль, что все содержимое холодильника доступно, но за отдельную плату. Мои товарищи, пришедшие в гости, так же естественно на эту тему долго не размышляли и, когда я был в ванной, преспокойно воспользовались благами цивилизации, угостив и меня. Я был уверен, что прекрасные напитки, которыми мы наслаждаемся, они принесли с собой. Одним словом, при отъезде в момент расчета выясняется, что нужно оплатить стоимость напитков, взятых из злополучного холодильника. Но вы, наверное, знаете "правило" загранкомандировочного - потратить все, что есть в карманах. Я честно его выполнил и перед регистратором стоял чистый и непорочный: оставил только на такси, чтобы добраться до вокзала.

Что делать? Ничего лучшего не придумал, как сослаться на организацию, которая меня принимала: "SZTAKI оплатит!"

Действительно, обошлось без всяких скандалов, и я в следующие приезды чувствовал себя здесь таким же желанным гостем, как всегда.

Все расходы (командировочные, суточные, плата за гостиницу и пр.) выполнялись тогда принимающей стороной на обоюдной основе, так что стоимость номера меня нимало не интересовала. До поры - до времени, которые, к сожалению, пришли нежданно-негаданно.

Больше всего общений и наших деловых контактов пришлось на долю ученого секретаря института Густава Генче. Приятный, тогда молодой человек, с хорошими манерами, приветливый и достаточно общительный, он обеспечил нам все деловые встречи с

нужными людьми в нужных отделах, объяснив подробно, кто чем занимается и как куда попасть. Неплохо говорит по-русски, знает английский.

Последняя наша встреча состоялась пару лет назад после длительного перерыва. Как и у нас, в Венгрии в ту пору шел "плановый" процесс деградации, который коснулся, а точнее, больно ударил по Венгерской Академии, не оставив в стороне и SZTAKI. Какое-то время Густав работал в Австрии, благо, от Будапешта до Вены рукой подать, потом вернулся на родину. Рассказывал о "злыднях", постигших институт, о способах выживания в сложных условиях развала и ненужности науки. Количество сотрудников уменьшилось за это время в десять раз, многие из знакомых по прежним встречам давно ушли и зарабатывают более востребованным трудом.

Время коснулось и нашего внешнего облика: из молодых людей мы превратились в солидных, поистрепанных жизненными невзгодами мужей, умудренных опытом последних (т.е. невзгод), хотя и не сдавшихся суровым законам всеобщей капитализации.

Интересно, что в неблагополучных странах, а особенно в постсоветском пространстве, происходит глобальный процесс дисбалансировки жизненных ценностей одновременно с индексами ценности профессий. По каким законам это происходит, трудно даже вообразить. Почему труд зубного врача должен оплачиваться на порядок выше, чем труд ученого, не говоря уже о том, что в целом престижность производительных видов деятельности стремится к нулю, тогда как непроизводительных - возрастает неизменно.

Безусловно, такие деструктивные процессы есть функция времени, ведь очевидно же, что общество, в котором не ценится интеллект, неспособно выжить и обречено на прозябание. При этом законы рынка действуют в глобальном масштабе, поэтому вряд ли кто-либо из жителей планеты непосредственно заинтересован в нашем процветании. В лучшем случае, их волнует собственная безопасность, отсюда стремление великих стран найти нам место где-нибудь под лавкой: "Сидите и не чирикайте. Если будете голодать, мы вам поможем "гуманитаркой" и не дадим умереть".

Интересно и другое. Новое поколение и вместе с ним среднее, сумевшее приспособиться к этим глобальным процессам, неплохо научилось находить ниши собственной деятельности и, в крайнем случае, держаться на поверхности, если уж не получается плыть на высоких скоростях.

Такой фирмой оказалась ERBE, с директором которой нас свел один из работников венгерского торгпредства в Киеве Иштван, с которым у нас наладились неплохие приятельские отношения. К тому же оказалось, что он учился с моей племянницей и ее мужем в ГВФ в одно и то же время. Плеяда выпускников поддерживает между собой хорошие отношения и хранит в душе самые искренние и добрые чувства к Украине. Иштван - не исключение, к тому же он, как и его соотечественники, успел обзавестись здесь, будучи студентом, украинской семьей.

Время бежит, вот недавно Лена со своими однокашниками праздновала 20-летие со дня окончания института. Приехала на пару дней из Будапешта, как и другие однокашники с разных концов света; вспоминали, смеялись и плакали: It's my life - как поется в набившем оскомину шлягере.

ERBE - фирма, далекая от кибернетики, занимается энергетическими системами. Торгпредство представляет в Украине ее интересы, а она сама специализируется по проектам, имеющим возможность расширить ее деятельность в Украине. Мы со своей стороны подготовили пару таких проектов, представляющих, по нашему мнению, интерес для ERBE, и отправились в Будапешт их согласовывать, чтобы затем определить в совместную украино-венгерскую программу сотрудничества. Мы - это я, коллега Михаил с сыном (за рулем) и мой сын, Митя, которому тогда стукнуло двадцать.

В сопровождении Иштвана с его дипломатическими регалиями мы легко пересекли границу, минуя длинную вереницу автомобилей, ждущих своей очереди.

Поездка показалась туристической прогулкой. Мы не гнали. Переночевали во Львове, в гостинице. Рано утром поднялись и выехали. К двенадцати были на границе, а часам к шести на месте.

То, что я назвал местом, оказалось на самом деле прелестным домом отдыха со всеми удобствами, включая кафе, бар (и, по желанию, завтрак), расположенным прямо на берегу Дуная в зоне отдыха.

Вдоль берега тянулась полоса с множеством общественных домов отдыха, подобных нашему, частных вилл, ресторанов, кафе, бассейнов и спортивных площадок. Райское место, ненавязчивая обстановка, хорошее время года (июнь) - ну, чего еще душа просит?

Рабочая программа оставляла нам время походить-побродить, поглядеть по сторонам. А увидеть и узнать можно было многое.

Я, как бывалый знаток здешних мест, показывал Мите все, что знал и где когда-то бывал сам. Начали, конечно, со старого города. Путешествуя по его узким улочкам и заглядывая чуть ли не в каждую подворотню, а тут что ни двор, что ни дом, то все - история, а точнее, чья-то прожитая жизнь, со следами которой мы соприкасаемся, осязая ее, ощущая ее аромат и подлинную неповторимость. Купив по дороге мороженое и слегка отдохнув, прошагали вдоль крепостной стены в неороманском стиле, с высот которой хорошо просматривается зеленый сквер, снующие но дороге люди и неспешно движущийся трамвай вдоль проспекта Аттила. По крутой и извилистой лестнице с вершины крепостной стены спустились вниз, очутившись в лабиринте тихих улочек, причудливо разбросанных на крепостном холме. Прежде чем подняться наверх, нам пришлось поблуждать по этим улочкам, пока мы не отыскали лестницу, которая нас привела к подножью холма. Да, подниматься оказалось гораздо сложнее, чем мы предполагали. Сбившись в подсчете ступенек, все-таки добрались наверх и продолжили путешествие по старому городу.

Музей музыкальных инструментов. Посетив его, узнали много интересного, в том числе детали биографий известных композиторов: Бартока, почему-то Сметаны. Такое впечатление, что мы в музее одни... Ничего подобного: встретили маму с сыном лет девяти. Через некоторое время наши маршруты опять пересеклись в одном из залов, разговорились: оказывается, это семья из Лондона, мама, конечно же, музыкант, а сынок, конечно же, не любит заниматься музыкой, приходится его заставлять. Я показал на своего спутника и подтвердил тот же вариант. Зато сейчас каков музыкальный азарт и желание наверстать! Посмеялись - "се ля ви" у всех похожа.

Осмотр закончен. Распрощались с новыми знакомыми, двинулись дальше по старинным улицам крепостного района.

- О, какой красивый собор!

- Действительно, это замечательный собор Св. Матьяша. Я всегда с удовольствием его посещаю.

В такую жару любо постоять в церкви, послушать молитву на непонятном языке, почувствовать присутствие духа святого и отдохновение души и тела.

На небольшой площади, совсем невдалеке от выхода из церкви - совсем другие мотивы. Льется музыка, скрипка трогательно выводит цыганские страдания, почти незаметно переходит к венгерским танцевальным мелодиям. Немного постояв и послушав, можно дождаться и классических мелодий: что-нибудь из Моцарта, Гайдна.

Мы, конечно, бросили в футляр скрипки, специально выставленной перед оркестром, свои жалкие форинты, поблагодарили музыкантов и выскользнули из толпы окруживших их меломанов.

Совсем рядом современный "Хилтон" - отель с открытым кафе, а неподалеку - причудливое строение с зигзагами ступенек и башнями. Сюда впускают за отдельную плату, зато прекрасная незамысловатая легенда, конечно, о любви и страдании, вполне оправдывает изъятое содержимое наших кошельков.

По мощеным улочкам разъезжает экипаж. Можно прокатиться, тоже за отдельную плату. Нет уж, извините, мы лучше пешком.

- Так как, на Геллерт забраться не хочешь?

- Спасибо, на сегодня хватит.

Усталые и довольные собой, возвращаемся домой на электричке, решив по дороге еще раз здесь непременно побывать. Проезжаем Обуду, знаменитые развалины Аквинкума, Ромайфюрдо, наконец Бекашмедер. Выходим из вагона, чуточку запутались, проходя мимо промышленно-продовольственного рынка, запаслись по дороге свежими овощами (разве можно сравнить перец, который мы покупаем на родном Владимирском рынке в Киеве с этой душистой паприкой?). И вот уже знакомая железная калитка нашего заведения.

Вынимаю выданный нам ключ, но прежде чем успел им воспользоваться, управляющий со звонким именем Дюла спешит нам навстречу, широко распахивая перед нами калитку.

Это настоящая комедия - понаблюдать и послушать со стороны наш диалог. Дюла, кроме своего родного венгерского, знает разве что пару русских слов. Жена Марика не знает даже и этого. Тем не менее, удается выяснить все, например то, что нам, оказывается, звонили. С удвоенным энтузиазмом он старался нам услужить (узнав по телефону, что у нас среди родственников - его соотечественники), хотя нам ничего такого и не нужно было. От ужина мы отказались, в основном, в целях финансовой экономии, а вот холодненькая минералка не помешает...

Не прошло получаса - появляются Лена с Ласло собственными персонами. Большой пластиковый стол накрыт на свежем воздухе. Вся компания дружно рассаживается за ним, начинается беседа.

Дюла с каждой очередной принесенной из холодильника бутылкой ароматного венгерского вина все более детально проникает в подробности нашей семейной биографии, так что у нас едва осталось время перебросится последними новостями и обменяться подарками.

Жара к вечеру совсем спала, но духота еще ощущалась в воздухе. Вот бы сбегать да искупаться - Дунай рядом, но не тут-то было:

- Мы и не помним, когда здесь можно было купаться, очень уж грязная вода.

Ничего не остается, как сбегать под душ в своем номере. Немножко "полегчало"...

Проводили гостей, отправились на прогулку вдоль Дуная. Широкая пешеходная асфальтовая дорога тянется на многие километры. Роскошные виллы, скромные домики, одинокие фигуры гуляющих и передвигающихся на велосипедах. Можно идти и идти, не думая ни о чем, любуясь замечательными пейзажами и отдыхая взглядом на мирно текущих водах Дуная, воображая себе, как хорошо было бы проплыть по нему от истока до Вилково, отмечая по карте страны, в которых побывал, не выходя даже на берег.

Все это могло бы присниться во время нашего второго по счету ночлега в Будапеште, но не приснилось - прекрасные дневные впечатления утомили нас изрядно. Мы спали, пока ласковое утреннее солнышко не заглянуло в окно.

Ответный прием нам устроили Лена с Ласло где-то в ресторане, на окраине Будапешта. Ресторан славился свое национальной кухней, да к тому же хозяином ресторана был их хороший знакомый. Так что обслуживали нас по высокому классу.

Что касается приемов, то в них недостатка не было, я бы сказал даже более определенно. Хотя посещения открытого ресторана в "Геллерте", а также морского клуба "Шкипер", вместе с директором компании ERBE, его женой и друзьями были (без преувеличения) интересными.

Внимание к себе всегда приятно, а интересные собеседники, благо, владеющие неплохо русским, не в последнюю очередь и венгерская кухня, сделали свое дело - мы остались довольны.

Но больше всего нам понравилось в гостях у Иштвана. Гостей принимала хозяйка Люда, неплохо освоившая секреты ранее незнакомой ей мадьярской кухни. Две прелестные дочки, одна из которых жила с папой в Киеве и училась в украинской школе, показали нам свой особняк, точнее, половину трехэтажного дома - частная собственность, недавно

приобретенная после продажи хорошей по нашим общим представлениям квартиры в самом центре Пешта, где-то возле Vaci ut.

Огромная ванная комната с джакузи, гостиная под 60 квадратных метров, столовая, в которой мы провели не менее полутора часов, поглотив несметное количество супервкусной еды, что, безусловно, приятно нас расслабило, - впечатления на всю обратную поездку.

Возвращались издалека - район на стороне Буды, километрах в тридцати от центра. По дороге провели рекогносцировку места, где расположен CIFI - институт физики, который мы собирались посетить на следующий день.

Следующий день был, действительно, расписан с точностью до получаса. В Институте физики нас встретили старые друзья, начиная с директора, профессора Вайда, и заканчивая зав. отделом Андрашом, бывшим аспирантом Института кибернетики, а точнее – Зиновия Р., нашего уважаемого корифея. Институт превратился в ассоциацию самостоятельных научных организаций, специализирующихся по своим направлениям. Работают. "Выживают" (противное слово).

Хотя у них это получается значительно симпатичнее, чем у нас. Объяснение простое - они более европейцы, чем мы, ближе, так сказать, к Брюсселю, и умудряются выигрывать по несколько грантов в научных программах Европейской комиссии. Этого хватает, чтобы жить безбедно, хотя они тоже жалуются на жизнь. А кто сейчас на нее не жалуется?!

В одну из рабочих поездок в SZTAKI нас свозили в красочный живописный городок Сентэндре, расположенный неподалеку от Будапешта. Городок с богатой историей, восходящей к древнеримским временам, который стал процветать в конце XVII века после того, как здесь осели бежавшие от турецкого нашествия сербские и далмацкие переселенцы. Об их жизни нынче напоминают несколько красивых православных церквей и коллекция сербского церковного искусства.

Раскинувшийся на живописных холмах богатый причудливыми панорамами городок издавна привлекал художников, многие из которых и сегодня здесь живут и плодотворно трудятся. В музее, носящем имя первого выдающегося мастера колонии художников Кароля Ференци, можно увидеть много увлекательных археологических экспонатов. В других музеях городка представлены произведения изобразительной школы Сентэндре, венгерской живописи, керамики. Сохранены крестьянские дома в заповеднике народного зодчества.

В одном из них, ныне стилизованном ресторанчике, мы и расположились поужинать. Венгерская кухня не требует специальных похвал, но не знакомому с ней следует быть осторожным - уж очень острыми бывают некоторые ее блюда.

А может, это скрипач выжимал наши слезы, исполняя на скрипке очередную трогательную историю безответной любви, слишком долго задержавшись возле нашего столика. Десерт оказался необычным: за аппетитным раскрашенным орехами и вареньем мороженым, подали на подносе чашечки с горящим синим огнем кофе, секрет которого является know how хозяина. Хотя для нас секретов не существует, и в ближайший визит к Лене и. Ласло я попытался удивить их экзотично приготовленным кофе.

В этот раз мне очень хотелось показать Мите прекрасный городок, и однажды вечером, возвращаясь из очередного похода в город, было решено заскочить туда на машине. Благо, это совсем рядом от места нашего пребывания. Однако жара и усталость нас все-таки одолели: проезжая мимо какого-то озерца, мы поддались естественному желанию побултыхаться в прохладной воде и остановились возле него. Поставив машину в тени, направились к воде. В лучах заходящего солнца среди деревьев и кустов, растущих на берегу, мелькали фигуры пляжников. Издали попытались отыскать менее людное место. Это оказалось делом непростым.

- Да какая разница, мы же не пляжиться пришли, а просто разок искупаться!

Приближаемся, и здесь, наконец, выясняется, что попали мы на "обыкновенный" нудистский пляж. Подставив под вечерние солнечные лучи свои роскошные гениталии, мужчины и женщины мирно беседуют между собой. У них под ногами (образно выражаясь) снуют дети, все в обычном порядке вещей. А что делать нам? Либо раздеваться и купаться,

либо откланяться и - домой. На первое воли и мужества не хватило. Путем голосования был принят к исполнению второй вариант - потные и злые мы возвращались домой. Вывод: Не меняйте часто своих решений, иначе выйдет, как у нас: ни Сентэндре, ни купания.

Но мы все же искупались. Правда, на следующий день. Это было жаркое солнечное воскресенье. Честно протопав по крутым склонам Геллерта, взобравшись на стену цитадели и рассмотрев вблизи памятник Освобождения, полюбовавшись панорамой Пешта и живописными холмами Буды, прикупив здесь же на сувенирном рынке парочку приглянувшихся нам национальных сувениров, под лучами палящего солнца без майки, в одних шортах, мы спускались к подножью горы, проходя по узким улочкам, сплошь утопающим в зелени, любуясь домами в два-три этажа с фасадами современной, но изящной архитектуры. Перебив аппетит мороженым, мы мечтали лишь об одном - отдохнуть где-нибудь в тени и испить холодной воды.

Глянув на карту, оценив расстояние между мостами Эржбет и Маргит, а также запас собственных сил, мы отважились проскочить пешком этот отрезок, чтобы добраться до острова Маргит, где, как нам было известно, имелись не только шикарный пляж и бассейн, но и всевозможные развлекательные заведения и кафе, а также археологическая достопримечательность в виде остатков капеллы древнего монастыря. А чтоб набраться сил для такого марш-броска под горячим солнцем, заглянули в мемориально-ритуальный музей, сооруженный в скале, что почти напротив отеля "Гелерт" через дорогу (Hegylja ut.). Пятнадцать минут пещерного холода и печальной музыки оказалось достаточно, чтобы войти в форму. И мы решительно бросились в самое пекло полуденной жары вдоль по улице, параллельной набережной Дуная.

Маргит оправдал наши ожидания. Великолепный парк, в прекрасном состоянии территория, божественный бассейн, прохладная вода, хорошее настроение, как после добротно выполненной работы: - полный отдых душе и телу. После обеда и прогулки по тенистым аллеям парка Маргит у нас еще хватило сил забраться фуникулёром к Королевскому дворцу, побродить вокруг него, послушать студентку-скрипачку, которая так бойко играла, что создавалось впечатление, будто она не подрабатывает на жизнь, а исполняет экзерсисы перед экзаменом в консерватории. Полюбовавшись в заднем дворе скульптурой охотничьей тематики с фонтаном и присев на пять минут на парапет, чтобы послушать гитариста, одетого в безукоризненный костюм ковбоя с шикарной ковбойской шляпой, который лихо поражал толпу техникой фламенко, мы не без удовольствия ступили в прохладный вестибюль Королевского дворца, а точнее - Венгерского национального музея. Безусловно, это был не самый подходящий момент для посещения музея, но часа 3,5 - 4 мы все же "поборолись" с художниками группы Надьбаньаи, познакомились с творчеством Михая Мункаччи и Ласла Паала. Искусство же позднего ренессанса и барокко XV-XVII веков, равно как и деревянные готические скульптуры, оставили уж очень незначительный след в нашем утомленном сознании. Пора домой. Завтра нам предстоял деловой визит в компанию "Видеотон".

Кто не знает фирму "Видеотон" и ее знаменитые дисплеи времен соцлагеря и первых миникомпьютеров? Фирма расположена в промышленном городке Секешфехерваре, что находится на полдороге от Будапешта к Балатону. Молодой директор, помнивший, однако, старые времена сотрудничества, внимательно выслушал наши деловые предложения, поведав о своих интересах, а также о перестройке, которой подверглась компания Videoton. Пригласив нас посмотреть территорию и заводские корпуса, сам за рулем шикарного "Мерседеса" с кондиционером и открытым люком сверху, он организовал для нас солидную экскурсию, объясняя все детали современной технико-экономической политики компании. Точнее, самостоятельной политики у неё теперь просто нет.

Построены новые корпуса, переоборудовано несколько старых для того, чтобы выпускать для всей Европы современные дисководы. Это и есть теперь основной ассортимент продукции. Из шеститысячной компании она превратилась в предприятие с численностью в несколько сот человек. Зато это "настоящие" рабочие места с хорошей

зарплатой сотрудников и высокой технологической подготовкой. По мере роста компании число рабочих мест будет увеличиваться, но всему своё время.

Избалованные гостеприимством ЭРБЕ, мы рассчитывали на обед в "Видеотоне", но просчитались. Слегка перекусив, решили не обременять себя осмотром городских археологических раскопок в центре города, а спокойно возвратиться в родной Будапешт. Домой, домой, домой (помните старую песню студенческих лет "На театральной площади немножко театрально стоял я, опершись плечом об оперный театр..."?).

В памяти больше зацепились воспоминания, в основном, о последних поездках. Таких было добрый десяток: со встречами, походами, расставаниями и обещаниями.

Среди многих впечатлений, также оставивших приятные воспоминания, были впечатления опять же из последней командировки: поездка на Балатон. В комфортном автомобиле всё с тем же Иштваном путь до Балатона, весьма утомительный для водителя, для нас, пассажиров, показался приятной прогулкой: живописные окрестности Будапешта, ровная широкая дорога к "венгерскому морю" (это автострада М-7), наконец, хорошее самочувствие. А вот и северный берег Балатона. Остаётся позади Балатон - Алмади, Балатонфюред и въезжаем на полуостров Тихань.

Припаркована на стоянке машина, поднимаемся в гору по неширокой улице вдоль домиков, магазинов и кафе, завлекающих туристов, кто чем может. И мы не остались неохваченными - купили по дороге кожаный рюкзак (полезная вещь для современного студента, да и в дороге пригодится). Наконец, небольшой парк, и мы оказываемся у цели. Это известный во всем мире монастырский собор, а точнее, аббатство Бенедиктинского ордена - двуглавая церковь с двухэтажным строением квадратного периметра, огораживающим внутренний двор.

История говорит о том, что аббатство сооружено в честь святого Анианса и Пречистой Девы королем Венгрии Эндрю I (1046 - 1060), который там же и погребен. Учрежденный декрет аббатства является древнейшим документом такого рода, сохранившимся в Венгрии. Он также является самой ранней из сохранившихся записей на венгерском языке, смешанных с латинским текстом. Молитвы Анианса епископа Орлеана спасли город от варваров Аттилы. Его культ вдохновлял французских правителей много веков. Почему он был обожествлен в Тихони, остается непонятным до сего времени.

Остатки древних стен, неподалёку от реставрированного собора хранят память о многих событиях прошлого: набегах оттоманов в XVI-XVII столетиях, запретах ордена Габсбургским императором Иозефом II, упадке и разрушениях, последующем восстановлении в конце XIX столетия, благодаря хлопотам профессора архитектуры технического университета Дьюзо Шиглера.

Сегодня с вершины холма, на котором возвышается собор, можно обозревать бескрайние просторы Балатона с десятками парусников, скользящими по его голубым волнам под надутыми ветром парусами. Посетители собора могут наслаждаться органными концертами, художественными выставками, фольклорными и этнографическими коллективами музея, расположенного в бывшем аббатстве. Мы с интересом обошли залы музея, полюбовавшись скульптурами и стенной росписью, спустились в его подземную часть, единственно сохранившуюся в неизменном виде с XI столетия, где покоятся гробницы короля Эндрю I и его сына - принца Давида.

Вечерело. Нужно ещё покрыть до темноты приличное расстояние.

Отдельный небольшой домик в районе Бадасони, до пляжа рукой подать. Три дня райской жизни, если не считать полчища пляжников, заполнивших всю огромную территорию берега и прибрежное водное пространство. Зато, отплыв на 50-100 метров, можно наслаждаться голубой водой и ясным солнышком, растворяясь в них без остатка и забывая обо всём на свете:

- О Балатон, о Балатон,

Ты наяву иль райский сон?

В отличие от других загранкомандировок, в Венгрию я ездил, как правило, с попутчиками. Чаще всего это были коллеги по работе, чаще всего мы ездили поездом. Далековато и немного утомительно. Но, приспособившись к убаюкивающему стуку колес, можно немного вздремнуть, почитать книжку или помечтать, глядя в окошко на быстро сменяющие друг друга пейзажи. Утомительно же потому, что к погранично-таможенным процедурам, особенно в ночное время, приспособиться трудно. Зато между Чопом и Захони, когда состав повагонно повисает в воздухе в ожидании смены колёсных тележек, можно прикупить вкусные продукты. Чего только бабы не несут: однажды отведал там свежих вареников с картошкой, в другой поездке - умопомрачительное лечо по-венгерски..

Много раз пересекал границу безо всяких ЧП. Лишь однажды возвращался с коллегой домой из Будапешта. Прошли по вагону пограничные и таможенные службы с венгерской стороны, прошли наши пограничники. Входят в купе таможенники. Обычный вопрос:

- Где ваши вещи?

- Вот, пожалуйста, чемодан, сумка.

- Раскройте чемодан. Раскрываю.

- Покажите, что там у вас?.. А здесь?

Показываю.

- А календариков у вас нет?

Нужно сказать, что где-то в 1980-е в Венгрии в магазинах и киосках продавались картонные, размером с игральную карту календари, на обратной стороне которых были изображены обнаженные красавицы. По тем временам это называлось порнографией, и таможенник точно знал, что он ищет, однако же почему-то не находит. Разочарование на лице, почти удивление?! И вот его взор, просканировав пространство купе по всем трём координатам, останавливается на барсетке, мирно покачивающейся на крючке возле окна в такт со стуком колес. Восторженно-гордый возглас:

- А это что?

- Портмоне.

- Ваше?

- Ну да, моё.

- А ну, показывайте!

- Пожалуйста...

Перерыты все отделы - результат нулевой.

- И что, ни одного календарика не везёте?

В ответ пожимаю плечами. Самое смешное, что мой коллега, коллекционер, набрал с собой этих календариков для обмена и всяких известных ему дел великое множество, - и никаких проблем. У меня же они возникли. Смешно, не правда ли? Видимо не всегда и не у всех моя физиономия вызывает уважительную реакцию:

- А я-то думал!!!

Будем отрабатывать достойное выражение лица, ведь так хочется ещё раз побывать в Венгрии, в Будапеште.

Называют его маленьким Парижем (действительно, в нем есть даже свой "Мулен Руж"), но мне это сравнение не нравится:

- Это замечательный, ставший родным мне город. Город моей молодости.

"Моя кибернетика"

Я не идеалист, хотя доля истины у Канта есть: мир таков, каким мы его воспринимаем, или, что то же самое, - он существует до тех пор, пока существуем в нём мы. Чтобы материалисты сразу же не набросились сильно колотить меня, замечу им лишь одно: "А что, вы считаете, что если бы меня в нём не было, он был бы такой же, как сейчас? Может быть, а всё-таки..."

...Сказал - и в голове колоколом отозвались слова М. Цветаевой:

И будет жизнь с её насущным хлебом,

С забывчивостью дня.
И будет всё, как будто бы под небом
И не было меня.

Отсюда неистребимое желание продлить собственную жизнь. Для этого существуют тысяча советов и лишь один Господь. Давайте думать вместе. Мыслители и умники, вы же не станете отрицать, что вера - это разновидность знания, доказательство (убеждение) в котором достигается не логическим путём. Да и всё ли исчерпывается логикой?

Но кибернетика - это наука, которая основывается, главным образом, на логике. Во всяком случае, сегодня в области, называемой "computer science", происходит определённая революция мировоззрений: во-первых, сильный крен, если не сказать возврат, к аналоговым формам представления, обработки информации и робототехники; во-вторых, - раздел искусственного интеллекта, ещё не завершив решения множества проблем на пути логических схем и парадигм, увлечённо занят поисками в области интуитивно-эвристических методов исследований. К тому же, слово, как носитель различных знаний, сделало заявку в контексте пробивающей сегодня себе дорогу научно-технической программы "Информация - Язык - Интеллект", где язык оказался в центре внимания и требует фундаментального и немедленного продвижения направления информационных когнитивно-семантических систем и технологий.

Историю Института кибернетики знают сегодня даже маленькие дети, правда, в это же время некоторые взрослые её стараются забыть, затереть или замазать. Видать, им это выгодно!

Сегодняшняя жизнь и все её многочисленные проявления так просто поддаются системному анализу, что становится противно. Аналитическая формула оказывается весьма простой - во всём ищи выгоду.

В 1960-м я уже работал в Институте (КПИ заканчивал в 1961-м, в том же году и женился). 12 апреля 1961 г. на своём характроне (для тех, кто слыхал, что это за труба) Володька З., мой однокашник, впервые написал "Юрий Гагарин - первый пилот-космонавт". В его дипломной работе прямо в приложении были вклеены фотографии, выполненные с экрана характрона, которые обошли всех членов ГЭК.

Устройство действительно, как говорят, задышало после многих мучений именно 12 апреля 1961 г., и я тому свидетель. Мы с Володей вместе в это время работали в одной из групп уже известного читателю отдела управляющих машин. Руководил ею Владимир К. Я много лет потом не мог называть его иначе, как Владимир Константинович, а он от меня при этом шарахался, как от чумного (сам был совсем молод). Но что я мог поделать: он - первый мой непосредственный начальник, на меня этот факт произвёл неизгладимое впечатление.

Наша группа размещалась во дворе здания, что на Лысогорской, откуда пошёл зародыш Института - ВЦ АН УССР. Был такой себе двухэтажный особнячок под названием "веранда", где располагалось несколько групп: конструкторское подразделение, группа внешних запоминающих устройств, распознавания речевых сигналов, наша группа, в которой мне довелось заниматься устройствами дисплейного типа. О Володе З. с его знаменитым характером я уже упоминал. Моя же дипломная работа была посвящена электронному устройству для вычерчивания графиков.

Отдел управляющих машин был самым большим и представительным в Институте, в его недрах впоследствии родилось много интересных отделов и направлений (в том числе, и мой - "Микропроцессорной техники"). Деление по таким базовым направлениям и отделениям, как математическая кибернетика, автоматизированные системы управления, вычислительная (кибернетическая) техника и др. состоялось значительно позже, в середине 1960-х годов. Появились также направления биомедицинской кибернетики.

ВЦ[1] насчитывал тогда пару-тройку сотен сотрудников. Со строительством нового корпуса по проспекту Науки, а затем Кибцентра в Теремках шёл мощный рост и укрупнение базовых направлений. Идея В.М. Глушкова охватить все ветви новой перспективной науки - кибернетики была одновременно и фантастической и реальной.

Во всяком случае, гений Глушкова приземлял и воплощал в реальность все самые смелые мечты. Об этом уже много и сильно сказано[2]. Но как блестели глаза у слушателей, когда в огромном переполненном зале после очередной заграничной командировки он с восторгом рассказывал об увиденном и услышанном, а потом забывал о том, с чего начал и на наших глазах рождалась блестящая импровизация, напоминающая процесс мозгового штурма, оказывается, совсем не в одиночку, а вместе с многочисленной аудиторией, скажем, не самых посредственных, а уж точно, что молодых и горячих сотрудников, которые внимали каждому его слову, и уже потом, расходясь, продолжали обсуждать и развивать услышанное, каждый на свой манер, опираясь на свои априорные знания. Это дорогого стоило. Здесь проявлялось то, что называется коллективным творчеством, всех пронизывал общий интеллектуально-энергетический заряд, которого хватало надолго, а для многих являлось опорной точкой самостоятельной научной деятельности. Самый блестящий, старательно подготовленный учёный совет с его квадратным регламентом и зарегулированностью, не даёт такого результата и такого подъёма творческих сил большого коллектива. Только в такие мгновения начинаешь понимать, что Институт - это большое многомерное, но живое существо, эдакая многоликая творческая личность, отражающая и одновременно дополняющая личность лидера. Жаль, что в рамках той же кибернетики недостаточно уделялось внимания вопросам коллективного творчества и коллективной психологии.

Карла Г. Юнга больше интересовало коллективное бессознательное: с его архетипами и законами мифологизации и изменения. Коллективное сознательное, а точнее - интеллектуальное, его работа, управление творческим процессом при решении конкретных сложных проблем, равно как и процессами настройки, адаптации, стимулирования и релаксации, представляются не менее заманчивыми и многообещающими.

Сегодня эти проблемы особенно важны для нашего выживания в науке, да и не только. Жаль, что крохи прошлого опыта утеряны безвозвратно. Сегодня потихоньку в нише инновационных проблем и парадигм мы делаем небольшие эксперименты по овладению этим искусством, а главное, стремимся создать некую мегасистему, генерирующую лавинообразный процесс инновационного творчества на базе живых идей, известных формализмов и стандартов, механизма обратной связи. Вот бы где Виктор Михайлович смог бы оценить перспективы, а главное, многое подсказать - с его-то непревзойдённой интуицией и полётом мысли!

Первая площадка Института на Лысой горе - самое прекрасное место обитания кибернетиков после Феофании. Рядом - Голосеевский лес с прекрасными озёрами, летом - санаторный режим с променадом. Даже в столовку (студенческую от сельхозакадемии) путь лежал по лесной тропе, потом её заасфальтировали. Во дворе летом во время обеденного перерыва - обязательные волейбольные баталии, собиравшие массу болельщиков. Клич: "Молодцы - бернардовцы!" - это воспоминания о славных победах представителей отдела экономической кибернетики Бернардо де ла Рио.

Хочу тихо и незаметно перейти к проблемам, которые волнуют нас - профессиональных учёных - сегодня, к проблемам развития информатики (мои коллеги вам с удовольствием поведают различие между кибернетикой и информатикой - тема сугубо профессиональная). Ближе даже к современным проблемам развития информационных технологий и их роли и места в развитии современного общества, его экономики, науки,

[1] Вычислительный центр АН УССР. Образован в 1957 г. В 1962 г. на его базе был создан Институт кибернетики АН УССР.

[2] Академик В. Глушков. Страницы жизни и творчества. Малиновский Б.Н. - К.: Наукова думка. 1993 г.

Парадигмы и идеи академика В.М. Глушкова. Капитонова Ю.В., Летичевский А.А. - К.: Наукова думка. 2003 г. Академик В.М. Глушков - пионер кибернетики. Сост. В.П. Деркач. - К.: Наукова думка. 2003 г.

культуры, социальных отношений, национальной безопасности, экологической среды или, как модно стало выражаться после саммита 1992 г. в Рио-де-Жанейро, в решении проблем устойчивого развития государства.

Хочу, а не получается. Сегодня, когда пишутся эти строки, я успел потерять близкого человека, а наша Академия и Украина - талантливого учёного и организатора, который много сделал для науки и общества, - Льва Гассанова. Ушли за последнее время и другие мои коллеги и друзья, хотя я о них до сих пор ничего не сказал. Вероятно, пока я закончу свой неторопливый опус, ещё уйдут. Что делать! Мы попали в зону обстрела времени и здесь редко случаются счастливые осечки.

Вспоминаю прошлое лето, когда я начал сей "великий труд" и, в частности, главу, посвященную Америке, где мы вместе со Львом "бродили по берегам Потомака" и называли себя братьями по Муну. Очень бы хотелось услышать из его уст какую-нибудь только для него характерную ненавязчивую шутку. Не выйдет: ось времени в графике нашей жизни имеет стрелку только в одну сторону.

Всё изложенное в предыдущих главах - это небольшие фрагменты жизнеописания, основная часть которого приходится на профессионально-человеческую деятельность в стенах одного, достаточно давно известного (ещё в бывшем СССР) академического учреждения - Института кибернетики.

Каждое новое поколение сотрудников, пришедших в него, вносило свой вклад в его облик, традиции и победы (порой и поражения), оставляя следующим за собою уже освоенные этажи могучего, неудержимо рвущегося вверх небоскрёба, имя которому - наука кибернетика.

Это только первое впечатление, что во всех предыдущих главах речь шла о каких-то далёких странах, городах и людях. На самом деле всё гораздо проще - речь шла о нас, шестидесятниках, пришедших в науку в начале 1960-х и перешедших сегодня 60-летний рубеж.

Ещё мальчишками-студентами мы вошли в наш будущий храм науки и с безграничным юношеским увлечением и великой профессиональной гордостью за возложенную на нас ответственную миссию примкнули ко второму поколению компьютеростроителей, которое неразрывно смыкалось с первой плеядой самых что ни на есть настоящих пионеров кибернетики, тех, кто непосредственно своими руками строил первую в континентальной Европе электронную вычислительную машину "МЭСМ", работая под началом её основоположника и творца - академика С.А. Лебедева, чьё столетие недавно торжественно отмечалось в Национальных академиях Украины и России. Это сейчас, спустя полвека после ставших историческими событий, едва ли многим посчастливится в живую пообщаться с пионерами этой истории, ставшими сегодня славными ветеранами, к их чести сказать, пока стоящими "на боевом посту". В число счастливчиков попал и я, обладатель не вполне заслуженных радости и чести не только общаться с ними, но и проработать рука об руку сорок с лишним лет. А ещё нас объединяет всех вместе принадлежность к эпохе, в период которой кибернетика прошла славный путь от представительницы "лженауки" до вездесущей современной информатики, перевернувшей все представления о спокойной и безмятежной жизни и представляющей сегодня основу развития всех без исключения высоких технологий и человеческой цивилизации в целом.

С каким подъёмом и творческим энтузиазмом в конце 1980-х мы ринулись на штурм грандиозной, по тем временам, крепости - разработке общей концепции и основ Программы информатизации СССР! Впоследствии результаты работы были сориентированы на другое государство, тоже наше, но не такое могучее и обширное. Творческого задора при этом не прибавилось, а скепсиса, - наоборот, и, к сожалению, весьма обострённого. Программа информатизации Украины, как и её наука, остались сиротой. Многие государственные мужи - некоторые из них даже умеют ловко пользоваться мышкой и клавиатурой - устойчиво повёрнуты спиной, а точнее сказать, - задом к проблеме информатизации. Оставаясь твёрдо на основах посткоммунистического наивного материализма, они твёрдо убеждены, что наш

путь в светлое, теперь уже капиталистическое будущее, лежит всё-таки через безнадёжный подъём уже до конца угробленного сельского хозяйства и угольной отрасли. А что касается так называемой информатизации, то она в их представлениям сводится к мобильному телефону в правом кармане офисного пиджака и современному компьютеру на столе у секретарши, как не очень дорогому дополнению к её стройным коленкам и упругому бюсту, такому же атрибуту современной приёмной уважающего себя чиновника, каким некогда был скромный бюст великого вождя революции. И какие бы технико-экономические обоснования актуальности и перспективности информатизации не сочиняли яйцеголовые умники, державного патриота от власти всей этой премудростью не проймёшь. Даже принятый парламентом закон о Программе информатизации мало что "продвинул": Программа робко устремляется в одну сторону, бюджетные деньги, выделяемые на информатизацию, - в другую. Спросите: - Как это? - Долго объяснять. Какой-нибудь светлолысый задумчиво-пузатый господин из соответствующей комиссии Кабмина вам всё обстоятельно обоснует: "где мысль сильна - там дело полно силы". Пишите дальше свои обоснования, господа учёные-кибернетики...

Да что мы всё о плохом да о плохом! Сделаю третью попытку рассказать о хороших людях, своих старших коллегах, с которыми до сих пор вместе едим кашу из одного котелка. И сколько за это время съедено, не только каши, но и соли.

Не претендую на роль лучшего ученика, но глубокую благодарность к своему учителю делить ни с кем не собираюсь. Чему до сих пор завидую, глядя на Бориса Николаевича Малиновского, так это неиссякаемой жизненной энергии, которую он несёт с собой и в себе, как драгоценный дар природы, энергии неустанного борения и творческих дерзаний. Сухощавый и всегда подтянутый, он не собирается поддаваться ни прессу времени, ни серости будней. Суровая школа войны, описанная им в книге "Путь солдата", закалила его, не огрубив души и характера, оставив на удивление целомудренным. Без прикрас и сомнительных эпитетов в ней с хронологической обстоятельностью изложены события военных лет, непосредственным участником которых он был: трудности и невзгоды военных дорог, боль потерь и поражений, уроки военного бытия, страхи и сомнения, искренность солдатской дружбы, детали масштабного полотна великой битвы, живые эпизоды каждодневной борьбы и крови. Наконец, радость победы и осознание её истинной цены через расчёты не по статистическим данным, а по кровавым рубцам в собственных душе и теле. Человек, прошедший смертельными дорогами войны, забыть их не в состоянии до конца своих дней: они будоражат воспоминаниями и незаживающими ранами, утверждая, в конечном итоге, твёрдые жизненные позиции, критерии добра и зла, стремление к миру и любовь к родной земле.

Простота и человечность в сочетании с талантом и целеустремлённостью были и остаются залогом многих больших и малых побед и свершений, которых он достиг, собрав вокруг себя и воодушевляя своим примером когорту однодумцев-энтузиастов, подготовив благодарную армию воспитанников, чьи дела и таланты есть безусловный результат его бережного отношения к молодым продолжателям дела, которому он посвятил свою жизнь.

Трудно быть первым, для этого нужны особые талант и вдохновение. Много пионерских разработок осталось позади, но наиболее яркой и дерзкой, - создание в начале 60-х управляющей машины широкого назначения (УМШН), получившей позже название "Днепр". Дерзкой потому, что это была первая в стране полупроводниковая ЭВМ (в её основу были положены так называемые потенциально-импульсные транзисторные элементы и память на магнитных сердечниках), предназначенная к тому же для решения сложных и ответственных технологических задач.

Одним из нашумевших в своё время приложений было использование её для управления бессемеровским конвертором. Управление реальным металлургическим процессом в постановочных экспериментах осуществлялось, к тому же, на расстоянии (Киев - Днепродзержинск), что родило ряд фантастических мифов, создав машине и её автору

блестящую репутацию, в том числе и в военно-промышленном комплексе. Недаром, она впоследствии много лет прослужила в Центре управления космическими полётами.

Рождение предприятия компьютеростроения в Киеве - это ещё одно из достижений советской промышленности, начало которому было положено появлением на свет "Днепра". Можно лишь догадываться, сколько самоотверженного труда и бессонных ночей потребовала эта разработка от коллектива и его командира. Первые системы автоматизации в различных отраслях промышленности и научных исследований - это также результат его подвижнической деятельности, целью которой было обеспечить высокий уровень первых внедрений машины. За пионерскими пошли массовые внедрения компьютера в масштабах великого и необъятного Союза, принёсшие славу автору, Институту кибернетики, Украинской академии наук. Именно с этих работ начался трудовой путь лучших моих однокашников.

Много других эпизодов, больших и малых, записано в памяти в виде ярких картинок и обыкновенных чёрно-белых изображений, однако, не всё так просто удаётся вытащить "на свет божий". Приходят на ум небольшие "клипы" из совместного "героического прошлого". Например, поездки в Москву, связанные в основном с тремя крупными пятилетними Программами совместных работ Украинской академии наук с Министерством промышленности средств связи (МПСС). Кстати, Программа весьма примечательна не только своими гигантскими масштабами, - речь шла о всеобщей компьютеризации предприятий МПСС на основе средств микропроцессорной техники, - но также многопрофильностью и высоким статусом. Ветераны института помнят о комплексе нетривиальных по научным меркам работ, которые тщательно организовывались и выполнялись, а главное, - заинтересованно поддерживались заказчиком. Нестандартные приёмы, совместные творческие коллективы, так называемые отраслевые лаборатории - вот слабые штрихи к описанию инновационных подходов к решению поставленных проблем. Начальником первой такой отраслевой лаборатории в 1970 - 1980-е годы оказался и я, а базовым предприятием - знаменитое в своё время научно-производственное объединение им. С.П. Королёва, с руководством которого нас объединяли долгие годы искренней симпатии и взаимопонимания. "Иных уж нет ...", но память бережно хранит тёплые чувства к людям, с которыми связывала не только общая работа, но и общие взгляды на жизнь, общие друзья. Одного из них, Анатолия С., особенно выделяю в силу особых взаимных привязанностей и симпатий. Мы, действительно, были тесно связаны ответственностью за совместные работы, но не только. Были и другие более тесные связи: именно в моей лаборатории работала жена Анатолия, Тамара С., давний друг и коллега по работе, впоследствии мой бессменный заместитель по отделу. Но это - отдельная тема ...

Я всего-навсего хотел описать характер работ того периода времени, их грандиозность и масштабность.

Так вот: сказать, что командировки в Москву были частыми, значит, ничего не сказать. Раз в неделю - средний интервал. Не один раз мы оказывались с Б.Н. в одном купе скорого поезда "Киев - Москва", а затем осваивали коридоры Министерства, просто или непросто решая в соответствующих управлениях множество вопросов, в основном, организационного и материально-финансового характера. Достаточно сказать, что Министерство "делилось" с нами не только своими деньгами и "штатными единицами", но и квартирами для сотрудников отраслевых лабораторий. Нужно было посмотреть как Б.Н. общался с чиновниками различного уровня, с каким достоинством держался и насколько результативными были эти наши походы. Некоторые сотрудники отрасли не без его поддержки "остепенились" и получили путёвку в большую науку. Это у него особенно хорошо получалось, знаю по личному опыту защиты как кандидатской, так и докторской диссертаций. Он имел способности выбрать оппонентов самым идеальным образом, а это, как знают профессионально посвящённые в предзащитные процессы, - дело архиважное. Не в меньшей степени важна и моральная его поддержка как перед защитой, так и в ходе самой защиты, - это, скажу вам, особый дар.

Совсем не научного характера ассоциации в эпизоде нашей поездки в ГДР, в Национальную академию наук. Принимали нас тепло и радушно: отношения в те годы у нас с немецкими коллегами были самыми дружескими, да и общие научные интересы вообще немало сближают людей. Одна проблема - в местной академической столовой не было настоящего хлеба и первого блюда, будь то борщ, суп, рассольник или что там ещё ... Зато всё остальное было на высоте. Это после одной из поездок в Берлин застрял в ячейке памяти похожий на анекдот эпизод, когда в центральном универмаге на Александер-пляц в конце рабочего дня, что-то около 19.00, когда количество покупателей сократилось до минимума, на чистом русском языке прозвучало объявление: - Магазин заканчивает работу. Просьба освободить помещение.

Объявление повторилось не менее трёх раз, а последние посетители, естественно, наши соотечественники, всё никак не могли отовариться. Культпоходы, выставки, музеи - всё это было, как обычно, но где-то уже в конце нашего пребывания Борис Николаевич, обращаясь ко мне, спрашивает:

- Я договорился о поездке за город к мемориальному комплексу, поедете?

Я с готовностью согласился, тем более, никогда там не был, только на послевоенных открытках видел знаменитый монумент, изображающий советского солдата с девочкой на руках.

Огромный комплекс с сотней мемориальных табличек с множеством фамилий погибших солдат-освободителей от фашизма, громадная территория, на которой он сооружён произвели неизгладимое впечатление. О своих чувствах ничего не скажу, а одного взгляда на Бориса Николаевича было достаточно, чтобы понять, что он переживал в те минуты: это и нахлынувшие воспоминания о суровых событиях опалённых огнём войны юных лет, безвозвратно ушедших товарищах, а главное - образ любимого брата-танкиста, не вернувшегося с войны, самого дорогого до сих пор человека, память о котором он трепетно пронёс через всю свою жизнь. Это ли не пример для подражания, урок нравственности для современного молодого человека XXI века.

Настоящее - это "миг между прошлым и будущим" - как поётся в песне. Но одновременно - это и мостик из первого в последнее.

- "Как можно строить будущее, не зная своей истории?!", - это слова моего учителя. А кто может точнее и беспристрастнее её описать, как ни непосредственный участник событий? Именно этому посвящает Борис Николаевич свой талант последнее время. Одна за другой из под его пера появляются замечательные книги о жизненном пути выдающихся отечественных учёных и конструкторов, стоявших у истоков отечественной вычислительной техники, кибернетики. Одно название чего стоит: "История вычислительной техники в лицах". И действительно, в нашем воображении рождаются колоритные фигуры первопроходчиков компьютерной эпохи, принёсших заслуженную славу нашей науке, а автору этих книг ещё и славу незаурядного литератора, открывшегося чуть раньше в книгах о войне. Иногда возникает простой и естественный вопрос: откуда такой диапазон, столько неиссякаемого энтузиазма? Конечно, это результат характера, т.е. продукт, так скажем, наследственно-генетического происхождения и самовоспитания. Но, пожалуй, срабатывает и другое - великая школа военных испытаний, закалившая характер и научившая преодолевать преграды и добиваться поставленной цели.

За сказанным, к великому сожалению, слабо просматривается живая колоритная фигура описанного персонажа с его привычками, особенностями характера, манерой поведения и общения, ну что ж, - не дано. Профессиональный литератор смог бы всё это ярко описать, не забыв конкретно-бытовые детали, например, язык жестов, характерных для публичных выступлений, быстрая целеустремлённая походка и стремительный подъём по лестницам, искусство изобретения технических терминов, например, "интеллектроника", "кибернетическая техника", "телематика" (задолго до официального появления последнего), а главное, - простота и доброжелательность в общении с окружающими. Конечно, не осталась бы без внимания его славная семья: жена, два сына и дочь, а также представители

следующего поколения. Другая неожиданная грань его таланта, вполне проявилась в организованном им клубе интересных встреч в Киевском доме учёных, что на Владимирской, 45.

А сейчас другой портрет: ещё один корифей компьютерной науки, к тому же очень обаятельная личность, кстати, тоже участник упомянутого клуба - Зиновий Львович. Подвижный, живой характер, острый ум, неповторимая в своей непосредственности манера поведения и подкупающее обаяние. Эдакая фигура учёного - романтика, также пионера отечественной вычислительной техники, - заставшего работы по МЭСМ, великого Лебедева, а позже, не менее значительного, Глушкова. Лучшее, что можно было бы сделать, - это попросить повторить З.Л. рассказ собственной автобиографии, образно переданный им почти в лицах на одном из заседаний уже упомянутого клуба. Именно это я и сделал. Представляю этот рассказ практически без коррекции и купюр.

Рабинович: РАССКАЗ О СЕБЕ В АСПЕКТЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Меня просит очень уважаемый мной человек рассказать о себе. Я не без удовольствия выполняю его просьбу. Хотя это нелегко - все как бы переживаешь заново.

Итак, родился в знаменательный день - 1 августа (международный антивоенный), вернее, в ночь на 1 августа, т.е. уже после 24-х часов.

Родители: отец - педиатр, мать - медсестра. Не могу о них не сказать подробнее потому, что горжусь ими. Отец - из бедной еврейской семьи, очень многодетной, единственный из всех получил высшее образование в Университете Св. Владимира, на что право ему дала золотая медаль по окончании гимназии. Кстати, дед хотел продать медаль: мол, это образование не для евреев, но отец ушел из дому и жил, зарабатывая уроками. Будучи студентом, он снимал комнату у зажиточной еврейской семье, тоже очень многодетной, где и женился на моей будущей маме - очень доброй и женственной. После моего рождения отец и мать сняли квартиру на Демиевке, где отец прослыл "врачом Божьей милостью", пользовался колоссальным авторитетом и любовью населения, в основном бедного и пролетарского. Заведовал детской консультацией - первой в Киеве, организованной им по мандату Киевского ревкома. Впоследствии был депутатом горсовета - уже после эвакуации и возвращения в Киев в 1946 году. В дни юбилеев получал приветственные телеграммы от целых дворов с десятками подписей. Годы страшных "чисток" прошел триумфально: секретарь райкома ставил его в пример как советского служащего. Но отец был беспартийным, его же сестры - видными коммунистками. Одна из них была подпольщицей во время деникинщины, затем ответственным партработником в Москве, членом ЦК, выпускница Свердловского университета, обвинялась в троцкизме. Но написала письмо Сталину и получила от него ответ, снявший с нее все обвинения.

Я пишу об этом, чтобы было понятно, в какой атмосфере я рос и получал воспитание. А оно у меня было классическим и вместе с тем разнополярным, в котором "классика" перемешивалась с новыми советскими веяниями. Отец нанял мне гувернантку (бонну), которая меня обучала вплоть до школьного возраста вместе с тремя другими детьми, но при этом жила у нас и, главным образом, занималась именно мной. Это была красивая девушка, дворянка, дочь расстрелянного во время гражданской войны генерала. Впоследствии она вышла замуж, вместе с мужем оказались в Сибири, где они оба стали докторами филологических наук. И эту Анну Александровну я обожал так же, как и маму. У нее были не монархические, а либеральные взгляды типа социал-демократических, как я потом понял. И она со мной подолгу рассуждала, как со взрослым человеком, на разные темы. И любила меня не меньше, чем я ее. И вот, с одной стороны, совершенно просоветское воспитание в семье, а затем и в школе, в котором основные принципы: "так надо", "так полагается", "как сказал..." и т.п. А с другой стороны полученная еще в раннем детстве тенденция рассуждения и практического осмысления (а то, что в раннем детстве, то наиболее прочно) и привели к той черте моего менталитета, которую можно охарактеризовать как поиск истины, что и

вызвало впоследствии желание заниматься именно творческой научно-исследовательской деятельностью. И в этом плане в школьные годы на меня оказал очень сильное влияние муж отцовской сестры (уже другой, еще не упомянутой) Федор Николаевич Бурлака, известный украинский писатель-историк. Он, выходец из крестьян, самоучкой получил высшее образование, был видным партийным деятелем (главным редактором "Киевской правды", насколько помню), затем исключенный из партии за отказ участвовать в коллективизации, затем восстановленный в партии и ставший уже известным как писатель, поскольку его произведения, написанные ранее "в стол", стали издавать (уже в хрущевские годы). Он был, конечно, просоветским человеком, но вместе с тем, с острым критическим мышлением, и со мной всегда откровенно делился своими взглядами, из-за которых имел огромные неприятности, но все же уцелел в трудные годы. Я сейчас перечитываю его книги, и они представляются мне как бы "золотой серединой" между официально-казенными историческими положениями, утвержденными в советской эпохе, и нынешними историческими перехлестами в стремлении опровергнуть "все" и "вся".

Я окончил украинскую школу. В то время (двадцатые годы) существовало практически принудительное зачисление в школы по национальному и разговорному признакам. Мой мудрый отец решил меня отдать в украинскую школу. В ответ на мое недоумение сказал, что русский язык - мой родной, я его и так буду знать, а вот украинский, если не пойду в украинскую школу, знать не буду, а знать его нужно обязательно, поскольку живем, в Украине. Не соответствует ли это нынешним утверждениям о преимуществе украинского языка перед русским как государственного? Итак, я был отдан в украинскую школу, хотя еврейские дети, которым удалось избежать зачисления в еврейскую школу, как правило, поступали в русскую. В моей школе было всего три еврейских ребенка, два из которых - я и мальчик, мой товарищ еще по группе у гувернантки. Этот "мальчик" стал врачом. Инвалид Отечественной войны, очень известный впоследствии врач на Сталинке (бывшей Демиевке), сейчас в Израиле, и мы еще поддерживаем связь.

Закончив семилетку, я был переведен вместе с ним в украинскую десятилетку, единственную тогда на Сталинке, где, естественно, евреев уже было побольше - 8 из сорока с небольшим. Остальные - в основном украинцы, дети железнодорожников. Должен сказать, что абсолютно никакого даже подобия антисемитизма в нашей детской среде не было. Дружили, занимались, влюблялись, играли в спортивные игры, ссорились и т.п. совершенно без различия национальностей, которое даже не замечалось. И не только в школе, но и в дворовых компаниях. Хотя Демиевка и славилась своими хулиганскими (это неверное в данном случае слово, но другого не подберу) уличными компаниями, и в этих внешкольных компаниях среди обыкновенной шпаны попадались очень оригинальные, прямо-таки горьковские типы: например, Тришка Козел - полуграмотный парень, который всех и всегда обыгрывал в шахматы, даже гастролеров - категорников. Он со мной часто играл у меня дома, и моя мама даже не догадывалась, какого отпетого сорвиголову она принимает в нашей респектабельной квартире. Тришка пошел в партизаны и был расстрелян немцами с формулировкой "за бандитизм". Внешкольные парни были старше меня и моих одноклассников, но и среди нас были такие оригинальные, яркие, даже талантливые личности - мои друзья и товарищи. Некоторые пали в войну, некоторых преждевременно не стало уже после войны, а некоторые - считанные единицы, еще живы, и мы иногда встречаемся. Хочу добавить, что в школьные годы фамилия моего отца служила для меня не только охранной грамотой (я мог ходить по самым опасным улицам и вслед часто слышал - вот пошел сын доктора Рабиновича), но и знаком некоего пиетита потому, что отец пользовался чрезвычайным уважением со стороны родителей моих товарищей. Поскольку десятилетнее образование только вступало в силу и к нему стремились очень немногие, то эти немногие были чрезвычайно старательны, и высшим показателем авторитета каждого была успеваемость. Школу закончил в числе отличников и участвовал вместе с ними в городском бале выпускников 10-леток, на котором выступал первый секретарь ЦК КП УССР П.П. Постышев. И, несмотря на, все то негативное, что о нем сейчас пишут (при этом и

много неправды), у меня сохранилось уважительное отношение к нему. Думаю, для этого имеются достаточно определенные исторические основания.

В институт как отличник поступал без экзаменов. Но выбор профессии оказался в общем-то случайным. Я тяготел к математике и физике, участвовал в межшкольных олимпиадах. И написал заявление в университет с облегчением (выбор сделан!). Накануне подачи заявления вечером вышел пройтись и случайно встретил своего школьного преподавателя математики, и он отсоветовал мне поступать в университет: - дескать, нет хороших перспектив по окончании, а убедил поступать в Индустриальный институт - инженеры очень нужны, а математиков и физиков хватает. Так я и сделал - вместе со своим школьным товарищем Неонилом Фурманом на следующий день подал туда заявление.

Интересно, что общие курсы читались на украинском языке и были весьма популярными украинские учебники (т.е. то, что было во времена так называемого угнетения Украины, и то, чего нет сейчас во время ее независимости). Институт дал мне блестящее образование - я в полной мере его оценил, уже работая по назначению на заводе. Нам не только давали знания, но и, в первую очередь, научили мыслить. Я с благодарностью вспоминаю наших преподавателей, в первую очередь Зморовича, П. Городецкого, Окулова, Васильева, Радченко, Иносова. Последние три - уже по специальности, а самый последний - руководитель моего дипломного проекта, который был сделан на основе практических материалов, почерпнутых во время преддипломной практики на Московском шарикоподшипниковом заводе. Он же был рецензентом этого проекта. Именно с В.Л. Иносовым я общался более всего и считаю его своим первым Учителем по основной, полученной на заводе специальности. Он оказался и членом комиссии в Институте электротехники по приемке у меня кандидатских экзаменов и сообщил мне чрезвычайно радостную весть, что я понравился Сергею Алексеевичу Лебедеву, председателю комиссии, при сдаче экзамена по автоматическому регулированию, и тот выразил желание, чтобы я у него работал (но об этом позже).

Закончил я институт, защитив дипломный проект, кажется 23-го или 24-го июня 1941 года, но назначение на завод Министерства (в то время наркомата) авиационной промышленности получил еще раньше - в конце 1940 г., добровольно завербовавшись по предложению специального представителя этого наркомата. Моя защита уже проходила в экстремальных условиях.

В ночь на 22-е июня Киев бомбили, и осколки падали даже в наш двор на Сталинке. Отец был начальником пункта первой медицинской помощи, которые к тому времени уже были организованы. Нападение Германии ожидалось. И когда оно случилось, отцу позвонили ночью по телефону и сообщили, что напали "наши друзья". А утром уже позвонили из института мне и велели немедленно приехать на защиту дипломного проекта. Я сказал, что у меня еще не окончена пояснительная записка и в ответ на это получил строгое высказывание в непечатном варианте. Чертежи все были готовы, рецензент с работой был еще заранее ознакомлен и... я поехал. Когда был объявлен мой выход, началась воздушная тревога, и комиссия дружно ринулась в бомбоубежище. Но Иносов и еще кто-то самоотверженно остались. Получил я "отлично", произнеся, естественно, буквально несколько слов. Кроме отзыва рецензента, весьма убедительным здесь оказалась практическая направленность проекта в интересах упомянутого московского завода, где я проходил преддипломную практику.

Через несколько дней после защиты вышел приказ ректора института, адресованный в отдельности каждому из направленных на оборонные предприятия выпускнику, считать себя мобилизованными, получить билеты в специально учрежденной в институте железнодорожной кассе и выехать по месту назначения до определенного числа. Что мы и сделали: я и еще трое ребят из нашей группы, завербовавшихся вместе со мной на новый завод МАП в г. Киров, бывший Вятка. Наше путешествие в Киров - в течение двух недель - достойно отдельного рассказа, на который меня здесь уже не хватит. В общем, добрались,

были приняты непосредственно главным инженером завода, расспрошены об успеваемости и распределены по рабочим местам.

Я и Валиневский попали в соответствии со своим желанием в СКБ (серийное конструкторское бюро). Роль СКБ - перевод документации изделий, разработанных в ОКБ, в рабочую документацию в соответствии с заводскими нормами, помощь в освоении этих изделий в серийном производстве и сопровождение их планового изготовления вплоть до военной приемки. Все это проходило в чрезвычайно напряженном режиме из-за условий военного времени. Каждый из конструкторов нес ответственность за определенный тип изделий и должен был заниматься всеми проблемами, связанными с его производством. И тут я оценил широту и другие достоинства полученного в институте образования - буквально все, что в нем было сугубо технического, пригодилось, ведь из-за внезапности войны изделия не были доведены до серийной кондиции и не были "обкатаны" в серийном производстве. Все это необходимо было осваивать, были даже введены специальные премии "за освоение". Постоянно, причем это уже во время войны, возникала нехватка нужных материалов, что приводило к необходимости оперативного внесения временных конструктивных изменений. Наши изделия автоматического управления были зачастую в состоянии, как говорится, острого дефицита на авиационных заводах и в военных частях (здесь в основном как запасное оборудование) и это создавало чрезвычайную напряженку и спешку в их изготовлении. В начале войны, в период начального освоения на производстве изделий, нам, конструкторам, оборудовали спальные места в красных уголках цехов, чтобы мы и ночами могли быть на заводе. Но просто освоением в серийном производстве и сопровождением наша работа как конструкторов не ограничивалась. Специальным отделом завода собиралась информация от воинских частей о качестве работы изделий в ходе эксплуатации. И здесь мне "повезло": изделие, которое я вел, оказалось наименее надежным. Изделия, разработанные в ОКБ считались "нашими", поскольку именно наши фамилии, конструкторов СКБ стояли на штампах рабочей документации и мы за них отвечали. А время-то было военное!

Я уже давно пришел к выводу о необходимости его переконструирования. Добиться такого разрешения было нелегко, главный конструктор категорически возражал. Но помог главный военпред завода: была учреждена опытная разработка и изделие было модернизировано и получило новый индекс. Как показала последующая собранная статистика, это изделие оказалось не только высококачественным, но и наиболее качественным среди всего комплекса изделий завода (такие были высказывания на конференции по качеству представителей воинских частей). Характерно, что последующие модификации изделий данного типа не только для самолетов, но и для танков уже воспроизводились только на основе первого модернизированного прототипа. Не могу удержаться, чтобы не сказать, что благодаря этому, а также и другим нетривиальным достижениям в сфере качества "опекаемой- продукции, мой авторитет (и, естественно, сотрудничавших со мной инженеров) настолько возрос, что во время довольно частых временных отсутствий выполнявшего задание главка начальника СКБ меня, как правило, назначали исполняющим его обязанности. Как раз во время одного из таких назначений наш отдел был впервые удостоен переходящего Красного Знамени и звания лучшего подразделения заводоуправления.

Моей успешной работе на заводе способствовало весьма хорошее ко мне отношение со стороны производственников. Причем должен сказать, что я никогда не подлаживался под их известный стиль поведения, оставался всегда самим собой, т.е. именно таким, каким меня воспитали. Может быть это, наряду с постоянным проявлением уважения к производственникам и стремлением у них подучиться, как раз и способствовало нашим отличным деловым отношениям. Хотя я текущим выполнением плана собственно и не занимался, но мое имя в благоприятном контексте не раз называлось на ежедневных "пятиминутках" у директора. Могу даже похвастаться: как мне передали, как-то раз, директор в директорской столовой обронил реплику, что Саша и Зюня - лучшие инженеры

завода (С. Алексеев - работник московского ОКБ, переведен в наше СКБ, мой приятель, помнится, ухаживал сразу за двумя сестрами). А дипломированных инженеров в то время на заводе было всего двадцать. В 60-е годы я посетил завод - их было уже более двухсот.

И вот наступил самый радостный день в моей жизни (как и для очень-очень многих) - день Победы. Он у нас в Кирове ознаменовался стихийно возникшей демонстрацией - весь завод, наверное, кроме возможно литейщиков, высыпал на улицу. Мужчины ходили с лицами в красных пятнах от поцелуев. Всю ночь, с 9-го на 10-е мы компанией из 4-х человек у меня в общежитии пропьянствовали (причем, совершенно не брало), а утром - по гудку, отсюда все четверо и пошли на завод на работу.

Первое время завод работал в том же режиме, затем постепенно началось разбавление выпускаемой номенклатуры продукции мирными изделиями, но военная продукция завода выпускалась, кажется, нисколько не в меньшем объеме, поскольку она использовалась и для гражданской авиации. Причем уже такого колоссального напряжения в ритме работы завода не было, т.е. появилось время для отдыха и развлечения. Одновременно появилось желание к научной работе, тем более, что на заводе с переходом его на мирную деятельность мой потенциал оказывался в значительной степени излишним. Моему намерению перейти на научную работу очень поспособствовал известный приказ Сталина о беспрепятственном отпуске с оборонных заводов и из армии лиц, принятых в аспирантуру и адъюнктуру (Вот как серьезно относились к пополнению научных кадров!). И я, поняв, что это нужно для государства (для меня это было главным - такова советская идеология), сделал свой выбор без колебаний, хотя меня и старались удержать от этого шага, суля высокую руководящую должность в СКБ и соответственно - большую зарплату. Кроме того, вполне естественно, я хотел вернуться в Киев, хотя многие эвакуированные и направленные на работу в Киров, там так и остались. Мои родители и родственники, эвакуированные в Киров по моему запросу, не мыслили себе дальнейшей жизни вне Киева. Они и из Киева отбыли-то в последние дни перед его занятием немцами. Те были уже в Голосеевском лесу, когда отцу дали лошадь и подводу, куда он посадил бабушку, маму и двух ее сестер, и самостоятельно управляя лошадью, хотя был же рафинированным интеллигентом (беда всему научит), довез всех до Сум, там устроился временно на работу. И уже позже поездом им посчастливилось выехать ко мне в Киров. Именно посчастливилось, потому что сесть на поезд было невозможно, все поезда были переполнены. Его, мечущегося по перрону, остановил полковник, детей которого отец когда-то лечил, и вместе со всей родней усадил в поезд. В Кирове им предоставили комнаты в коммунальных квартирах, я же оставался в заводском общежитии.

И вот, кажется, в 1945 году после окончания войны при демонстрации моего очередного конструкторского триумфа, директор пробасил, обращаясь ко мне:

- Скажи, чего ты хочешь? (имея в виду какие-нибудь материальные блага - отрез на костюм или что-нибудь в этом роде). И я его удивил ответом:

- Хочу съездить в Киев в командировку. Иначе же поехать было нельзя. Последовал вопрос:

- Почему в Киев? Он думал, что я, как многие другие, направлен на завод из Москвы... Я объяснил, и он тут же дал кому-то из своей свиты соответствующее указание, заметив при этом, чтобы я нашел хороший, в смысле полезный повод для командировки. Я этот повод нашел: Институт электросварки, с целью внедрения автоматической сварки под флюсом у нас на заводе. Командировка стоила заводу соответствующего хоздоговора, но сварка была-таки внедрена, этим уже занимался другой, назначенный директором специалист. Во время поездки в Киев я подготовил почву для возвращения родственников (бабушки уже не стало) и провентилировал возможность поступления в аспирантуру в Институт теплоэнергетики АН УССР, из которого затем, по приезде С.А.Лебедева, в 1947 году выделился Институт электротехники. Не помню уже, но, кажется, именно в этот первый свой приезд в Киев я сдал два кандидатских экзамена - по ОМЛ (основы марксизма-ленинизма) - пять, и английскому - едва четыре. Это оказалось нетрудным, так как набор в аспирантуру только начался, хотя я ориентировался на поступление сразу на второй курс аспирантуры. Отца приняли в Киеве

прямо с распростертыми объятиями, сразу же дали отдельную квартиру (потом, правда, несколько уплотнили, но это уже по линии ЖЭК) и назначили вновь заведующим детской консультацией (входящей в комплекс районной поликлиники и больницы).

В 1947 году я снова приехал в Киев и сдал кандидатские экзамены по ТОЭ и автоматическому регулированию. Должен сказать, что сдача производственником, да еще из далекого Кирова, сразу же кандидатских экзаменов произвела благоприятное впечатление. Особенно, как уже упоминал, я понравился Сергею Алексеевичу и был принят именно к нему в аспирантуру. Но на заводе меня уговорили еще год проработать и отпустили лишь по настоянию главного военпреда, о котором я упоминал. К тому времени он стал одновременно и парторгом завода. Но при этом срок аспирантуры мне не продлили, т.е. я был зачислен сразу на третий курс. Вот так и начался новый период в моей жизни.

Когда я пришел в лабораторию, ее сотрудники занимались разработкой базисных ламповых компонент электронной автоматики, но я сразу же был погружен Сергеем Алексеевичем в начинавшуюся хоздоговорную работу по созданию установки полунатурного моделирования систем стабилизации летательных аппаратов. Она должна была состоять из платформы с тремя степенями свободы (на которой и должна была размещаться испытуемая аппаратура), аналоговой вычислительной машины, моделирующей движение самолета, и следящей прецизионной системы, точно передающей возмущающие воздействия от модели на двигатель платформы. К моему приходу в лабораторию платформу уже конструировал мой будущий коллега В.В. Крайницкий, все остальное было поручено мне.

Поручено так: изложена идея, принадлежавшая самому С.А. Лебедеву и предполагаемые главные принципы реализации. Группы, как таковой, у меня не было, но мне помогали: И.П. Окулова - в разработке операционных усилителей для аналоговой машины, Н.И. Фурман - в построении ее, а также следящей системы, Р.Я. Черняк - главный инженер лаборатории - в комплексной отладке всей установки. Вместе с ним-то мы ее установили, наладили и весьма успешно сдали в Москве, в институте заказчика самому Фельдбауму. Идея и главные принципы построения этой установки получили очень высокую оценку в журнале "Автоматика и телемеханика", как выдающееся достижение С.А. Лебедева. Впоследствии, уже с подробностями, ранее подлежащими засекречиванию, эта работа была изложена в моих трудах о С.А. Лебедеве.

Его последующие блестящие достижения в области создания ЭВМ как бы затмили предыдущие работы, в направлениях, где он также был неоспоримым корифеем. Вот такой парадокс. Хотя цифровая вычислительная техника, безусловно, являлась главным делом жизни Сергея Алексеевича и значение его работ в этой области, конечно же, намного превосходили значение других его замечательных работ, - так он сам считал, и такое освещение его деятельности вполне закономерно. Характеризуя мое отношение к Сергею Алексеевичу, не могу придумать лучше: он был для меня Богом. А к Богам человеческие оценки не применимы, так что я даже чувствую какую-то неловкость, когда рассказывая о нем, прибегая к обычным оценкам его человеческих качеств. Он был особенный и его трудно сравнивать с обычными смертными. И характерно, что в обращении к нему я чувствовал себя так, как будто обращаюсь к Богу, как это совершает в уме верующий человек, - без стеснения, непосредственно. Мог в любую минуту к нему зайти (это уже было в Феофании, где мы работали и жили), даже в его спальную комнату, когда он, проснувшись, еще был в постели после ночных бдений, что он часто практиковал. А обращаться к Сергею Алексеевичу мне приходилось нередко, хотя я этим никогда не злоупотреблял. Дело в том, что наряду с главной работой по созданию установки полунатурного моделирования, Сергей Алексеевич поручал мне еще и другие работы, вспомогательные, при создании "МЭСМ", которые начались в конце 1948 года (моя установка была закончена в конце 1949 г. - два года для ее разработки и построения, конечно, были очень небольшим сроком). К вспомогательным работам для "МЭСМ", которыми я занимался, относилось создание стенда для отбора ламп с одинаковыми характеристиками, системы автоматической

стабилизации накала лампы и др. По окончании создания установки я непосредственно подключился к разработке электронной вычислительной аппаратуры - быстродействующим элементным структурам, последовательным арифметическим устройствам и т.п., для чего мне была дана небольшая группа инженеров и техников. Была у меня и отдельная работа, относящаяся непосредственно к созданию самой "МЭСМ" - а именно, разработка цифропечатающего выводного устройства, в котором принимал весьма активное участие И.Т. Пархоменко. Не хочу повторять известных описаний нашего уникального режима работы в Феофании, скажу лишь, что долгое время жил там постоянно, возвращался домой только на выходные дни и работал, никак не считаясь с регламентом времени. Только после сдачи "МЭСМ" госкомиссии 25 декабря 1951 года был ослаблен наш феофанийский режим. Сергей Алексеевич в это время уже совмещал работу в Москве (ИТМ и ВТ, лаборатория БЭСМ) и в Киеве, где по-прежнему вникал во все детали работ. Очень памятной переломной датой был день 6 ноября 1950 года, когда "МЭСМ" решила первую задачу контрольного теста и началась опытная эксплуатация, сопровождавшаяся доводкой машины, и превращением ее из действующего макета в регулярно работающий образец. Решение контрольной задачи было зафиксировано специальным актом как выполнение социалистического обязательства к годовщине Октябрьской революции. Я был в числе подписавших этот акт в качестве профорга после Лебедева и Е.А. Шкабары - парторга лаборатории.

Как я упоминал, по заданию Сергея Алексеевича, я разрабатывал последовательное АУ с 4-я арифметическими операциями (все, по сути дела, приходилось изобретать). Мне помогали И.Т. Пархоменко и талантливый техник Ю.С. Мазыра (безвременно ушедший из жизни). Для ознакомления с этой разработкой Сергей Алексеевич присылал своего аспиранта из Москвы. Но интерес Сергея Алексеевича к этой разработке обусловился еще, по-видимому, тогда уже возникшим у него намерением создания специализированной ЭВМ для решения систем линейных алгебраических уравнений методом итерации, главной идеей в построении которой было бы совмещение во времени ввода данных в вычислительное устройство с их переработкой в нем. Эта идея, по сути, предвосхитила структуру будущих специальных процессоров, выполняющих матрично-векторные операции, включаемые в состав сверхбыстродействующих ЭВМ. Он рассказал о ней разработчикам, когда у него вся машина уже была в голове. Выполненные мной, по его заданию разработки удачно "вписывались" в машину. Это, конечно, лишь мое предположение, основанное на том, что разработанное последовательное АУ вошло в структуру "СЭСМ" буквально как "бильярдный шар в лузу".

Разработка собственно "СЭСМ" началась, когда Сергей Алексеевич бывал в Киеве уже лишь наездами, но он консультировал разработку и, где-то, кажется, в 1954 году я с математиком Ю.В. Благовещенским летом ездил за консультацией в Москву, где С.А. принимал нас на своей даче, а сама консультация состоялась во время прогулки на лодке: я расспрашивал, а Юрий Владимирович - греб. Затем Алиса Григорьевна угостила нас вкуснейшим обедом... И все же мне обидно, что Сергей Алексеевич машину "СЭСМ" своей не считал. Он даже как-то сказал мне в упрек:

- Мы делали "МЭСМ" быстрее. Действительно, универсальная машина "МЭСМ" была сделана за 3 года (1948-1951), а создание "СЭСМ", в определенном смысле гораздо более простой машины, потребовало времени на год больше. Правда, было уже другое время, и сохранить те же невероятные темпы и режим работы, как при создании "МЭСМ", оказалось просто невозможной задачей. Да и к тому же у меня появились новые научные интересы (но об этом позже). А то обстоятельство, что С.А., говоря о своих разработках, "СЭСМ" не упоминал, это вполне характерно для него: он считал своими разработками только те, в которых помимо вышесказанных идей был вложен его собственный, причем, немалый труд. Вот таков был Сергей Алексеевич. Тем не менее "СЭСМ" он оценивал довольно высоко, причем и в официальном отзыве. Характерно также его пожелание, чтобы разработку "СЭСМ" возглавил я, о чем он прямо заявил своему заместителю Л.Н. Дашевскому: пусть,

мол, делает сам. Он старался привить мне инициативу и самостоятельность, и воспоминание о его заботе обо мне, своем ученике, меня и сейчас трогает до глубины души. Когда машина была уже готова, он послал своих учеников ознакомиться с ее конструкцией и работой.

В "СЭСМ" был применен целый ряд компонент - новинок для того времени. Так, элементная структура "СЭСМ" содержала исключительно феррит-диодные вентили, диоды были германиевыми, регистры арифметического устройства были динамическими, выполненными на магнитном барабане в виде специальных его дорожек, снабженных двойными (записывающе-считывающими) магнитными головками, десятично-двоичные и обратные преобразования кодов происходили во время их ввода и вывода, обработка информации выполнялась в сменных мелкоблочных конструктивах, пульт содержал средства контроля работы машины и локализации неисправностей, были введены режимы подсчета функций корреляции и выполнения итераций (не только по Зайделю). Причем, осуществление машиной тех или иных функций не программировалось, а устанавливалось переключателем режимов на пульте, управление вычислениями осуществлялось пользователями без кодового программирования. Таким образом, "СЭСМ", будучи второй, созданной в УССР машиной, относилась как бы к "полуторному поколению". Она эксплуатировалась заказчиками для решения целого ряда задач и вошла вместе с "МЭСМ" в состав основного оборудования учрежденного ВЦ АН УССР, а затем была передана для учебных целей в радиотехнический техникум.

"СЭСМ" сыграла определенную роль в установлении международного престижа отечественных разработок. Поскольку она не была засекречена и ее всем показывали, то сведения о машине, не знаю, каким образом, просочились в США, и в "Datamation" была опубликована заметка, в которой очень положительно отзывались о "СЭСМ", главным образом о ее конструктивных и схемных достоинствах. Действительно, ламп в нем было примерно в 10 раз меньше, чем в "МЭСМ" (безламповые вентили, динамические регистры на магнитном барабане и т.д.). Но должен сказать, что особо высокой надежностью на то время машина не отличалась и мне приходилось тратить много времени на обеспечение ее эксплуатации. В.С. Михалевич (следующий за В.М. Глушковым директор Института кибернетики) по этому поводу даже сочинил дружеский шарж - естественно, с большим перехлестом не в мою пользу:

СЭСМ создал Зиновий Львович,
Он был мудрый Рабинович.
Но вложив в нее весь пыл,
О надежности забыл

СЭСМ - хитрая машина,
Ей не нужно керосина,
Ей не нужно никого,
Кроме Зюни самого.

Вот такие были ламповые машины, теперь этих проблем нет.

Поскольку "СЭСМ" содержала также ряд прогрессивных решений, по инициативе В.М. Глушкова была написана монография, редактором книги был он сам. Книга была переиздана на английском языке в США, оказавшись одной из первых (если не первой) переведенных и изданных там отечественных публикаций. Таким образом, создание "СЭСМ" помимо ее практического использования получило также и довольно широкий научный резонанс.

Может быть, о создании "СЭСМ" я рассказал с излишней подробностью, но если откровенно, то только после этого свершения я в полной мере самоутвердился как специалист высокого класса в области цифровой вычислительной техники, и это обстоятельство, конечно, сильно повлияло на мою дальнейшую научную деятельность.

Эта деятельность началась еще до полного завершения работы по созданию "СЭСМ" и, естественно, несколько отвлекала меня от основной работы. Относясь к себе критически, могу лишь заметить, что у меня научные интересы всегда превалировали над прагматической целеустремленностью, что, конечно, не могло не повлиять в негативном плане на практические результаты моей научной деятельности.

Новый научный интерес у меня был возбужден инициативой Б.В. Гнеденко – в то время (после окончательного ухода С.А. Лебедева) заведующего нашей лабораторией, переведенной в Институт математики АН УССР, директором которого он и был. Идея была его реакцией на обращение КВИАВУ с предложением провести поисковую разработку цифровой системы обнаружения целей по радиолокационным данным. Эта инициатива была подхвачена Б.Н. Малиновским и мной, и такое исследование было начато. Оно получило интенсивное развитие, благодаря представившемуся случаю. По поводу этой разработки я был в Министерстве обороны (МО) и там случайно встретил одного подполковника одновременно со мной закончившего КПИ, но радиофизический факультет, который во время этой нашей встречи возглавлял отдел НИО-5 министерства. Мы обсудили возможности совместной исследовательской работы, в которой НИО был бы заказчиком, а мы исполнителями по хоздоговору. Такая работа была организована, ее научным руководителем недолгое время был Б.В. Гнеденко, а затем В.М. Глушков. Работа с консультативным участием в ней КВИАВУ была весьма интенсивно развернута по двум направлениям - первичной обработки радиолокационной информации и автозахвата цели и ее сопровождения, что выливалось в построение двух видов специализированных средств, ответственными исполнителями по которым мы с Б.Н. Малиновским и оказались. Отдел НИО-5 оказывал существенную поддержку эти работам своими специалистами, которые в шутку назывались "малинятами" и "рабинятами". Помимо общего руководства В.М. Глушков внес большой творческий вклад в проектируемые системы, лично занимаясь их алгоритмическим обеспечением. Основные положения разрабатываемых систем были доложены и одобрены на научно-техническом совете МО, на котором председательствовал генерал Бонч-Бруевич (доклад поручили сделать мне). Затем эти работы были доведены до уровня аванпроектов (что и требовалось по хоздоговору) и научно-технические отчеты были переданы заказчику – ведомственному НИИ, где они использовались уже в практических конструкторских разработках. По этим работам имелся и научный выход в виде закрытых публикаций, которые получили определенный резонанс. По крайней мере, роль Института кибернетики и лично В.М. Глушкова в работах для ПВО и ПРО признавалась и не раз упоминалась. Эти работы ознаменовали новую эру в кибернетических исследованиях в нашем институте, в Украине в целом и в значительной степени во всем Союзе. Моему участию в этой эре я и посвящаю дальнейший материал своих автобиографических воспоминаний.

Приход В.М. Глушкова прежде всего ознаменовал крутой поворот в сторону теоретических проблем цифровой вычислительной техники, без ослабления, естественно, практических разработок. Из этих проблем главное внимание уделялось проектированию ЭВМ с привлечением и развитием теории автоматов. Должен сказать, что на мои научные устремления сильно отразилось влияние Виктора Михайловича, курс лекций которого для сотрудников лаборатории я прослушал с большим интересом и удовольствием. И вот, от практических разработок, которые поручались мне руководством, я созрел на проведение самостоятельных научных исследований, в конкретной области - собственно теории ЭВМ (Computer Science), которая хотя и возникала уже в то время, но как-то фрагментарно. В.М. в своем отделе выделил мне неструктурную лабораторию в основном из сотрудников, ранее со мной работавших, которая затем была развита в отдел теории ЭВМ, работы которого всегда были в кругу интересов В.М., а некоторые из них - и под его научным руководством.

Нами вместе было дано формальное определение предмета теории ЭВМ, вошедшее в Энциклопедию кибернетики. Как впоследствии стало ясно, оно соответствовало по меньшей мере двум отдельным дисциплинам из комплекса "Computer Science". Начав заниматься

теорией ЭВМ, я прежде всего ввел формальные понятия иерархического процесса переработки информации в ЭВМ, взаимодействия между его уровнями, распределенными на три группы - элементная структура, алгоритмическая структура и архитектура ЭВМ.

Итак, в соответствии с иерархией процесса переработки информации в ЭВМ направленность теоретических исследований характеризовалась продвижением снизу вверх, т.е. от элементных структур к алгоритмическим структурам и архитектурам. Таким образом удалось провести классификацию типов элементных структур (в соответствии с физическим представлением информационных сигналов), выделить основные типы операций над цифрами и элементарных операций над словами и рассмотреть компоненты для выполнения этих операций в выделенных типовых элементных структурах. В обобщенном виде полученные результаты были отражены в монографиях "Элементарные операции в вычислительных машинах" и "Основы теории элементных структур ЭВМ". Первая из них, по моему представлению, получила весьма широкое признание в высших учебных заведениях (гражданских, военных, в том числе и курсах повышения квалификации), где считалась "настольной книгой преподавателя". Эта книга была популярной и за рубежом. Характерным ее методологическим новшеством было представление типовых структурных компонентов в виде абстрактных блок-схем (по аналогии с абстрактными автоматами) и в виде алгебраических выражений. Многие из приведенных в этой книге блоков оказались еще неизвестными или впервые опубликованными, о чем свидетельствует как-то отпущенная мне реплика в Комитете по изобретениям, что эта книга стала основой для более чем 50 отказов на заявки на изобретения (за подлинность этого факта, конечно, поручиться не могу).

Вторая из упомянутых книг, вышедшая уже в Москве 15-ю годами позже, представляла собой ее обновленное издание, дополненное новыми разделами - об использовании многозначного структурного алфавита, о классификации и структуре типовых управляющих автоматов, временных переключательных функциях и др.

Таким образом, указанные две монографии отображали структурный процесс переработки информации в ЭВМ на его двух нижних уровнях - операций над цифрами как единицами структурного алфавита, и типовых элементарных операций над словами, как упорядоченными множествами этих единиц.

Ряд результатов был систематизирован и обобщен в монографии, написанной совместно с В.Раманаускасом, в прошлом моим аспирантом. Эта монография также получила широкий резонанс. Основной ее материал относился к алгоритмической структуре ЭВМ.

Дать достаточно подробный материал по архитектурам ЭВМ, и процессам переработки информации в них, мне, честно говоря, не удалось, к тому же за рубежом уже появились основательные публикации с классификацией и исследованием архитектур, и мне не хотелось повторять уже написанное. Да и мои интересы устремились от исследований уже достигнутого в направлении повышения машинного интеллекта ЭВМ - понятия, формально введенного несколько позже В.М. Глушковым и мной и ставшего энциклопедическим, характеризующего, по выражению Л.Н. Королева, математические способности машин, сугубо значимые для эффективности их использования, в особенности в режиме интерактивного взаимодействия человека с машиной. Такое, в значительной степени оригинальное развитие ЭВМ было немыслимо без проведения экспериментальных разработок, что, конечно, подогревало интерес.

Стержнем указанного развития ЭВМ явилось повышение уровня ее внутреннего языка вплоть до представления рабочих (исполняемых) программ, как машинно-независимых и подобных исходным программам пользователей, записанных на входном алгоритмическом языке. При этом внутренний язык, конечно, оказывался многоуровневым, нижний его уровень уже соответствовал физическому оборудованию машины. Такой внутренний язык, по определению, уже являлся языком высокого уровня (ЯВУ) и поэтому машины, им обладающие, получили название ЭВМ со структурной интерпретацией ЯВУ. Подобные работы уже возникали за рубежом, но нам они стали известны несколько позднее.

Первая наша заявка на высокопроизводительную машину, основанную именно на этом принципе, была сделана в 1962 г. (авторы: В. Глушков, З. Рабинович, С. Михновский, А. Стогний, В. Гладун, В. Шеманский), но авторское свидетельство с этим же приоритетом было выдано только в 1968 году, когда уже стало известно о появлении таких машин за рубежом. Дело в том, что данный путь развития архитектур прошел через горнило споров, подчас даже ожесточенных. Противниками были, как правило, математики-виртуозы, уверовавшие во всемогущество внешнего МО и игнорировавшие поэтому "языковое" развитие архитектур ЭВМ. Именно из среды московских математиков были выбраны рецензенты на нашу заявку, которые ее и провалили. Но мы продолжали работы, хотя даже Виктор Михайлович выражал сомнение в их целесообразности, поскольку, как он выразился, "обнадеживающий результат у нас есть, так вряд ли стоит преодолевать сопротивление математиков". Однако, были и другие математики, и по требованию В.М. заявка была передана на экспертный совет, который после получения положительного отзыва от лидера общественных программистов А.П. Ершова (из Новосибирска), рецензента и члена экспертного совета, а также после моего доклада на этом совете отменил предыдущее решение комитета. В результате нам все-таки было выдано закрытое авторское свидетельство (1968 г.).

Я до сих пор ощущаю удовлетворение от стойкости своей позиции в связи с этой победой. Нужно отдать должное В.М. - он всегда считался с научными позициями заведующих отделами и не ограничивал их инициативы, а в ряде случаев активно их поддерживал, несмотря на имевшиеся у него сомнения в целесообразности научной "войны" с несогласными. Но без признания полезности этих работ мы просто не могли бы их продолжить. Уже после получения первого отказа по заявке по инициативе нашего института было созвано специальное совещание в Ужгороде (1968 г.), на которое Виктором Михайловичем были приглашены С.А.Лебедев и М.К. Сулим - в то время начальник главка вычислительной техники МРП. После наших обстоятельных докладов применение внутреннего ЯВУ в малых машинах было целиком одобрено, а также было высказано мнение о необходимости дальнейших исследований целесообразности данного направления в отношении больших машин. Принцип структурной интерпретации ЯВУ блестяще себя проявил в малых микропрограммных машинах серии МИР, реализующих специально созданный для нее язык, ориентированный на аналитические расчеты (в конкретной разработке этих машин я не участвовал). Мой же отдел продолжал разработку универсальной высокопроизводительной ЭВМ, названной "Украина", с внутренним алголоподобным языком, и дополнительными средствами для автоматической организации в ней вычислительного процесса. Считаю долгом отметить выдающуюся роль в этой разработке С.Д. Михновского (безвременно ушедшего из жизни). Технический проект "Украина" подвергся изучению и тщательному обсуждению на НТС МРП (доклад Виктор Михайлович поручил сделать мне как главному конструктору) и после довольно бурных дебатов (в которых главным оппонентом был сам С.А. Лебедев) был единодушно одобрен. Однако машина не была построена, хотя основные решения в ней были проверены на макетах, моделях, а также расчетным путем. Но весьма положительную роль эта разработка, безусловно, сыграла - принцип структурной интерпретации ЯВУ не только в малых, но и в высокопроизводительных машинах восторжествовал и был подхвачен в ряде высокоавторитетных организаций, из которых особенно показателен ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева, применивший его в качестве одного из двух основных фундаментальных принципов построения "Эльбруса", первой отечественной супер-ЭВМ, получившей весьма положительные отзывы за рубежом. В монографии, посвященной "Эльбрусу" об этом прямо сказано со ссылками на "МИР", проект "Украины" и лично на В.М. Глушкова. Таким образом, благодаря указанным разработкам была изменена сама стратегия в области создания ЭВМ, а указанный принцип приближения их к пользователям уже не подвергался сомнению, а всячески развивался. Я вспоминаю, что даже Сергей Алексеевич, наш главный

оппонент, советовал построить машину, хотя бы в макетном варианте, использовав ЭВМ "Урал", пристроив к нему соответствующее управление.

Вызывает удовлетворение тот солидный теоретический багаж, который был накоплен нами в результате этой разработки. Помимо публикаций и диссертаций он получил весомое отражение в монографии "Вычислительные машины с развитыми системами интерпретации", вышедшей под редакцией В.М. Глушкова в 1970 году, в которой он принял и личное творческое участие, написав две главы, посвященные автоматизации проектирования. Организатором книги пришлось быть мне, равно как и автором определяющей предмет книги первой главы. Книга стала подлинной новинкой, получила весьма широкие отклики, использовалась в вузах и также стала настольной книгой преподавателей. Собственно в этой книге и был отражен ряд важнейших теоретических положений, относящихся к верхним уровням алгоритмической структуры машины, к ее архитектуре. Таким образом, книга в значительной степени заполнила определенную нишу в построении основ теории ЭВМ.

Завершением излагаемого этапа моей научной деятельности была защита совокупности работ на получение ученой степени доктора технических наук. Это случилось еще до выхода указанной книги, не включенной в эту совокупность, а именно весной 1969 г., когда мне было уже 50 лет. Именно разработку принципа структурной интерпретации ЯВУ, как и связанные с ними предложения новых архитектур ЭВМ, выделил в отзыве головной организации по работе (ИТМ и ВТ) С.А. Лебедев как наиболее значительное достижение в представленном цикле работ. Особо подчеркиваю это потому, что Сергею Алексеевичу иногда приписывалось отрицательное отношение к данному "языковому" развитию архитектур. Мне приятно, что оппонентами по моему докторскому циклу были выдающиеся ученые А.А. Ляпунов, Т.Т. Артамонов и Г.Е. Пухов. Рецензии и отзывы (в числе 47) были исключительно положительными и, может быть, благодаря этому, несмотря на далеко не единодушные результаты голосования, мне была присуждена ученая степень в ВАК чуть ли не через две недели после получения ими документов, т.е. без дополнительного рецензирования. Мне приятно отметить, что работы по архитектурам ЭВМ в представленном цикле высоко оценивал В.М. Глушков, как-то сказавший мне на заре их развития после одного из семинаров, что наконец я занялся настоящим делом (это было сказано с шутливым преувеличением). Думаю, что в основном за труды в области развития архитектур ЭВМ я был представлен к получению премии им. С.А. Лебедева АН УССР совместно с Б.Н. Малиновским и В.А. Мельниковым (ИТМ и ВТ) в 1970 г.

Одним из основных результатов научных работ на данном этапе (1957–1970 гг.), безусловно, можно считать участие в создании Энциклопедии кибернетики, для которой был написан ряд статей по теории ЭВМ. За эту работу я был удостоен Государственной премии УССР в числе 10 основных авторов энциклопедии.

Новый этап характеризовался тем, что благодаря весьма известным, достигнутым на предыдущем этапе результатам, нас стали привлекать к крупным союзным разработкам, закрытым и открытым, проводимым по высоким правительственным постановлениям. Назову здесь разработку многопроцессорного вычислительного комплекса, реализующего язык высокого уровня. Головной организацией в этой разработке было одно из предприятий МЭП. Несмотря на признание достоинств работы, она не нашла дальнейшего развития, поскольку в то время оказалась более продвинутой разработка многопроцессорного вычислительного комплекса "Эльбрус", а создание двух таких супер-ЭВМ представлялось весьма обременительной затеей даже в масштабах страны. Тем не менее, мы были вовлечены в сферу разработки "Эльбрус", именно благодаря полученным ранее результатам, которые были одобрены целиком и безоговорочно. Действительно, через очень короткое время нам было предложено разработать коллективный интеллектуальный терминал (КИТ) для "Эльбруса", который функционально соответствовал процессору коллективного пользования в предыдущей разработке. КИТ был разработан как оригинальная, по крайней мере, у нас в Союзе микропрограммируемая многоязычная ЭВМ (подобная машине БЭРОУЗ). Разработка

была доведена до опытного образца, изготовленного с участием серийных заводов и принятого межведомственной комиссией.

Я назвал здесь только некоторые из прикладных разработок, в области создания ЭВМ. Как и на предыдущем этапе, все они сопровождались научным поиском и теоретическими исследованиями, имеющими самостоятельное значение. В отличие от предыдущей направленности главное внимание при этом было заострено на системах с распределенной обработкой информации, не оставляя без внимания интеллектуальный уровень таких систем, обеспечивающий эффективность взаимодействия с ними пользователя.

Особо важной работой в этом направлении считаю статью, написанную совместно с В.Глушковым и С.Погребинским, в которой собственно был сделан первый шаг к созданию макроконвейерного вычислительного комплекса.

Следующий этап моей научной деятельности я исчисляю с 1987 года по сей день, когда я по возрастной причине освободился от заведования отделом (с тех пор возглавляет его мой ученик и соратник В.Н. Коваль, расширивший тематику отдела, в котором я продолжаю работать уже в качестве главного научного сотрудника по контракту).

Естественно, мое новое положение в отделе определило изменение стиля моей работы. Она стала исключительно индивидуальной в том смысле, что я уже никем не руковожу и во всем, что делаю, руководствуюсь в основном собственной инициативой. Это, однако, не означает, что моя работа обособлена от общей тематики. Напротив, я внес в нее свежие предложения, относящиеся как к области собственно вычислительной техники, так и к научно-познавательному направлению искусственного интеллекта. Прежде всего скажу о вычислительной технике. Объективный ход ее мирового развития и потребностей в ней подсказывал целесообразность и перспективность взаимного повышения производительности и интеллектуальности ЭВМ прежде всего за счет реализации в машине внутреннего языка высокого уровня, развитых средств работы со знаниями и динамического автоматического управления вычислительным процессом. Машина по замыслу должна быть широко универсальной в смысле эффективного решения как традиционных вычислительных задач, так и обработки сложных структур данных.

Этим собственно и завершается изложение моей творческой деятельности в области вычислительной техники.

Сейчас же мне хочется рассказать о научной деятельности, имеющей лишь косвенное отношение к компьютеростроению. Она представляет скорее собой hobby, а её направление можно обозначить, как кибернетическое, научно-познавательное, относящееся к сфере человеческого мышления. Я задумался над тем, как же работает мозг. При этом меня интересовали именно структурные механизмы и процессы мышления, главным образом творческого. Что такое процесс творческого мышления с точки зрения переработки информации и возможности ее формализации? Я представил доклад на эту тему на мировой конгресс по кибернетике в Лондоне. Доклад был принят и, как ни странно, я был выпущен в составе туристской группы на этот конгресс. Возможно, мне помог в этом отношении Виктор Михайлович, доклад которого на тему автоматизации дедуктивных построений был также представлен и доложен там А. Летичевским - поскольку сам Виктор Михайлович поехать не смог. По-видимому, на допуск меня "туда" повлияло то обстоятельство, что из туристической группы был представлен, кажется, только один мой доклад (а в группе было приблизительно 30 человек). Доклад был сделан и даже вызвал определенный интерес. Позже я был приглашен повторить его на конференции по философским проблемам кибернетики. Более того, Виктору Михайловичу и мне было предложено участвовать в числе соавторов философской коллективной монографии "Управление, информация, интеллект" под редакцией А.И. Берга и др. Книга вышла в издательстве "Мысль".

От рассуждений в отношении творческих процессов я перешел к осмыслению природы мышления вообще. Результат этого осмысления был доложен впервые на одном из престижных симпозиумов, перед которым я очень волновался: на нем присутствовали корифеи нейрофизиологии и искусственного интеллекта. Время мне было дано

неограниченное и результат доклада был просто поразительным. В отзывах, наиболее для меня ценных, корифеи нейрофизиологии приняли мои гипотезы как новый подход к исследованию механизмов и процессов мышления - проникновению в них сверху вниз: от функции к нейронным структурам, как первая модель озарения в творческом процессе (мое объяснение озарения было даже названо знаменитым нейрофизиологом "первым полезным для нейрофизиологии словом кибернетика"), как правдоподобная гипотеза, могущая претендовать на истину. И лишь тогда я собственно понял - в чем же причина столь, по правде сказать, даже неожиданно блистательных отзывов. Как оказалось, я заполнял брешь, разрыв между построениями психологов на уровне психических функций мозга и нейрофизиологов - на уровне химических реакций в мозге в процессах выполнения этих функций, т.е. строил мост от функций к возбуждению нейронов. Первая капитальная статья по мотивам этого доклада была опубликована в журнале "Кибернетика" в 1979 г. и она привлекла внимание не только нейрофизиологов и кибернетиков, но и психологов, была включена в перечень рекомендуемой литературы по психологии, и я получил приглашение сделать пленарный доклад на Всесоюзном (а может, даже международном?) съезде психологов.

В Институте нейрокибернетики, носящем сейчас имя А.Б.Когана, его организатора, по его инициативе была поставлена экспериментальная работа, подтвердившая исходную гипотезу о мышлении как процессе, происходящем непосредственно в среде памяти. Это было в начале 80-х годов. Сейчас уже многое из того, что я тогда утверждал, является просто тривиальным - появилось множество публикаций по этим вопросам, причем не только за рубежом, но и у нас. Но познание мозга бесконечно. И я после длительного, примерно 10-летнего перерыва, когда был чрезвычайно занят основной работой, вновь вернулся к исследованиям по познанию мозга, причем в свете возможного использования результатов в сфере искусственного интеллекта, назвав свой подход системно-бионическим. У меня образовалось плодотворное сотрудничество с нейрофизиологом из МГУ д.б.н. Г.С.Воронковым, исходные позиции которого в объяснении механизмов мыслительных функций мозга оказались близкими к моим. У нас есть публикаций, в которых излагаются гипотезы в отношении природы подсознания, сознания и интуиции и взаимоотношений между процессами в них, взаимодействия сенсорной и языковой нейросистем, а также общих процессов восприятия, опознания, осмысления образов и др. Упомянул о последнем как все более приобретающем актуальность в нынешней тематике Кибернетического центра. В связи с концептуальным моделированием механизмов мышления и связанных с ним перспективами развития машинного интеллекта не могу не упомянуть свою статью в ж. "Кибернетика и системный анализ" (№3, 1999 г.) "О механизмах мышления и интеллектуальных ЭВМ".

В заключение лишь скажу, что мне чрезвычайно досадно, что я вовремя не использовал свой творческий потенциал в сфере познания мозга. К тому же недавно получил очень заманчивое предложение о публикациях материалов по высказанным гипотезам в престижном нейрофизиологическом журнале. Но это замечание, как говорится, "вдогонку". Надеюсь, что-нибудь еще смогу сделать в этой интересной и, думаю, технически полезной области.

Другую часть моей hobby-тематики, составляют исторические труды. Первый из них посвящен истории развития отечественной вычислительной техники. Небезынтересно само происхождение этой работы. Ко мне обратился президент английской фирмы Richard William's and Partners, приехавший для этого в Киев, чтобы я выступил с таким докладом на конференции The World computer pioneer conference, которую его фирма организовала в 1970 г. Я лишь только могу догадываться, почему именно я был приглашен сделать такой доклад на столь солидной конференции, где от каждой обладающей разработками вычислительной техники страны было приглашено лишь по одному докладчику. Вильяме в Киев приехал уже из Москвы, и я предполагаю, что именно в Москве ему посоветовали обратиться ко мне - участнику создания МЭСМ, первой отечественной ЭВМ, представителю

двух главных школ отечественной цифровой вычислительной техники - С.А.Лебедева и В.М.Глушкова. Мой доклад был завизирован обоими замечательными учеными (получившими, к сожалению, уже посмертно почетные звания пионеров вычислительной техники), отправлен на конференцию и опубликован в ее сборнике Computers and their future. Сборник биографий докладчиков был издан отдельно. На конференцию я, естественно... не попал, хотя полученное приглашение позволяло приехать с женой и с переводчиком, с полной оплатой (в том числе отдельно доклада) и с предупреждением о предполагаемом приеме у "высочайшей особы". Отговорка обычная - засекреченность. Доклад был прочитан Всеволодом Сергеевичем Бурцевым и вызвал большое оживление. Обидно, конечно же, но это у меня не первая и не последняя обида. Подобных случаев у меня было несколько, равно как и приглашения в США в качестве члена оргкомитета с полной оплатой всей поездки даже не стали оформлять. Но особенно было обидно в случае, когда меня при благоприятном отношении отдела зарубежных связей АН УССР полностью оформили для поездки на конференцию в Японию, официально вызвали в Москву, послали на собеседование в ЦК, но билет на самолет не дали по той причине, что якобы посольство Японии не дало визы. Возможно, так оно и было - не знаю... Нахлынули воспоминания, и я отвлекся.

После работы по истории отечественной вычислительной техники были опубликованы короткие статьи в Энциклопедии кибернетики, а также сделаны доклады на юбилейных конференциях. Свое выступление на форуме, посвященном 100-летию со дня рождения Сергея Алексеевича Лебедева, я переживаю еще и сейчас.

Вместе с Б.Н.Малиновским я был также вовлечен в коллектив авторов монографии Computing in Russia, изданной в Германии в 2001 г., в которой были помещены две моих главы: короткая - о СЭСМ, с участием издателя, и большая - об истории развития интеллектуального направления ЭВМ в СССР и Украине.

Наконец последнее, о чем я хочу рассказать, - о работе в области подготовки специалистов. Был я в числе преподавателей еще на первом семинаре по вычислительной технике и программированию. Затем прочел в КВИРТУ спецкурс лекций по операциям в ЭВМ, затем поставил и 6 или 7 лет подряд читал большой курс лекций по ЭВМ в КГУ на радиофизическом факультете (это был, кажется, первый курс в гражданских вузах Киева). Читал повременно и ушел из-за "насыщения" преподавательской работой и отказа ректората в переводе с повременной на штатную зарплату. Читал также краткие курсы лекций по развитию ЭВМ для студентов и преподавателей Одесского и Фрунзенского университетов.

Но главным в данном роде деятельности считаю руководство подготовкой кандидатских диссертаций. Их оказалось 43 - подготовленных и защищенных, из коих 3 - на ученую степень к.ф.м.н., 1 - к.б.н. (здесь потребовался второй руководитель), остальные - к.т.н. Из этих кандидатов 11 стали впоследствии докторами наук, известными в мире учеными.

Большое значение в подготовке специалистов я уделял также оппонированию, всегда старался кроме критики дать также и советы по дальнейшему развитию исследований. А оппонировал я, насколько помню, 6 кандидатских и 14 докторских диссертаций в разных краях СНГ.

Вот, пожалуй, и все. Высказался и чувствую облегчение.

85-летний юбилей - это событие, все согласятся. Зиновий Львович "прошел сквозь него" достойно: без излишнего пафоса, с достоинством и чувством юмора. Не в этой ли гармонии главный секрет личности юбиляра? На "нашем" круглом столе З.Л. - единственный "одотворец", посвящающий юбилярам (по традиции клуб празднует лишь 80-летние юбилеи) свои, отмеченные авторским вдохновением творения. Их было много. Не отходя от стиля (и лишь слегка от традиций), желаю ему многие лета сим скромным, но от души скроенным виршем.

Непредсказуем жизни путь –
Летят, бегут года...
И, может, вспомним как-нибудь
Кто мы, бредем куда?

На тихой пристани, устав,
О детстве погрустим:
Воспоминанья неспроста
Мы в памяти храним.

В них опыт сердца, соль земли,
И тайны бытия.
По ним учиться б мы могли,
Как в школе, ты и я.

Мечты заветной пьедестал
Оценен, наконец:
О чем мечтал, кем в жизни стал,
Чему учил отец?

Туманных слов банальный строй
Невыносим с утра.
Так кто же главный наш герой?
Его назвать пора!

В чью честь сей званый юбилей
Мы сели отмечать?
Бокал шампанского налей,
И впрямь - пора назвать.

Гигант компьютерных наук,
Бионик и поэт...
Широк его дерзаний круг –
Пожалуй, равных нет.

Что там "пожалуй" - точно нет:
Гармония Творца.
В нем всеобъемлющий букет
И мужа, и отца,

Учителя и мудреца,
Гуру великих дел,
Но если правду, до конца –
Не в том его удел.

За светлу истину в борьбе
Ему подобных нет...
Все дело в том, что он – поэт
По духу и судьбе.

Романтик яркий, озорной,
Как рыцарь жизнь прожил.

Любимец женщин, не одной
Он голову вскружил.

Он Человек - здесь шляпы ниц...
С любовью запиши:
У обаянья нет границ –
Диапазон души!

Что в заключенье пожелать
Словами мудреца:
Зиновий Львович! Так держать!
Всегда и до конца!

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ, ИЛИ МЫСЛИ ВСЛУХ

В чудное время мы с вами живем, господа. Сегодня никого ничем не удивишь, все ко всему привыкли и прямо-таки по-христиански не строят никаких планов на будущее и совсем не потому, что стали истинно верующими и живут одним данным Богом днём, а просто - это строительство, в сущности, бессмысленно и трагически смешно.

Когда нас переехал бульдозер перестройки и мы оказались помещенными в неведомый строй с прямо противоположным и по отношению к старому укладом жизни, нравственными ценностями и установками, мы просто, как дети, запутались в обыкновенном различении добра и зла. Казалось бы, что может быть проще? Но это только на первый взгляд, а если копнуть поглубже, то на деле всё не так уж просто. Действительно, взглянем на вещи беспристрастно. Считается, что главное достижение в результате содеянного - обретение свободы и независимости. Скажите, а во имя чего совершали великую революцию наши деды и прадеды? Во имя той же свободы. Но ни тогда, ни теперь истинной свободы нет, точнее, она, как понятие, вообще-то существует, а как реальная действительность отсутствует.

Вспомним 80 с лишком прошедших лет прошлого столетия: равенство было достигнуто своеобразным путем, не так ли? Всех подравняли под рост самых маленьких, при этом кому-то пришлось расстаться с головой насовсем. Подумаешь, велика ль печаль... Зато какова центральная идея! Гениальна, уж это точно!.. Кстати, не очень великий по философским меркам, но достаточно прозрачный утилитарный вывод: никакие самые светлые и прекрасные идеи нельзя прямолинейно претворять в реальную жизнь. Идеи следует использовать как эталоны измерения в палате мер и весов. При этом, чем идея чище и гениальнее, тем она опаснее потому, что притягивает к себе больше человеческих умов и энергий, невольно, однако, порождая своего антипода. Отсюда: идеи добра и зла находятся в неразрывном единстве и взаимно дополняют друг друга. Особенно опасно, когда заранее, так сказать, не "вычислен" антипод исходной благородной идеи и не прослежены все пути развития последнего. Кто бы мог подумать, что идея свободы образца 17-го года приведет к ГУЛАГам образца 37-го? Каких-нибудь жалких двадцать лет хватило, чтобы ей перерасти в полную свою противоположность.

В свое время движение за несомненные ценности христианской морали превратилось в великие крестовые походы.

Сегодня нет лагерей, болтай, что только тебе вздумается, и это факт, но свобода ли это? Если хотите, это - физиологическое свойство нашего языка и не более. Разве может быть свободным человек без экономической основы? Мы - нищие, свободные от денег, и, кажется, надолго. Мы - это большинство нашего общества. Немногие обеспеченные, действительно, свободны и борются за эту свободу зубами, создавая партии и движения, ища место в рядах парламента либо создавая лобби в государственных структурах, кстати, точно так же, как и строители светлого будущего в той, прошлой нашей жизни. А вообще-то

рассуждения на общие темы, что называется, о жизни, обобщения, с нею связанные, - прерогатива старости. В молодости всегда смешно было слушать банальные, на наш взгляд, знаменитые перлы общечеловеческой мудрости типа: "Жизнь прожить - не поле перейти", "Главное - это здоровье" и т.п. Однако заметим, что в этих поговорках важен не столько смысл сказанного, сколько сама личность произносящего их, его душевное состояние. Ну, вы скажите, можно ли быть одновременно молодым, здоровым, красивым, умным, богатым и счастливым? А счастье? Является ли оно интегральным результатом всех предыдущих перечисленных выше компонентов?

А, может быть, это врождённое чувство, не зависящее ни от каких жизненных обстоятельств? Ведь сколько молодых, здоровых, красивых и богатых (не скажу при этом умных), обречены несчастною судьбой или просто не научились радоваться жизни!

Человек должен быть счастлив от Природы, просто-таки обязан и никак иначе. Если нет - ищите причину в себе. В конце концов, пересмотрите свои жизненные установки, вылечитесь, прежде всего, от бытового пессимизма. Первое эффективное лекарство весьма простое: старайтесь побольше делать людям добра и приглушите врожденное чувство зависти. Второе средство освоить посложнее: нужно внимательно прочесть Нагорную проповедь и честно признаться себе в том, насколько далеки мы были в прожитой жизни от заповедей, за которые Христос заплатил своей жизнью. Третье: порадуйся тому, что встал утром и у тебя впереди удивительный и прекрасный день твоей жизни, прожить который - великое искусство и счастье, независимо от того, как он пройдет и чем закончится. Счастье уже только потому, что это неповторимый день твоей жизни.

"Какая банальность!" - скажете вы. Но ведь любая истина строится из совокупности маленьких банальностей, которые в дедуктивных научных теориях называются аксиомами. Важно их четко усвоить и умело применять на практике. Однако все мы, как сказал бы Шура Балаганов, - люди средней ответственности и потому не любим учить аксиомы, а уж тем более их применять на практике. Всё более полагаемся на интуицию и импровизацию. От этого все наши беды. А главное - нам лень что-либо переделывать в жизни, а точнее - в наших привычках. Мы без ума от самих себя и любим даже собственные недостатки, в том числе и свою лень. Не любим, нет мы её бесконечно обожаем.

Чем сложнее жизнь, тем сильнее надежда, но, к сожалению, и бездеятельность. Люди устали бороться за выживание, им хочется просто по-человечески пожить, хоть немного... Не высчитывать до третьего знака остаток зарплаты после покупки килограмма капусты и полутора килограммов картошки, чтобы определить, хватит ли его хотя бы на полкило вишни. Не откладывать несколько месяцев подряд гроши для приобретения пары обуви или вышедшего из строя бачка унитаза. Не трястись за одну гривну, угощая ребенка мороженым, не ломать себе голову, где и за какие "шиши" оздоровить его этим летом. Не смотреть с завистью на толпу нарядных счастливчиков, спешащих без пяти семь на концерт во дворец "Украина" или филармонию. Не терпеть, наконец, справедливые нарекания жены в адрес твоей тощей зарплаты, в ответ на твой необдуманный выпад в её адрес по поводу такого же тощего супа с остатком куриных потрошков, купленных "по случаю" ещё две недели назад. Какое "не" ещё вам не терпится добавить к перечисленным? Ах, вам хватит?! Вы скажите лучше им: "Хватит!" Да-да, тем самым, кто вызвался управлять нами, призывая нас в очередное светлое будущее, правда, предварительно позаботившись о том, чтобы пополнее набить "зелёненькими" и так уже оттопыренные карманы.

Чешутся руки написать справочное руководство приблизительно с таким названием: "100 верных и сравнительно честных рецептов борьбы с нищетой в родном отечестве" (вспомним о четырехстах сравнительно честных способах отъёма денег, предложенных товарищем О. Бендером). Думаю, что такая книжка могла бы молниеносно разойтись миллионными тиражами по доступной нашему нищенствующему обывателю цене и даже стать бестселлером при условии хорошего перевода на иностранные языки, приличной обложки и удачного предисловия какого-нибудь из прославленных бизнесменов или, на худой конец, депутатов парламента.

- А к чему бы, собственно, вдруг зачесались эти руки? - спрашиваю себя Я=Я1.

- Неужели так уж хочется бескорыстно помочь простым людям? - ехидно подсказывает моё второе Я=Я2, - а не обманываешь ли ты себя, дружище, ведь, скорее всего, делаешь всё это ради славы.

- Тогда уж не славы, а истинного признания, - уточняет Я1.

Как много на веку было желающих осчастливить человечество своими идеями, как мало из них тех, кому это удалось. Да, совсем немногим, действительно гениям. Так не привлекательнее ли написать вместо предложенного выше другое справочное руководство, что-то вроде: "100 советов гениймейкера для начинающих гениев" или "Тринадцать "Д".

П.п. 1. Думай чаще.

П.п. 2. Дыши глубже.

П.п. 3. Давай-ка начинай творить великие дела.

П.п. 4. Движенье - это жизнь (с умом).

П.п. 5. Добрый дурак опаснее умного хитреца.

П.п. 6. Делай вид, что...

П.п. 7. Дешёвые детали имиджа.

П.п. 8. Дидактика для дома.

П.п. 9. Деньги делают дураков.

П.п. 10. Дураки делают деньги.

П.п. 11. Джентльмен с двойным дном.

П.п. 12. Дубовый друг не дремлет.

П.п. 13. Дебют для думающих. Да?!

Непредвзятый читатель в состоянии сам сконструировать методику из приведенных метафорических штрихов - образов. У каждого получится своя, отличная от других, но в чём-то они пересекутся. В этом и состоит авторский замысел.

Метафорическое проектирование - термин заимствованный, но весьма конструктивный, ведь именно таким образом можно определить сущность творческого процесса в частности - движение от известного к неизвестному применительно к знаниеориентированной парадигме и не только...

Умственная гимнастика, утренние очистительные упражнения для мозгов, разминка для усталого сознания, стимулирование мыслеблока - дебют для думающих.

Да, всё правильно... Мы нерационально тратим своё время, хотя давно привыкли к принятому порядку вещей. О чём речь? Дело в том, что даже в основе представления, а следовательно, и восприятия текстовой и речевой информации лежит линейный последовательный принцип (кроме иероглифического представления, который можно определить как последовательно-параллельный).

На самом деле, нельзя представить либо воспринять слово, не просканировав его по буквам, затем аналогичным образом слова каждого отдельного предложения, потом то же самое проделав с предложениями и т.д. по всему тексту.

Получается такая многоуровневая пирамида, где на каждом уровне происходят процессы анализа - синтеза информационных элементов. При этом, если процесс анализа сравнительно прост, то процесс синтеза не тривиален, а главное - не однозначен, так как связан с процедурой обобщения, формирования интегрального смысла. В этом, в сущности, и состоит механизм осознания изложенного, т.е. понимания.

"Тема, конечно, интересная", но, думаю, не для всех. Поэтому попробую покороче сформулировать сущность предложения.

Если ограничиться художественными текстами, то их основное назначение (кроме, естественно, познавательного фактора) - эмоциональное воздействие на читателя. Отсюда неспешность описания и разворачивания событий и сцен со всеми подходящими для принятого стиля подробностями. Ведь эмоциональное воздействие - это функция времени, так что чем дольше читаешь, тем больше получаешь удовольствия.

Иное дело, когда речь идет о двух других разновидностях коммуникативного процесса: диалога и работе со знаниями. И в том, и в другом случае главная задача - не получать удовольствие, а побыстрее схватывать смысл на каждом этапе этого процесса. Линейно-последовательные системы современного представления текстовой информации здесь оказываются неэффективными. Нужно искать компактные и многомерные способы представления, использующие определенные системы ментальных образов, когнитивных приёмов и модальных конструкций. Не думаю, что этот путь так уж лёгок и прозрачен, скорее наоборот, но определённая перспектива, несомненно, просматривается, с использованием такой, уже упомянутой в первой главе лингвистической конструкции, как языковая картина мира.

Во куда опять нас занесло... Пора отсюда потихоньку выгребать на середину течения и плыть дальше. Бойтесь умников! Но всё-таки заметили, что даже простая попытка изящно пошутить может привести к серьезным проблемам? Откуда они только берутся в жизни, эти проблемы? Не иначе, как мы их сами выдумываем от нечего делать!.. Неправда, это наговор, в том числе и на себя. На самом деле, в этом и состоит сущность нашего бытия: ты рождался в муках и преодолении, приспосабливался к окружающему миру, осознал, наконец, своё "Я", и вот дальше весь твой жизненный путь - непрерывный процесс преодоления трудностей и решения проблем, самых разных - от бесконечно простых до невообразимо сложных. Среди них можно, действительно, выделить класс проблем, которые мы сами создаём. Например, научные проблемы, только с ними всё обстоит по-особенному.

Во-первых, надо её, научную проблему, сначала обнаружить и сформулировать, т.е. поставить, как это принято называть. Кроме того, сознаемся, что даже страдания и разочарования на пути к её решению оборачиваются, в конце концов, удовлетворением и пользой, состоящей, прежде всего, в приобретении профессионального опыта, который "дорогого стоит".

В главе, посвященной итальянским командировкам, сделана попытка поверхностного изложения процесса постановки и решения научно-технических проблем и общих вопросов технического творчества, да и творчества вообще. Хотя известно, что не существует общих рекомендаций, которые можно адресовать профессионалам творчества, хотя бы потому, что все они - люди с разными характерами, привычками и даже странностями. Один любит вставать спозаранку и с утренней зарёй ловить вдохновение, другой, наоборот, предпочитает утром поспать, а всю свою творческую энергию сосредотачивает и расходует по ночам, когда всё кругом спит и ему никто не может помешать. Наконец, есть и такие, кому гениальные идеи приходят только в общественном транспорте, когда со всех сторон так напирают, что дыхнуть уже совсем не получается, зато обостряются творческие инстинкты в виде интуиции и полного отключения от реальности. Всё это ерунда: на самом деле, среди творческих личностей немало спокойных и симпатичных персоналий. А если кто и не похож в своих манерах на абсолютное большинство, то это ещё не повод для того, чтобы называть его "шизиком". Или можно ещё по-другому сформулировать этот тезис: все мы шизики... Кто знает, где кончаются границы нормального поведения эталонного обывателя и начинается мания?.. То-то.

Несмотря на все индивидуальные особенности творческих работников и их труда, попытаемся всё же сформулировать некоторые общие рекомендации, полезные в творческом процессе (прошу не относиться к ним слишком уж серьезно).

Прежде всего, давайте относиться с юмором сначала к самому себе, затем к окружающим и, наконец, к своим занятиям. Представьте, что это обычная игра, которая ничем не отличается от тех детских игр, которыми вы занимались когда-то в не совсем сознательном возрасте. Помните ощущение, когда всё получается весело и непринуждённо и даже не хочется отвлекаться на мамины заклинания оторваться ненадолго? Какой там обед, здесь же солдаты уже построены и с винтовками наперевес готовы броситься на неприятельские укрепления, которые хотя и непреодолимы, но обязательно будут опрокинуты под напором "наших" войск.

- А впереди на белом коне, конечно же, Чапаев?

- Никакой не Чапаев, это я сам, разве не видишь?

- А, ну - да, как это я сразу не догадалась, - мама уважительно покидает поле боя, уже с меньшей настойчивостью призывая:

- Ну ты ж недолго, сынок, суп остынет.

- При чём тут суп, когда здесь решается судьба сражения?!

Всё же отвлекающий мотив уже заброшен в сознание, откуда ни возьмись, подкралось чувство голода и почему-то интерес к сражению сразу приутих, уступив место банальному жизненному инстинкту. Вот вам и цена вдохновения.

Если пункт первый рекомендаций осознан и освоен на практике, неспешно переходим к пункту второму. Назовём его "подкачка воображения". Постоянно думая о предмете, волнующем вас безмерно (ПТ - предмет творчества), вы зацикливаетесь на нём по малому кругу, где очень незначительная вероятность натолкнуться на "сильное" решение. Поэтому нужно переключить свой поток сознания на другие предметы и явления, в обязательном порядке представляющие для вас живой интерес, а точнее, стимулирующие резервы вашего воображения - на активизацию творческого процесса. В зависимости от вида профессиональной деятельности объект вашего внимания и взаимодействия с ним могут быть различны. В самом общем случае речь может идти об ассоциативном процессе навигации в информационном поле, относящемся к определенной предметной области, не обязательно совпадающей с видом вашей деятельности. Навигация выполняется при отсутствии какого-либо психофизического напряжения, даже наоборот: в состоянии максимального приближения к "кайфу". Отключение сознания от ПТ происходит на внешнем его уровне. На внутреннем же независимо от нашей воли происходит работа, в ходе которой готовятся макеты интуитивных вариантов решения гипотезы. Это состояние безмятежной нирваны нужно стараться умело приближать, сохраняя как можно дольше потому, что оно обеспечивает максимальный коэффициент полезного действия - КПД.

В борьбе за КПД многие незаурядные личности, нерадиво относящиеся к своему здоровью, злоупотребляют допингом в виде кофе или алкоголя. Гораздо безопаснее и перспективнее (и в этом состоит пункт третий) "злоупотребить" здесь хорошей разминкой: недурно постоять на голове, если жалко голову, то на руках, можно просто попрыгать, побегать, покувыркаться, проделывая всё это с безмятежной, а ещё лучше - с абсолютно глупой улыбкой. Где её взять?

Здесь я отсылаю вас к другому руководству, написанному великим специалистом по умным "глупостям" М. Норбековым в его приобретшем совсем недавно популярность трактате "Опыт дурака, или путь к прозрению". Кто не читал - прочтите непременно. Неважно, понравится или нет эта книга, равнодушным вы не останетесь. Вступительная реклама к ней гласит:

"Убедительная просьба: людей с обрезанным чувством юмора, кастрированным оптимизмом, гипертрофированной обидчивостью, изучившим науку, как быть лживым, т.е. этику, тем, кто знает, что все люди - сволочи, кого уволили с работы или собираются уволить, кто стареет или думает о старости, кто разведен или намеревается разводиться, у кого полностью отсутствует сексуальность, а также страдающим метеоризмом умникам и особенно очкарикам, которые на носу таскают модную сантехнику для глаз, эту книгу брать в руки, читать и тем более задумываться над ней не рекомендую! И хотя все эти проблемы мы в книге решаем, но это не для вас".

Вообще же умение, вернее, великое искусство улыбаться (людям ли, себе ли) - это великий дар, аналогичный человеческому счастью.

Научиться ему довольно тяжело, но при упорном труде можно даже довести до совершенства, что гарантирует вам полный успех у женщин (мужчин), точнее, и у женщин - имеется ввиду - у общества в целом, а, следовательно, решение абсолютно всех ваших проблем.

Здоровый дух - чего не отдал бы за него каждый из нас, разве что - здоровое тело? Кстати о теле: вы выливаете каждое утро на себя таз холодной воды? Нет?? Тогда прямо с завтрашнего утра начните, безо всякой подготовки, да-да прямо завтра и ни днём позже. Войдёте в зиму уже подготовленным бойцом и никакая хворь вам не страшна (не так, чтобы никакая, но эффект сами почувствуете)... Не хотите? Глупо, но это уже ваше дело. Чего это я должен навязываться... И всё же рискните... Кстати сказать, риск ведь нулевой.

Следующая рекомендация (пункт четвёртый): "культивируйте вдохновение". Все помнят слова Пушкина и других признанных гениев, таких, как Чайковский, Достоевский, о капризной музе вдохновения и необходимости преодоления себя при систематической работе. Все сходятся на том, что ожидание вдохновения бесперспективно и что целенаправленный труд способствует его стимулированию. Да, без сомнения это так. Но попробуем разложить общий тезис по полочкам - по всем правилам системного анализа.

Прежде всего определим, из каких же компонент состоит процесс культивации вдохновения. Их не так много, главных всего шесть: 1) знать, чего хочешь; 2) создать благоприятные условия; 3) преодолеть лень; 4) настроиться на процесс; 5) прислушиваться к себе; 6) контролировать процесс и промежуточные результаты.

Первая компонента может быть оставлена без комментариев: всяк индивид знает, чего он хочет. Если вы не знаете, спросите у жены - она вам точно скажет, чего вы хотите больше всего на свете.

По поводу подходящих условий наши вкусы могут разойтись: у каждого человека свои представления о комфорте: один предпочитает тишину, удобное кресло и письменный стол, на котором разложено всё, что нужно для работы - от ручки с бумагой до книжек, в которые он собирался заглянуть между делом. А, может, лучше не такая уж оглушающая тишина, а лёгкая, прозрачно струящаяся любимая мелодия Моцарта, или вы предпочитаете Шопена? Во всяком случае, не будете же вы утверждать, что можете вызывать вдохновение только в общественном транспорте. Тогда вам непременно придётся купить на всю зарплату проездной билет на все виды транспорта на всю оставшуюся жизнь и нанять толпу статистов, которые будут вас мять со всех боков, настраивая на творческое вдохновение. Не очень злоупотребляя в рамках разумного, можно постараться всё же создать отвечающие вашим представлениям благоприятные условия, добавив к окружающей среде портрет любимой женщины, шум морского прибоя и аромат цветущей акации. А впрочем, у акации очень сладковатый запах - может вызвать тошноту, а вот мята либо строгие мужские духи вполне подойдут.

Переходя ненавязчиво к третьей компоненте, замечу, что стремление к созданию каких-то особых благоприятных условий - это разновидность злонамеренных отговорок, спровоцированных собственной ленью. Лень как ласковая, но коварная муза, убаюкает, отвлечёт, расслабит и... растопчет. Именно растопчет вашу жизненную энергию, превратив её в аморфное, вязкое, непроходимое болото. У неё множество самых невообразимых обликов: это покой, сомнения, трудности, веские причины, наконец, отговорки. Если вы уже успели прочитать Норбекова, то вспомните выполненный им тщательный анализ таких отговорок - в детстве: "Не хочу", в юности: "Сам знаю", в зрелом возрасте: "Я умный - кругом дураки". Часто говорят, что все большие и малые изобретения сделаны ленивыми и для ленивых, но это уже из другой оперы.

Следуем далее. Как вы обычно настраиваетесь на творческий процесс: незаметно для других и для себя, совершаете преодоление, входите в образ, ждёте попутного ветра или лёгкую волну? А может, вы ничего не делаете, а бросаетесь с места в карьер - и результат в кармане? Хорошо, но ведь исходное настроение (отметим про себя корень этого слова) может на сто восемьдесят градусов отличаться от того, на которое вам необходимо настроиться?! Тогда, возможно, вам предстоит диалог с самим собой:

Я1 : Поговорим?

Я2 : Ну что ты ко мне пристал!

Я1 : Давай по-хорошему.

Я2 : Ты что, мне угрожаешь?!

Я1 : Слушай, давай серьёзно.

Я2 : Ну ладно, давай, только в следующий раз по пустякам не отвлекай.

Прислушаться к себе - это вовсе не разговор со своим вторым Я (а если называть вещи своими именами - с собственной ленью). Напротив, это способность услышать все аргументы и пожелания вашего первого и главного Я, которое вы, как порою обнаруживается, не так уж хорошо знаете и понимаете. А между тем, знать своё главное Я - это гарантия того, что вам повезло жить в согласии с самим собой, знать свои явные и скрытые способности, свой характер и его реакцию в любых ситуациях, обеспечить, если хотите, его предсказуемость. Последняя - тоже невелика добродетель. Неожиданные реакции, согласитесь, разнообразят вашу жизнь, внося в неё элемент лёгкого авантюрного начала и свежесть ощущения окружающего мира, без которых жизнь становится пресной и непривлекательной.

Скучный пункт, касающийся контроля результатов собственной деятельности, - это обязательное условие эффективности всего творческого процесса независимо от сферы деятельности. Контроль приучает к корректным прагматическим оценкам, т.е. к объективизации порой внешне невидимого ещё до того, как результаты вашего творчества соприкоснутся с внешним миром. Внешняя оценка при этом не так уж важна. Как выразился Л. Пастернак:

"...пораженья от победы

Ты сам не должен отличать..."

Болезненная это тема - гениальность, в особенности, если речь идёт о наших современниках, почившим - мы её как-то уж простили. Когда гений произносит: "Я гений", мы ему частенько верим, когда молчит - чаще сомневаемся... А легко ли нам самим замалчивать собственную гениальность?! Тема, действительно, актуальна потому, что основную часть своей жизни ты провёл в кругу людей, добрая половина из которых считает себя гениальными.

Тем не менее, всё сказанное так легко и просто объяснить. Достаточно вспомнить хотя бы Ф. Ницше: "Люди, которые стремятся к величию, обыкновенно бывают злыми: это их единственное средство выносить самих себя..." Правда, он же и призывал нас: - "Будьте человечны к творящим: они бедны любовью к ближнему по самому существу своему".

Не спрашиваю вашего мнения, но для меня очевидно, что гений - это совсем не тот, кого природа наделила способностью рождать гениальные мысли. Что здесь такого? Сел себе за стол и... придумал. А вот как потом этими мыслями получше распорядиться?! Здесь, несомненно, нужен исключительный талант (прошу прощения за сомнительный юмор).

Одним словом, вашему вниманию предлагается шедевр, как раз и сконструированный по технологии "с миру по нитке..." из первых попавшихся под руку анекдотов. Задача состояла в целенаправленном их отборе, построении в единую сюжетную линию, т.е. композицирование сценария на произвольно заданном множестве микросцен, связывании последних сюжетной канвой с учётом сущности анекдотов как художественных произведений, где главный секрет определяется формулой: игра слов или тонкая метафора плюс неожиданность развязки. Заметим, что первоисточники для такого произведения могут быть самыми разными, главное - творческое вдохновение автора и успех шедевру гарантирован. Итак:

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

А всё началось-поехало с самого утра. Вообще-то, если честно - со вчерашнего вечера. Ну, мы там с друзьями посидели ... Вы понимаете?! Я вообще-то почти не пью... Если честно, пью, конечно, но только в двух случаях: когда есть огурцы и... когда их нет?.. Ничего так посидели! Правда, все веселятся, а я про своё всё думаю. Колька из слесарного спрашивает:

- Вань, ты чё?

- Да, не везёт последнее время, хоть убей.

- Да ладно тебе, Вань, плюнь.

- Ну, ладно, - меланхолично так, - Тьфу!

- ??? Пауза.

- В мой салат?! Ты что, Иван, охренел?!! - И ба-бах. Видишь, шишка?

Короче, утром попросил жену принести водички. Сами понимаете, голова с бодуна как больной организм, а она, слышите, что отвечает:

- Если хочешь завтрак в постель, спи на кухне.

Я её даже не тронул... Вот, просто не везёт в жизни. Ещё вчера Колька чего-то вдруг спрашивает: "А кто тебя познакомил с твоей теперешней женой?" А никто. Мы познакомились совершенно случайно, так что мне даже некого винить. А чего спрашиваешь?

- Да, - говорит, - люди бают, что мужики женятся три раза: первый раз - по любви, второй - по расчёту, а третий - по привычке...

- Так о чём это я? Ага, в общем, поднялся, глянул в зеркало - ужас, прямо-таки нецензурное выражение лица: чем больше смотрю, тем больше убеждаюсь - прав был Дарвин.

Но это только цветочки. Сел в машину, еду, на перекрёстке:

Фьююю! Гаишник останавливает машину:

- Сержант Иванов. Трое детей. Скоро отпуск. Зарплату задерживают...

- ? ? ?

- ! ! !

Я не знаю, что там у вас с детьми, но, по-моему, вчера здесь был левый поворот!

- Он и сегодня левый.

- Да мне не жалко червонца, но настроение ещё больше испортилось, чуть не попал в аварию - обделался, как говорят, лёгким испугом.

Ну, не везёт, даже такая мелочь. Остановился у киоска, прошу:

- Дайте мне коробок спичек. А она:

- Не кричите, я не глухая, вам с фильтром или без?

- ? ? ?

Эт же с утра спешу в обувной магазин - дали домашнее задание. Что вы думали? Мне и там нахамили. Спрашиваю:

- У вас мужская обувь есть?

- Нет.

- А женская?

- Тоже нет.

- Ну а детская?

- Чего вы пристали, у нас обувной магазин, а не справочное бюро.

В общем, приехал на работу с опозданием. Начальник сразу набросился, как палач какой-то. Завидую палачам: работа на воздухе и опять же с людьми... Хотел отшутиться - шутка вдвойне смешней, когда её понял начальник, но это не наш случай, наш - шуток не понимает. Я ему как-то рассказал про свою тяжёлую жизнь в нашей распрекрасной стране, которая вечно находится в глубоком подъёме, как говорят: "С тёмным пивом в светлое будущее; отложим белые тапочки на чёрный день".

И действительно что у нас хорошо организовано, так это преступность. Ну вы скажите, что это за жизнь? Не успеешь найти себе место под солнцем, смотришь, - уже вечер. И жить не хочется, и застрелиться лень. А он мне так по-дружески, по-отечески:

- Тебе надо целиком окунуться в работу.

- Хорошенькое дело, думаю, окунуться, может, он забыл, что я работаю ассенизатором? Но это не основная моя работа, а так, для трудовой книжки.

Вообще-то он меня последнее время не ругает, директор издал на предприятии указ: никаких матюгов на рабочем месте. И что вы думаете - производительность сразу резко упала, директор ничего понять не может, вызывает мастера, а он:

- Дык ведь пока вспомнишь, как деталь называется, полчаса пройдёт.

Комедия... Короче, еле дождался обеда, я ещё вчера отпросился у начальника, всё вот так честно рассказал, что житья нету и обоюдно решили пойти с женой к психоаналитику. Жду сообщения из дому, совсем забыл, что жена вчера на мой пейджер неизвестно что сбросила, он работать совсем перестал. Я ещё спрашиваю:

- Может, пейджерный вирус какой-то? - Молчит, не признаётся. Но, по-моему, это был утюг, потому как он тоже теперь не работает, но это уже мелочи.

В общем, приходим к психоаналитику, а он мне:

- Вы пока выйдите, подождите за дверью.

Я, конечно, вышел, но щелочку малюсенькую оставил, слышу:

- Понимаете, доктор, муж стал совсем невозможный. Он только про свою мамочку всё время и вспоминает : "А вот мама так не делает... Видела бы мама..."

- А маме это не понравилось бы...

- А я у него на десятом месте".

- Может, надо как-нибудь привлечь к себе внимание, как к женщине. Например, он вечером придёт, а вы его встретьте в каком-нибудь сексуальном наряде.

- Я уже раз так и сделала: приходит он домой, а я его встречаю в чёрном белье, чёрных чулках, на руках - чёрные перчатки... Ну вы меня понимаете?.. И что вы думаете он сказал:

- Боже, ты вся в чёрном - что-нибудь с мамой?

Тут я чуть со стула не свалился прямо в кабинет.

- Да не так всё было, - говорю.

А доктор:

- Ну, заходите, заходите, - а жене:

- А теперь вы подождите там, - показывает на дверь. И сразу ко мне с каким-то дурацким анекдотом. Думаю, значит, проверяет меня:

- Встречаются торопыга и тормоз.

Торопыга:

- А ты слышал новый анекдот? Встречаются два людоеда, один другому говорит: "Я твою жену съел! Ха-ха-ха!"

- Нет, не слышал. Расскажи....

- Я, конечно, без реакции, на кой хрен сдались мне эти людоеды, у меня дома свой есть. - А он как ни в чём не бывало:

- Кстати, слышали мнение людоеда: компьютер никогда не заменит человека. Ха-ха... Хорошо, ну рассказывайте.

- Ну, чего тут рассказывать. Мы ещё когда жениться собирались, её мамочка предупреждала:

- Людочка, не вздумай выходить за него замуж!

- Ну, мамочка, ну я же ненадолго?!

- Все они такие. О своей скромности я могу говорить часами, но не в этом дело. Я и не собирался жениться, но она умудрилась решить самую трудную для женщин задачу - доказать серьёзность моих намерений. Она так и сказала:

- Я порядочная женщина и знакомлюсь только с тем мужчиной, которого давно знаю...

На самом деле нам-то известно, что женщины высоко ценят мужество, но ещё больше замужество.

Да, так о чём я? Ну, натерпелся я с первых же дней. Судите сами. Подаёт как-то на обед мне курицу. Я укусил с боку, что-то, чувствую, не то. Спрашиваю:

- Что ты такое в середину натолкала?

- Я хотела натолкать, как мама учила, но там уже места не было...

Всё это дело прошлое... А теперь ещё сынок добавляет. Спрашиваю:

- Петя, когда же ты, наконец, исправишь свои оценки? А он:

- Папа, я каждый день стараюсь это сделать, но учительница, как назло, всё время держит журнал при себе.

А то ещё на день рождения жена ему подарила игрушку и говорит: "Ну и что надо сказать? Ну-ну? Что я говорю папе, когда он приносит зарплату?" А он:

- И это всё?..

- ? ? ! !

А на днях, не поверите, приходит и заявляет: "Хочу жениться!" Я ему:

- Ты ещё недостаточно опытен, чтобы жениться, сынок!

- А когда же, по-твоему, человек становится достаточно опытным для этого?

- Когда начинает понимать, что жениться не стоит. А что, разве не так?

Терпел я, терпел такую жизнь и пошли ошибки молодости. Но что вам сказать? И здесь не повезло. Как-то занимаюсь я любовью, не помню с Олей или Полей, а она мне вдруг:

- Милый, ты когда-нибудь ремонтировал пылесос?

- Нет, дорогая, не приходилось, а что?

- А вот что: слезай-ка поскорее и принимайся за дело немедленно, слышу муж поднимается по лестнице.

- Слава Богу, ещё жив остался.

Доктор: "Ну, понятно. Но все же я вас должен предупредить. У вашей жены нервное заболевание".

- ? ? ?

- Но вы не волнуйтесь, оно опасности не представляет. С таким неврозом живут долго.

- А я, доктор... сколько протяну я?

Самое, смешное, возвращаемся домой, опять инспектор ГАИ. Останавливает:

- Так, водитель, аптечка имеется?

Объясняю, что только-только выложил, сегодня же положу обратно. Уже почти договорился. Пытаюсь забрать удостоверение из рук недовольного гаишника. Тут выпрыгивает жена и кричит: "Да чё ты пристал, он всего-то бутылку выпил вчера!"

Вот вам и история с географией.

ЭПИЛОГ

Жена Ивана приходит к тому же психоаналитику уже одна и говорит:

- Доктор, помогите, у мужа началась мания преследования.

Доктор выписал таблетки, рекомендовал придти через месяц...

Через две недели они случайно встречаются.

- Ну как, помогли таблетки?

- Нет, неделю назад его арестовали и конфисковали имущество.

И это ещё не всё. На днях - звонок в дверь.

- Кто там?

- Скажите, пожалуйста, вы дома часто бываете?

- Да по-разному, а что?

- Да так, ничего... Социологический опрос.

В общем, унесли социологи всё, что после конфискации осталось.

- Да, вам не позавидуешь, - говорит психоаналитик. - Вы знаете, и у меня тоже начались семейные неурядицы. Сегодня утром у меня получилась оговорка - ну прямо по Фрейду!

- ???

- Просыпаюсь утром, сели с женой завтракать. Хотел сказать: "Дорогая, не могла бы ты налить мне чашечку кофе?", а сказал: "Гадина, всю жизнь мне испортила?!"

Вот так. Се ля ви. Ну что скажете? Как на ваш вкус наше творенье?...

Существуют две типичные категории творцов: первая - всегда недовольные собой и своими результатами. Внимание! Среди них может быть настоящий гений. Вторая категория наоборот, всегда собой довольные, независимо от того, что за произведение выходит из-под их рук. Внимание! Не думайте, что все они - примитивы с великим честолюбием и непосредственностью заурядной посредственности (прошу прощения за игру слов). Очень даже возможно, что и среди представителей данной группы отыщется гений, правда, чаще всего здесь бояться нечего, т.е. живите без угрызений совести. Хотя категория непризнанных гениев в жизни встречается, не скажу, что очень часто. Отсюда проблема истинных критериев. Не уверен, что они те же самые как для самоанализа, так и для анализа со стороны. И в том и в другом варианте имеем дело с задачей распознавания и весьма не простой.

Любая задача, как известно, формулируется в следующем общем виде:

Дано: A,B,C.

Найти: X,Y,Z.

Имеется несколько вариантов постановки данной задачи, каждый из которых предполагает конечное множество случаев. Вот на этом-то множестве и ищется истинное решение. Перебор всех вариантов постановки задачи - занятие трудоёмкое и утомительное, не всякий его одолеет. Поэтому остановимся на наиболее типичных постановках.

Во-первых, как утверждалось ранее (да и все знают это из собственного опыта), существуют две категории творцов: довольные собой и недовольные собой, т.е. слишком самокритичные. Во-вторых, речь может идти как о частном случае:

Дано: творец Петя.

Найти: Петя - гений?

Так и об общем случае:

Дано: творцы A,B,C (имена, придумывайте сами)

Найти: общие критерии (X,Y,Z) отбора гениев из толпы.

В первом случае, как мы выяснили ранее, имеет место два варианта: а) самоанализ, б) анализ со стороны; во втором - только вариант б). Даже для типичных постановок задачи возникает много вариантов и неясностей: не хочу вас разочаровывать, оставим их для разгадывания наиболее пытливым читателям, а сами рассмотрим две наиболее простые постановки.

Итак, первая:

Дано: творец Петя (параметры - характеристика)

Найти: Петя - гений?

Параметры - характеристики Пети:

- что-то там творит,
- самокритичный (на людях),
- не дурной,
- прочие характеристики: весёлый, остроумный, приятный на вид и в общении, подтянутый, имеет чувство юмора.

Остановимся на варианте задачи с оценкой гениальности Пети со стороны. При этом возможны четыре случая, сведенные в таблицу.

п/п	На самом деле Петя:	Оценка со стороны:
1	Гений	Гений
2	Гений	Не признан (гением)
3	Заурядный	Гений
4	Заурядный	Не признан (гением)

Таким образом, строки 1,4 представляют правильные решения задачи, а 2,3 - ошибочные решения. Заметим, что при прочих равных условиях вероятность правильного решения (Рп) вычисляется по формуле:

Рп =, где

nn - число правильных исходов решения,

n - общее число случаев.

Аналогичным образом вычисляем вероятность неправильного решения:

Рн =.

С сомнительным удовлетворением замечаем, что

Рп = Рн = 50%.

Столкнулись со сложной научной проблемой: как распознать гения? Актуальность и научность несомненны. Научно-исследовательская работа (НИР) по данному направлению заслуживает, думается (особенно в научных кругах), несомненной поддержки и необходимого финансирования.

Ранее (Гл.8) мы, надеюсь, с интересом познакомились с инновационной стратегией НИР и основными этапами её жизненного цикла. Теперь этот теоретический багаж постараемся применить в деле. Уместно вспомнить понятие куба неопределенности, планирования этапов, диаграммы событий и пр. Не пугайтесь, проверять вас никто не собирается, это просто небольшая разминка мозгов. Предположим, все подготовительные процедуры выполнены и мы приступили к выполнению нашей НИР. Итак, вспомним названия основных этапов её выполнения:

1) формулировка научной проблемы,

2) исследование предметной области,

3) построение концептуальной, а затем аналитической модели предмета исследования,

4) экспериментальная часть,

5) выводы.

Не будем занудами и предположим, что п.1 уже выполнен (на самом деле мы уже сто раз повторяли эту самую проблему).

п.2. Область исследования - необъятная. Вспомним гениев, у которых дар Божий был настолько велик, что вряд ли кто-нибудь мог это поставить под сомнение. Догадываюсь, кого в этот список вы поставили первым - я с вами согласен.

Что касается непризнанных гениев, то для этого не надо читать мемуарную литературу, а достаточно спуститься одним-двумя этажами ниже и позвонить в квартиру номер... блин, забыл номер. Ах, вы живёте не в академическом доме! Тогда, может быть, работаете в исследовательском институте? Да? Ну, что ж, это упрощает дело.

Не настаивая на точности оценок, приблизительно в каждом научном коллективе (отметим, что мы постепенно переходим к п.3) в среднем каждый четвертый - гений, каждый третий - непризнанный. Заметьте, что я намеренно не употребляю термин "шиз". И думаете почему? Всё очень просто: непризнанный - это не диагноз, а судьба, хотя от этого им, конечно, не легче. Как видите, задача усложняется. Слава Богу, что мы не взяли в качестве примера вариант с самоанализом - совсем бы запутались, ведь в жизни оно как? Вот вы, лично, видели в жизни хотя бы одного дурака, который честно, глядя себе в глаза (как-как? Ну, хоть, например, перед зеркалом во время бритья) сказал бы: "Да, я действительно дурак!"

Сомневаюсь. Вот то же самое и непризнанные гении: с последним согласны, с первым - не хотят, а главное - продолжают неутомимо бороться за признание.

п.4. А вот теперь мы и вас втянем в работу. Нам до зарезу нужны свежие силы. Идея эксперимента до смешного проста: страна делится на зоны 100 : 100 км^2. За каждую зону отвечает один из сотрудников нашей исследовательской группы. Все интеллектуальные профессии делим на 5 групп: А - литераторы с киношниками; Б - остатки учёных, не уехавших за рубеж на заработки; В - зубные врачи и юристы; Г - профессионалы шоу-бизнеса, деятели Института культуры; Д - пенсионеры.

Прежде всего каждому сотруднику, проводящему эксперимент, в помощь даём четыре техника соответствующей профессиональной специализации (А,Б,В,Г,Д).

В каждой группе условно выделяем три подгруппы, исходя из их социальной ориентации:

а) дураки,

б) умные,

в) несориентировавшиеся.

Примечание: а) дураки - это те, кто думает, что они умные; б) умные - на самом деле они хитрые; в) несориентировавшиеся - ничего не делают, просто сидят и ожидают сильную личность.

Как проводить эксперимент?

Вносить в полевой дневник данные: Ф.И.О., год рождения, профессия, глаза, судимость, ориентация, творческие планы. Можно расширить объём данных, назван минимум.

На всякий случай - иметь при себе газовый пистолет, получить на складе по безналичному расчёту в счёт будущей зарплаты. Что значит: А вдруг не получим зарплату?! Вы что, не доверяете государству? Вы таки - да, не доверяете?!. Ну что ж, тогда вам придётся сделать себе рогатку самому, резинку вытащите из старых трусов. Кажется, всё. Ещё какие вопросы? Нет? Чудненько.

Предположим, эксперимент удался, данные обработаны. Приступаем к выводам (п.5).

"Вывод сам лезет в дверь,

Нечего голову ломать в муке..."

Великий поэт революции за нас уже всё продумал.

- Так какие выводы? Ну, конечно же, надо ориентироваться... по глазам. Ах, у вас записан в полевом дневнике только цвет глаз? Ну, хорошо, это не так важно, Петины-то глаза в нашем распоряжении.

- Как, где наука? А статобработка, а модель, а зарплата, которую нам обещают выдать, может, даже и выдадут..! Сперва половину, а потом - посмотрим.

Все изложенное выше представляет честную попытку решения первой задачи. Множество пунктов, обозначенных буквами и цифрами, - всё это наименования вершин общего дерева решения.

Вторая задачка посложнее, в ней речь идет не об одном Пете, а об N. Формально решить её ну очень трудно. Специалисты считают, что среди критериев (установлены экспериментально) гениальности могут быть: плохой почерк, неверие в будущее, ушедшая жена или, наоборот, излишнее жизнелюбие, творческий блеск в глазах, изящное нахальство (или, наоборот, излишняя скромность). Иногда существенны физические недостатки (или избытки).

И всё же, чем более беспристрастный контроль в процессе творчества, тем более вероятны заключительные победа и признание в обществе.

- Дай Боже нашому теляті вовка з’їсти. Разве надо переводить на русский старую украинскую поговорку? Или ещё: Блажен, кто верует.

Что же, если не вера в свой талант даёт силы пробиться к успеху? Бог дал каждому из нас свой талант. Угадать его, а затем развить до совершенства - наша святая обязанность, тем более, что в этом деле нельзя надеяться "на дядю".

Всегда есть истинная муза, которая вдохновляет творца на великие подвиги, оправдайте же её надежды.

Я живу - это дерзко и смело,

Я живу - это круто и зло,

Я живу - это сердце запело,

Если даже не повезло

Это счастье, страданье и слёзы,

Это радость улыбки и страх,

Это первые листья берёзы,

Это слово твоё на устах

Наставнически серьёзный и слегка романтический лад последних абзацев резко противоречит изложенных в первой части рекомендаций. Автор по-видимому забыл, что советовал относиться к творчеству как к игре. Речь идёт об искренней детской непосредственности, которую они проявляют в играх. А не кажется ли вам, что именно она - залог успеха?

Этот вывод в особенности справедлив, когда речь идёт о коллективном творчестве. Вспомним хотя бы творчество И. Ильфа и Е. Петрова. Кроме точного слова и мастерского умения схватить ритм и неповторимость эпохи "реконструктивного периода", мы оценили в нём искренность и непосредственность. Вот почему, когда главный герой знаменитого романа торжественно пообещал:

- Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придётся переквалифицироваться в управдомы, - мы верим, что он это обещание непременно выполнит на самом высоком уровне, принеся неоценимую пользу трудовому народу. А теперь проверим усвоенный материал.

Выше был рассмотрен пример конструирования произведения на базе готовых компонентов. Если же они (компоненты) вас чем-либо не устраивают, нет ничего проще - взять да придумать собственные. Например, вашему вниманию предлагается небольшой набор изобретенных на досуге простых афоризмов, названных афонимами, на основе которых вы пробуете самостоятельно проделать аналогичную творческую работу:

Родился в фуражке
Идеальный урод
Неотложная дева
Запор вдохновения
Психологика
Машина скорой немощи
Безутешная радость
Окончательная нерешительность
Сердечно-сосудистые болельщики
Прошел курс влечения
Бесценная халява
Бархатный СИЗО
Болезнетворные микроорганизаторы
Выпал из погреба
Урок лечебной культуры
Вспышка беременности
Серьезные намеривания
Служители Фемиды
Дама с шабашкой
Марафонские беженцы
Последние старости (газетн.)
Задержан при исполнении
Традиционное ЧП
Белокурая лысина
Лей, Толстов!
Цианистый характер
Деревянная шутка
Протухшая радость
Страстная муха
Интеллигентный хулиган
Заурядный вундеркинд
Широкий стресс
Прожиточный максимум

Точка подозрения

Или более сложные афонимы с краткой сюжетной линией:

Кармен любила безе.

Везти образ здоровой жизни.

Реклама жвачки: трамвай жеваний.

Картина Леонардо да Винчи "Дездемона Лиза".

Пассажир, Ваш билетик? - У меня вечный.

Оставил после себя след в истории, не наследив изрядно.

Перейти с секонд хенд на феост лег.

Сорвал овации, забыв повесить их на место.

Бартер: меняю тонну сала на миллион алых роз.

Внешне он был похож на министра внутренних дел, а внутренне - наоборот.

Увеличить кабинет министров до размеров зала депутатов.

Объявление редакции: "Со вчерашнего дня газета "Сегодня" будет выходить завтра и называться "Давеча".

Ну что, а теперь попробуем?.. Неохота? Ну хорошо, в следующий раз. А пока давайте улыбнёмся, не спрашивая по какому поводу и твёрдо зная наперёд: Повод всегда есть! Если вы его не обнаружили сию же минуту, срочно обратитесь к врачу - у вас не всё в порядке со щитовидной железой - слишком высок щит противодействия малой (бытовой) форме юмора.

Эдак ненавязчиво в данной главе мы обсудили три темы:

- О жизни и её проблемах.
- Как развить свой талант.
- Как не прозевать гения.

Недостаток либо избыток юмора в каждом из соответствующих разделов определяется не столько характером тем, сколько настроением автора и его способностью отыскать юмористические стороны в актуальных жизненных ситуациях. Будь их побольше, этих самых способностей, вам бы пришлось читать сплошной поток бытовых анекдотов.

А почему эти темы, а не другие? - возникает законный вопрос.

Почему, почему: а по кочану! Слышали вы такой ответ? Правда ведь, не очень умный? И мне так кажется...

И всё же чего-то среди них и правда не хватает. Может быть, темы о любви? Неувядающая в веках тема, но потяну ли? Да и не хочется её ни с чем смешивать - она достойна отдельной главы.

Вот, наконец-то, попал, чего не хватает - бесхитростного рассказа о человеческом благородстве. Наверняка в жизни каждого человека были случаи, которые запали в душу, где бы он был свидетелем либо объектом благородного поступка близких, знакомых или совсем незнакомых. О личном благородстве нормальные люди не говорят и вряд ли когда-либо оценивают в этом смысле свои поступки - скорее делают своё дело и вступают в отношения с окружающими в соответствии с внутренним кодексом чести. Правда, при этом возникает парадоксальная ситуация: фиксируя внимание на благородном поступке порядочного человека, мы как бы отказываем ему в том, что является для него простым и естественным, оскорбляя тем самым его достоинство. О чём же тогда стоит говорить? Думается, о неблагородных или не совсем благородных поступках.

В детстве у нас была патефонная пластинка с рассказом в исполнении Рины Зелёной, который бесконечно трогал нас своей наивной непосредственностью и искренностью. Назывался рассказ "Андрюша". Речь в нём шла о маленьком мальчике по имени Андрюша... Впрочем, попытаюсь воспроизвести его по памяти, весьма приблизительно.

- Здрасьте, Мария Васильевна!

- Здравствуй, Андрюшенька!

- Мария Васильевна, я Вас знаете чего хотел спросить? Вот, например, воробей от рыбы произошёл?

- Не знаю. А кто тебе об этом сказал?

- Мне мой брат сказал, Миша, что воробей произошёл от рыбы. Только он давно произошёл, когда ещё вас на свете не было, ещё когда моя бабушка маленькая была... в каменном веке.

- Видишь ли, Андрюшенька, есть такое предположение, что птицы произошли от пресмыкающихся, но тебе ещё это трудно понять...

- Да, конечно, и Мише даже тоже трудно. Он над ними весь урок хохотал, прямо как грудной ребёнок.

- Вот видишь, разве можно на уроках смеяться? Скажи-ка лучше, Андрюшенька, а что тебе подарили на день рождения?

- Папа подарил мне детский календарь, а мама - арифметическое лото. Только в него нельзя играть, но папа сказал: "Ничего, в выходной на свежу голову разберёмся". А бабушка подарила (внимание! Кульминационный момент) нам два стаканчика, мне и Мише одинаковые. Миша открыл коробочку, а там - два стаканчика совсем-совсем одинаковые... Только мой стаканчик упал и разбился (драма в голосе).

- Но, почему же ты думаешь, что это был твой, раз они были такие одинаковые, может быть, это Мишин?

- Нет, мой. Миша сразу сказал: "Смотри, Андрюша, твой стаканчик разбился"... А может, всё-таки он и от рыбы произошёл?

- Да кто, Андрюшенька?

- Да воробей. Мария Васильевна... Или он от пересмыкающихся?

- Хм...

- Я когда в школу пойду, я тогда всё-всё узнаю. Я тогда вам расскажу, он от кого произошёл!

Оценили? Какая же беспардонная сволочь - старший брат Миша, как мил, наивно прост и беззащитен в кульминационной ситуации Андрюша.

Тема человеческого благородства неисчерпаема, хотя скучна. Будничная жизнь даёт мало поводов для благородства. А может, совсем наоборот, просто примеры как-то мало драматичны. А может, просто у нас отсутствует острая наблюдательность. А может быть, вообще мы неблагодарны и не умеем ценить в людях это бесценное качество! Как же тогда оценить себя?!

Из всех благородных рыцарей, список которых открыт и ждёт вас, дорогой читатель (но не спешите, всё равно окажетесь только после Гамлета и Дон Жуана), моей душе сегодня близки, пожалуй, две благородные личности. Одна из них - Максимилиан Волошин, фигура загадочная и драматическая. Многогранный талант, обаятельная личность, он оставил особый след в русской поэзии прошлого века своей чистотой, искренностью и благородством. Речь идёт не только о творчестве, более о благородстве души, которая, очистившись в огне "до алмазного закала", смогла противостоять целой эпохе:

Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?
Апокалиптическому Зверю
Ввергнутый в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и страде - верю!
Верю в правоту верховных сил...

Это он скрывал в одной комнате красных и белых, когда и те, и другие могли за это пустить ему пулю в лоб, не требуя объяснений. Скрывал, спасая, как своих кровных братьев, рискуя собой, потому что иначе не мог:

Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

Нет, конечно, вы это поняли. Но в доме поэта:

Дверь отперта
Переступи порог
Мой дом раскрыт
навстречу всех дорог

Свой путь оппонента общественному строю поэт выбрал осознанно и добровольно:
Я не изгой, а пасынок России
И в эти дни - немой её укор
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землёю добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье

И, несмотря на все выпавшие на его долю испытания, поэт верит, что:

Гражданских смут горячая стихия
Развеется...
Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...

Только поэт с неиссякаемым оптимизмом и жизнелюбием мог завершить это стихотворение таким волнующим кадансом:
Поэтому живи текущим днём,
Благослови свой синий окаём.
Будь прост, как ветр,
Неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля,
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни
Всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда.
Теперь. Сейчас.

Вторая, не менее знаковая фигура - митрополит Антоний Сурожский. Почему, собственно, спросите вы, не Александр Мень? Только, пожалуй, потому, что Мень - уже известный герой, убиенным мученикам путь один - в святые, о нём уже многое написано и ещё больше, думаю, напишут. Я сам благоговею перед этим человеком, апостолом православного христианства и незаурядной личностью, но сегодня речь пойдёт не о нём.

Родился митрополит Антоний в 1914 г. Раннее детство провёл в Персии, после революции семью занесло в Париж, где он окончил университет и в 1939 г. перед уходом на фронт тайно принёс монашеские обеты. Епископ в Великобритании, митрополит и патриарший экзарх в Западной Европе, доктор богословия многих университетов и академий, впервые опубликовал в России русский перевод книги "Молитва и жизнь" в конце 60-х. В последние годы широко издаётся в России.

Благородное стремление служить людям толкнуло его на решительный шаг - и с 1974-го года он полностью посвятил себя пастырскому делу, не оставив без поддержки ни единого человека, который бы обратился к нему за советом и помощью.

"Жизнь и молитва совершенно неразделимы. Жизнь без молитвы - это жизнь, в которой отсутствует важнейшее её измерение; это жизнь "в плоскости", без глубины, жизнь в двух измерениях пространства и времени; это жизнь, довольствующаяся видимым..."

Владыка в своих проповедях, которые затем стали основой многих публикаций, учит искусству веры и молитвы, утверждая, между прочим, что вера - не только религиозное понятие, она имеет место во всех человеческих отношениях, даже в сфере научных исследований. Ведь Священное Писание определяет веру как уверенность в невидимом. Действительно, учёный не останавливается на внешней стороне предметов окружающего мира, он углубляется в природу материи, исследует природу движения, жизни во всём её многообразии. Т.е. вера - это подход учёного к окружающему миру.

Вера имеет ещё одно значение - значение доверия. Но доверять предполагает также следовать советам, указаниям. Это путь христовых заповедей, которым следовали древние подвижники, пытаясь слиться мыслью, сердцем и духом с самим Богом не только в чувстве, но и в поступках. Это путь воспитания благородства во всей жизни человека. Он пишет:

"В светском обществе присутствие христианина должно быть присутствием Христа. Это предполагает полную самоотдачу. Основополагающий акт домостроительства спасения - воплощение Слова Божия: действия, которым трансцендентный и свободный Бог становится одним из нас, солидаризируется с нами навсегда, навеки... Разве Христос не сказал: "Как меня послал Отец, так и Я вас посылаю..." и добавил: "Как овец среди волков".

Речь идёт о полном самоотречении. Проникновенно говорит он о существе молитвы, видя в ней одновременно искания Бога и встречу с Ним, которая перерастёт в общение, когда обнаруживается наше глубинное "Я" и происходит выход за пределы своей, ограниченности. Эта глубина соразмерна призванию человека стать причастником Божественной природы.

В главе "Мужество молиться" сказано, что молитва без действия - ложь. И это приводит нас к сути, природе представительства, смысл которого в том, чтобы сделать шаг, который поставит нас в точку наибольшего напряжения с предельной отданностью и ответственностью.

Чтобы подтвердить свою мысль, владыка описывает пример из смутной поры гражданской войны в России, когда в небольшом провинциальном городке, который только что перешёл в руки атакующих, в западне оказалась Зоя, молодая женщина лет тридцати с двумя детьми. Её муж принадлежал противоположному лагерю, а она сама не успела убежать вовремя. В страхе прячется, пытаясь спасти детей. И вдруг в один из вечеров, раздаётся стук в дверь, На пороге - женщина её же лет, простая, ничем не примечательная:

- Вас обнаружили, - говорит соседка, - сегодня ночью за вами придут и расстреляют, вам надо бежать.

- Как же мне бежать с этими малышами, любой заметит женщину с двумя детьми, которую ищут.

И тут соседка перестаёт быть простой женщиной. Она попала в ситуацию, напоминавшую собой известную историю с Христом в Гефсиманском саду перед казнью.

- Вас не будут искать, потому что я останусь вместо вас.

- Да, но вас расстреляют, - видимо возражала Зоя.

На что та отвечает:

- Да, но у меня нет детей; вы *должны* уйти.

И мать уходит.

Возможно, Наталья, так звали вторую женщину, не раз подходила к двери, глядя в глухую ночь и, возможно, так же обращалась к Господу с просьбой поддержать её в решимости идти до конца: ведь достаточно выйти за дверь - и ты уже не Зоя, а снова Наталья и не обречена на смерть. И вторая мысль: "А не схватят ли женщину с детьми, и жертва окажется напрасной, точно как в другом сюжете, когда Иоанн Креститель перед лицом неминуемой смерти посылает своих учеников к Христу с вопросом: "Ты ли тот, кого мы ожидали, или ждать нам другого?"

Совсем не хочется заканчивать главу на минорной ноте. Хотя, как говорится, из песни слов не выбросишь. А заметили ли вы, что в обоих эпизодах (М.Волошина, А.Сурожского) скрестились судьбы эпохи гражданской войны? Наверное, это не случайно. Мы совершили спираль с циклом в 80 лет. Надо знать истинную цену истории. А посему, М.Цветаева (март 1918, НВ):

Кто уцелел - умрёт,
Кто мёртв - воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
- Где были вы?
Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: На Дону!
- Что делали? - Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом "долг" напишут слово "Дон".

НА ПУТИ В ЗАВТРА

Вы очень занятой человек?! У вас, конечно же, много дел, очень-очень важных и неотложных. Любые уводящие в сторону от этих дел разговоры вас раздражают, потому что отвлекают от главного!..

Вот вы-то как раз мне и нужны. Если вы все же попытаетесь серьезно объяснить мне, в чем состоит это главное дело вашей жизни и я, предположим, даже все пойму, ну, не так уж в точности, как вы это сами понимаете и чувствуете, но все же пойму правильно, и если, может быть, окажется, что вы действительно самый занятой человек в мире, то все равно я не удержусь от того, чтобы озадачить вас примитивным вопросиком:

- А что значит для вас обыкновенное человеческое общение?

Вы, конечно, в первый момент посмотрите на меня подозрительно, а может, просто как на ненормального. Но вопрос поставлен. Он важен и серьезен. Природа наделила единственный из видов живых существ полноценным языком, за которым стоит языковое сознание, способное в полной мере отражать окружающий мир, включая себе подобных, а главное - взаимодействуя с ними в процессе всей жизни, начиная с младенчества, когда нам отводилась роль пассивного (с точки зрения языкового общения) участника бесед, и в зрелом возрасте, когда мы позволяем себе порой солировать, не заботясь о наших визави, а слушая себя, подсознательно оценивая глубину своих мыслей и их воздействие на окружающих. Для "речевого" профессионала (артиста, лектора, воспитателя) языковая работа - это то же самое, что и перенос тяжестей для грузчика: к вечеру устаешь до невозможности и языком шевелить не хочется. Вот когда телевизор - незаменимый друг человека, потому что дает тебе все, ничего не требуя взамен. Но рано или поздно наступает момент, когда он надоедает, и ты опять нуждаешься в живом человеческом общении.

Так что же оно дает? Насколько оно важно и ценно для человека?

Вы скажете: как для кого. Согласен. Но все же:

- Что дает нам человеческое общение и может ли оно быть заменено каким-либо другим актом информационного взаимодействия?

Не задумываясь, вы ответите: "Нет, не может". Конечно же, ответ правильный, но жаль, что это был ответ без обдумывания. При всей прозрачности вопроса он достоин исследования, всеобъемлющего и активного.

Единичные живые примеры и творческие фантазии выдумщиков-писателей рисуют нам варианты развития человеческих особей, лишенный с младенчества обычной человеческой среды.

Гораздо меньше примеров, описывающих судьбы людей, которые были лишены возможности общения с себе подобными уже в сознательном возрасте. Даже слепоглухонемые ищут и находят пути и способы человеческого общения, единственного

средства познания окружающего мира их состоянии. Насколько же могуч и всесилен инстинкт общения у людей?!

На самом деле - это великое богатство, данное нам Творцом еще до появления нас на свет Божий. Человеческое влияние, как один из факторов человеческого общения, так велико, что во многом определяет возможности, характер и даже судьбу человека. Что такое наша жизнь, если не цепочка, каждое звено которой связано с определенными актами общения, действующие лица в которой меняются от одного периода жизни к другому. Есть, конечно, и постоянная составляющая в этой цепи, очень редко сохраняющаяся на всем протяжении жизни. Закон сохранения, свойственный природе, здесь формулируется очень сложным путем... Одним словом, высказывая свое мнение по тому или иному поводу, старайся поменьше употреблять местоимение "Я" - в большинстве случаев рискуешь прослыть вруном или выскочкой. Огромное мы, т.е. все человечество, формирует это мнение, ты лишь озвучиваешь его в подходящий момент времени. Принадлежность к этой великой человеческой семье - это то, чем нас наделил Господь и чем мы можем гордиться. Правда, перед кем? Да хотя бы перед такими же, как мы.

Общность поменьше - мой народ, большой или малый, самая маленькая, но самая близкая - моя семья. А еще соседи, с которыми живешь в одном доме, коллеги, с которыми работаешь. Семья и работа - основной круг нашего общения. Вот почему так тяжело с ними расставаться. Передо мной записка очень близкого мне человека, вынужденно уходящего за порог своего второго дома, обращенная к своим коллегам:

"Не люблю прощаний с их тягостными охами и вздохами, словами печали и сожалений. Но ничего не поделаешь - все идет своим чередом. Скорее это - мой лирический сонет, где кроме традиционных слов любви хочу выразить благодарность и признательность за добрых два десятка лет, которые мы вместе протопали по коридорам нашего славного заведения.

Я вас всех люблю и очень жаль, что мне суждено порвать наши узы... Значит, так должно случиться. Я всегда буду вас любить и считать за счастье любое общение с вами.

Прошу простить, если когда-либо кого-то обидела. Не держите зла.

Желаю вам с радостью и надеждой идти по трудной, но неповторимой дороге жизни.

Счастливого пути.
Ваша А.

Можно ли остаться равнодушным, прочитав эти строки? И как же надо ценить каждый миг жизни, ее великие и суетные события, овеянные печалью и радостями, успехами и поражениями, мимолетными встречами и многолетним сплетением сердец и судеб! Жизнь - это удивительное приобретение, магическая тайна, которую мы пытаемся постичь, придя в нее в результате не менее магического таинства рождения. И с нашей смертью она не исчезает, а передается от поколения к поколению, как эстафетная палочка. Как прост и в тоже время велик закон сохранения человечества, существующий наряду с другими известными законами природы (сохранения энергий, всемирного тяготения и др.). Как и другие законы он может быть представлен формулой, где значения функций - суть человеческое бессмертие, а главный аргумент - краткое мгновение, отведенное человеку для пребывания на нашей крошечной планете, повторенное в нескольких миллиардах экземпляров методом подстановки новорожденных на место только что ушедших в небытие. И так непрерывно от прошлого к настоящему, а от него к будущему, куда нас неудержимо уносит время. "Была - есть - будет!" - это и есть заветная формула жизни, вернее, ее внешняя сторона, за которой спрятано множество больших и маленьких вопросов, на которые пытается ответить Человек и которые определяют его Предназначение, смысл которого - стремление постичь законы, по которым Творец сконструировал нас и окружающий мир. Это стремление исходит из самой человеческой сущности, и чем больше человек узнает, тем

больше великих тайн и загадок перед ним возникает, утешая неспокойные умы не в меру любопытных:

- Ищите, ищите, загадок хватит на всех. И не разочаровывайтесь: каждому свое и всему свое время.

Мир так велик и неповторим, удивителен и многообразен, что постичь его не дано даже самым светлым умам.

Самое же удивительное - это внутренний мир каждого отдельно взятого человека. Мы понемногу узнаем себя, теряя инерцию времени, т.е. приближаясь к состоянию покоя, в котором можно все осмыслить не спеша и попытаться ответить на главный вопрос: "Зачем я пришел в этот мир?", за которым следует не менее важный вопрос: "А кто я такой?", на который нельзя ответить без анализа взаимодействия внутреннего и внешнего миров. Был человек, который мог ясно ответить на оба вопроса, повторив, по сути, путь Христа. Это Уолт Уитмен:

Напечатайте имя моё
и портрет мой повесьте повыше,
ибо имя моё - это имя того, кто умел так нежно
любить...
Того, кто не песнями своими гордился,
Но безграничным в себе океаном любви,
Кто из себя изливал его щедро на всех...

Идея магнитного поля братства и любви между всеми людьми и народами так сильна и заразительна, что невольно повторяешь за ним слова, клеймящие заносчивость и бахвальство многих американцев, и веришь, что мирное братство народов действительно может стать основой демократического будущего:

...мне чудится, что если б я мог
познакомиться с ними, я б
полюбил их не меньше,
чем своих земляков.
О, я знаю, что мы были бы братьями,
мы бы влюблялись друг в друга.
Я знаю, что с ними я был бы счастлив.

Сколько любви способно вместить человеческое сердце (или душа), кто знает, где она спрятана, эта любовь (?), какая она разная, известная и неожиданная, желанная и горючая!

Святая любовь к матери, безотчетная любовь к детям, трогательная любовь к своему избраннику, горячая любовь к родине... А еще мы любим своих друзей, тесный круг своих близких и родственников, любим посидеть у костра, помечтать, посмеяться, вкусно поесть, поспать после тяжелого дня, полежать на траве, раскинув руки и глядя в голубое небо. Кого и чего мы только не любим! Столько же, наверное, и не любим - тут уж я ничего перечислять не стану, как и прослеживать путь перехода от любви к ее противоположности.

Ей (любви) посвящены романы и оперы, сонеты и романсы, великие подвиги и преступления. Много наслышаны о слепой любви, мало интересуемся "зрячей", но именно она-то и заслуживает нашего интереса и внимания. Ведь именно такая любовь, глубокая и беззаветная, а не показная и экстравагантная, подвигла Христа на Голгофу, что родило нашу ответную любовь, определяющую смысл нашей жизни...

Заглянул в гости сын. Как приятно посидеть за неторопливой беседой в узком кругу самых близких - святая троица! Как мало надо родителям для счастья и душевного спокойствия! Пару немудреных искренних слов да благополучие детей (благая весть). Да вот только жизненные ритмы отцов и детей сильно разнятся, что порою затрудняет и омрачает взаимопонимание. Родительская любовь самодостаточна и бескорыстна, она не требует даже взаимности, которая, однако, всегда желанна. Мы растворены и настроены на полную

безответную отдачу, а потому порой так беспомощны и уязвимы. Слово "обида" здесь неуместно, скорее сожаление о содеянном любимым чадом, чаще без злого умысла, а точнее - по недомыслию. Что ж, таков родительский удел. И все равно нет в человеческой жизни большего достижения (а может, подвига), чем рождение и воспитание ребенка, какими бы гениальным творениями в своей жизни ты ни гордился. В особенности, если он пытается оправдать ваши надежды. Прологом к такой любви является любовный родительский союз.

Как много написано о любви между мужчиной и женщиной, как много самых непохожих одна на другую историй любви, а каждая новая - неповторима, как природа и образ отдельной личности. Настоящую любовь можно сравнить с большим красивым домом, выстроенным и отделанным своими руками, в котором удобно жить, все радует глаз и все служит счастью. Поэтому так важно для молодых иметь свое жилище, свой очаг. Наверное, одно из неосознанных преступлений советских лидеров было внедрение в нашу жизнь хрущевской архитектуры, способствующей процветанию серости. Не многим было дано выйти из подъездов хрущевских пятиэтажек без ущерба для своей души, хотя для настоящей любви бытовые невзгоды не могут быть значительным препятствием. Мысль, не претендующая на безусловную истинность, но что-то серьезное в ней по-видимому есть. Впрочем, не думаю, что так уж много. Ну да ладно!.. Мы прожили счастливую жизнь. Не будем измерять ее остаток: мал ли, велик ли, Господь знает. Чем больше, тем лучше.

Перебирая старые фотографии, перекручиваешь как в немом кино всю жизнь. Если немного напрячься, видишь наяву, как они оживают и наполняются голосами, знакомыми и давно забытыми, воскрешая в памяти события далеких лет, где мы были главными действующими лицами с не всегда узнаваемыми лицами - таков закон времени. Вот детские фотографии: как же давно мы знакомы. Родная улица. Наш дом. Слегка покосившийся забор, видавшая лучшие времена калитка. О, да это еще школьные годы. А эта свадебная фотография. Посмотри, какой у меня застенчивый взгляд, а у тебя в глазах прямо-таки читается солидный жизненный опыт, откуда только? А здесь нас друзья поздравляют: улыбки, шампанское, всё как полагается. Как давно это было... А помнишь вот эту? Какая ты здесь молодая, изящная и стройная стоишь зимой возле дома на нашей же улице в шубке. Моя гордость. Да не ты, а шубка. Я ж ее собственными руками переделывал из старой, еще школьных времен... Не дуйся, тобой я тоже горжусь, всю жизнь и по сей день.

Нужно обязательно навести порядок в фотографиях. Почему ты смеешься: я не сказал, что этим должен заняться обязательно я, хотя тезис действительно не свеж.

Какие у тебя косы были! Не жалко? А как сюда попала моя студенческая фотография, это же твой альбом?.. Ты с Любовь Борисовной (авт. любимая учителем музыка, наша добрая приятельница, между прочим, сиживала на коленях у Луначарского и получила похвалу Глазунова в консерватории дворянка, юмористка)! Она здесь еще совсем ничего, по крайней мере, без седых волос и, как всегда, заразительно смеётся. А тут, кажется, стоял рояль. По-моему, это новогодний сюжет: сбоку видна елочная ветка и все такие нарядные... А вот ты с Митей, первое школьное утро...

А это пензенские мотивы. Смотрю на обороте - твоею рукою выведено: Пенза, 1987. Большая семейка (отцовская линия), все дружно смеются. Первый раз ты попала в Пензу в героическом 86-м, когда мы туда сбежали от Чернобыльского лиха. С тех пор ты так часто в разговорах с киевскими знакомыми и родными повторяла:

- Какие там люди!

Нас действительно приняли там как самых дорогих и близких не только родственники. Потом еще три года подряд летом вы с Митей спасались там от радиации. Такое не забывается...

Лопуховка. Плавание на надувной лодке по озеру, русская баня, сбор смородины, поход в лес за земляникой и самоотверженная война с комарами, тихие вечерние беседы в узком кругу широкой родственной компании. Воспоминания обрушиваются лавиной. Маленькое фото - это очередной строго подогнанный ключик к "закромам" памяти, а точнее - к конкретной двери, за которой обнаруживаешь себя в группе событий, интерьеров, лиц,

звуков и запахов, взбудораженных с одного поворота загадочного ключа. Спасибо ей (нашей памяти) за радость вновь пережитых волшебных мгновений прошлого (да не омрачатся они горечью утрат и перенесенных потрясений)...

А здесь мы за праздничным столом с нашими соседями по дарницкой квартире в их новом жилище. Хорошее было время: молодость - это большое благо, жаль, что об этом узнаешь с запаздыванием. Хороший у нас был дом - один из первых молодежных ЖСК. Вся молодежь Института кибернетики, казалось, переселилась в Дарницу. Наш первый председатель кооператива – Стасик З., молодой, красивый, энергичный, в общем, командир. Какие у нас были застолья! Компании ненавязчиво подбирались по интересу, и не в последнюю очередь к коллективному пению. В нашем распоряжении всегда были пианино либо гитара. Музыкальные профессионалы, постоянно присутствующие среди нас, вели себя скромно и обходились без комментариев. Пели все. Танцевать мы могли без пауз, обладатели всевозможных болячек напрочь о них забывали. Запомнилась пара новогодних встреч. Под общий шум и хохот по заранее спланированному и обнародованному сценарию через каждые 5-10 минут прошли уморительные "мероприятия": конкурсы на лучшие: новогодний тост, танец, художественное выступление (с торжественным награждением победителей), игры типа "Чепуха" и пр. На свежую голову присутствующие знакомились со стенгазетой (местный поэт никого из присутствующих не оставил без внимания). Уже утром в 6.30, усевшись в ряд на стульях и табуретах, самые выносливые продолжали программу (была запланирована игра "колечко" - освежите детские воспоминания), остальные куда-то исчезали. Впрочем, метро в этот первый день Нового года уже начало свою работу... Если хорошенько покопаться на антресолях, можно обнаружить обрывки стенгазеты с программой мероприятий и кое-какими посвящениями...

А это уже Пуща-Водица. На цветном фото мы изображены вместе с отъезжающими в тот год на ПМЖ в Америку нашими приятелями. В старом архитектурном стиле обустроенный пятачок на берегу пруда. На заднем плане - мелкие барашки воды и сосновый лес на противоположном берегу. Немного грустные лица: оно и понятно. Там же арочный мостик, центральный корпус и фонтан с фигурами двух белых гипсовых лебедей...

Белый песок деснянских берегов. Картина под названием "Купальщики". Конечно же, это Летки. Непременные ажурная шляпа и громадные солнцезащитные очки героини на первом плане. Полное безмятежье так и веет от изображенного. Сколько ж летних отпусков проведено там на почти родной (спасибо Коле Г.) базе "Югозаптрансстрой"! Чего стоят только многосемейные путешествия караваном весельных лодок во главе с одной моторкой, полных поклажи и еды на весь день, все вместе - дети и взрослые (представители всех возрастных групп). А катание на водных лыжах? А волейбольные баталии через веревку вместо сетки "команда на команду", в которых играли все, кто может стоять, исключая разве что первогодок.

А это что за гоп-бригада? На снимке казенная надпись: "Вид с горы Машук. Пятигорск - 1977". На фоне микроскопических домишек, расположенных где-то внизу в долине, разнокалиберная женская группа из четырех красавиц запечатлела свое присутствие в историческом месте бывшей родины, заранее не договорившись об ансамбле выражений своих лиц...

Наконец трио, включая тёщу (обойдусь без комментариев: опасно)...

Если выстроить в хронологическом порядке все фотографии наших альбомов, да еще и сгруппировать их по сюжетным линиям, - получится отличный изобразительный материал, так сказать, хроника нашей личной, семейной и общественной жизни. В соответствии с заготовкой можно попробовать выстроить с любой подробностью собственное жизнеописание, потратив на это ровно столько времени, сколько вам не жалко (попробовал сам и испугался: боюсь, не вынырну из подводных глубин). Изложение будет далеким от объективного толкования событий тех лет. Это вполне естественно, но может быть, в том-то и ценность его, ведь жизнь каждого из нас неповторима и уникальна. Возможно, кому-нибудь будет интересно заглянуть в нее со стороны зрителя, вместе с тем отыскав среди

участников событий себя, прямо либо косвенно. Назвать сей труд можно, например, так: "Взглядом из далека". И, как на ладони, выстелится линия жизни создавая удивительные зигзаги и крутые повороты и циклы, хотя тянется она вдоль оси времени и никуда так уж далеко убежать не может: родители, рождение, война (эвакуация: Саратов, бомбежки), послевоенные странствия (Ленинград - Пенза - Киев), школа (товарищи, комсомол, самодеятельность, первая любовь), институт (первые самостоятельные шаги в жизни, преодоление препятствий, пробуждение серьезных интересов, распределение на работу), Институт кибернетики, Институт кибернетики...

Думаю, там и закончится моя творческая биография, хотя не будем загадывать. Ведь недаром один известный мне солидный человек, кстати, академик, утверждал когда-то, что больше шести лет на одном месте работать не эффективно. В общем, на этот счет существует целая теория, в которую я (к счастью ли, к сожалению ль) не вписался. Видать, сила инерции в характере чересчур велика, так уж и будет. Зато хорошо помню коллег, с которыми долго и интересно работал (жаль, слишком часто последнее время они стали уходить безвозвратно), в особенности, тех, кто в трудные минуты протягивал руку помощи и выручал из беды. Как многим, мне везло в том, что на пути встречались, в основном, замечательные и интересные личности вне зависимости от возраста (да он здесь и не причем). Если совсем честно, гораздо комфортнее чувствую себя в обществе молодых, нежели в кругу своих сверстников. Видать страдаю "комплексом младшего".

Конечно же, за словами "Институт кибернетики" стоит много, очень много, основная часть жизни. Взрослел, а теперь старею вместе с институтом. Казалось бы, еще недавно в коридорах и лабораториях встречал, в основном, мальчишек и девчонок - своих сверстников. Сегодня сверстники остались, мальчишки и девчонки куда-то исчезли. Это беда. Хочется верить, что это временное явление: мы вряд ли уж помолодеем, зато нам на смену придет энергичная молодежь, и эстафета поколений продолжится. Как это будет? Каким видится завтрашний день? Заглянуть бы наперед, ну, скажем, в год 2015.

В голове прогнозирующий калькулятор прикидывает шансы возможности присутствия в каком угодно качестве в это время где-нибудь на 3-м этаже корпуса №4, что по-прежнему в Теремках.

Лето. Сносная жара. В помещениях поддерживается микроклимат. АРМ научного исследователя, за которым сидит кудрявый синеглазый парень в тенниске и шортах, оснащен по последнему слову техники. Компьютерная система персональных знаний автоматически подкачивает информацию, взаимодействуя в многоагентской среде со своими коллегами по Интернету, выуживая по вашим запросам нужную информацию. Подсистема настройки мягко погружает вас в проблемную среду, начиная с фазы №1 - навигация в знаниях о предметной области, постепенно переходя к конкретной части исследований, которой завершился вчерашний день. Небольшой анализ пройденного пути (начальный участок исходной ситуации - конечный участок результирующей): уточнение научной проблемы, оценка возможных путей ее решения и пр. Ассоциативный поиск наилучших вариантов, формализация приращений знаний, проигрывание выигрышных приложений. Обобщение и комплексирование результатов, отбрасывание неперспективных путей. Сколько времени потребуется на получение конечного результата? Точный ответ знает Господь - Бог, приблизительные оценки - пожалуйста, система хорошо известных нам программ под общим названием "Project Management" к вашим услугам. Можете не верить ее оценкам, а может, и стоит воспользоваться ими, возвратясь к началу пути и выполнив определенные коррекции в постановочной части НИР.

Психологический фактор при выполнении научных исследований весьма велик, поэтому наш компьютерный комплекс в режиме обратной связи, учитывая психофизиологические реакции исследователя, постоянно ищет приемлемые варианты подсистемы "комфорт" для эффективного воздействия на текущее состояние оператора. Чего только нет в ее арсенале: аккупунктурные концентраторы внимания отдельных зон памяти и участков, ответственных за правдоподобные рассуждения, фитоароматизирующие

генераторы, музыкальное сопровождение, корректоры физического тонуса, релаксаторы... И все это функционирует в реальном масштабе времени.

"Эврика" не за горами.

Кстати, молодой человек, надо же и совесть иметь: нельзя же, чтобы машина работала вместо вас, а вы нагло зевали через каждые пять минут. Прошу поменьше шататься по ночам с хорошенькими девушками. Девушек много, а научная тема одна, и за нее нам отчитываться на ученом совете через 3 месяца. Я понимаю, что молодость дается нам один раз и использовать этот факт надо так, чтобы не было мучительно больно!.. Коллега, а вы не напомните, откуда мне уже знакомы эти слова? Что-то последнее время у меня с памятью не все в порядке, нужно в медпункт сходить, поправить. А у вас пока еще все О.К.? Рад слышать. Так вот и берегите смолоду... Черт, опять что-то знакомое!

Конечно, все будет совсем не так, а гораздо интереснее и гармоничнее. Неужели к тому времени наши перестроечные проблемы канут в небытие, и о зарплате мы будем вспоминать лишь возле банкомата, когда будем покупать дорогой подарок любимой женщине на 8-е Марта?!

Очень хочется, чтобы при этом улыбка промелькнула на ваших губах и, отложив эту книжку и слегка зевнув, вы спокойно отправились чистить зубы на ночь. Ведь завтра очередной рабочий день, и вам тоже надо хорошо выспаться. Спокойной ночи!

ЦИКЛ "ИЗ ДАЛЕКА"

***

Деревянная лампа,
скромный письменный стол,
Мысли скачут ретиво - не поймать,
не угнаться

Я напрасно стараюсь
как упрямый осёл:
Как же их обуздать,
как же им не поддаться?

Так сильны и упруги -
не поставить заслон.
В лабиринтах сознанья
где-то спрятались тихо.

Как подмечено тонко:
боевой ескадрон
Шашки наголо взяты,
в бой бросаются лихо.
Нашей памяти тайны
нам, увы, не узнать,
Не открыть без ключа
драгоценного клада.

Только хочется очень
опять и опять
Заглянуть, не спросясь,
вглубь Эдемского сада.

Растянулся над ним
сизой дымки туман,

И воздушного замка
неясны очертанья.

Знаю, это мечты,
только сон и обман,
Но волнуют загадок
далеких преданья.

Деревянная лампа,
скромный письменный стол.
Плывут медленно мысли,
видно, тоже устали.

Засыпает под музыку
мирно старый осёл.
Снится сено ему
и заморские дали...

ДОРОГА ЖИЗНИ

Жизнь сурова, если хочешь - плачь.
Чудакам законы ж не прописаны:
Вместо слез и горя ждем удач,
Дел великих, целым миром признанных.

Оставляя страхи на потом,
Неразрывны со своею лямкою.
Ну и что же, что нежданным днем
Постучит Она дверною клямкою.

Надо лишь порой невторопях,
Окунуться в выси неба синего,
Море, набережную в цепах
Полюбить, у дерева осинового.
Постоять, закрыв глаза, ...опять
Вспомнить детство и надежды первые,
У лесной кукушки посчитать,
Что ж тебе отведено наверное.

Наша Жизнь! ...ты в шорохах дорог,
Поворотах резких и отчаянных
Не горюй, коль одолеть не смог,
Отдохни - и в путь без слов прощальных.

Не забудь в дорогу талисман,
Загадай заветное желанье,
Не страшны тебе тогда обман,
Горьки муки и разочарованье.

Неустанно повторяю вновь:
Глупо ждать неделю воскресенья.
Верь в себя, в добро, в свою любовь,
Да, любовь - лишь в ней одной спасенье.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Трудное счастье
всякому ли по плечу?
Серая осень листья с деревьев украла...
Крылья расправлю
и на заре улечу,
Чтобы опять все повторилось сначала.

Там, в поднебесье,
любо парить и дышать,
Раннее солнце в хмурых
рассветах встречая.
Мир надо строить, а не мечом сокрушать,
Смерть и страданья будто не замечая.

Да! Мы устали - жизнь редко балует нас,
Но в оправданиях
глупо искать отговорки.
Может, какая-то жилка внутри порвалась
Или нас вышвырнули,
как котят, на задворки?

Кто же научит
круто по жизни шагать,
Солнце встречая,
загадывать дерзко желанья?
Раз уж дано человеку судьбою страдать,
Самоотверженно ищет он
только страданья.

* * *

Когда высыхают ручьи,
Текут где-то горькие слезы
И разве существенно чьи? –
Рыдают весною березы,

А слезы текут по коре,
Пугливые листья вздыхают...
Не вспомнят о них в сентябре
Случайно ли? - Кто его знает.

Молчит пересохший ручей
Иль плачет береза родная –
Не знаю тоски горячей
И песни печальней не знаю.
Печальны и воздух и лес,
И осени желтые краски,
И синь голубая небес,
И солнца последние ласки.

БЛИЗНЕЦЫ

Жизнь и смерть, как сестры-близнецы,
Неразлучны, истинны и странны.
Им доступны "царские" дворцы,
Континенты, города и страны.

Тужимся их тщетно различить
По простому строгому наряду,
В призрачной надежде получить
Космоса могучие заряды.

Разница совсем невелика,
Ну, к чему пустые отговорки, -
Нас несет Великая река,
А у судна слабые распорки.

Ухвати мгновение с собой,
И рассвета утреннего свежесть,
Подтверждая жизнью иль судьбой
Мотыльков парящих безмятежность.

Безрассудны юные сердца,
Дерзостию вечность попирая,
Рисковать готовы до конца,
Угрызений жалости не зная.

Жизнь и смерть, как сестры-близнецы,
Неразлучны, истинны и странны.
Сущего Великие творцы,
Вечности немые океаны.

октябрь 2002

МОНМАРТР

Я шел по Парижу к подножью Монмартра,
Тяжел, но приятен был путь.
Бульвары, оттаяв в дыхании марта,
Кричали: - Присядь отдохнуть!

Сверяя по карте свои переходы,
Удачно скамейку нашел.
И, вмиг опьянев от весенней погоды,
Вздохнул и сказал: - Хорошо!

Считая ступени, взобрался на кручу:
Зачем мне ваш фуникулер?
А в небе, как птицы, крылатые тучи
Соткали цыганский шатер.

С вершины Монмартра лежал предо мною
Поутру умытый Париж.
И черные тучи ушли стороною -
Что ж ты их не благодаришь?

Спасибо!.. Однако немного взгрустнулось
И сам отчего не пойму.
А сердце, подсказывая, встрепенулось:
Зачем мне Париж одному?..

У церкви нелепо спешащий прохожий
Нечаянно ткнул меня в бок.
Пославши вдогонку:
- Эй, будь осторожен!
Я тихо пропел:
- Сесси бо.
***
Я живу - это дерзко и смело,
Я живу - это круто и зло,
Я живу - это сердце запело,
Если даже не повезло.

Это радость улыбки и слезы,
Это счастье, сомненье и страх,
Это первые листья березы,
Это слово твое на устах.

***
Я иду по улице тенистой,
Из окна мелодия звенит
Про село, про парня-гармониста,
Что иль крепко любит, иль грустит.

Некрикливое простое пенье
Как-то славно на душу легло,
Изменив плохое настроенье
На кураж веселый, всем назло.

И лицо улыбкой засветилось:
- Люди, слышите, я вас люблю!
- Ко мне снова юность воротилась -
- Путь открыт большому кораблю.

На небе призывно солнце светит,
Кошка улыбается в окне.
И прохожий по глазам заметит
Радость неприкрытую во мне.

Симпатичных женщин замечаю
И ловлю их отраженный взгляд,
Столь знакомый, будто не случайно
Уводящий на сто лет назад.

Ни к чему сейчас воспоминанья,
Силуэты молодости вдруг,
Юношеского сердца трепетанья

И глаза манящие подруг?

Я хочу за солнечные дали
По дороге весело идти,
Чтобы только ноги не устали
На нелегком праведном пути.

Чтоб дорога дольше не кончалась,
Чтоб никто не преградил тот путь.
Ничего, что мало сил осталось –
Дошагаю все же как-нибудь.

КОД ДУШИ

После себя оставлю только строчки.
Прочесть в них сможешь код моей души
Все-все сполна - от точки и до точки,
Ты лишь вглядись поближе, не спеши.

И в них отыщешь робости сомненье,
Тревожный взгляд и грусть моих очей,
Порыва сердца и души волненья
Ты в мире не отыщешь горячей.

Шальные мысли, радости, надежды
И высоко парящие мечты.
За дерзкою строптивостью невежды
Слезу печали вдруг заметишь ты.

Но не ищи заумных откровений,
И не проси: мол, больше не пиши
Сумбурный бред вчерашних сновидений
Как быть?.. Ведь это код моей души.

МОЛОДОЙ СОВРЕМЕННИК

Какие драмы, радости и страсти
Волнуют наши юные сердца?
Не признаем благоразумья власти,
Во всем идти готовы до конца.

Наш век пришел, и Бог один рассудит:
Кто нынче прав, иль все же виноват.
Гадалки не предскажут наших судеб,
Не знаем, кто наш враг, а кто нам брат.

В историю пришли мы безмятежно
Во дни разломов, зла и перемен.
Мы и любить не научились нежно,
Не испытав всей горечи измен.
Двадцать четыре! Наливайте, други!
Шальной кураж - на ширину груди.
Как могут быть счастливыми старухи,

Когда их жизнь, увы, уж позади?!

Не ставьте нам в упрек резон циничный
С ценой победы, жизни и вина.
Отложим, братцы, разговор приличный..
Vivat свобода! Выпьем же до дна!

МИНУЛО ЛЕТО

Минуло лето. Так вся жизнь пройдет...
И вспоминать мы будем у камина
О жарких днях с улыбкой беспричинной,
И ожидать с надеждой новый год.

И вспомнятся ритмичный плеск прибоя,
Речитатив июльского дождя,
И солнца луч, и туча, уходя
Вдруг улыбнувшаяся нам с тобою,

Друзей беспечных шумный хоровод,
И шелест листьев ласковой березы.
Всё было так? Иль тщетны эти грезы,
Что в нас живут, как вера в нас живет?

И хочется, чтоб лето не кончалось,
Чтоб нас качала нежная волна...
Как ни крути, лишь раз нам жизнь дана –
Не спрашивай же, сколько там осталось..

Лови живой прощальный солнца луч
В тумане угасающего лета.
Не ожидай банального ответа,
Живи сполна, пока твой ум могуч.

АВТОРУ

Что тебе пожелать, Александр?
Может, виллу заморскую,
остров бананов и манго,
Кипарисов и олеандр?
Где с утра и до ночи призывное
чудится танго,
Нас бросая в объятия
пышных красоток - сирен...
Как томительно сладок сей плен!
Но, увы, не по теме и, признаемся, не по рангу.

Может, выберу сам свой подарок?
Он более прост:
Мне не надо ни вилл, ни сирен,
Островов, где бананов и манго несметно.
Я хочу, чтобы тихо и незаметно
День за днем пролетал –

И за это мой искренний тост.

Чтобы утром нежаркое солнце
рано, как прежде, вставало,
Чтобы небо на нас опускало
свою голубень,
Чтобы легким, неспешным был
памятный день.
Скажешь: Чушь. А по-моему, это немало.

А еще, чтоб любимые наши
были рядом всегда,
Чтобы взглядом своим беспокоили
и согревали.
И друзья, пусть немногие,
с кем делил ты хлеб-соль все года,
От тебя не ушли и во здравии пребывали.

Будет памятен мне
этот Господом дареный день:
В простоте, добродушии и безмятежьи
Сам себе я как-будто
спокойный и прежний,
Хоть признаюсь -
немного мозги набекрень.

КАК ЖИЗНЬ?

Не спрашивай, мой друг, как жизнь моя.
Впервые я с улыбкой не отвечу
Не потому, что в эту нашу встречу
Стал горд или невежлив я.

Нет, просто так мучителен ответ,
Что от него бегу как от проказы:
Ведь у банальной, как копейка, фразы
Явился тайный смысл. Сомнений нет –

Он был в неё заложен изначально...
И потому, не спорь, вдвойне печально,
Что не узрел его на склоне лет.

Счастливо жизнь прожив и не уставши
От дел мирских, тревоги, суеты,
В отчаяньи, несолоно хлебавши,
В конце пути нашел себя. Мечты.

Как тени, унеслись без видимого следа,
Сосуд разбился - склеить недосуг.
Что ж, вместо залихватского ответа
Давлю слезу горючую, мой друг!

Прошу, прости, хоть ложно снисхожденье.
Я сам себе порядком надоел –
Готов принять любое утешенье,
Уверен, что и это не предел.

Кляня судьбу, не все дано поправить,
Коль даже очень-очень захотеть...
Мне не взлететь, нет, крылья не расправить,
Лишь за полетом с завистью глядеть.

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

Жизнь - судьба иль дом, в котором
Я пока живу?
По тропинке вдоль забора
Утром мну траву,

Где зелеными кустами
Разукрашен двор
И нарядными вьюнами
Облеплен забор,

Где родные с детства лица
Были и ушли,
Чтоб уже не возвратиться...
В море корабли

Так уходят, оставляя
Тайну и печаль
А куда плывем, не зная,
Мы с тобою вдаль?

Только шорохи да звуки,
Мятая трава...
От разлуки до разлуки
Ноет голова.

ОСЕННИЕ СЛОВА

Безрадостны стихи в метафоре осенней
Мне вздумалось сложить, но слов я не найду...
Зачем богатства мне, не надо даже пенни,
Последнее отдам за строчку на ходу.

Осенние глаза, осенние улыбки
Тревожны, как судьба, и душу бередят.
Спокойствие - вранье, где стены дома зыбки,
От ветхости падут, придавят, как ягнят.

Чужие голоса, туманы славословья,
Обман и суета мерцающих надежд...
Ах, отойди скорей, не стой у изголовья,
Фортуна чудаков, скитальцев и невежд.

А ПОКА.

На жизнь мы в обиде порою –
Уж очень она коротка.
И сам я бываю, не скрою,
В расстройствах души, а пока

Все хризантемы не расцветены,
Прекрасной песни не услышано –
Молчит мой майский соловей.
Секунды крайней не отмечено,
Последней цифры не посчитано
Программою судьбы моей.

Какие же горькие слезы
По глупости жаждут платка!
Так плачут весною березы
В заботах лесных, а пока
Вес хризантемы не расцветены,
Прекрасной песни не услышано –
Молчит мой майский соловей.
Секунды крайней не отмечено,
Последней цифры не посчитано
Программою судьбы моей.

Так стоит ли нам волноваться,
Судьбу проклиная слегка?!
За райскою птицей гоняться,
Расстраиваться, ведь пока.

Вес хризантемы не расцветены,
Прекрасной песни не услышано –
Молчит мой майский соловей.
Секунды крайней не отмечено,
Последней цифры не посчитано
Программою судьбы моей.

17. 07. 1999

НЕПОВТОРИМЫЙ ДЕНЬ

Наш новый день всегда неповторимый –
Такой как все, но чуточку иной:
Задумчивы, пустое говорим мы
И ясно слышим голос неземной.

Молитву монотонно повторяем –
Где вы, счастливой юности мечты?
Сомнения и тайны поверяем
Словам, которые источник суеты.

И не услышав нужного ответа,
Огорчены в загадках вещих снов.

Порой не спим в тревоге до рассвета,
Хотя ответ давно уже готов.

И вот утратив всю неповторимость,
Съедаем утром черствый бутерброд,
На остановке, истощив терпимость,
Клянем толпою сбившийся народ.

На службе вечный хам, начальник строгий,
Сорвет на нас нечаянно всю злость.
И после заклинаний робких, долгих
Вдруг загрустим. Как, впрочем, повелось...

А дома затрапезные заботы
Горынычем стоглавым видим мы.
И здесь, брат, не потравишь анекдоты...
Так всякий день, от лета до зимы.

И мысли в голове, увы, роятся
Про будни серые и жизни дребедень.
Забыл уж, кем с утра хотел казаться.
И где он, тот неповторимый день?

Но полно, друг, какой же ты зануда.
Протри глаза и в небо погляди:
И солнце тихо подмигнет оттуда,
И сердце заторопится в груди.

СЧАСТЛИВАЯ

Глаза открыла утром рано,
А солнца луч уже в окне,
И сердце бьется сладко, странно:
Как хорошо сегодня мне...

И листья шелестят березы,
И отчего-то на устах
Улыбка легкая и грезы
О маскарадах и цветах...

Но дрему нежную нарушу,
Под солнцем спала пелена,
Волненье согревает душу...
Звенит мелодией струна,

И хочется обнять любимых.
И закричать на целый свет:
Друзья, вы видели счастливых?
Счастливее - на свете нет!

Глаза открою утром рано,
А солнца луч уже в окне,

И повторяю неустанно:
О, Боже! Счастлива вполне!

***
Мечтателям и фантазерам
Я посвящаю этот стих.
Тем, кто своим пытливым взором
Природу сущего постиг.

Кто тайны Космоса приемля,
Их разгадать вполне готов.
Чья муза, по ночам не дремля,
Поёт до самых петухов.

Загадки, шутки, заморочки
Он извергает, не устав.
И это ведь еще цветочки –
Он вам навяжет свой устав:

Как жить, какие потрясенья
Нам уготованы судьбой.
Без тени робкого сомненья
Готов пуститься в смертный бой.

По жизни он – изобретатель
Во всем - в науке и в судьбе,
Чувств добрых первооткрыватель
Которые несет тебе,

Единственной, неповторимой:
Он от природы - однолюб.
Он обожатель несравнимый
Простой улыбки твоих губ.

ДРУГУ В ВЕЧНОСТЬ

Так просто: был и отошел?
Оставив планы и сомненья,
Судьбу, надежды воскресенья,
Ответ, который не нашел?

Все в прошлом: робкие признанья,
Не в меру страстные желанья –
Как сердцу было хорошо!

Жизнь пронеслась, как взмах крыла.
Зачем рождались и взрослели,
Над математикой потели,
Чтобы Она все унесла?

Как, все напрасно в этой жизни?
Знать, нет красавицы капризней...

Перед глазами - два крыла.

А ворон произносит: "Карр!"
И приговор во исполненьи.
Увы, напрасны уверенья,
Что искры - это не пожар.

Что жизни вечной он достоин,
Что будет он, душой покоен,
Благодарить за Божий дар.

НОЧЬ ТЕМНА.

Ночь темна.
За окном стучит дождь, а ветер –
Прямо волк в лесу.
Не до сна...
Засыпаю лишь на рассвете
И тоску унесу.

Тяжкий сон:
Тихо осени желтые листья
Над могилой кружат.
Снова он
Уж который раз мне снится –
Отец или брат?

Крик души.
Может, вспомнил родные лица,
Что ушли навсегда?
Не решил:
То ли плакать, то ли молиться.
Как бегут года...

Ночь темна.
За окном стучит дождь и ветер –
Видно, мне не уснуть.
До утра
Хочу больше всего на свете
Дотянуть.

ДЕКАДЕНТСКОЕ

Декадентское лето
Угрожает заразной хандрой,
И диагноз её - безутешная тихая радость.
Я объехал полсвета,
Заработал давно геморрой,
Видел, право же, все,
Ну, а это еще что за гадость?!

Безутешная радость -
Это способ прожить без долгов?

Иль мозги набекрень -
И поднятый из пыли окурок?
Если малая малость
Сохранилась в коробке мозгов -
Придержи свою лень
И не выгляди, словно придурок.

Непонятно опять!
Фразы прыгают, словно мячи.
Суть в сторонку ушла,
Место заняли блефы и слухи.
Ну, а мне - наплевать.
Понапрасну прошу: не кричи -
Суть, пожалуй, была:
Видишь, дохнут последние мухи.

Так о чем же слова,
Понимает ли кто эту суть?
Я пытался постичь,
Но покамест не удается.
Знаю, как дважды два:
Если глубже еще заглянуть
В эту странную speech,
То она, безусловно, найдется...

НЕВПОПАД

Я тебе отвечаю
Наобум, невпопад.
Не смотри на меня снисходительно.
Хмуро взгляд твой встречаю,
Даже солнцу не рад,
Мину скорчил слегка извинительно.

А кругом суматоха,
Круговерть, суета...
Растеряться вполне оправдательно.
Повинуюсь без вздоха:
Победит красота...
Правда, к ней я давно невнимателен.

Стану очень богатым -
Щедро озолочу:
Я тебя так люблю и лелею!
И полмира отдать
За улыбку хочу,
Что там - пол! - Мира не пожалею.

Так свежи и невинны простые слова -
Мудрость вечности в них отразилась.
Как же их отыскать!
Нет, смогу ли едва...
Знаешь, давеча ты мне приснилась.

***
Чого бажаєш від життя?
Шматочок хліба і покою,
Щоб бути назавжди з тобою
Без світлих планів майбуття.

Чекаєш щастя від життя?
А заробив його довіку?
Що власне треба чоловіку?
Щоб в хаті не було сміття.

За що карає нас Господь?
Ні, не карає - вчить нас болю,
Любіть добро, життя і волю.
Ісус, чекаю я, заходь.

В ПОИСКЕ ИСТИНЫ

Я в поисках истин листал Аристотеля,
Но там для ума лишь загадки одни.
И мне настроение только испортили
Своею заумностию они.

Куда же деваться, какие инстанции
Для поиска истин еще обойти?
Дзинь - дзинь! До какой вы, почтеннейший! станции?..
Билет ваш исчерпан, нам не по пути.

Ох, жизнь, извини, но и здесь арифметика:
Деньки и годочки, их надо считать.
И не ошибиться, ведь лишнего крестика
В таблицу годков не дадут приписать.

Попрыгал и будет... итак, подытожили:
Вот здесь был неправ, а вот тут был хорош,
И перекрещенный, и волею Божию
Почил, как все, всуе...
С приветом.
Ну что ж!?

А истина жизни была где-то рядом,
Одним повезло - узнают, но не мы.
Ведь голос Всевышний - считай что награда,
И с ним не поспоришь - ответы немы.

Так вот мой совет: не кляни, не ругайся,
Живи по отдельному календарю.
И радуйся жизни.
Не можешь? -
старайся!
А этот совет я на память дарю.

СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ

Утекают по капелькам годы.
Мы у прошлого в странном плену.
Дружба наша сильней непогоды...
Тянет-тянет в родную страну,

Где хрущевок бетонные стены
Нашу молодость верно хранят,
Где, как прежде все, без перемены
Так привычно наш радует взгляд.

ГИМН ПЯТИДЕСЯТНИКА

Серые и белые
Будни пролетают.
Осенью спелые
Фрукты созревают.
То, что с червоточиной.
В мусорник идет.
Вкусные и спелые
Скушает народ.

Припев

За столом за пятьдесят
Пьют лишь марочные вина.
Фифти - фифти - это, брат,
Значит ровно половина.

Почему за пятьдесят
Беспокоится мужчина?
После первой - он не рад –
Ждет вторая половина,

Сильные, слабые
В творчестве дерзают.
Во бы я, кабы я...
Так соображают.

Только неудачники
На оклад живут.
Их с машиной дачники
Просто не поймут.

Припев

ТИШИНА

Благодатная тишина –
На душе и светло и тревожно...
Изменить ее ритм невозможно:

Неподвластна стихиям она.

Её волны нежны, но сильны,
Я отдался им волею неба.
Боже, дай мне надежды, как хлеба,
Отодвинь злую тень сатаны.

Разливается нега во мне,
Звук далекий едва донесется.
Перезвоном в душе отзовется,
Растворившись, как дым, в тишине.
Тишина - это песня без слов.
Это нежный романс для влюбленных,
Пред иконой любви преклоненных
Под Луною, где небо - их кров.

Тишина - это сладкие сны.
Это голос спокойной природы,
Это робкие вешние воды –
Возмутители тишины.

ГДЕ-ТО

Ясно как день: завтра опять будет осень,
Этот ноябрь слишком уж мне надоел.
Что ж, мы смирились - даже от жизни не просим
Солнца ль улыбок, чудом улаженных дел.

А за окном - то же уставшее небо,
Тучи под парусом ветром гонимы скользят.
Нищий знакомый - клянчит с надеждою хлеба,
В спины прохожих очи с тоскою глядят.

Где-то за шторой вижу спокойные лица.
И перед ними - мирный привычный экран.
Мне отчего-то темною ночью не спится!
Всюду мерещатся слезы, печаль и обман.

У изголовья лампы настольной свеченье,
Руки ослабшие держат затертый роман.
Мысли уставшей неведомо увлеченье
Дерзким сюжетом - снова коварный обман.

Сотня вопросов - ни на один нет ответа,
От напряжения веки дрожат - не до сна.
А за стеною музыка слышится где-то,
Чудится странно в пышном цветеньи весна.

ДЕНЬ

Вот еще один день истек
В суете и мирских заботах...
Ты не спрашивай: Что за прок?

Я растерян и тих отчего-то.

Вот еще моей жизни день
Отлетел, увы, не вернется.
Сердце птицей усталой забьется
И опустится, словно тень.

Нет, не спрашивай, отчего
Я печалюсь о дне уходящем.
Не привык, видно, жить настоящим,
Правда, все это не ново...

*** * ***

Ты меня отпусти без страданья –
Пусть веселой застынет душа,
Без промозглой тоски увяданья.
Жизнь по-прежнему хороша.

Только мне разонравился розы
Оглушительный аромат,
Не волнуют красою березы,
И рассветам я ранним не рад.

И с товарищами веселиться
Уж не тянет за дружеский стол.
Ночью зимнею долго не спится,
Чаще стал я печален и зол.

Затуманились ясные очи –
Как повязаны кумачом.
Не причем тут холодные ночи
И дождливые дни не причем.

Ты меня отпусти, умоляю,
Я с собой не возьму ничего.
В стороне этот мир оставляю
От участия своего.

*** * ***

Как много разных дней
По жизни пролетело.
Что ж, были потемней,
Но ничего, прошли...
И вот опять я с ней.
Кому какое дело,
Куда ушли года
Той юности моей?

И вот опять в глазах
Знакомое метанье.
И легкая слеза

Нежданно упадет.
И неба бирюза,
И робкое признанье
Неужто повторясь,
Меня опять найдет?

У счастия, увы,
Обратная изнанка.
Как пересуд молвы –
Она всегда права.
Долой из головы
Кошмары спозаранку,
А впрочем, наплевать –
Пускай гудит молва.

ИСТОРИЯ

Смешно... недавно был я пионером,
Как все, зачитывался Маршаком,
Потом, как все, болел Аполлинером
Но все равно остался дураком.

История есть мертвым заклинанье,
Живые ее пишут между дел.
Там места нет вину, любви, страданью,
Остывший камень - вот ее удел.

Случайность не проникла в эту книгу,
Там все закономерно - до тоски...
Лишь склочно вспомнят про попа-растригу,
Столетья не менявшего носки.

Так мы в тиши родного мирозданья
Спокойным взором созерцаем жизнь.
И нам не охватить своим сознаньем,
Какие судьбы в Лету унеслись.

Нам не постичь загадочной природы,
Вселенность тайн её, таинственность планет.
И потому спешим сказать мы "нет"
Всему, что далеко от сиюминутной моды.

И лишь когда коварная судьбина
Расставит нам ловушку на пути,
Оценим мы в тревоге карантина,
Что стоит жизнь, и как по ней идти.

*** * ***

Четвертый день отборный грипп ломает.
Захват могуч, под ним не устоять.
За утром ночь кошмаром наползает,
И силы нету Господа позвать...

ЛИРА

Стихи слагаются небрежно:
Не нужно мучаться - плыви,
И на волне качаясь нежной,
Закрыв глаза, проси любви.

Как в детстве - теплыми словами:
"Ну, убаюкай, укачай".
И ангел спустится над вами,
И слово молвит невзначай.

Поймал? - Счастливчик, без сомненья.
А может, сам его нашел?
Чудес достойных сновиденья
Я через это все прошел.

*** * ***

Белые палаты,
Длинный коридор –
Серебра иль злата
Не отыщет вор:

Здесь лишь стон да муки,
Слезы и печаль.
Не держи за руки
Уходящих вдаль.

Но согрей участьем,
Светом Доброты.
Разве большим счастьем
Обладаешь ты?

Не жалей улыбки,
Света и тепла:
В жизни все так зыбко,
Много лжи и зла.

Белые халаты –
Серая тоска!
Видно, боль утраты
Не забыть пока...

ПО ЖИЗНИ

Как непросто по жизни пройти,
Разве этого кто-то не знает?
Сколько ям и ухаб на пути
Нас, наивных, подчас ожидает.

В том секрета, увы, не постичь,

Мы зовем его нашей судьбою.
А она, как тяжелый кирпич,
Затаившийся над головою.

Упаси от нежданных обид,
Боже правый, прости и помилуй.
Меня, как в лихорадке, знобит
С неподдельною страшною силой

От крутых поворотов судьбы,
От измены далеких и близких.
Как мы сами бываем грубы,
Поступая беспечно и низко!

Не избавившись от суеты,
Строим планы наивно и смело,
Потеряв по дороге мечты,
Позабывши, что сердце болело.

Может, спросишь, зачем мы живем,
Уходящие дни провожая?
Я отвечу: живу этим днем,
И мгновенья его обожаю.

СЛОВА

Слова, что ничего почти не стоят,
Слова, что убивают наповал,
Слова, которыми бедняга, бредя, стонет
Иль кто-то где-то невпопад сказал,

Что так просты иль так порой суровы,
Смешны до колик или холодны.
Вас спрашиваю в изумленьи: "Кто вы?"
И ваших глаз ответы так нежны.

Слова, которыми грозятся дети,
Когда их обижают невзначай,
Слова, которые дороже всех на свете:
"Люблю,
прости,
прощай".

Слова имен, хозяева обличий,
Еще молчанье, когда нету слов,
С оттенком вежливости иль приличий,
Или ва-банк, когда на все готов.

Мы знаем: слово материально,
Но вспоминаем это иногда.
Порою искренни, порой банальны,
Беспомощны, когда валит беда.

Как трудно отыскать, когда в волненьи
Кружится не на шутку голова,
Восторга, счастья, нежности общенья
Или любви заветные слова.

Душа поет - нужны ль слова иные,
В них свет и море, солнце и любовь,
В них жизни смысл, все радости земные…
И ты их повторяешь вновь и вновь.

*** * ***

Про море стихов не слагайте –
Их смоет небрежно волна,
А если захочется - знайте,
Что зорко на страже она.

Какие великие мысли
Вам выплеснуть нужно сейчас?
Насколько красивые, в смысле
Сияния искристых фраз.
Однажды я ночью поднялся –
Над морем висела луна,
А рядом маяк откликался
На луч, что бросала она.

И эта таинственность ночи
Так круто на душу легла,
Что выдержать не было мочи,
И строчка сама потекла.

Я позже слегка ухмыльнулся,
Когда этот стих прочитал...
Не очень-то он развернулся,
Кристаллом не заблистал.

А значит, пора закругляться
И скучно брести на обед...
За дело пора бы уж взяться,
Коль в детстве не вышел поэт!

ЕСЛИ

Если можешь - не пиши,
Если волен - не влюбляйся.
Угадай порыв души,
Не тоскуй, а улыбайся.

Сонных ритмов колыбель
Раскачала непогода.
Затуманился апрель,
Что ж, такое время года!

И не надо, не брани
Сгоряча его напрасно,
Лучше в сердце загляни,
Уяснив, что жизнь прекрасна.

А апрельская тоска –
Это легкий сон природы
Задержался, а пока
Позаимствуй сенс у моды:

Все проходит - мини, клеш,
Обновляясь неустанно...
Ну когда же ты поймешь:
Все на свете бренно, странно.

Так беги ж от суеты,
Познавай свою природу.
И тогда не станешь ты
"Вешать" грусть на непогоду.

СТАРЫЙ ЭПИЗОД

Старый эпизод - это добрый повод
Окунуться в волны отшумевших вод.
Прежние друзья, сказанное слово
Снова оживут - старый эпизод...

Вспомнилось, как ты взглянула сурово –
И покоя мне взгляд тот не дает.
Столько лет прошло, но увидел снова
Странные глаза - старый эпизод...

Детство, летний сад, в пол-аршина брюки,
Словно наяву мать домой зовет.
Добрые глаза, ласковые руки...
Сердце не стучит - старый эпизод.

Дальние края, давние картины:
Прага и Париж - ярче всех красот.
Образы встают, как из паутины
Памяти веков - старый эпизод.

Впереди еще дальняя дорога.
Надо ль торопить нашей жизни ход?!
Радостей, потерь и волнений много
На дороге той... Старый эпизод.

О ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ

Из прошлого нас с вами бытия
Воспоминаний крутится немало.
Видать, не вспомним мы - ни вы, ни я –
Каков конец и где же их начало?

Какие б ценности ты в жизни не имел,
Всё ж главное из них - воспоминанья,
Которых ты, быть может, не хотел –
Слова разлуки иль слова прощанья,
Знакомой улицы причудливый изгиб
Иль башни острые знакомого костела.
Ну что еще? - во мне поэт погиб –
Квартира наша с потолка до пола,

И наши встречи, кофе и слова,
Спокойный тонус дружеской беседы...
Да, улица, кажись, была крива,
Да, были встречи, радости и беды.

О чем я? Ах, о ценности вещей?!
Нет-нет, о ценности воспоминаний:
Огонь горячих глаз иль вкус домашних щей
Иль холодок несбыточных мечтаний.

В чем же их ценность - если без прикрас?
Чтоб без намеков - зримо и дословно:
Их не украсть и не отнять у нас,
Они послушны и беспрекословны.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Старые друзья - старые мотивы.
Молодость прошла - зимы впереди
Солнечным лучом, ласковым, игривым,
Юность пронеслась. Стой, не уходи!

Старые друзья - старые рассказы.
Все ли ты хранишь в памяти своей
Робкие слова, милые проказы,
Горечи обид, ...сердца не жалей.

Старые друзья - старые болячки.
Их совсем не ждешь - сами норовят
Тесно обступив, требуют подачки
"Не гони судьбу", - люди говорят.

Старые друзья - старые квартиры.
Все в них, как тогда, двадцать лет тому.
Дремлют у часов тишины и мира –
Не позволят здесь шума никому.

Старые друзья - новые утраты.
Смысла не ищи в горечи потерь.
Отзвенели дни юности когда-то,
А сейчас терпи, радуйся и верь.

МИГ

Стол, за которым
Мог бы родиться роман...
Суетны мысли - фантазии и обман.
Но ненароком искрою Божею миг
Вдруг осветился и... растворившийся сник.

Ты не старайся как-то его уловить,
И не поддайся слабости звать и бранить.
Неуловимы эти мгновенья удач.
А не дождался - уж не горюй и не плачь.
Значит, так надо - терпения наберись,
Коли не сможешь - жаркой молитвой молись!

1996-й

Вот уж он стучится безмятежно.
Мы его не просим, не зовем.
Только где-то в глубине надежда
Что, быть может, лучше заживем.

Что, быть может, города и страны
Все ж нас ждут, хоть мы издалека,
Может, не покажется им странным,
Говор наш, улыбка, а пока...

А пока за праздничным застольем
Собрались, как много раз, опять,
Чтобы разноцветным хлебосольем
95-й провожать.

И встречать то хрупкое мгновенье,
Когда в двери входит Новый год,
Сердцем чуем - вот он, миг рожденья…
Что же он с собою принесет?

Ни к чему гаданья и догадки,
Знает каждый, стар он или мал,
Веселиться надо без оглядки.
Что ж, повыше праздничный бокал:

Выпьем за туманы и рассветы,
За здоровье, радость, суету,
За загадки жизни и секреты,
За улыбки, счастье, красоту!

* * *

Молчи, мой друг, когда слабы слова
Или когда сказать уже не в силах,
Когда под ветром шелестит трава
Или подруга нежно попросила.

Иль просто, когда нечего сказать –
Не хлопочи, не тужься, не старайся.
Молчи, когда тебя ругает мать,
Соблазну ей ответить не поддайся.

Как дивно утром слушать тишину
В хмельной росе проснувшегося леса,
Как-будто после дьявольского стресса
Перелетел в волшебную страну.

Любовь свою не в силах передать...
Птиц нежный щебет, свист и замиранье.
Под ландышей лесных благоуханье
Молчи и слушай эту благодать.

*** * ***

Что опыт жизни? - Звук пустой.
Судьбу - злодейку не обманешь,
Ведь у неё резон простой –
Что вздумает, не угадаешь.

Коль так - сиди, спокойно жди:
Готово ли предназначенье,
А уловив его, иди
Вперед без страха и сомненья.

Стремимся с юношеских лет,
Прожекты строя многократно,
В истории оставить след,
Не наследив при том изрядно.

К себе не очень-то строги,
Другим ошибок не прощаем:
Когда не знаем мер других,
Отборной бранью угощаем.

Не отличим добра от зла,
С привычной глядя колокольни.
Уж если нет в душе тепла -
Ей за других не станет больно...

Скучны затертые слова,
В сто крат - банальные мотивы,
И потому, как "дважды два",
Воспринимаем их лениво.

В чем жизни смысл и смысл слов?
Загадка не для человека...
Ты отгадать ее готов,
Герой начавшегося века?

РОДНЫМ

У нас одна судьба - её не выбирают,
И силой волшебства её не изменить.
В нас прошлое вжилось - оно не умирает.
Его не отобрать, не скрыть, не отдалить.

И потому бесценные утраты
И горести потерь останутся при нас.
А зов небытия, откуда нет возврата,
Для нас одних напутственный наказ.

Красивых слов в прошеньи быть не может:
Нам свыше отпускаются грехи,
Лишь Он один по жребию поможет
На небе, на земле и у сохи.

А жизнь летит, ухабом громыхая,
Смерть затаилась где-то у двери.
Ах, наша жизнь... хорошая ль, плохая?
Поди-ка ты с разгону разбери.

* * *

На серой страничке неровные строчки,
Нестрог и капризен узор –
События жизни: стихи, заморочки,
Падения, взлеты, позор.

Безликость поступков и радость удачи,
И близких родное тепло.
Недавно смеялся - и вот уже плачу:
Ну что же, знать, не повезло.

Метафоры дерзкой шальное сравненье
Попробовал вкус ощутить –
И, сам испугавшись, во ока мгновенье
Со словом решил не шутить:

Лишь с правдою жизни на суд всенародный
Достойно с пером выходить.
Восславив по чести порыв благородный,
Поступок дурной осудить.

И не ожидая похвал недостойных,
Сомнительных почестей вслед,
Так хочется слогом изящным и стройным
Послать запоздалый привет

Всем-всем, кто нас любит,
без зла вспоминает,

Кому мы всем сердцем верны,
Кто вовсе об этом не подозревает,
Чьи помыслы светом полны.

В нем с искренним чувством миллион пожеланий
Им всем от души передать,
А главное - встав ото сна утром ранним,
Рассветы с улыбкой встречать.

* * *

Уж давно не писал...
Что получится? - право, не знаю.
Может, все растерял,
И по каплям иссяк мой кураж?
Пропадал...
А уж осень спешит золотая...
Не узнал:
Лезет в голову всякая блажь.

Как стремительны дни,
Уносящие в прошлое лето.
Ты его сохрани
В своей памяти пылью дорог.
Не мани
Жаром ночи, прохладой рассвета.
Не брани,
Не тверди: Ну, какой в этом прок?

Так печальны дожди.
Разве можно начать все сначала?
Я прошу: подожди...
Только знаю - напрасны слова.
- Уходи...
Я решился - и это немало.
- Погоди!
Закружилась совсем голова...

* * *

Прощай, мой Крым, тебя открыл я
Над синью моря - перлы гор.
Ты подари мне, птица, крылья,
Я облечу весь твой простор.

Остроконечны пирамиды,
Пронзающие неба высь,
Картинные природы виды –
Остолбеней, посторонись!

Причудливы изгибы улиц,
Ступенек звонких дружный хор:
Где Кореиз, а где Мисхор,

Не все ль равно - вы улыбнулись?

Прощай, мой Крым, тебя открыл я,
Как открывают острова...
Тебя навеки полюбил я.
Кружись, шальная голова!

ВОСПОМИНАНЬЯ МИГ

Две башни костела в вечернем окне
Минуты иные напомнили мне:
Далеко-далеко под крышей дворцов
Ватага гусар, удалых молодцов,
Встречалася в полночь - рождественский бал.
И я среди них невзначай побывал.

Какие минуты, какие мечты:
Не вдруг, незабвенная, вспомнилась ты.
Под звуки мазурки и бряцанье шпор
Я слышал восторгов избыточных хор.

Тебе в поклоненье лилися слова.
Как все же нелепа людская молва...
Как я был взбешен - и не вспомнить бы мне
Лишь контур костела в вечернем окне...

*** * ***

Помоги мне, Господи, помоги,
От щедрот Лукавого сбереги,
Душу мою высветли - в ней грехи,
Да не осквернят её злы враги.

Господи Иисусе, сохрани,
За грехи и слабости не брани,
От беды и напасти борони,
Не коснуться нас крылом пусть они.

За молитвой утренней в тишине
Славлю тебя, Господи, ты во мне.
Суетные благости прежних дней
Оставляю, Господи, в стороне.

****

Непересічні чи недосічені,
Краща доля вам не дана.
Істини вічні чи запозичені –
Всім їм однакова зараз ціна.

***

Книгу жизни нехотя листаем:
Здесь - любовь, здесь - был смешон иль прав…
Заглянуть вперед всегда мечтаем –
Сколько ж там еще заветных глав?!

ОБМАН

В окне - туман.
В душе - обман.
Куда плывет
Мой пароход?
В ночи тебя
Вдруг вспомнил я...
Удачлив тот,
Кому везет.

Прошел туман.
Исчез обман.
Из дальних вод
Корабль плывет.
Судьба моя,
Зову тебя:
Удачи нет –
Грусти, поэт...

ЮБИЛЯРУ

Юность - это дерзкие мечты.
Зрелость - это факт, пора свершений.
Планы ж нашей старости просты –
Недуги средь моря уваженья.

Мы в долгу у собственной судьбы,
Хоть живем, долгов не отдавая,
Без огня, без радости борьбы,
На судьбу напрасно уповая.

А не лучше ль годы не считать?
Радоваться жизни неустанно:
Плакать, мучиться, болеть, страдать,
Улыбаясь весело ли, странно ль.

Потому желаю всей душой:
Пусть долги всемерно возрастают,
А душа назло себе самой
Угрызений совести не знает.

Юбилеи все-таки нужны –
Мы на них счета свои сверяем.
Как всегда, надеждами полны,
Вот как быть счастливыми - не знаем.

***

Листья последние с кленов слетают кружа,
Тихо уносят надежду на солнце и радость.
Где ты? Вернись же, моя неспокойная младость,
С вихрем страстей и чудачеством куража.

Как неспокойны у юности сладкие сны:
Неразделимые чувства с фантазией бешеной спорят.
В дерзкой борьбе, окаянною страстью полны –
Испепеляющи - одновременно и счастье, и горе.

То ли уверенной зрелости ранний рассвет,
Мыслей спокойных размеренность и порядок,
Старых друзей ненавязчиво теплый привет,
Жизнь безмятежная без неудач и загадок?!

За горизонт удаляется дней бесконечная цепь –
Не успеваем мы их посчитать и измерить...
А впереди - необъятная знойная степь:
Любо шагать босиком, улыбаться и верить.

В ВАШИНГТОН И ОБРАТНО

Свежи порой воспоминанья:
Нахлынут дерзкою волной
И вдруг нежданно утром ранним
Явят картины предо мной.

Шли по аллеям парком сонным,
Весь мир готовые обнять,
Мемориала Джефферсона
С восторгом гордым прочитать

Слова, знакомые такие -
Не только доллар их блюдет,
Превоплотив в дела благие,
Тем подтвердив The trust in God.

А вечером вдоль Потомака
Бродил, мечтая, как чудак,
И там из векового мрака
Привиделся мне тайный знак

Судеб нескладных и достойных,
Пропавших в пропасти страстей,
Шальных идей и жизни полных.
Равны там гений и злодей.

А по дороге к Вашингтону
Наш приковали скорбный взгляд
Ряды надгробий Арлингтона –
Молчат уж сотню лет подряд.

Такими стройными рядами
На приступ с барабаном шли
Солдаты Севера, под знамя
Вел генерал их славный Ли.

Вечерний час нагнал усталость –
Вдруг безмятежно задремал
Совсем-то крохотную малость...
Проснись турист, кончай привал!

Здесь площадь четырех музеев,
Крахмально-белый - Белый дом,
И в Капитолии, трезвея,
Внимали мы, совсем как днем.

Ну, вот и все - конец страданьям,
Мозолям стертых башмаков –
Достойный повод для признанья:
Отряд к отбытию готов.

Остановив для сновидений
Всех впечатлений стройный бег,
Автобусом без промедленья
В Хант Велли - снова на ночлег.

***

Обещала ведь мне не сниться!
Так зачем же так?
Под ногою скрипит половица,
Знаю, я - чудак.

Знаю, мне б отойти в сторонку –
Не стоять на ветру.
Что ж, что капают слезы звонко –
Все равно не утру.

Ты навек меня околдовала –
Чернокрылый взгляд.
Пью его, ну а мне все мало –
Сорок раз подряд.

Кабы лето опять настало –
Солнца белый свет...
Я прошу: Давай все сначала!
Знаю, скажешь: Нет.

Мы вольны: у нас друг пред другом
Нет давно долгов.
Голова пошла резко кругом -
Не до слов.

МОЛОДОЖЕНАМ

Взрослеют дети, взрослые стареют:
Спираль. Движенье. Кругооборот.
Жених перед невестою робеет,
Взгрустнули мамы - нежный эпизод.

А сколько их различных эпизодов,
Смешных и грустных, жизнь преподнесет?
В делах земных с восхода до захода,
В хлопотах будней, в радостях забот.

Но среди всякой разной круговерти,
Деяний важных и мирских сует,
Людской молве ни капельки не верьте,
Храните тайну, маленький секрет.

Секрет душевной нежности, доверья,
Которые друг другу так нужны.
Не зря бытует мудрое поверье,
Что слабости у сильных не видны.

Желаю вам, вставая утром рано,
Побольше и почаще вспоминать
Один совет - не посчитайте странным –
Из детства не спешите убегать...

Кажись и всё, понятно ль, непонятно?
Поэзия - что в роще соловьи...
Ну, а теперь, как прозой: четко, внятно –
Детей рожайте в счастье и любви!

У ЧЕРНОГО МОРЯ

Приподняв от подушки лицо,
Вижу море в окно серебристое,
Будто нежной волшебной пыльцой
Вглубь пронизаны волны у пристани.

Белый парус проткнул горизонт,
Приближается стройною птицею
И летит, как отпущенный зонт
На ветру, и грозы не боится.

Тучи сходятся грозно над ним,
Как на сцене смешных декораций.
Но не страшно совсем, и молчим
Мы, как в зале пред громом оваций.

Кто мы, что же нас ждет? Подскажи:
В ил закопано столько сюжетов.
Что молчишь? Нет у моря души...
Сто вопросов - и все без ответов.

Море Черное, синее, разное,
Наши чувства к тебе - нет, не новые:
Лишь бы видеть тебя. И прекрасное
В стих слагается за словом слово.

Варна, 9.09.2000.

ИНФОРМАЦИЯ

Очень трудно найти ответ,
Должен честно признаться я,
Знаем точно мы или нет
Что за термин такой информация?

Посмотрев по ТУ сюжет,
Мы нередко впадаем в прострацию.
Виновата ль тут или нет
Злополучная информация?

В наш стремительный шумный век
Всемогучей информатизации
Все доверились дружно Hi - Tech,
Это значит - и информации.

Пусть она холодна и скучна.
Пусть за нею подчас профанация.
Но ведь чаще полезна она,
Вездесущая информация.

И с какой не взгляни стороны,
Очевидна вполне ситуация –
Прежде всяческих дел должны
Мы природу познать информации.

Темы "умный кто, кто дурак?"
Не хотел бы всерьез касаться я.
Но что делать, ведь в жизни так:
Кому - "баксы", кому - информация?!

БУДАПЕШТ

Я люблю бродить по Будапешту:
Город сказок, радости, мечты!
Я скучаю, по тебе, ну, где ж ты,
Скоро ль снова явью станешь ты?

Прогуляться б утром вдоль Дуная –
Красоты величественней нет.
Постоять, Геллерт не узнавая,
На мосту с названием "Эржбет",

Бросить взор на улицу Аттила

С постамента крепостной стены.
Старый город! В нем столетий сила
Сердце расцветающей страны.

Проезжая близ руин Аквинкум,
Представляем в славе Древний Рим
И, срывая меж камней травинку,
О его величьи говорим.

По аллеям Маргит вы гуляли,
Укрываясь от жары в тени?
Если да, забудете едва ли,
Как порой загадочны они.

Синевы бескрайние просторы,
Белый парус ветром напряжен...
Вздор - географические споры:
Озеро иль море Балатон?

Широка знакомая дорога,
Утомила умных и невежд:
Возвращаемся, еще немного,
Вдалеке - вечерний Будапешт.

Вот машина въехала в Обуду...
Впереди ж далекий путь домой.
Разве я когда-нибудь забуду
Будапешт, любимый город мой!

март 2003 г.

ЦИКЛ "ЛЮБИМОЙ

*** * ***

Я почему-то очень верю в счастье:
Оно мне искры мечет в вышине.
А много ль человеку в дни ненастья
Для счастья нужно?.. Так же вот и мне.

Я не привык мечтаньям отдаваться,
Но это факт - порой касанье рук
Дороже поцелуя раз в сто двадцать:
Порывы ветра поцелуй сотрут.

Порой твой взгляд милей всего на свете,
В нем теплота и ласка нежных глаз...
И счастлив я, что вот такую встретил:
Без сладкой лжи, без фарса, без прикрас.

Ты иногда права - в стихи не вложишь
Того, что хочешь прозою сказать...
Но ты вглядись - и в них, я знаю, сможешь
Мои черты в тумане отыскать.

И сквозь с трудом рифмованные строчки,
Под маскарад пустых, ненужных фраз
Мою любовь от точки и до точки
Прочесть ты сможешь в свой досужий час.
1958 г.

***

Я помню тебя повзрослевшею девочкой...
Ты нравилась мне, я тебя обожал
С укором любви сквозь вишневые веточки
Глазами к калитке тебя провожал.

Я знаю, ты помнишь ту пору до мелочей,
Как ревность во мне своей страстью зажгла...
Любила ли? - Да, ты любила; и в девичьей
Любви, ну признайся уж, меньше тепла.

Прошу, не сердись, я ревнивый порою,
Но взглядом твоим, как и прежде, пленен...
Что ж, ты все такая, лишь стала большою,
А я поглупел - знать, не в шутку влюблен.

Да, все как и прежде, но мне почему-то
Твой взгляд так особенно дорог и мил.
И очень мне хочется вспомнить минуту,
В которую я, не шутя, полюбил.

Быть может, когда-то без тени волненья,
Напомнив про юности бешеный пыл,
Опять повторю, что не лишь наслаждения
В тебе я искал. Нет... Я просто любил.

Пусть нам никогда не придется встречаться,
И пусть по десяткам промчатся года,
Я вспомню с улыбкой, как ты в восемнадцать
Со мной у калитки стояла тогда.
1958 г.

* * *

Тобой томлюсь, но не жалею,
И в грусти утоляя кровь,
Я лишь одну мечту лелею –
С тобою повстречаться вновь.

Неповторима эта встреча:
Твои глаза в сиянье грез...
И этот тихий летний вечер
В прохладном шелесте берез.

Я помню, ты тогда стояла,
С улыбкой глядя на меня,

И что-то тихо напевала,
Не чуя моего огня...

Близки заснеженные дали,
Наивен молодости пыл...
Надежд, увы, не оправдали,
Но разве кто о них забыл?

*** * ***

Самого сильного чувства в жизни тебе пожелаю, Чистого неба и солнца, нежного, как любовь,
Азбуки жизни текущей сам я не очень-то знаю:
Старые, умные мысли все повторяю вновь.

Тихой и ласковой песни, жизни большой и красивой
И растворения в людях, с Богом во имя добра.
Яркого мига удачи, сказки, где дивные дива,
Сильных и нежных объятий с вечера до утра.

СУДЬБА

Судьбой моей была она:
Уже уйдя, в глазах стояла.
Росли деревья у окна
И осень заревом блистала.

Листвою плакал лес густой,
Текли ручьи, журча, как в мае...
Казалось, лишь для нас с тобой
Дышала осень золотая.

Дышала тихим ветерком...
Где в нем былая легкость лета?
Мечтали мы и лишь тайком
В глаза глядели, ждя ответа.

Нам многое с тобой дано,
И многое поведать надо...
Но, видно, так заведено,
Что с осенью идет прохлада.

Нам, охладевшим, не найти
В глазах любимых прежней страсти.
Что ж, к сердцу больше нет пути –
И отогреть не в нашей власти.

Судьбою это суждено,
Что осенью пора прощанья
Пришла, не постучав в окно.
Уйдет - не скажет "До свиданья".

1959 г.

"20"

Прости меня, прости... За что? Так слушай:
Ведь я тебя порою не ценю –
Среди веселья мир светлей и лучше,
Я в нем свою бороздку бороню.

Мечтать - я иногда, шутя, мечтаю.
Я и грустить - грущу порой, но ты...
Ты все поймешь, к чему я объясняю?
Ведь ты всегда со мной. Мои мечты...

Мечты о небе, людях и березах,
О кораблях, несущихся к звезде,
О пролитых и непролитых слезах,
О бездне, о любви и о беде.

Под белоцвет порхающего снега
Один, как лист, среди ветвей брожу.
Судьба моя, как жизнью человека,
Я лишь в беде тобою дорожу.

Ты не обидишься... И, знаешь, я не скрою,
Пусть лаской станет слабый голос мой:
Ведь если в горе ты всегда со мною,
То счастье тоже разделю с тобой.

Куда плывем мы в нашем ветхом судне?..
К тебе весна двадцатая пришла.
Я пью за то, чтоб превратились будни
В столетья счастья и в минуты зла.

*** * ***

Мне тебя увидеть хоть бы раз,
Мне б поцеловать хотя бы два...
Нет достойных слов, но без прикрас
Я скажу: "Любовь еще жива".

Я весь мир хочу постичь большой,
Прочитать от корки и до корки...
Очарован я твоей душой,
От улыбки нежной я в восторге.

И я глаз прелестней не ищу:
Мне твои теплее и дороже.
Счастлив я с тобою и, быть может,
Потому измены не прощу.

И не тратя страсти наугад,
Тысяч лет немой тоски и света,
Не хочу гореть, как звездочки горят,
А хочу - как быстрая комета.

* * *

Тот образ твой в орнаменте туманном,
В осенних листьев рамке зыбкой манит.
Он вдруг ласкает, вдруг порою ранит,
Заглянет вдруг в глаза с улыбкой странной.

К тебе, увы, быть может, не в сравненье
Ни мотыльки, ни стройные березы:
Просты они. С них дождевые слезы
Смывают грусть, и тяжесть, и сомненье.

Тебя нельзя назвать и райской птицей,
Что осветила прелесть мирозданья...
Нет, ты земная. И земли терзанья
Тебя родили дерзкою тигрицей.

Да, ты земная, и земные страсти
Тебя родили ласковой тигрицей...
Да сохранит Всевышний от напасти
Твой нежный взгляд. Ну чей же с ним сравнится?

Суровые у жизни колыбели,
В которых та детей своих качала.
Порой добра, порой совсем не знала,
Что за чума детей ее терзала...

А вдалеке сирены тихо пели,
А вдалеке пушистые метели
Слагали песню, а судьба шептала:

"О, дочь моя, я прелестей лобзанья
Тебе, достойной неги наслажденья,
Не дам, но пусть же тень сомненья
Тебя не тронет в радости признанья.

Я уготовила тебе земную славу –
Она дороже радости небесной.
Она дана тебе в святое право,
Ты ей ответишь своей первой песней".

И славы жизнь к ногам твоим упала,
И понесла в страну видений чудных...
Я ж гость усталый, путник я приблудный,
И мне о славе лишь молчать пристало.

1961

* * *

Прости меня за то, что ты вздыхала;
Прости за то, что я - не свет, а тень.
Прости меня, как много раз прощала...
Я обещаю, завтра - светлый день.

Ты знаешь, мы с тобой вдвоем кочуем
Среди пустыни горечи и зла,
И потому лишь одного хочу я:
Чтоб эта тропка к дому привела.

В тревожном мире, полном лжи и грязи,
Где в смену будням будни лезут вновь,
С твоей родной моя улыбка в фазе,
Мое прибежище - твоя любовь.

Ты в этой тьме - звезда на небосклоне,
Что каждый вечер светит для меня...
Вот обернулся. И на синем фоне
Горит она, мой взгляд к себе маня.

У радости свежи воспоминанья...
С тобою рядом - вечность злая сгинь.
Ты для меня - основа мирозданья,
Моя любовь, душа, судьба и жизнь.

Ты - нежность грёз, тепло родного взгляда,
Что сразу не по силам унести.
И потому мне в этой жизни надо
Лишь об одном просить тебя: Прости...

ДОРОГА

Нам жизнь расстелила большие дороги,
По ним нам с тобою идти да идти...
Нельзя вспоминать про уставшие ноги,
Пока не прошли половину пути.

Мы рядом бредем. А у этих окраин,
Быть может, опасность внезапная ждет.
Мы рядом, и все же порою не знаем,
Где нас поджидает крутой поворот.

Ты вспомнишь: минуты тяжелые были,
Но вместе мы шли под прицельным огнем.
Мы жизнь всю минутами вместе прожили
И вместе грядущую жизнь проживем....

Обнявшись, проходят года вереницей,
Нам рядом посчитаны долгие дни...
Ты эти минуты, летящие птицей,
Всегда в своей памяти нежно храни.

КОНЦЕРТ

Бушует шквал дивертисментов...
Тебе судьбой дан Божий перст.
Взорвется зал в аплодисментах,
На сцене ты, знакомый жест...

Ты, знаю, всем на удивленье
Имеешь сердце храбреца.
И здесь не может быть сомненья:
Ты завоюешь все сердца.

Поднимутся в восторге люди
И "браво" дружно заорут.
Моим подарком скромным будет
Домашний праздничный салют.

Пусть лай собачий утром будит
И охраняет твой покой:
К тебе с минуты этой будет
Приставлен пес сторожевой.

"22"

Ты, как и я, во всем лишь крайность,
Вот мы и вздорили порой.
Но в мире не одна случайность –
Ты стала вдруг моей женой.

Тобой, как прежде опьяненный,
Ловлю улыбку милых глаз...
Как был я в девушку влюбленный,
Люблю я женщину сейчас.

Идут года, меняя платья,
Но у любви свои часы.
Мы не стареем - с нами счастье,
И я - поэт твоей красы...

Я вспомнил всё: наш дом и вечер,
Когда тебя я повстречал,
Как жаждал каждой новой встречи
И как впервые целовал.

Волнуюсь я волненьем первым,
Тебя готовясь поздравлять.
Часы на стенке тиком нервным
Считают: три, четыре, пять...

Я взгляда пылкого не скрою:
В тебя влюбляюсь вновь и вновь.
Глаза открой - и я с тобою,
А рядом вся моя любовь.

Ты стала девочкой большою,
Вся - как букетик полевой...
Спешу я с утренней зарею
Поздравить Вас, ровесник мой.

*** * ***

Может быть, я тебя и не знал никогда,
Может, просто все это привиделось?
Может, сказка - прожитые вместе года,
Этот снег и зима... Ой, прости, ты обиделась?

Нет, не сказка, не сон - я, как прежде, люблю.
И, нахмурив усталые брови,
С фотографии взгляд твой с надеждой ловлю,
Как улыбку осеннего солнца мы ловим.

Я живу для тебя, и мне в радость тоска без тебя, Одинокой печалью подернуты снежные улицы...
Я с тобою и слышу, как радостно горны трубят.
Я тебя обниму - стоит только немножко зажмуриться.

В ночь уходят, по рельсам стуча, поезда,
Может, правда, все это привиделось?
Как упрямо несутся лихие года,
Но я рядом и счастлив, что ты не обиделась.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Для тебя зима, раскрасив окна,
Провела снежинок хоровод,
Дед Мороз пришел на огонек к нам
И принес в подарок Новый год.

Помнишь ты, как Старый год ветрами
Направлял ненастия нам в лоб.
Ничего, мы стали лишь упрямей
От того, что падали в сугроб.

Год прошел, ему рукою машем
С ледяных ступенек января.
Нам отсюда видно: в окнах наших
Голубые лампочки горят.

С Новым годом, человек мой главный,
Пусть тебе лишь радость он несет!..
Старый год ушел совсем недавно –
Мы с тобой вступили в Новый год.

1963 г.

8 МАРТА

Мы с тобою шли вчера по улице,
А над нами небо - бирюза.
И весною ранней в каждой лужице
Улыбались мне твои глаза.

Забегал вперед, тобой любуясь,
Как мальчишка. В праздничный канун
Я всегда торжественно волнуюсь,
Поздравляя женщину - жену.

Пусть тебя качает только счастье,
Снятся только радостные сны,
Пусть отступит снежное ненастье
Перед первым праздником весны.

ИЗ МОСКВЫ

Скоро мы будем рядом,
Будем всегда вдвоем...
Ты мне была наградой
Каждым прожитым днем.

В эти бессонные ночи
Образ твой птицей парил,
И на лету, между прочим,
Взглядом меня одарил.

Так пролетит полжизни...
А, может, вся жизнь - обет?
Я не хочу в афоризме
Твой услыхать ответ,

Я лишь хочу добиться:
"Будешь, как я, иль нет
Также ко мне стремиться
Через десятки лет?"

Буду ли чувствовать ласку
Нежно любимых рук,
Снова услышу ль сказку, -
Лекарство от всех недуг?

Ты мне... жизни дороже –
Не для высоких фраз.
Правда, разве кто может
Пугать расстоянием нас?

И разве черные бури
Закроют мне образ твой?
Ты лишь промолви: "Шурик!"
И я окажусь с тобой.

Ты укажи мне пропасть,
К которой я должен бежать
И я одолею робость,
Чтобы не отступать.

Любовь мою не измерить
Временем и судьбой...
Очень мне хочется верить,
Что мы неразлучны с тобой.

ШУРА!

Пусть тебя ласкает мотылек,
Принеся на крылышках улыбку.
Я к тебе примчался б, если б мог,
Как и он, вздыматься в неба зыбку...

Подхватило лето перезвон
За весной в волнующие дали.
Он тебе поёт, ты слышишь? Он
Мой привет тебе не передал ли?

Ты не хочешь слушать эту ночь
И мои безмолвные признанья?..
От меня судьба уходит прочь
Теплотой знакомого дыханья.

Опустилась низко голова...
Ей не страшно, бедной, опуститься.
Дождь прошел, и прилегла трава,
Чтоб на утро свежестью умыться.

Я хочу травой зеленой стать,
Чтобы ты, уставши, отдохнула,
Чтоб забыла про беду опять
Или, может, погрустив, вздохнула.

Эти строчки смыслом не сильны
И смешны к тому же, без сомненья.
Ты прости, но мне они нужны,
Чтоб тебя поздравить с днем рожденья!

*** * ***

Серебрят уставшие снежинки
Далеко за окнами в ночи...
И меня коснулись порошинки
Под луной заснеженной парчи.

Я несу тебе в руках, как праздник
Ветром запорошенных дорог,
Бедный мир подарков самых разных –
Мир души желаньями широк.

Всё же не о них хочу сказать я,
Пусть себе теснятся в стороне...
Значит, правда то, что люди - братья?!
Помнишь, ты доказывала мне.

Под твоим лишь взглядом мне согреться,
Повторяю уж который раз.
Я гляжу, и мне не наглядеться –
Утопаю в бездне твоих глаз.

Под луной заснеженные дали
Звезды холодят, там их приют...
Пусть глаза, что радостью сияли,
В жизни эту радость пронесут.

А.К.

В долинах памяти, в садах воспоминаний,
В их тайных и далеких уголках,
Ты, как всегда, но чуточку иная
Проходишь на высоких каблуках.

И я, вскочив, несусь тебе навстречу,
Миг счастья не желая упустить...
А ты в ответ лишь приподнимешь плечи –
Горда, всегда готовая простить.

Простить всем-всем, себе лишь не прощая,
Неся своих достоинств бренный груз...
И мир, как книгу долго изучая,
С оценкой на свой требовательный вкус.

А жизнь в бегах - годами не измерить,
Но на крутых и сложных виражах
Я по тебе умел себя проверить
И участи опасной избежать.

Как хорошо, что год не юбилейный,
И круглых дат опасность далека,
Хотя тревожат нас они слегка...
Но жизнь - борьба, а не сироп елейный!

Пусть славен будет этот день дождливый!
В нем ты прекрасна, кудри распустив.
И я хорош?! Не в меру прозорливый,
Чуть-чуть от чувств избытка - примитив...

Желаю не бог весть чего угодно
Среди веселья громкого "ура":
Ты завтра будь такою, как сегодня,
Сегодня же - какой была вчера.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПОЗДРАВЛЕНЬЕ

И завтра снова будет день,
И время торопить не надо.
Жара ли будет иль прохлада,
Искать нам зонтик или тень?

Пусть будет так, как жизнь назначит,
Ох, своенравна, но умна.
Хоть жестока порой она...
Не спрашивай, что это значит?

Не часто радуешься ты –
И не ищи тому причины...
Проходят снова именины:
Друзья, подарки и цветы.

И ты, как прежде, весела,
Шумна, прекрасна, горделива.
Пет, не считай, что жизнь прошла –
Она лишь спряталась игриво.

Какой блистательный успех –
Все повторяют: "Ты прекрасна".
И повторяют не напрасно –
Ты улыбаешься для всех.

И мы всей дружною семьей
Желаем радости и счастья...
И от заблудшего ненастья
Да сохрани нас, Боже мой!

ШУРЕ - МАМЕ 8 МАРТА

Волшебной птицею стремится
К нам этот светлый день весны.
И все кругом преобразится,
И мы весной озарены.

Добрее стали и чудесней,
Глядим с улыбкой на других.
Нескладной искреннею песней
Любимых славим мы своих:

"8 Марта наступает...
И женский день идет вперед"...
Что ж, у поэтов так бывает –
Шальною рифмой вдруг прорвет.

Итак, высказываясь прямо,
Подарок наш давно готов.
С ним поздравляем нашу маму,
Жаль только, нет при нас цветов

***

Вот в этот день и час
Ты родилась когда-то.
И мне не отвести

свой взор от этих глаз.
И потому у нас
Торжественная дата
……
Спешит за часом час,
Бежит за годом год...
Ах, это время! Передышки не дает.

*** * ***

В кругу своих друзей
Улыбки нежно даришь.
И зависть черная, как шлейф
вокруг тебя.
Но слабости своей
Ни капли не покажешь...
……
Я молодость твою
Всем сердцем берегу,
И без тебя прожить минуты не могу.

*** * ***

Сей слабый стих - подарок скромный
В твой день рождения дарю,
Пусть с опозданьем по календарю,
Но от души с волнением огромным.

Подарок сей за форинт не купить,
Да у меня их нет - ты это знаешь,
А потому, надеюсь, мне прощаешь,
Что нечего сегодня подарить.

От нас, мужчин, почти что джентльменов
Прими букет из пожеланий всех,
Которые для счастья и утех
Всегда желанны и бесперемены.

Ну что? Уж не пора ли здесь кончать
И научиться время замечать?

МАМЕ

Пройден путь не близок, не далек –
И родился славненький сынок.

В притче сказано, не может быть иначе:
"Дети вторника родятся для удачи".

Посему желаем всей душой
Плыть ему с удачею большой,

Веря в счастье, делая добро –
Что там злато или серебро?

Пусть на радость маме он растет –
так проходит пусть за годом год...

С ЛЮБОВЬЮ

Белая береза
В розовом окне
Были или грезы
Навевает мне?

Буйное цветенье
И канун весны,
Радость и томленье,
Золотые сны,

Будни и тревоги
С проливным дождем,
Дальние дороги –
Всё, чего не ждем,

А еще навеет
Про мою любовь,
Что мне душу греет,
Окрыляя вновь.

Вот про все про это
Я пришел сказать
От лица поэта.
И... поцеловать.

***

О житье-бытье не думай, не гадай,
Не томись раздумьями о прошлом,
Не ищи в воспоминаньи пошлом
Тот не наш, далекий, светлый край.

Не шурши усталой занавеской
У окна промчавшихся надежд.
И не слушай умников - невежд.
Не стесняйся, прерывай их резко.

* * *

Скажи мне правду: почему
Младую гордость задеваешь,
Неужто к сердцу моему
Пути иного ты не знаешь?

***

Для тебя пою, родная,
Я ведь твой, навеки твой.
Хотя знаю, что другая
На меня глядит с тоской.

***

Разве небо не смеется,
Разве сердце не поёт,
Когда свет в окне зажжется,
Тень знакомая мелькнет?

Как мучительны рассветы
Без волшебного тепла.
Я зову тебя, но где ты?
Хоть не верю я в приметы,
Все ж, боюсь, опять ушла.

***

Почему Ваш взор туманный
Мне покоя не дает?
Он, быть может, нагло врет?
Вы простите тон мой странный:
Он меня с ума сведет!

***

Пусть листья падают, кружась,
Туманом солнце застилая.
Пусть мы промолвим, не таясь,
Что это осень золотая

Пришла, своею сединой
Виски мои посеребрила...
Но не угаснет образ твой
И взгляд, что ты мне подарила.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Ветер треплет занавеску
на твоем окне.
Мне не спится темной ночью,
грустно что-то мне.
Вспомнил я весну былую,
надо ль вспоминать?
И тебя, мою родную,
не сестру, не мать.

Ты мне славно улыбалась
сквозь листву ресниц.
И тогда ты мне казалась
заревом зарниц,
Что вдруг небо осветило
в тишине ночной,
Что меня озолотило
радостью земной.

Что шептала - не шептала,
слышал только я,
Грудь под кофточкой дышала,
голову пьяня...
Вдруг свою родную тропку
должен затоптать
И любовь свою - сиротку
в землю закопать.

Слышишь, месяц, слышишь, солнце,
сердцем вас прошу:
- Загляните в то оконце,
что я сторожу.
Передайте, коли хочет
сладко почивать -
Я не кликну среди ночи,
буду утра ждать...

Ветер треплет занавеску
на твоем окне.
Мне не спится темной ночью,
грустно что-то мне.

****

Не лгали очи, что когда-то
Светились взглядом первых вёсн,
Которые - не помню даты –
Отозвались на мой вопрос.

Слова безмолвные, простые
Я живо помню. Осень, ты...
Кружились листья золотые,
И нас баюкали мечты.

Из сердца не убрать любовь,
Как полустертую пластинку.
Она напомнит вновь и вновь
И выкатит из глаз слезинку.

Былое явится, как новь...
Ты не стирай ее, и в счастьи
Прошедших лет найди тот день,
Который и в лихом ненастьи,
В молчанья, как бы без участья,
С тобою рядом, словно тень.

А.К.

Как душиста нынче земляника
Ранним летом, прямо как в лесу!
Ты с улыбкой на нее взгляни-ка,
Я еще в лукошке принесу.

И тебя разбудит запах лета,
Юный блеск в глазах зажжет опять.
Тороплюсь, чтобы про всё про это
В поздравленьи утреннем сказать.

Пожелать простого в жизни счастья,
Даже если трудное оно,
И со всей, тебе присущей, страстью
Отдавать все людям. Все равно.

В этом смысл и радость созиданья,
Хоть нелегок, право, этот путь.
А пробравшись через все страданья,
Улыбнуться все же не забудь,

Вспомнив, как вечернею порою
На высоких модных каблуках
Ты входила, словно перед строем.
Гости хором восклицали: "Ах!"

Повторяю, не сочти же странным:
Я сегодня повторяться рад,
Что любить тебя не перестану
Как тогда, как много лет назад.

***

Жизнь твоя - это плата за страх,
Что я честно в душе пережил,
За кошмар в твоих нежных глазах,
Чьи страданья я не заслужил.

За надежды потерянной миг
И за всю беспросветность судьбы...
Кто сказал, что я в горе поник,
Нет, не сдамся ему без борьбы!

Это просто превратности дня
Забрели, закрутили в спираль,
Увлекли ненароком меня
В безответную темную даль.

Но надежду я все ж затаил
В уголках утомленной души –
Сколько горя я в ней утолил!
Не поведать, пиши - не пиши.

Долгожданен грядущий рассвет,
Счастлив каждый наш день, каждый миг –
Благодарнее истины нет...
Отче наш, наконец я постиг!

***

Мне приснились любимой черты,
Что из юности мне улыбалась.
Та улыбка со мною осталась,
Как дыханье былой красоты.

Лет далеких хмельной аромат
Я вкусил, или это виденье,
Что прохладною легкою тенью
Забрело в наш заброшенный сад?

И предамся волшебным мечтам,
Безвозвратно умчавшимся в Лету,
Бесполезней занятия нету –
Не судите меня, знаю сам.

Знаю: это всего лишь мираж,
Как у путника в жаркой пустыне.
Но вот что-то мешает доныне
Отогнать поскорей эту блажь.

Силуэты развалин и стран
Остаются за пыльной дорогой.
Уж до цели осталось немного...
Не спеши, не спеши, караван.

ЦИКЛ ПОСВЯЩЕНИЙ

МИТЕ

Убегающих лет не жалеем:
В беге времени жизни игра.
Открывается счет юбилеям,
Взрослым вдруг становиться пора.

Каламбуров своих заморочки
Ты выстраивать в ряд не спеши.
Нам знакомы все точки и кочки
Переулков мятежной души.

Усмирив сердца бешеный топот,
Потянулась к затылку рука,
Проверяя твой жизненный опыт
В ситуациях сложных слегка.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Жили раз на белом свете
Три наивных чудака.
Их увидишь на портрете –
Надорвешь себе бока:

Папа, мама и сыночек –
Как свалилися с Луны,
Все искали тот замочек,
Что открыть они должны.

А найдя свой кладезь счастья,
Свой заветный сундучок,
Рады все отдать за здрасьте –
Не за медный пятачок!

Все никак своей дороги
Им, беднягам, не сыскать...
Нрав у мамы очень строгий,
Только что с него-то взять?

Папа тоже не подарок –
Лямку тянет, как ишак...
Лишь сынок, любитель марок,
Знает где, чего и как.

Так и жили, так и жили
От болячки до звонка.
Горевали и тужили,
Но валяли дурака.

Не нашли большого счастья –
Рады малому они.
Говорят, все люди братья –
Всех их, Боже, сохрани.

МИТЕ В 12 ЛЕТ

Вот срок пришел - и стукнуло двенадцать.
За год подрос на сантиметров пять.
Но если вам по честному признаться –
Не знаем, радоваться иль горевать:

Нет, парень он, конечно, симпатичный,
Достоинств - масса (столько же хлопот).
И интеллект, на первый взгляд, приличный,
С осанкою - совсем наоборот.

Ну-ну, не хмурься, делай свое дело.
Нам с мамой хочется - и это неспроста,
Чтоб рос ты стройный, умный, сильный, смелый.
А в чем еще мужская красота?

И чтобы честь, достоинство и слово,
Которое даешь своим друзьям,
Держал, как штурман компас, на "готово" -
С таким надежно плыть по всем морям.

О долге рыцаря и к женщине, и к слабым
Успел ты в куче книжек прочитать:
Лежачего не бьют - запретно - табу!
Все это неуместно повторять.

Не говорю о том, что в перестройке
Нам очень надо выжить, устоять.
И потому две табельные тройки
Не вправе мы спокойно принимать.

Хи-хи, ха-ха, а где же грусти место?..
Растешь, старик, по дням и по часам.
Недолго ждать, ведь скоро и невеста
Явится вдруг вслед алым парусам.

**** 23****

Идёт по земле парнишка –
Немного за двадцать лет.
Когда-то читал он книжки,
Теперь - Интернета бред.

Идет он легко и свободно,
И, правду сказать, не спеша...
Одетый достаточно модно,
И внешность его хороша.

Какие великие планы
Роятся в его голове?
Пока обсуждать это рано –
Молчит он, не сдвинет бровей.

Собою, как видно, довольный,
И может быть, счастлив вполне,
Но все же непроизвольно
Спросить его хочется мне:

Куда в романтическом бризе
Твой парус по волнам плывёт?
Приятны ль морские сюрпризы
И что вдалеке тебя ждёт?

Ну, в общем, плыви себе с Богом,
Семь футов тебе под килем.
С тревогою и с восторгом
Тебе поздравления шлём.

**** 24****

Время течет, как большая река:
Водовороты, изломы теченья.
Лихо несемся по ней..., а пока
Вспомним былое - друзей, увлеченья...

Время - по каплям испитая жизнь:
Редко - нектар, а порою - отрава.
Слева - щелчок, зазевался - и справа
Уж схлопотал, не зевай, берегись.

Время - мгновенье, успей улыбнуться,
Не вспоминай про ошибки и грусть.
Если бы в прошлое можно вернуться
И изменить в нем слегка что-нибудь!

Время покажет, время рассудит –
Любим в сомнениях мы повторять.
Вот заглянуть бы: а что ж с нами будет
Где-то, ну, скажем, годков через пять?

Время надежд или время свершений –
Не отличить на дороге крутой.
Не застрахованы от поражений
Мы в ситуации самой простой.

Время течет, как большая река:
Молодость - это эпоха боренья.
Что же тебе пожелать в день рожденья?
Гордо шагай по земле. Ну, пока.

ЮБИЛЯРУ

МГУА - Метод Группового Учета Аргументов
Автор - член-корр. НАНУ А.Г. Ивахненко

Что жизнь - игра, давно все знают,
Хотя в торжественный момент,
Естественно, предпочитают
Забыть про этот аргумент.

Я же, напротив, постараюсь
Использовать его и Вам
Пусть назидательно - здесь каюсь –
Советы дать всем тут и там...

Что, вас заботы одолели,
И времени в обрез у вас?
Вы - как дитя, ну, в самом деле!..
МГУА поможет вам сейчас.

У вас проблемы на работе
И вас начальник "достает"?
МГУА! - в два счета с ним в расчете
На целый високосный год.

У вас в семье не все в порядке,
В ушах стоит от криков звон?
МГУА попробуйте украдкой –
А вдруг и здесь поможет он?!

До печени заела теща,
И вам не мил весь белый свет?
МГУА! Что может быть тут проще!
Хотя от тещ рецептов нет!

Мужские с возрастом проблемы,
Увы, покоя не дают?..
Позор, ведь твердо знаем все мы:
МГУА должон помочь и тут!

Наш юбиляр и в девяносто
И мóлодец, и молодец.
А в чем секрет? - ответить просто:
Ведь он МГУА честной отец.

Миллионы наших пожеланий
Вам передать пришла пора:
Здоровья, радости, дерзаний,
Всегда вперед! Гип-гип-МГУА!

К.В.Н.

Этот год не круглоюбилейный,
Потому уместнее сейчас,
Чтоб не лить сплошной сироп елейный,
Строить фразы просто, без прикрас,

Но при этом не забыть о главном:
"Жизнь прожить - не поле перейти"
Значит, организм всегда исправным
И надежным быть всегда в пути.

А еще, чтоб смыслы жизни бренной,
Постигал и сердцем, и умом,
Чтобы пас твой был всегда отменный,
А желаний - моря неуем.

Чтоб работа радость приносила,
А семья носила на руках,
И в руках была б такая сила,
Чтоб любимых обнимал в тисках.

Обойдусь без сказочной картины,
Но желаю честно, от души,
Чтобы дочь твоя родила сына,
Впрочем, дочки тоже хороши.

В общем, поживи еще немного,
Лет так тридцать, даже тридцать пять.
Пусть веселой сложится дорога,
Ну а нам с тобой по ней шагать.

КАТЕ Ч.

Даже маленькому ясно:
Солнце светит не напрасно –

Разгоняет в небе тень,
Чтобы был хороший день.

Славный солнечный, пригожий,
На другие не похожий.

Здесь и кроется секрет...
Впрочем, вру, секрета нет.

Это день Екатерины –
Славной Кати именины.

Поздравляем от души!
Все подарки хороши:

"Ленты, кружева, ботинки" -
Все, что видим на картинке.

АННЕ

Чтоб все проспрягать пожеланья,
Их море, всех не перечесть –
И все предназначены Анне,
И все в ее славу и честь:

Живи, зеленей, розовея,
Цвети своей пышной красой,
Цветком полевым, не робея,
Умойся прозрачной росой.

Зажмурься - и снова девчонкой
Захочется прыгать и петь,
Смеяться привольно и звонко...
Чего бы еще захотеть?

Пусть самые смелые планы
Свершаются без суеты,
И с солнышком встав утром рано,
Отрадой наполнишься ты.

Люблю эти буйные грозы –
Волнения ранней весны,
Зелёное платье березы,
Порой неспокойные сны.

К чему бы? И в чем же причина?
Ну да, сей волнующий день!
Торжественные именины
И эти слова набекрень.

Мы любим счастливые сказки
И строим крутые мечты,
Как свежи анютины глазки,
Хоть знаю - чужие цветы.

Л.П.

Без скромной потупи и без прозрачной лести
Собрав в кулак наш скромный интеллект,
В пылу врожденной доблести и чести
Спешу свершить сей праздничный проект.

А суть его одна: весну встречая,
Поздравить с нею Вас, а уж потом,
Расслабившись слегка за чашкой чая,
Поговорить о празднике крутом.

В нем славный повод есть для вдохновенья Достоинствами
Вашими. Поэт
Вам шлет поклон с улыбкой восхищенья,
А вслед ему подснежников букет.

***

Зайчик солнечный играет
На раскрашенной стене.
Что-то птичка напевает
В нераспахнутом окне.

Все загадочно и странно...
Стряпать завтрак я иду,
Отчего-то имя "Анна"
Повторяя на ходу.

Митя - может, это снится? –
Так торжественен и горд.
Перестал совсем "беситься",
Спину держит, словно лорд.

И, конечно же, недаром
Мы не спали в эту ночь –
Все готовили подарок.
Кто ж нам в этом мог помочь?

В общем, справились с задачей
А теперь придется ждать:
С пожеланьями удачи
Имениннице вручать.

Комплиментами раскрасив
Поздравительный привет,
Аккуратненько расправив
Заломившийся конверт.

Здравый смысл совсем утратив
"Радость жизни, цвет лица"
От души, слегка некстати,
Повторяем без конца.

Зайчик скрылся на мгновенье
На стене осталась тень:
"Нашей Ани день рожденья!"
Будь счастливым, этот день.

КТО Я И ОТКУДА ПОШЕЛ?

Писать автобиографию всегда для чего-то нужно, это аксиома, никем не опровергнутая. На самом деле все обстоит гораздо проще и банальнее. Когда-то приходит время подводить итоги (что вовсе не исключает грандиозного строительства творческих планов - прошу прощения за неуместный каламбур).

Родители мои - представители двух больших и славных народов. Отец из Пензенского села, мать из потомственной фамилией Мороз, как я где-то упоминал, с Кировоградщины, село Торговицы, что на речке Синюхе. Мать так часто о ней с восторгом вспоминала, что я отчетливо представляю ее зеленые красивые берега, быстрое течение и нашу хату, в которой я так до сих пор и не побывал.

В Ленинграде на заводе Коминтерна они познакомились. До меня двумя годами раньше родилась старшая сестра Алла. Именно ей в юности я посвятил стихотворение, которое начиналось так:

Я знаю, ты не взглянешь строго,
Любой проступок мне простишь.
Быть может, нам одна дорога,
А может, сказкой улетишь...

Судьба нас разлучала, но, слава Богу, ненадолго, и все теплые слова, которыми заканчивается это стихотворение, я мог бы повторить и сегодня - но уже не только ей, а и младшей сестре Тане, которую люблю надежной и нежной братской любовью.

Отец служил на Дальнем Востоке, участвовал в Польской и Финской кампаниях. Великая Отечественная обрушилась на нашу голову, как и на весь народ, больно и трагически. Господь к нам был милостив. Первый раз - когда мать, никого не послушав, в последнюю секунду, несмотря на все приготовления, включая вышитые вензельки на детских сорочках, отказалась отправить нас с группой детей куда-то в детский дом на Валдай. Как чувствовала - поезд немецкие самолеты разбомбили по дороге. Оставшиеся в живых дети разбрелись кто куда. Сопровождавшие их санитары спасали свою шкуру.

Второй раз нам повезло, когда на последних машинах через не замерзшую еще Ладогу наш караван по "дороге жизни" (или смерти?) пытался прорваться сквозь блокадное кольцо. Наша машина проскочила, шедшая за нами - пошла под лед.

Что из детских впечатлений оказалось прочно зарытым в глубинах памяти, трудно сказать. Многое, услышанное позже от взрослых, смешалось с детскими образами, срежиссировав такой калейдоскоп событий и действующих лиц, который в сегодняшней памяти сидит, как таблица умножения. Лишь мелкие забытые детали выплывают на поверхность, затрагивая скорее воображение и меньше всего - логику и здравый смысл.

Военный завод оказался в Саратове, а местом нашего обитания - дома 8 марта (при чем здесь женский день?) - есть такой микрорайон в Саратове. Отец был начальником артиллерийского испытательного полигона, и нам редко удавалось с ним видеться. Помню

квартиру; куда нас поселили, и всякие детские картинки, которые застревают в памяти, независимо от их важности. Например, сосед, к которому приходил его друг Александр Сергеевич Пушкин!.. Трескучий самокат, который сделал мне отец на шумных подшипниках, из-за чего на второй день один нервный жилец нашего дома его поломал. Эту драму описывать не стану. Помню елку в школе у сестры, - меня с удовольствием брали на всякие мероприятия, и я с удовольствием рассказывал стихи и танцевал матросский танец "Яблочко". Любовь к танцам и игре на гитаре (семиструнной) перешли от отца. Одно из стихотворений военных лет даже еще недавно произвело впечатление на гвардейцев танковой части Лютежского военно-учебного центра, куда с шефской миссией в составе группы ученых нашей академии прибыл как-то по приглашению начальника центра. Все, конечно, я приводить не буду, но пару "боевых" строф представлю:

За окном темно от сырости,
Тучи спрятали луну.
Хорошо бы завтра вырасти
И поехать на войну.

И дальше по тексту танкисты, оценив благородство и доблесть молодого героя:

И танкисты бы ответили:
Ты, парнишка, боевой,
Мы давно тебя приметили,
Видишь танк, - он будет твой.
Сел бы я в кабину тесную
И за родину свою,
За просторную, чудесную
Отличился бы в бою.

Здесь аплодисменты неминуемы.

Конечно, запомнились злые бомбежки, когда немцы рвались к Сталинграду. Перед нашим домом каждая семья выкопала для укрытия "щель", и когда раздавался сигнал воздушной тревоги, все гуськом - днем ли, ночью ли - бежали туда. Я все старался одеться побыстрее, зубы стучали, зато моя сестра была более решительная и отчаянная, она заявила как-то:

- Надоело бегать, никуда я отсюда не пойду, пусть убивают здесь.

Налицо - разные темпераменты.

Помню также случай, когда снаряд, выпущенный на испытательном полигоне, угодил в собственный госпиталь с нашими ранеными. Отца тогда чуть не отдали под трибунал...

Ночь, в которую пришла весть о победе: соседи снизу барабанили по водопроводной трубе, все раздетые, после сна выскакивают на лестничные клетки, обнимаются, целуются, плачут...

С удивлением, а потом с жалостью наблюдали за пленными немцами, которые работали неподалеку от нашего дома. Обыкновенные тихие люди. "Менялись" с ними: мы им хлеб, картошку, они нам колоб - прессованные отходы после переработки подсолнечника. Просто зубами его и не разгрызть. Мы его сосали, как леденец, целый день. Очень вкусно.

В Саратове пришлось побывать вскоре еще разок - впечатления меняются необыкновенно динамично.

Из жутких подробностей эвакуации: большинство ленинградских родственников по линии матери погибли с голоду. Бабушка (мачеха матери) появилась в Саратове чуть позже вместе с сыном - младшим братом моей матери. В голодовку бабушка приобрела странную привычку: она вставала ночью, съедала все, что могла найти в доме, ложилась спать и потом ничего не помнила. Трагедии и скандалы, с этим связанные, удручали и пугали - мы сами

голодали напропалую. Кроме того, её желудок ссохся после голодовки и мог просто не выдержать. Из приятного помню, что очень редко отец зимой учил нас с сестрой кататься на самодельных лыжах. Маленькая деталь - чтобы выглядеть более спортивным, я просил мать поверх зимнего пальто надевать на меня свитер. Еще во дворе был турник, откуда "пошла" моя любовь к гимнастике, а в парке над Волгой был летний кинотеатр, в который нам с сестрой удалось найти свои проходы.

Я обожал военные погоны, фуражки, всевозможные знаки воинской доблести, обыкновенные значки и звездочки. Всё это становилось непременными атрибутами моей одежды. Как-то раз гуляли в парке за ручку с матерью. Навстречу шла молодая парочка, он - военный летчик. Она:

- Смотри, смотри, герой пошел.

- Где, где?

Партнер крутит головой во все стороны.

- Да вот же.

Ее рука показывает куда-то вниз. Дружный смех. Вы понимаете, что упомянутый герой - это я в полной парадной выкладке.

Саратов не люблю, хотя это и не честно: нас приютил, накормил, отогрел и сохранил. Надо быть благодарными. Беру слова назад.

Конец войне - здравствуй, Ленинград! Здесь придется поведать об уже послевоенной семейной драме. Я всегда поражался стойкости духа поколения наших отцов. Сегодня под такими ударами могут согнуться и весьма бывалые в разных переплетах стоики.

Мы вернулись в Ленинград в 45-м. Вернулись в свою родную квартиру. До войны также существовало кооперативное (тогда оно называлось паевое) жилье. Родители как раз перед войной успели выплатить его стоимость. Нам не повезло: в нашей квартире, где стояла наша мебель, были наши вещи, жили какие-то люди. Война устанавливала свои жестокие законы, по которым мы не имели никаких прав на свою квартиру. В этот период было издано постановление, по которому возвращение в город осуществлялось по официальному вызову близких родственников. Все близкие умерли с голоду. Бабушка не захотела возвращаться в Ленинград, а только ее вызов мог дать нам нужные права. В результате мы оказались на улице. Нас было уже пятеро. Родилась младшая сестренка Таня. Решение принимается простое и смелое. Отец идет работать дворником, а мать - уборщицей. На 6-й линии Васильевского острова в темном ленинградском дворе можно найти комнатенку, где скиталась наша семья в течение года. Время было тяжелое - стоит ли объяснять, и на грех еще мы, малые дети, начали серьезно болеть. Комната выходила окном в глухую стену, было темно даже в солнечный день. Стали болеть глаза, у меня начался какой-то процесс в легких. Целый год шла непрерывная борьба за выживание.

Забыл сказать, что в 46-м я пошел в школу (в голове зацепился №32 и имя учительницы - Прасковья Дмитриевна). Запомнился первый проступок в столовой, где нас бесплатно подкармливали. Почему-то нажимали, в основном, на тыквенную кашу, такая жидкая и не сладкая (ишь, чего захотел?!). А проступок был таков. В ожидании трапезы мы с товарищем совершили недостойные действия: он надул бумажный пакетик из-под домашнего завтрака, а я треснул по нему кулаком. Раздался сильный хлопок, пакетик разорвался, и затем последовало выяснение отношений. Обмениваясь тумаками, мы не заметили, как в зал столовой вошла директриса школы. Нас поставили в угол. И почему-то уже после окончания обеда на уроке пришлось еще сравнительно долго околачиваться в углу. Стыдно было до невозможности.

Помню, как мы со старшей сестрой выступали на агитпунктах, получая в подарок книги. Стихотворение про мальчишку, мечтавшего стать танкистом, пользовалось неизменным успехом, особенно в матросской среде.

Отчётливо помню праздничные салюты на льду Невы: было светло, как днем, падали какие-то кругляшки и казалось, что вот-вот может зацепить сгорающая ракета. Белых ночей мы не дождались из-за моих болячек, да и по другим, видимо, соображениям. Родители

приняли решение поискать счастья в Пензе, на родине отца, где в отчем доме не очень ждали нас многочисленные родственники. У моей матери было чувство справедливости и одновременно ответственности за семью. Именно благодаря её энергии нашлось место в этом доме и для нас.

Понятие комфорта, как мы сейчас все понимаем, зависит от многих обстоятельств, и его значение - функция многих переменных. Этот банальный жизненный опыт вынесли многие. Особенно страдали от его отсутствия мы - дети в послевоенное время. Не знаю, закалил ли нас этот опыт. Одно могу сказать, совсем не для того, чтобы выжать слезу: мы - дети войны и наша терпеливость и умение свыкаться с трудностями, замешанными на страхе бомбежек, привычка к недоеданию и горечи сурового военного детства - это что-то особенное. Честно скажу, мы слабее, точнее выражаясь, менее энергичны по сравнению с поколением наших родителей, которые стойко приняли все удары войны и заодно - ответственность за наши судьбы.

Пенза - город моего детства. Четвертую четверть я уже заканчивал в пензенской школе (№1). Почему уж, не знаю, но по пению и рисованию у меня в табеле в IV четверти оказались четверки - тоже мне, периферийные ценители. Ничего, я им еще покажу "что по чем"! Честолюбия и квазиартистического куража мне было не занимать, - ни один концерт школьной самодеятельности не обходился без моего участия. Знай наших!

Пенза - дорогой мне город. Вместе с двоюродными братьями и сестрами, что жили в дедовском доме, не без влияния передовой литературы мы организовали настоящую тимуровскую команду. Не смейтесь - у нас даже штаб был на чердаке сарая с консервными банками, подвешенными на веревке, чтобы сигнал тревоги было хорошо слышно на несколько соседних дворов. Еще были красное знамя, барабан, и частенько по улице Красной наш тимуровский отряд шествовал на очередное задание. Они были разные: носили воду старикам, мыли полы, не помню всех подвигов, но тимуровский дух в нас жил глубоко и долго. Даже летом на каникулах вставали в такую рань по сигналу - дисциплина есть дисциплина! Самым сонным и ленивым приходилось подчиняться общей дисциплине. Моя сестра одно время даже Гимн Советского Союза в 6:00 встречала с пионерским салютом и стояла с ним от начала до конца мелодии. Вы можете по-настоящему оценить нашу идейность и праведность: "Будь готов - всегда готов!"

Если бы я писал подобно Горькому книгу "Детство", то основой ее была бы четырехлетняя пензенская эпопея, полная маленьких приключений и больших открытий, детской влюбленности и близости с природой родного края. С ныне здравствующей сестрой Риткой нас как-то вдохновило на скромненький, но искренний такой плагиатик:

Белеет домик одинокий (?!!)
За ним идут поля, леса,
И все дороги и дороги
Бегут промеж пшеницы и овса!..

Полный оригинал этого произведения со всеми горячими поэтическими строфами имеется в нашем семейном архиве.

Конечно же, пензенские зимы - это вам не сопливая ленинградская промозглость. Снег долго не тает, и такое впечатление, что зима длится год. Таким же длинным казалось и лето. Запомнился первомайский праздник в 4-м классе. Школа готовилась к праздничной демонстрации самым необыкновенным образом: было решено (на каком уж уровне и с чьей подачи?) организовать парад дружбы народов. И вот родители пошили национальные костюмы, мне достался грузинский. Ну уж мать постаралась - костюм получился шикарный. Возникала лишь одна проблема: где достать кинжал. Но здесь как раз у меня родилась "идея". Во-первых, я забыл сказать, что в свою учительницу Валентину Федоровну я был страстно влюблен с первого класса, правда, была еще одна девочка, которая мне также сильно нравилась. Но оба эти чувства как бы не пересекались. Короче, Валентина Федоровна

мою любовь не разделяла и имела свои взгляды на жизнь и свои привязанности. Я однажды видел, как ее под ручку провожал вверх по улице Красной какой-то бравый морской офицер. И я, скрепя сердце от ревности, но руководствуясь исключительно чувством долга, выдвинул идею и попросил мать передать ее на родительском собрании учительнице. На следующий день я краснел как рак, когда В.Ф. при всем классе втолковывала мне, что, во-первых "это" табельное холодное оружие, а, во-вторых, нехорошо потихоньку влазить в ее личную жизнь (что-то в этом роде).

Историческая деталь. Оказывается, что школа №27, где я учился до 4-то класса включительно, была весьма знаменитой. Я почему-то лишь позже узнал, что якобы она некогда была гимназией, которой заведовал отец Ленина - Илья Ульянов.

Из других достопримечательностей города в соответствии со шкалой тогдашних приоритетов и привязанностей были: речка Сура, куда мы редко, но ходили купаться - родители боялись отпускать одних без присмотра; центральный парк с ботаническим садом, где мы устраивали соревнования, кто быстрее скатится по крутому травяному склону, да катались на лодках-качелях. Частенько проникали в парк через забор и дурачились на открытой эстраде, где почему-то одиноко и молчаливо (до нашего прихода) скучало пианино; наконец, наверху на улице Красной, где мы жили, был краеведческий музей с макетом скелета динозавра. Возле музея, как часовые, стояли две отшлифованные ветрами и дождями, найденные местными краеведами где-то в окрестностях Пензы гранитные бабы с овальной формы головами, без глаз, ушей и других признаков человеческого обличья.

А еще в местной трехглавой церкви возле кладбища, помню, мы, пионеры, крестили своего не так давно родившегося двоюродного братца Яшу. Заодно окрестили и меня.

Напротив нашего дома жили двое братьев. Одного, входящего в нашу компанию, почему-то прозвали Кизелей, другой - Юрка, прилично старше нас, на зависть всем пацанам, занимался боксом и принимал участие в городских соревнованиях. Почему-то на их крыльце мы играли в разные игры: "Колечко", "Где стоишь? - На Дону. Что делаешь? - Тону", содержание которых сейчас представляю смутно, но абсолютно достоверный факт - в них были недвусмысленные намеки на разделение играющих по половому признаку и даже поцелуи. Все это вполне сочеталось с тимуровским духом нашего отряда и не мешало учебе. За малым исключением члены нашей тимуровской команды были круглыми отличниками и ничем сверхъестественным это не считалось, по крайней мере, родители воспринимали это как должное. Зоя, Люся, Рита - других не называю, остались близкими и по-настоящему родными на всю жизнь. Не случайно несколько лет после Чернобыля я отправлял Шуру с Митькой на несколько месяцев "на родину" в Пензу, не беспокоясь, как их там примут и устроят. Пенза - большой индустриальный город. Люди в нем живут добрые и отзывчивые. Я как-то снимаю напряжение, когда попадаю туда или когда всем кагалом едем в Лопуховку, дачно-летнее пристанище моих родичей: озеро, ягоды, банька, вечерние посиделки. Если есть повод - то и стол на скорую руку с незатейливыми самодельными закусками. Единственное, что с каждым годом омрачает наши встречи, ну, вы знаете, когда часто вспоминается далекое прошлое, четче видится близкое будущее... Все, о старости ни слова. Мы еще о-го-го!

Все-таки что-то кочевое жило в душе моих родителей. Или это сочетание украинского и русского характеров? Когда они ссорились, мать обзывала отца "мордвин". Кстати, кажется, именно на мордовском языке слово "пенза" и означает край света. Короче, настало время искать лучшую жизнь в другом месте: старший брат отца после мобилизации обосновался в Киеве и звал к себе. "Были сборы недолги...", и вместе с собакой по кличке Дозор, овчарка-полукровка, мы в полном составе оказались здесь, в Киеве. Дорожные впечатления, пересадка в Москве белокаменной - детали большого пути.

Моя родная улица в Киеве - Мало-Китаевская, остальные - это адреса места жительства.

Киев - город, где я состоялся как личность (ишь, как круто!). Это мои близкие, коллеги, друзья (враги), мои улицы, мой воздух, а главное - мои дорогие жена и сын.

У каждого человека - свой путь, хотя у всех одно начало и один конец. Не все ее (жизнь) проживают, как планируют и мечтают, чаще она сама выстраивает свои замысловатые лабиринты и загадки, по которым приходится блуждать и которые предстоит разгадывать (несовершенная форма глагола). Столько простых и банальных истин выработало человечество, которые в детстве кажутся нам пустыми, плоскими и занудливыми фразами! С годами мы постигаем эти истины своими душой и сердцем. Помогают ли они нам в жизни? Трудно сказать. Всё-таки главное: для того, чтобы стать и оставаться человеком, необходимо знать, что в основе жизни лежит Добро. Это знание сродни знанию цены самой жизни.

Из всех бесчисленных планет
Я вольно выбрал мир наш строгий.
И в этом мире полюбил одни веселые дороги...

Помните этот стих Гумилева:

"Куда мне плыть - мне все равно
И под какими парусами?

Я слишком задержался в детстве. Это дурной признак. Хочу закончить с ним побыстрее. 1950-е - сложное время жизни. Еще сказывалась послевоенная бедность, сталинские кампании: "дело врачей, дело железнодорожников" и пр. - предсмертные судороги великого кормчего. Так и тянет к словам Пастернака:

Столетие славы громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей –
Живой уставный шрифт...

Наша семья также оказалась затерянной среди многочисленных линеек живого уставного шрифта этой "величайшей кормчей книги".

Первое испытание случилось до войны. Старший брат матери служил еще у Фрунзе. В 1937-м попал за решетку. Выручил случай - его камера оказалась через стенку с камерой маршала Рокоссовского, которого он знал раньше по дерзким рейдам в тылу Афганистана. Когда в начале войны маршала освободили, тот протянул руку своему сослуживцу.

Второе испытание пришло через моего отца. На маргариновом заводе, куда он устроился работать, начался какой-то процесс. Под следствием оказался и отец. Все благополучно закончилось. Через несколько месяцев освободили, восстановили в партии и пр.

Уважаемый человек, электромонтер с золотыми руками, чистым и добрым сердцем, он проработал на этом заводе до последних дней своей жизни. И мне привил там же первые трудовые навыки: на летние каникулы устраивал на подработки: семья жила бедно и моя копейка не была лишней в семейной казне. Перебирать моторы, особенно чистить баки из-под жира - занятие не из легких, а прямо скажем - мерзкое. Кружилась голова, да можно было просто задохнуться от адских запахов. Ничего, попробовал. Тяжкий труд и пользу его почувствовал собственной шкурой.

Эти несколько месяцев пришлись на зиму 1952-го года. Она оказалась холодной и суровой в прямом и переносном смысле. Война, скитания в поисках еды по соседним деревням в эвакуации, постоянные стрессы и, наконец, последний удар сделали свое дело: мать не выдержала, ее сознание пошатнулось, диагноз - маниакально-депрессивный психоз, Павловская клиника на улице Фрунзе. И нас трое: шесть, двенадцать, четырнадцать. Старшая взяла на себя роль главы семьи. Без средств на существование и реальных их источников. Самое страшное было ночью. Наш Дозор оказался нашим надежным другом - с ним мы

чувствовали себя увереннее. Алла днем училась в техникуме, ее стипендия – 140 р. Добрые люди с улицы, которые узнали о нашей беде, несли, что могли, с голоду нам помереть не дали, от холода тоже. В школе рассказали обо всем только классной руководительнице, Марии Максимилиановне. Знаете, лишний звон был опасен. Очень трясся, потому что в это время поступал в комсомол - круглый отличник, председатель совета отряда, а потом секретарь школьного комитета комсомола, а тут такое...

Мария Максимилиановна помогла нам не только морально, но и материально: помню, как в ужасный мороз вез вверх по Мало-Китаевской на саночках мешок с углем, выделенный ею из своих скромных запасов.

Чудеса героизма показала сестра. 14-летняя девочка взяла на себя тяжкое бремя ответственности за нас, младших, и не побоялась пойти к прокурору и вытрясти из него разрешение на продажу отцовского, не очень уж нового, но подходящего для продажи костюма. Без его разрешения мы это сделать не имели права - вещи были опечатаны. Такая высокая ее организация и настойчивость, какая-то недетская серьезность и смелость нам сильно помогли не закиснуть: мы умудрялись писать прошения и собирать передачки в Лукьяновку отцу и матери - в Павловскую.

"Откуда у тебя давление, - спрашивают иногда, - ты ведь такой спортивный и спокойный?"

Достаточно в том моем возрасте походить туда, где "Пролетая над гнездом кукушки" с участием великого Николсона в главной роли - это добрые детские сказки, да поучаствовать во всем этом не в качестве зрителя, а непосредственно, своими слабыми телом и душой. Не дай Бог, кому пережить такое. Но что делать? Каждый несет свой крест.

Нераскрытый талант матери - четырехлетнее образование - не позволили ей вполне состояться как творческой личности, но несколько чемоданов, написанного ее рукой - проза и стихи, - конечно, не совершенного, не отредактированного и трудно читаемого - это, в конце концов, результат большого, в основном, ночного труда. Привести все это в порядок - затея весьма сомнительная, многое уже исчезло, и на сердце осталась тяжесть не исполненного сыновьего долга. Она и без того с какого-то момента начинает терзать душу нормального человека: мы все виновны перед своими родителями - это тихий завет нашим детям. Может, эта исповедь слегка смягчит мои терзания. В конце концов, её же гены так или иначе подвигнули меня на эту сомнительную литературную авантюру, какая-то "историческая" потребность в этом была?! Все это и стало одним из источников робкого вдохновения для стихов, посвященных сестре Алле:

Я знаю, ты не взглянешь строго
Любой проступок мой простишь...

Заканчивается оно весьма наивно, но искренне:

Нас жизнь навек соединила
Своей нескладною судьбой.
И где б ты ни был, друг мой милый,
Душою я всегда с тобой.

Младшей, Татьяне, я не написал еще стихов, наверное, потому, что она сама пишет их лучше, чем я. А впрочем, подождем немного.

Окончил школу, поступил в институт - наш знаменитый Киевский политехнический. Мой сынок терпеть не может школу. Ему не повезло. Я был там всегда желанен: и в пензенской №27, и в киевской 2-й железнодорожной, что на Большой Китаевской. Я был там всегда востребован, в центре событий и всеобщего внимания, любил вечера, танцы - от мазурки до вальса (сегодня школьный танцевальный репертуар, кажется, победнее).

В прошлом году сагитировал на вечер встречи с выпускниками своего одноклассника Юрия Т., с которым последние годы как-то сблизились. Ну, пришли - ни одного знакомого лица. Ведущая объявляет:

"А теперь слово предоставляется самым старым выпускникам школы".

Думаем, вот и нас назвали старыми, зато уважают. Хорошо, что на мгновение задержались. Оказывается, выскочили на сцену четыре девчушки, которые закончили школу аж... в 1980 г. и стали наперебой, что-то тараторить о своем жизненном опыте, как они любили школу, ну, прелесть.

Как-то удалось привлечь к себе внимание ведущей, и нам тоже предоставили слово, которым мы практически не воспользовались. Ну что слова? Вместо этого мы вытянули запылившийся в глубине сцены слегка расстроенный инструментик и, как заметил Юра, "врезали по романсу". Мой аккомпанемент, конечно, не мог сравниться с его вокальным штурмом. А романсы какие... "Отцвели уж давно хризантемы", "Терем тот высокий". Аудитория была повергнута наповал. Когда полудемонстративно мы покидали под гром аплодисментов зал, вдогонку неслись вопросы: "Так какого же вы года выпуска?". В ответ: "Все равно не поверите - до такого и не доживают".

На следующий год мы оба получили персональные приглашения, школа подготовилась, пригласила даже телевидение. К сожалению, по семейным обстоятельствам я присутствовать не смог: отдувался один Юра. И на сцене и в интервью телевизионщикам. Заодно меня заложил, рассказав им, что будто бы на выпускном вечере я его консультировал по поводу того, как лучше попросить разрешения поцеловать его (заметьте!) подружку. Вроде бы этот совет ему очень пригодился. Врет все - он был такой расписной красавец, что девчонки ему прямо вешались на шею. Мне тоже нравилась одна девочка в школе; вру и я, вовсе не одна, поэтому, наверное, женился совсем на другой. А до женитьбы – 5 лет института - прекрасное время, словно "Римские каникулы" нашей жизни. Так хочется попробовать об этом написать! Ведь "иных уж нет"... Соорудить такой себе групповой портрет в пространстве и времени, а точнее, в мыслях и словах. Неужели когда-нибудь удастся? А пока привожу маленькую реплику, приготовленную мною на день встречи с однокашниками но случаю 40-й годовщины нашего выпуска.

Советы 60-нику на рубеже тысячелетий, или "Свободное переложение поэмы Р. Киплинга "If" – если"

Утром

---

1. Вспомни Пифагора и назло ему спроси себя: "А ты счастлив?"*

**Примечание №1 .Ответ постарайся вычислить из нечеткой функции принадлежности:*

При этом "да" имеет место, если:

а) ты проснулся, ничего не болит и ты при этом жив;

б) ты еще не проснулся;

в) ты уже не проснулся... (трансцендентный случай).

2. Если по п.1 ты все-таки ответил четко "да", осознай это вполне, сделай вывод и отправляйся завтракать (постарайся это реализовать поскромнее).

3. Можешь доставить себе маленькое удовольствие и не сделать сегодня зарядку.

4. По дороге на работу не отвлекай свое внимание на молоденьких девушек (для второй половины - юношей):

а) может случиться прострел в шейном отделе или еще хуже;

б) можешь попасть под машину, и переехавший тебя "Форд" не нарушит при этом правил.

Днем

---

1. На работе не крутись, как кое-что в проруби. Запомни: ты уже не мальчик (девочка), хотя второе детство тебя уже с нетерпением ожидает.

2. Воспринимай неудачи, как подарок судьбы - подарки, как все знают, бывают разные: любимые и так себе.

3. Если тебя вызвал начальник и делает тебе разнос:

а) вспомни анекдот про "ежей";

б) учти, что это не последний (разнос);

в) у тебя имеется небольшая возможность отыграться: сделать точно такой же разнос своим подчиненным.

4. Последнее время почему-то присутствует ощущение, что тебя принимают за дурака. Не переживай, на самом деле все в порядке?!

5. Если ты сильно морщишь лоб, напрасно стараясь вспомнить что-то в данный момент важное и проклиная себя и свой склероз, учти:

а) это может быть и не склероз;

б) ты, может, совсем и не знал того, что хочешь вспомнить;

в) ты обязательно вспомнишь это, но на следующий день;

г) нет ничего такого уж важного на свете, из-за чего стоило бы волноваться*.

**Примечание №2. На самом деле по сегодняшним меркам есть лишь один важный вопрос где взять деньги, но этого ты никогда толком и не знал, поэтому не пытайся это вспомнить.*

Вечером

---

1. Появляются глупые, но портящие настроение вопросы типа:

- в чем смысл жизни?
- а что же я успел в ней сделать?

Два варианта действий:

а) обламываться в бесполезных попытках ответить на них - путь мужественный, но бесперспективный;

б) оставить первый вопрос для более любопытных, а второй обратить в свою пользу, попросив у Господа побольше добавочного времени как на дела, так и на размышления о них.

2. Считайте большим подарком, что ваши близкие и родные так долго терпят вас.

3. Не переедайте. Ложась спать, надейтесь на лучшее.

(Ложась в постель,
нам надо перед сном знать,
что назавтра просыпаться стоит,
что счастье, пусть хоть самое простое,
пусть тихое, придет к нам завтра днем).

Резюме

Загадай самое сокровенное свое желание. Загадал? Отлично. Теперь изложи его на листке бумаги, сверни вдвое, а затем вчетверо и положи под подушку. Утром проверь - исполнилось ли желание.

Если "да", то ты на самом деле счастливый человек и, значит, у тебя много завистников. Если "нет" - проверь, не исчез ли листок; если "да" - у тебя бдительная жена (муж), а если "нет" - то у тебя еще все впереди!..

Не лучше
А.В.Палагин
2009 г.

Я стал зависеть от погоды,
Дождя и зноя.
Как раньше от весенней моды
В часы застоя.

К чему бы это, не пойму я,
Не без догадки:
Себя от холода страхуя
И лихорадки

Мы перешли к капитализму
Без барабанов.
Оставили социализму
Величье планов.

Каков же рынок, вдруг узнали,
ЕС и НАТО.
Когда-то не подозревали
Да и не надо б.

Куда сноровка подевалась
И нрав веселый?
В эпохе прежней все осталось
С кино и школой.

Теперь гнием со всеми дружно,
За что не зная,
Подумать головой бы нужно,
Чтоб мысль простая

В ней зацепилась ненадолго
Сухим остатком,
Что мы плывем как щепка в Волге,
Устав порядком,

Пытаясь тщетно поднатужить
Обломки воли,
Чтоб зверя страшного одюжить
Без сил тем более.

Нам биография досталась
Не по наследству,
Она нам жизнью показалась
С позиций детства.

Я не завидовал когда-то,
Был горд, хоть робок,
И ближнего любил, как брата,
До крышки гроба.

В любой компании веселый
И в настроеньи
Я славил города и села
До хрипа пенья.

Мы фильм "Веселые ребята"
Узнали в школе...
Мы, не стыдясь своей зарплаты,
По доброй воле

Платили взносы профсоюзам
И кровь сдавали.
Аскеты мы, даже французы
Нас признавали!

Как мы боролись за знамена
В соревнованьи!
Да, нас хвалили поименно,
Повысив в званьи.

Теперь стоим мы на распутьи,
Сменив все сразу...,
И угрожал недавно Путин
Поддать нам газу.

Мы всю энергию отдали
Во имя цели,
Которую и не узнали
Иль не успели.

Как получить хотя бы тыщу
За сбереженья!
За эту цель, по сути прыщик,
Идут сраженья.

Куда поделась гордость дедов,
Тех поколений...
Ведь нас учил великий предок –
Товарищ Ленин.

Пусть отошли в конце столетья
От идеалов,
Чем заменить - рублевой плетью?
Так слишком мало!

Куда же применить остатки
Субинтеллекта!?
Сегодня век не умных, - хватких –
В чем соль проекта?

Кто в спекуляции был ушлым
Стрелком наживы,
Шел не в пример нам, благодушным,
В кооперативы.

И вот набив баблом карманы,
Спешат в элиту
Братки, подонки, наркоманы...
Все шито-крыто.

Эпоху постсоветских будней
Мы одолели.
Уверен, не было паскудней,
Циничней цели.

Нет, я ворчу, не упрекая
За результаты.
У нас с тобой судьба такая:
Терпи, ребята!

Эксплуатируем надежду
И веру тоже.
Сто раз меняли мы одежду
Но непохоже,

Чтоб сущность наша изменилась:
Забыта гордость.
Жизнь лучшая нам только снилась –
Кругом ведь подлость.

К чему меняем занавески?-
В окне лишь мраки.
Бандиты пляшут арабески
Средь пьяной драки.

Опять доверимся надежде,
Мечте покруче?
Да, не такие мы, как прежде,
Но и не лучше.

Взглядом из далека…
А.В.Палагин
Киев 2004
Оригинал на http://www.icfcst.kiev.ua/MUSEUM/TXT/PalaginAV_VzglyadomIzdaleyka2004.pdf